This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

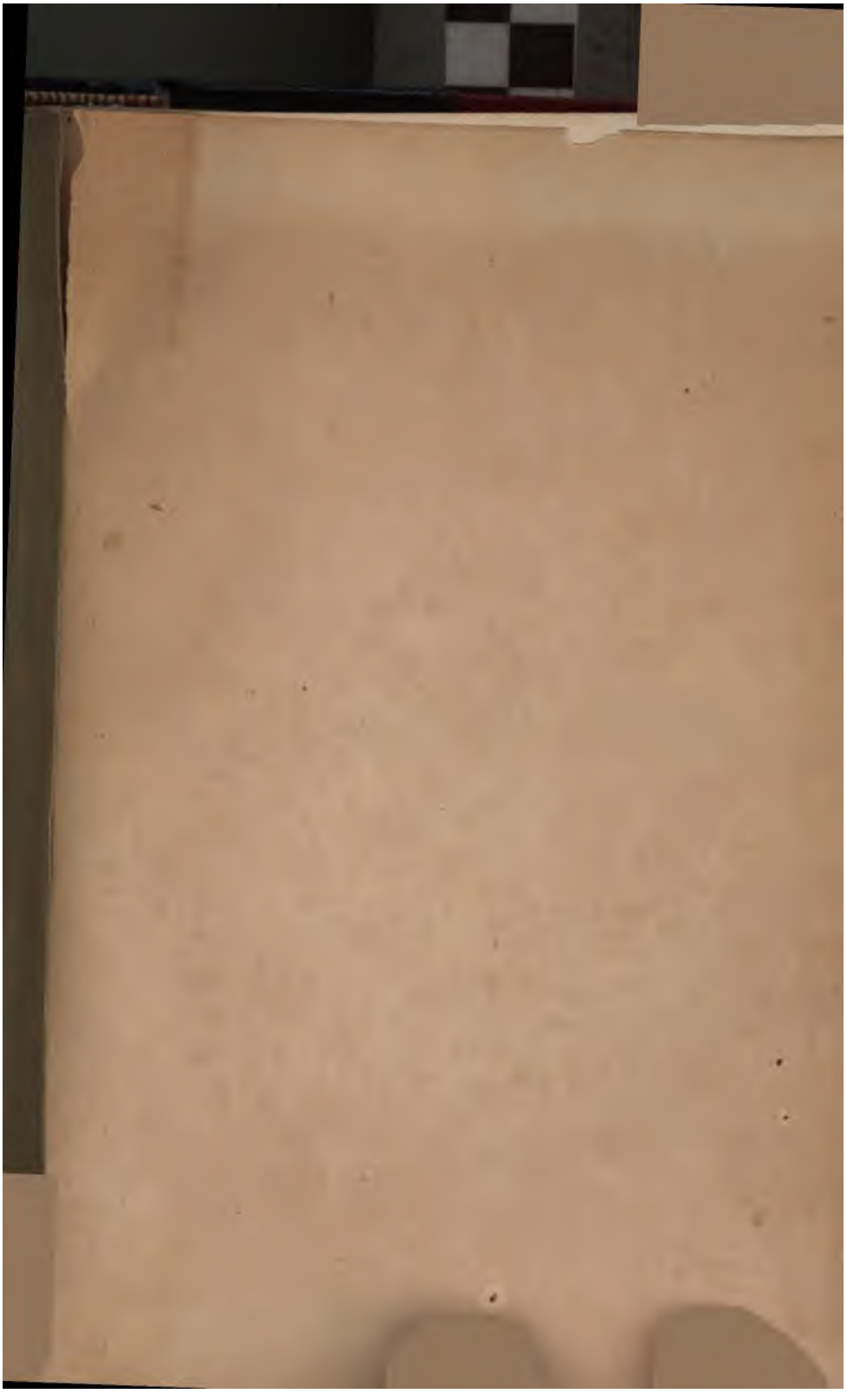
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

gift of

Alexandre G. Tarsaidze

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ

НОВАГО ВРЕМЕНИ

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

СОСТАВИЛЪ

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

ЖЕНЩИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

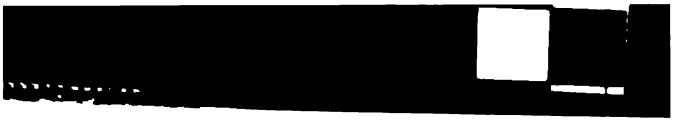
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Черкесова и К-°.
1874.

DK127.4
M6
v.1

Типографія О. И. Бакста, Захарьевская ул., д. № 12.

Аннѣ Никаноровнѣ Мордовцевой,
Вѣрѣ Даниловнѣ Мордовцевой,
Натальѣ Іосифовнѣ Первольфъ,

съ любовью посвящаетъ
мужъ, отецъ и дѣдушка—авторъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр
	Предисловіе	IX—XV
I.	Анна Монсъ	1
II.	Гетманша Скоропадская	26
III.	Матрена Балкъ	39
IV.	Фрейлина Гамильтонъ	58
V.	Кронъ-принцесса Шарлотта	69
VI.	Дѣвка Афросинья	99
VII.	Александра Салтыкова	118
VIII.	Екатерина I	134
IX.	Дарья Колтовская	159
X.	Анна Петровна	168
XI.	Графиня Головкина	190
XII.	Княжна Меншикова (невѣста Петра II)	208
XIII.	Графиня Брюсъ (невѣста Петра II)	228
XIV.	Наталья Долгорукова	244
XV.	Анна Іоанновна	264
XVI.	Княжна Юсупова	299
XVII.	Дочь Бирона	319
XVIII.	Графиня Мавра Шувалова	329
XIX.	Анна Леопольдовна	340

Издавая въ свѣтъ біографическіе очерки подъ заглавіемъ «Русскія историческія женщины», мы считали свой трудъ неконченнымъ, потому что остановились на рубежѣ, отдѣляющемъ старую до-петровскую Русь отъ новой.

Въ томъ трудѣ, насколько это было возможно и насколько представлялось это требовательнымъ, мы, собравъ воедино отдѣльныя черты русской исторической женщины и цѣльныя историческія женскія личности, изобразили ихъ въ той полнотѣ и опредѣленности, въ какой древняя русская женщина была видима лѣтописцу и историку изъ-за стѣнъ высокаго терема и изъ-за монастырской ограды: не наша вина, если мало была видима древняя русская женщина благочестивому лѣтописцу въ его рабочей кельѣ, и оттого съ такимъ блѣднымъ и неясно очерченнымъ обликомъ попала она на столбцы монастырскихъ хронографовъ и свитковъ. Блѣдною отразилась она на древнихъ свиткахъ и на столбцахъ лѣтописца—блѣдною вышла и въ нашихъ очеркахъ.

Но передъ нами лежатъ еще полтора столѣтія нашей исторической жизни, когда женщина, въ силу того, что сильная рука Петра-преобразователя и не менѣе сильная рука времени, сорвавъ съ женщины покрывавшую ее древле-отеческую фату и распахнувъ двери терема, растворивъ монастырскія ворота

вели ее на свѣтъ божій, показали ей, кромѣ семейныхъ, и общественныя горя и радости, открыли передъ ней и Европу, съ добромъ и зломъ ея цивилизаціи, и не тронутое еще поле женской общественной дѣятельности,—когда, въ силу всего этого, женщина является и на престолѣ, какъ законодатель, и въ обществѣ, какъ членъ его и подъ-часъ руководитель, и въ литературѣ, какъ сотрудникъ мужчины и самостоятельный дѣятель слова:—эта женщина, для которой жизненная программа «Домостроя» стала историческимъ преданіемъ, должна была оставить на страницахъ исторіи болѣе замѣтный слѣдъ и болѣе явственную черту своего существованія чѣмъ ея далекая историческая родственница, женщина древней Руси, начиная отъ княгини Ольги, Рогнѣды, Мальфреды-чехини, Верхуславы, и кончая Еленою Глинскою, Ксеніею Годуновою и царевною Софьею.

Предлагаемые нынѣ очерки, какъ и изданные уже нами, имѣютъ цѣлью собрать воедино разсѣянныхъ на пространствѣ ста пятидесяти лѣтъ нашей исторической жизни женщинъ, чѣмъ-либо оставившихъ по себѣ слѣдъ на страницахъ исторіи, женщинъ, прямо или косвенно, могущественно и лично или только относительно и рефлективно, благодѣтельно или, къ сожалѣнію, обратно этому вліявшихъ на ходъ и направленіе нашей исторической жизни, въ массѣ, въ цѣломъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліявшихъ своимъ ли умомъ и дѣятельностью, своимъ ли личнымъ добромъ и доброю волею, своею ли красотою, или, наконецъ, своими несчастіями, своими ошибками, своею зло-направленною волею и т. д.

Едва ли слѣдуетъ пояснять при этомъ, что исполненіе послѣдняго нашего труда должно было потребовать отъ насъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ выполненіе труда уже исполненнаго нами по отношенію къ женщинѣ древней Руси; но, при

тяжелой подъ-часъ работѣ своей, мы находили для себя нравственную поддержку въ той мысли, что, безъ самостоятельной и по возможности обстоятельной обработки собственно исторіи русской женщины, никогда не будетъ полна и достаточно понята вся русская исторія, потому что какъ и въ древней Руси женщина изъ терема и дѣтской, такъ или иначе, но въ болѣе или менѣе значительной степени руководила судьбами Россіи, давая первоначальное нравственное воспитаніе древне-русскому дѣятелю, князю, боярину, посадскому и житьему люду, а потомъ, невидимо для посторонняго глаза, направляла волю мужьевъ, братьевъ, дѣтей по доброму или злому пути, такъ и въ новой Россіи женщина въ такой же, если не въ болѣе значительной степени даетъ извѣстный ходъ и тонъ нашей исторической жизни, начиная съ дѣтской и кончая гостиной, школой, кабинетомъ мужа, брата и сына, направляетъ и мужа и брата и сына то добрымъ совѣтомъ, то любовью, то лаской, то слезами по тому направленію, которое женщина скорѣе чѣмъ мужчина избираетъ въ силу чуткости своего сердца и своей впечатлительности и руководитъ мужчиной въ добромъ или обратномъ этому направленіи.

Женщина—какою она проявляется и въ исторіи—это такой чувствительный барометръ, который прежде всего отражаетъ въ себѣ состояніе, если позволено будетъ такъ выразиться, общественной атмосферы, и каковъ характеръ и направленіе исторической эпохи, такою является и женщина едва ли не исключительнѣе чѣмъ мужчина. Вотъ почему исторія русской женщины не только пополняетъ собою русскую исторію вообще, но и уясняетъ ее болѣе чѣмъ вся сумма прочихъ историческихъ матеріаловъ.

Настоящій трудъ нашъ разбивается на три части, сообразно тремъ, довольно замѣтно одна отъ другой отличающимся по

своему внутреннему содержанію, историческимъ эпохамъ, пережитымъ Россіею въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ: это—первыя пятьдесятъ лѣтъ отъ начала петровскихъ реформъ и окончательнаго введенія Россіи въ общій строй европейскихъ державъ до возрожденія началъ сознанія русскаго національнаго чувства; потомъ—вторыя пятьдесятъ лѣтъ, эпоха развитія этого чувства, до конца восемнадцатаго столѣтія; и, наконецъ, настоящее столѣтіе. Всѣ существенныя отличія каждой изъ этихъ эпохъ преимущественно выражаетъ собою живая и подвижная физіономія русской женщины, ея стремленія, ея дѣятельность, ея добрыя и фальшивыя увлеченія и весь ея нравственный и общественный обликъ.

Въ первую изъ этихъ эпохъ мы увидимъ, какъ русская женщина, рванувшись изъ терема въ широко раскрытую Петромъ дверь и надѣвъ нѣмецкое платье вмѣсто сарафана и тѣлогрѣи, чтобы блистать въ ассамблеѣ и при дворѣ, надѣлала не мало ошибокъ и сама не мало пострадала, пока не поняла нѣсколько отчетливѣе своего женскаго призванія. Во вторую эпоху—русская женщина высоко поднимаетъ и въ глазахъ Россіи и въ глазахъ Европы имя той самой русской женщины, которая когда-то сидѣла въ терему и золотомъ вышивала да подблюдныя пѣсни со славленьемъ русскаго князя пѣла: русская женщина второй половины восемнадцатаго вѣка является не только помощникомъ и другомъ мужчины, но и полезнымъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелемъ—это ученица и другъ Ломоносова, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Новикова, Вольтера, Руссо, Даламбера, Дидро. Въ послѣднюю эпоху, въ настоящее столѣтіе—сначала русская женщина отражаетъ въ себѣ какое-то нравственное колебаніе и безплодное броженіе мысли, уходитъ въ католичество, покидаетъ родину, отдается мистицизму, служитъ папѣ, а потомъ, когда это броженіе кончилось, изъ нея какъ изъ личинки выходитъ та симпатичная русская женщина, кото-

рую мы уже можемъ назвать матерью современнаго женскаго молодого поколѣнія: эта женщина—другъ Сперанскаго, Пушкина, Языкова, Гоголя, Лермонтова, Веневитинова, Грановскаго, или же прототипъ женщины такъ-называемаго русскаго, незападнаго направленія.

Недостатки и неполноту нашей работы мы сами сознаемъ болѣе, чѣмъ, быть можетъ, найдетъ ихъ критика и читатель; но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что и первая и послѣдній будутъ къ намъ снисходительны во уваженіе къ тому, что трудъ нашъ представляетъ первый опытъ подобнаго рода въ русской литературѣ, а обширность избраннаго нами предмета, съ одной стороны, не позволяла намъ дать нашему труду желательной полноты, такъ какъ масса разсѣянныхъ въ повременныхъ и спеціальныхъ изданіяхъ матеріаловъ, прямо или только косвенно относящихся къ данному предмету, не дозволяла намъ вносить въ нашъ трудъ всего, что—казалось-бы для другого—стоитъ этого внесенія, просто изъ боязни превратить наши очерки въ многотомное и не всѣмъ доступное изданіе; съ другой—она же останавливала насъ отъ внесенія въ свой трудъ не только литературы самого предмета съ указаніемъ на источники, но и многихъ женскихъ личностей, особенно настоящаго столѣтія, о которыхъ хотя и можно было бы сказать не мало, но едва ли это было бы и удобно и своевременно.

Въ выборѣ женскихъ личностей для нашего труда мы руководствовались однимъ исключительно правиломъ: если женщина служила такъ или иначе выраженіемъ своего времени, дополняла собой характеристическія подробности и черты своей эпохи и своего общества, сама вносила что-либо въ жизнь и исторію, или какимъ-либо фактомъ и событіемъ въ своей жизни оставляла болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ исторіи, или, наконецъ, на ней отражался только лучъ безсмертія другого лица, которому

она была близка, подобно тому какъ лучъ безсмертія освѣщаетъ образы Стеллы и Ванессы потому только, что эти женщины любили безсмертнаго Свифта,—мы по возможности не обходили такую женщину.

Вообще мы сказали о новой русской женщинѣ, кажется, все, что̀ можно было и сто̀ило о ней сказать; то же, что обойдено нами—обойдено потому, что или не стоило или не могло быть упомянутымъ.

За нашимъ трудомъ, мы увѣрены, останется по крайней мѣрѣ та заслуга, что такъ какъ всѣ разсѣянныя въ массѣ книгъ свѣдѣнія о русской женщинѣ по возможности сведены нынѣ нами въ общій сводъ и уцѣлѣвшіе отъ историческаго забвенія останки русской женщины бережно снесены нами такъ-сказать въ общую историческую усыпальницу, то уже каждой изъ этихъ женщинъ легко можетъ быть отведено подобающее ей на великомъ историческомъ кладбищѣ мѣсто:—уразумѣніе относительнаго значенія каждой женщины, какъ продукта своего времени, его выразителя и дѣятеля, возможно только тогда, когда всѣ они проходятъ передъ нами одна за другою въ томъ видѣ, въ какомъ они когда-то жили и дѣйствовали, и въ той обстановкѣ, которая создавала ихъ нравственный образъ.

Не задаваясь задачей ученаго изслѣдованія, мы предназначаемъ свой трудъ для чтенія образованной русской женщины всѣхъ возрастовъ, сообразно историческимъ возрастамъ описываемыхъ нами русскихъ женщинъ. Оттого и посвящаемъ этотъ трудъ женѣ, дочери и внучкѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не отнестись съ признательностью къ именамъ тѣхъ изъ нашихъ писателей, которыхъ трудами и матеріалами мы пользовались при составленіи настоящихъ нашихъ очерковъ. Въ этомъ отношеніи значительнымъ облегченіемъ нашей работѣ служили отдѣльные труды, библіографическія указанія и изданія: П. И. Бартенева, К. Н. Бесту-

жева-Рюмина, О. М. Бодянскаго, кн. Г. Н. Голицына, Г. В. Есипова, Д. И. Иловайскаго, М. Н. Лонгинова, А. Я. Марковича, П. И. Мельникова, А. В. Никитенко, П. П. Пекарскаго, М. И. Семевскаго, С. М. Соловьева, Ев. Туръ, Н. Г. Устрялова, Н. И. Фирсова, М. Д. Хмырова, С. Н. Шубинскаго и другихъ.

I.

Анна Монсъ.

(Баронесса Анна Ивановна фонъ Кейзерлингъ, урожденная Монсъ).

Мы видѣли уже русскихъ историческихъ женщинъ до-петровской Руси.

Число ихъ было такъ невелико, что втеченіе долгихъ восьми столѣтій, отъ Рюрика и до Петра, русская земля выставила на страницы исторіи только нѣсколько именъ женщинъ, блѣдные и неясные облики которыхъ или освѣщались чужимъ, заимствованнымъ отъ другихъ историческихъ лицъ свѣтомъ, или же проходили передъ нами какъ историческія тѣни, безлично, почти безъобразно, безъ ясныхъ очертаній.

Послѣднія изъ нихъ, какъ царевна Софья Алексѣевна или Матрена Кочубей, сошли въ могилу съ тяжелымъ сознаніемъ, что время ихъ отошло: одна жаловалась, что горько теперь имъ стало жить, когда волна новой жизни нахлынула на нихъ и захлеснула ихъ, еще полныхъ энергіи, но боровшихся противъ девятаго вала эпохи, говоря образнымъ языкомъ народа; другая не могла не тосковать, видя гибель всего, что она любила, и замѣну иными порядками тѣхъ, къ которымъ она привыкла въ своей поэтической Украинѣ.

Отходящихъ женщинъ вытѣсняли собою другія, болѣе совре менныя, болѣе молодыя, и, занявъ ихъ мѣста, затирали даже слѣдъ своихъ предшественницъ въ памяти людей, не имѣя только силы окончательно затереть слѣдъ ихъ въ исторіи.

Такія личности какъ царевна Софья Алексѣевна или царица Авдотья Федоровна Лопухина, съ одной стороны, въ Великой Россіи, вытѣсняются болѣе молодыми женскими силами, какъ «вывезенная изъ нѣмцевъ Анна Монсова», Матрена Балкша, Марта Скавронская и цѣлая фаланга женщинъ русскихъ и обрусѣвшихъ, съ другой—въ Малой Россіи—у гетманской булавы, вмѣсто несчастной и поэтической украинки Матрены, возлюбленной Мазепы, становятся другія, болѣе современныя, хотя менѣе поэтическія украинки, какъ гетманша Настасья Марковна Скоропадская, просящая у русской царицы для себя маетностей—«нѣсколько изобильныхъ деревень и угодій», или «дочка» этой гетманши, нѣжинская полковница Толстая, вышедшая замужъ за великорусскаго вельможу и свою украинскую фамилію промѣнявшая на московскую.

Съ начала XVIII вѣка петровскіе порядки и петровскія женщины вступаютъ въ свои права и всецѣло оттѣсняютъ собою и отжившіе свой вѣкъ до-петровскіе порядки и отжившихъ свою скромную долю до-петровскихъ женщинъ.

Вмѣсто княгинь, княженъ, боярынь, боярышень, царицъ, царевенъ, великихъ княгинь, а чаще инокинь и старицъ, являются баронессы, графини, генеральши, генеральскія дочери, фрейлины и т. д.

Одною изъ первыхъ между этими новыми русскими женщинами, такъ-сказать заметавшими собою слѣдъ до-петровской русской женщины, является—по времени—баронесса Анна Ивановна фонъ Кейзерлингъ, русская нѣмка изъ московской нѣмецкой слободы, урожденная дѣвица Монсъ.

Сама по себѣ—это была личность далеко не крупная и даже далеко не симпатичная, такъ что не ея именемъ желательно было бы украсить первую страницу исторіи русскихъ женщинъ или списокъ историческихъ женщинъ въ Россіи, а именемъ болѣе симпатичнымъ и болѣе высокимъ, которыя могла бы выставить русская земля за послѣднія полтора столѣтія и съ которыми мы встрѣтимся далѣе въ нашихъ очеркахъ; но мы не имѣемъ права обходить ни одного имени, болѣе или менѣе повліявшаго, хотя бы даже отрицательно, на ходъ нашихъ историческихъ судебъ, если бы даже, притомъ, вліяніе это было и не личное, не непосредственное, а рефлективное, черезъ другія историческія личности, какъ именно и выразилось, рефлективно, отрицательное вліяніе на поступательный ходъ русской общественной жизни баронессы фонъ Кейзерлингъ: хронологически, она первая наступаетъ своею ногою на стирающійся уже слѣдъ русской женщины отживавшаго стараго цикла—она же, по праву, должна первою явиться и въ собраніи русскихъ женщинъ новаго историческаго цикла.

Баронесса фонъ Кейзерлингъ, болѣе извѣстная по своему дѣвическому имени какъ Анна Монсъ, была дочь Іоанна Монса, уроженца города Миндена, что на Везерѣ, по свидѣтельству однихъ писателей—виноторговца и бочарныхъ дѣлъ мастера, по другимъ—мастера золотыхъ дѣлъ. Монсъ съ женою Модестою выѣхалъ въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія и поселился въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, извѣстной тогда подъ именемъ «Кукуй-городка». Монсы имѣли трехъ сыновей, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ своею судьбою и трагическою смертью младшій Виллимъ, и двухъ дочерей—Модесту или Матрену, какъ ее называли русскіе, и Анну.

Обѣ дочери, какъ и все семейство Монсовъ, отличались замѣчательною красотою.

Лефортъ, будущій сподвижникъ царя-преобразователя, былъ близко знакомъ съ семействомъ Монсовъ, а съ Анной, по свидѣтельству тогдашняго австрійскаго посла Гваріента, этотъ умный женевецъ находился въ самой интимной дружбѣ, какая только возможна между мужчиною и женщиною.

«Впослѣдствіи—говоритъ другой современный писатель и воспитатель царевича Алексѣя Петровича, Гюйссенъ—когда при стрѣлецкомъ возстаніи Лефортъ выказалъ свою приверженность царю и былъ за то награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ изъ похвальнаго великодушія остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастья».

Лефортъ, всегда умѣвшій, среди серьезныхъ занятій, доставить молодому царю и соотвѣтственныя развлеченія, свелъ своего впечатлительнаго питомца съ московскими нѣмцами и въ особенности съ красивою семьею Монсовъ.

Петру понравились обѣ дѣвушки-нѣмочки, но красавица Анна произвела на него болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ старшая сестра—и впечатлѣніе это было едва ли не роковой минутой для всей послѣдующей жизни царя-преобразователя.

Знакомство его съ Анною Монсъ относятъ къ 1692 году. Одновременно съ этимъ замѣчаютъ уже и охлажденіе царя къ его первой супругѣ, Авдотьѣ Федоровнѣ Лопухиной, которая во время его безпрестанныхъ мыканій изъ конца въ конецъ русской земли и во время «потѣшныхъ» экспедицій по Бѣлому морю, тоскуетъ о своемъ «лапушкѣ свѣтъ-Петрушенькѣ» и шлетъ ему исполненныя глубокой скорби письма.

«Только я бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія».

Но Петра больше тянетъ уже въ нѣмецкую слободу, въ скромный домикъ Монсовъ, а не во дворецъ, гдѣ его ждетъ плачущая царица.

Слѣдуютъ потомъ походы Петра подъ Азовъ; но и въ разлукѣ онъ не забываетъ красавицу нѣмецкой слободы. Петръ уѣзжаетъ путешествовать по Европѣ и учиться западной цивилизаціи съ топоромъ и пилой въ рукѣ. И тамъ, среди чудесъ Европы, онъ не забываетъ свою «Аннушку».

Между тѣмъ въ Россіи, въ отсутствіе царя, вспыхиваетъ стрѣлецкій бунтъ.

Царь быстро возвращается домой, везя съ собой страшную грозу и неслыханную кару для измѣнниковъ. 25-го августа 1698 года онъ является въ Москву; но даже и не заѣхалъ въ тотъ день во дворецъ, а посѣтилъ только Анну Монсъ.

«Крайне удивительно—писалъ австрійскій посолъ Гваріентъ—что царь, противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія, еще одержимъ прежнею страстью: онъ тотчасъ по пріѣздѣ посѣтилъ нѣмку Монсъ».

Напротивъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: «великій работникъ» русской земли умѣлъ глубоко любить, такъ глубоко, какъ глубоко любилъ онъ все, что охватывало его страстную природу; полюбивъ разъ, онъ уже не умѣлъ разлюбить подобно натурамъ мелкимъ, непостояннымъ; Петръ глубоко любилъ только двухъ женщинъ, Анну Монсъ, а потомъ Марту Скавронскую—императрицу Екатерину Алексѣевну—и любилъ ихъ до могилы. Не правы тѣ историки, которые приписываютъ «царю-работнику» какую-то недостойную его вѣтренность.

Намъ извѣстно, что́ потомъ было, когда царь изслѣдовалъ стрѣлецкую измѣну: представителей стараго русскаго ратнаго дѣла, стрѣльцовъ, постигли ужасныя казни; царица Евдокія заточена

въ монастырь; царевна Софья, одна изъ наиболѣе цѣльныхъ и неподатливыхъ женскихъ личностей до-петровскаго цикла, тоже исчезла въ монастырѣ подъ рясою монахини и подъ скромнымъ именемъ сестры Сусанны.

Съ той поры Петръ весь отдается своей привязанности къ молодой представительницѣ новаго типа русской женщины, къ Аннушкѣ Монцовой, и, по свидѣтельству современниковъ, преимущественно иностранцевъ, дѣвушка стоила этой нѣжной привязанности великаго человѣка. Всѣ иностранцы отзываются о ней съ большими похвалами, и безъ сомнѣнія въ ней было что-либо достойное любви такого человѣка-великана, каковъ былъ Петръ.

«Особа эта—говоритъ одинъ изъ современниковъ—служила образцомъ женскихъ совершенствъ: съ необыкновенной красотой она соединяла самый плѣнительный характеръ; была чувствительна, но не прикидывалась страдалицей; имѣла самый обворожительный нравъ, не возмущаемый капризами; не знала кокетства; плѣняла мужчинъ, сама того не желая; была умна и въ высшей степени добросердечна».

Они же увѣряютъ, что дѣвица Монсъ была такъ безупречна въ своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Петру и такъ цѣломудренно-сдержанна, что вслѣдствіе этой холодности сама лишила себя трона, который она безъ сомнѣнія раздѣлила-бы съ царемъ-преобразователемъ, если бы не оттолкнула его отъ себя предпочтеніемъ ему другой личности, которую она дѣйствительно полюбила: царя же, говорятъ, она не любила, а только умѣла цѣнить его любовь къ ней, отвѣчала ему теплой дружбой и умѣла пользоваться добрымъ чувствомъ всесильнаго властелина русской земли.

Между тѣмъ русская земля, въ особенности же Москва, косо смотрѣвшая на преобразованія царя, на нѣмецкій покрой платья и на вниманіе, оказываемое имъ, въ лицѣ нѣмцевъ, всей цивили-

зованной Европѣ, совершенно иначе смотрѣла на эти отношенія царя къ молодой кукуйской красавицѣ.

— Видишь—говорилъ одинъ москвичъ другому—какое бусурманское житье въ Москвѣ стало: волосы накладные завели, для государя вывезли изъ нѣмецкой земли нѣмку Монсову, и живетъ она въ лефортовыхъ палатахъ, а по воротамъ на Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлину отъ той же нѣмки.

— Относилъ я венгерскую шубу къ иноземкѣ, къ дѣвицѣ Аннѣ Монсовой—говорилъ нѣмецъ, портной Фланкъ, аптекаршѣ Якимовой—и видѣлъ въ спальнѣ ея кровать, а занавѣски на ней золотыя.

— Это не ту кровать ты видѣлъ—замѣчала аптекарша:—а вотъ есть другая, въ другой спальнѣ, въ которой бываетъ государь: здѣсь-то онъ и опочиваетъ...

Тутъ Якимова, какъ значится въ современномъ слѣдственномъ дѣлѣ, начала говорить «неудобь сказываемыя» слова.

— Какой онъ государь—говорилъ также о Петрѣ колодникъ Ванька Борлютъ—какой онъ государь! Бусурманъ! въ середу и пятницу ѣстъ мясо и лягушки. Царицу свою сослалъ въ ссылку, и живетъ съ иноземкою Анною Монсовою.

Весной 1699 года Петръ вновь отправился въ походъ подъ Азовъ, и не смотря па свои ратные и государственные труды и заботы, онъ успѣвалъ переписываться съ своей любимицей, которая также отвѣчала ему охотно своими скромными, почтительными и видимо сдержанными посланіями, въ коихъ большею частью говорится то о присылкѣ «милостивому государю» апельсиновъ и «цитроновъ», чтобъ онъ ихъ «кушалъ на здравіе», то о высылкѣ «цедреоли»; но тутъ же дѣвушка заговариваетъ и объ государственныхъ дѣлахъ—она уже является ходатайницею за другихъ особъ, за лицъ изъ высшаго государственнаго круга.

Въ высокой степени любопытны эти письма, характеризующія и время, и женщинъ того времени, а въ особенности женщину, которая могла бы, если бы пожелала, раздѣлять тронъ царя-преобразователя.

«Милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу.

«Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтняго здравія и счастливаго пребыванія.

«Челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ обрадовать и дать милостиво вѣдать о своемъ многолѣтнемъ здравіи чрезъ милостивое твое писаніе, объ которомъ я всѣмъ сердцемъ обрадовалась, и молю Господа Бога вседневно о здравіи твоемъ и продолженіи вѣку твоего государева, и дай Богъ чтобы намъ вскорѣ видать милостивое пришествіе твое, а что изволишь писать объ цедреоли, и я ожидаю въ скоромъ часѣ, и какъ скоро привезутъ, то не замѣшкавъ пошлю, и если бы у меня убогой крылья были, и я бы тебѣ милостивому государю сама принесла.

«Прошу у тебя милостиваго государя объ вдовѣ Петра Салтыкова, что дѣло у нихъ съ Лобановымъ, естли угодно и воля твоя пожаловать меня убогую чтобы дѣло то перенесть изъ семеновскаго въ другой приказъ, а буде тебѣ государю не нравно, и милости прошу чтобъ до твоего государскаго пришествія людей той вдовы Салтыковой не трогать и на правежѣ не бить. Мнѣ государь отъ ней упокою нѣтъ. Непрестанно присылаетъ съ великими слезами. Пожалуй государь не прогнѣвайся, что объ дѣлахъ докучаю милости твоей.

«Засимъ здраствуй милостивой государь на множество лѣтъ.

«Sein getreue dinnerin bet in mein dot.

«den 28 may. А. М. М.»

На адресѣ этого письма написано: «An myn Heer grot commandeur Peter Alexewitz asoff».

Въ другомъ письмѣ, посылая царю «четыре цитрона и четыре апельсина», чтобъ государь «кушалъ на здоровье», дѣвушка проситъ, чтобъ онъ не забывалъ о ней.

«Милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу.

«Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтняго здравія и счастливое пришествіе.

«Прошу у тебя государя, дай милостиво вѣдать о своемъ государскомъ многолѣтномъ здравіи, чтобъ мнѣ бѣдной о такомъ великомъ здравіи всемъ сердцемъ обрадоваться.

«Посылаю я къ тебѣ милостивому государю четыре цитрона и четыре апельсина, подай Господь бы тебѣ милостивому государю кушать на здоровье.

«А о цедреоли не прогнѣвайся государь, что не присылаю, во истино по сю пору не бывала, и вельми объ этомъ печалюся, что по сю пору не бывало.

«Засимъ остаюсь раба твоя bed in mein dot.

«Anno 1699 dem 8 iuni. А. М. М.»

Посылаетъ она, наконецъ, ящикъ давно ожидаемой «цедреоли», и вновь пишетъ:

«Милостивѣйшій государь.

«Подай Господь Богъ тебѣ, милостивому государю, многолѣтняго и благополучнаго здраствованія.

«Послала я къ тебѣ милостивѣйшему государю ящикъ съ цедреоли двѣнатцать склянецъ. Дай Боже тебѣ милостивому государю на здравіе кушать, рада бы больше прислала, да не могла достать.

«Ver bleib sein getreuste dinnerin bet in mein dot. А. М.»

Петръ отвѣчаетъ своей любимицѣ на ея письма, и дѣвушка

принято было за правило, что если madame или mademoiselle Montzen имѣли какое-либо дѣло или тяжбу, будь это ихъ собственное дѣло или ихъ друзей, то объ этомъ дѣлались особенныя reflexions salva justitia, и Монсы такъ широко воспользовались этимъ снисхожденіемъ царя, что стали мѣшаться въ дѣла нашей внѣшней торговли, ходатайствовать за иноземныхъ купцовъ, набирать себѣ черезъ это большія деньги, и ставили себя въ совершенно исключительное положеніе.

Трудно винить въ этомъ случаѣ дѣвушку: она, надо полагать, пользовалась своимъ вліяніемъ въ подобныхъ нечистыхъ дѣлахъ совершенно невинно, руководимая своею корыстною матерью.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ вліянія дѣвушки на царя.

Въ Москвѣ состоялъ на службѣ артиллерійскій полковникъ, иноземецъ Краге. Однажды, пьяный гайдукъ Краге въ присутствіи господина избилъ и изуродовалъ минера Серьера. Гайдука за это наказали кнутомъ, но Серьеръ не удовольствовался этимъ наказаніемъ и, по выздоровленіи отъ увѣчья, подалъ счетъ на Краге—во что ему обошлось леченье. Серьеръ въ ходатайствѣ своемъ прибѣгнулъ къ помощи frayen Monsin и ея дочери; но австрійскій посолъ Гваріентъ два раза успѣлъ защитить Краге, и Серьеру отказано въ его претензіи. Тогда Серьеръ, воспользовавшись случайной ссорой Краге съ дѣвицей Монсъ, вызвался быть ходатаемъ по дѣламъ семейства Монсовъ и завѣдывать ихъ хозяйствомъ. За это дѣвушка настойчиво ходатайствовала за него у царя, и Петръ, «вопреки двукратному отказу въ претензіи минеру, приговорилъ Краге къ штрафу въ 560 рублей»—огромный по тому времени штрафъ!

Но дѣвушка все-таки не искренно любила царя: она дѣйствительно была только его «вѣрная» и «убогая раба», его

«getreuste dinnerin» — служительница; но дѣвическое сердце ея избрало другаго, хотя царь и не зналъ долго объ измѣнѣ своей любимицы, потому что продолжалъ осыпать ее щедрою рукою, подаривъ уже въ 1703 году своей «Аннушкѣ» еще одно помѣстье—село Дубино въ козельскомъ уѣздѣ—295 крестьянскихъ дворовъ со всѣми угодьями.

Дѣвушка полюбила саксонскаго посланника Кенигсека.

Въ 1702 году Кенигсекъ, вѣроятно прельщенный выгодами службы въ Россіи и, можетъ быть, побуждаемый любовью къ красавицѣ Монсъ, вступилъ въ русскую службу. Онъ сопровождалъ царя въ походахъ, былъ въ числѣ его иноземцевъ любимцевъ и учителей русскаго народа.

Но трагическая кончина Кенигсека открыла Петру глаза: онъ узналъ, что его Аннушка любила покойника.

Вотъ какъ открылась тайна дѣвицы Монсъ:

«Въ одинъ роковой день (такъ или почти такъ говоритъ объ этомъ происшествіи леди Рондо, жена англійскаго резидента, въ письмѣ къ одному своему другу въ Англію, въ 1730 году)—государь возвращался съ осмотра строившейся крѣпости; при переходѣ черезъ подъемный мостъ, польскій министръ (это и есть Кенигсекъ), сопровождавшій вмѣстѣ съ другими государя, упалъ въ воду, и не смотря на всѣ усилія спасавшихъ его, утонулъ. Когда трупъ вытащили изъ воды, государь вынулъ изъ кармана утопленника бумаги, сначала велѣлъ ихъ запечатать, а потомъ, при разборѣ бумагъ покойника, не безъ удивленія увидѣлъ между ними портретъ своей любимицы; затѣмъ нашелъ нѣсколько самыхъ страстныхъ писемъ ея къ покойнику. Пылая гнѣвомъ и ревностью, государь вбѣжалъ въ комнату къ моей разскащицѣ (къ знакомой леди Рондо) и приказалъ привести Анну Монсъ. Когда она вошла, Петръ заперъ дверь и грозно спросилъ: «для

чего ты писала къ поляку?» Та заперлась. Петръ показалъ письма, портретъ и объявилъ о смерти своего противника. Услышавъ роковую вѣсть, красавица залилась слезами и впала въ непритворное молчаніе, между тѣмъ какъ царь осыпалъ ее самыми рѣзкими укорами, грозилъ казнью и пришелъ въ такой гнѣвъ, что можно было подумать, что онъ убьетъ измѣнницу на мѣстѣ. Когда первый пылъ гнѣва прошелъ, слезы и красота Монсъ побѣдили государя, и онъ самъ заплакалъ. Тогда, простивъ невѣрную, онъ со слезами сказалъ: «Забываю все. Я также имѣю слабости. Я не могу тебя ненавидѣть — виню собственную довѣрчивость. Продолжать мою связь—значитъ унижать себя. Прочь! я съумѣю примирить страсть съ разсудкомъ. Ты ни въ чемъ не будешь нуждаться, но я съ этихъ поръ не хочу тебя видѣть». Петръ сдержалъ слово: Анна Монсъ выдана была замужъ за одного служащаго, получившаго хорошее мѣсто въ отдаленной провинціи; монархъ заботился объ ихъ семейномъ счастьѣ до конца жизни и оказывалъ имъ постоянно свою любовь».

По всей вѣроятности, разсказъ этотъ изукрашенъ романтическими подробностями; но основа его вѣрна: леди Рондо писала это только черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Анны Монсъ.

Знаменитый Миллеръ подтверждаетъ этотъ разсказъ, хотя передаетъ его какъ варіантъ на повѣствованіе леди Рондо.

Миллеръ такъ разсказываетъ этотъ трагическій случай:

«При осадѣ Шлюссельбурга Петръ узналъ, что обворожительная domicella Mons ему не вѣрна и что она вела переписку съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Кенигсекъ провожалъ государя въ этомъ походѣ, и однажды, поздно вечеромъ, проходя по узенькому мостику, переброшенному черезъ не-

большой ручей, оступился и утонулъ. Первая забота государя при извѣстіи о смерти Кенигсека—была осмотрѣть бумаги, бывшія въ карманахъ покойника; въ нихъ государь надѣялся найти извѣстія относительно союза его съ королемъ Августомъ, и вмѣсто нихъ нашелъ нѣжныя письма своей фаворитки. Domicella Mons слишкомъ ясно выражала свою преступную любовь къ Кенигсеку — сомнѣнія быть не могло... О портретѣ тайная исторія умалчиваетъ. Послѣ этого случая государь уже не хотѣлъ знать невѣрную фаворитку, и она такимъ образомъ лишилась большого счастія, если бы съумѣла превозмочь неосторожную наклонность къ Кенигсеку.

Сохранилось о трагической смерти соперника Петра собственноручное письмо государя. Надо полагать, что письмо писано было имъ Ѳ. Апраксину въ тотъ самый моментъ, когда трупъ Кенигсека былъ только вытащенъ изъ воды, а бумаги еще не были распечатаны, или Петръ не читалъ ихъ, пока они не просохли.

«Здѣсь все изрядно милостію божіею—писалъ онъ изъ Шлюссельбурга 15 апрѣля 1703 года—только зѣло несчастливый случай учинился за грѣхи мои: первый—докторъ Лейнъ, а потомъ Кенисенъ, которой принялъ уже службу нашу, и Петелинъ утонули внезапно,—и такъ вмѣсто радости—печаль».

Но болѣе глубокая печаль, только уже не о Кенигсекѣ, а о себѣ самомъ, должна была посѣтить государя, когда онъ разобралъ бумаги утопленника, и нашелъ въ нихъ то, чего не ожидалъ.

Въ первыя минуты гнѣва Петръ приказалъ арестовать свою любимицу и ея сестру Матрену въ собственномъ домѣ Монсовъ. Обѣ женщины отданы были подъ строгій надзоръ князя-кесаря Ромодановскаго, и имъ запрещено было посѣщать даже кирку.

Три года томилась неосторожная дѣвушка въ своемъ печальномъ заточеніи. Томилась съ нею и сестра ея, и равно сидѣли подъ арестомъ и другія лица, человѣкъ до тридцати, которые такъ или иначе прикосновенны были «къ дѣлу Монцовой».

Тяжело было дѣвушкѣ съ такой высоты упасть такъ глубоко въ глазахъ всей Москвы: тяжкая опала всегда была тяжка для подпадавшихъ подъ эту опалу, подъ эту «грозную сиверку».

Сидя въ заточеніи, дѣвушка, какъ и древне-русскія да и почти всѣ женщины на свѣтѣ, стала прибѣгать къ гаданьямъ по разнымъ «тетрадкамъ», конечно мистическимъ, къ ворожбѣ, къ привораживанью, къ чародѣйнымъ перстнямъ, лишь бы отвратить отъ себя «грозную сиверку» и опять приворотить къ себѣ сердце государя: «стали они, Монсы—говоритъ современникъ—пользоваться запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества».

Но все было напрасно: колдовство оказалось безсильнымъ противъ петровой «сиверки».

«Хотя за подобные поступки—писалъ въ 1706 году Гюйссенъ—за колдовство и ворожбу въ другихъ государствахъ было бы опредѣлено жесточайшее наказаніе, однако его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ, чтобъ процессъ о Монсахъ былъ совершенно прекращенъ, и только ex capite ingratitudinis отъ Монсовъ отобраны деревни, и каменный палаццо отошелъ впослѣдствіи подъ анатомическій театръ. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брильянтами».

Но дѣвушка, не смотря на смерть своего прежняго возлюбленнаго, не смотря на царскую опалу, имѣла человѣка, который

тоже любилъ ее—это прусскій посланникъ, баронъ фонъ Кейзерлингъ. Видно, слишкомъ много было очарованія въ этой молодой женщинѣ и безъ сомнѣнія было не мало и нравственныхъ достоинствъ, если такъ велико оказывалось ея обаяніе даже тогда, когда всѣмъ извѣстны были и ея прежнія отношенія къ царю, и ея тайная любовь къ покойному Кенигсеку, и, наконецъ, упавшій на нее позоръ царской «сиверки».

Въ 1706 году Головинъ доносилъ царю, что посланникъ фонъ Кейзерлингъ челомъ бьетъ, «чтобъ Аннѣ Монсовой и сестрѣ ея Балкшѣ (Матренѣ, бывшей уже замужемъ за Балкомъ) дано было позволеніе ѣздить въ кирху, и Балкову жену, буде можно, отпустить къ мужу: сіе проситъ онъ для того, что всѣ причитаютъ несчастіе ихъ ему, посланнику», т. е. любви и дружбѣ его къ Аннѣ Монсъ.

— О Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ—отвѣчалъ царь—велѣлъ я писать Шафирову, чтобъ дать ей позволеніе въ кирху ѣздить, и то извольте исполнить.

Анна Монсъ и сестра ея Матрена Балкъ были, наконецъ, освобождены.

Но въ казематахъ еще сидѣли прикосновенные къ «дѣлу Монцовой».

— Съ тридцать человѣкъ сидятъ у меня колодниковъ по дѣлу Монцовой: что мнѣ объ нихъ укажешь? спрашивалъ, въ 1707 году, князь-кесарь Ромодановскій царя.

— Которые сидятъ у васъ по дѣлу Монцовой колодники, и тѣмъ рѣшеніе учинить съ общаго совѣту съ бояры по ихъ винамъ смотря, чего они будутъ достойны, отвѣчалъ Петръ.

Но прежними милостями царя дѣвушка не могла уже пользоваться: «Монсы—писалъ Гюйссенъ—живутъ свободно, но уже не

могутъ расчитывать и не имѣютъ на то права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена.

Да царю уже было теперь не до «Аннушки»: съ 1705 года его посѣтила уже едва ли не послѣдняя и самая глубокая привязанность, какую только могъ имѣть этотъ далеко не столь непостоянный въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ царь-работникъ, какимъ его изображаютъ новѣйшіе его порицатели—Петръ любилъ уже впослѣдствіи знаменитую молодую плѣнницу, Марту Скавронскую, или какъ потомъ онъ называлъ ее—«Катерину Василеѳъскую», сдѣлавшуюся потомъ императрицею государынею Екатериною Алексѣевною Первою. Можетъ быть также, что въ этой новой привязанности онъ искалъ забвенія той, которая ему измѣнила и въ которой онъ такъ глубоко обманулся.

Анна Монсъ съ своей стороны считалась уже въ это время невѣстою прусскаго посланника Кейзерлинга, хотя и это обстоятельство, повидимому, оставалось тайною для царя, который едва ли могъ окончательно вытѣснить изъ сердца свою первую серьезную привязанность къ той, которую онъ дѣйствительно любилъ и которой вѣрилъ болѣе десяти лѣтъ: въ самомъ дѣлѣ, трудно обвинить въ непостоянствѣ человѣка, который любилъ одну женщину десять лѣтъ, имѣя притомъ столько соблазновъ полюбить любую красавицу своего двора, всего своего государства и любую женщину во всей пространной Европѣ, которую Петръ исколесилъ и какъ царь, и какъ простой корабельный плотникъ.

Этого-то постоянства и честнаго чувства къ женщинѣ и боялся молодой фаворитъ царя, знаменитый «Алексашка», впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, который строилъ все свое благополучіе на той вѣроятной мысли, что царь такъ же глубоко можетъ привязаться и къ находившейся у Мен-

шикова плѣнницѣ Мартѣ Скавронской, какъ глубоко былъ онъ привязанъ къ «Моншѣ» или къ его любимой «Аннушкѣ Монцовой».

Понятно, почему въ 1707 году Кейзерлингъ крупно поссорился съ Меншиковымъ изъ-за своей невѣсты, о которой онъ хлопоталъ у царя, а «Данилычъ» ему препятствовалъ въ этомъ, стараясь поддержать гнѣвъ царя къ своей прежней любимицѣ. Понятно также, почему одинъ изъ современниковъ этого событія, Нейбауеръ, писалъ въ видѣ угрозы, что «о поступкѣ царя съ дѣвицею Монсъ, съ своей возлюбленной, когда къ ней нѣсколько сталъ близокъ посланникъ Кейзерлингъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ»—грозилъ, значитъ, гласностью.

Какъ бы то ни было, но царь, даже познакомившись съ Мартою Скавронскою, все еще не могъ выгнать изъ своего упрямаго сердца прежнюю привязанность—свою Аннушку, между тѣмъ какъ Аннушка такъ же упрямо и еще упрямѣе послѣ своего заточенія продолжала быть холодна къ царю.

«Меншиковъ и Екатерина рисковали потерять все—говоритъ Гельбигъ—если бы красавица уступила. Меншиковъ употреблялъ весь свой умъ, чтобъ воспрепятствовать намѣреніямъ Петра. Ему вѣроятно пришлось бы отступить предъ пылкой страстью своего властителя, еслибъ самая твердость дѣвушки не помогла желаніямъ Меншикова и Екатерины. Если Екатерина при посредственной любезности съумѣла возвыситься до званія русской императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прекрасная Монсъ съ своими превосходными качествами гораздо бы скорѣе достигла этой великой цѣли. Но она предпочла судьбу и возлюбленнаго Кейзерлинга. И первая и послѣдній очень и очень превосходили происхожденіе и ожиданіе дѣвушки, но все же были къ ней ближе, чѣмъ престолъ и царь: она тайно обру-

чилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ, когда только-что сбирался отправиться куда-то на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ Анна жаловалась на неотвязчивость монарха. Это несчастное открытіе превратило любовь его въ гнѣвъ. Государь отправился на балъ, встрѣтилъ красавицу и представилъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствія. Больно видѣть—продолжаетъ Гельбигъ—что этотъ великій человѣкъ, которому охотно простятъ какую нибудь опрометчивость, имѣлъ низость потребовать подаренный домъ обратно. Чтобы не подвергнуть ее новымъ непріятностямъ, Кейзерлингъ рѣшился тотчасъ же на ней жениться, но въ это самое время впалъ въ жестокую болѣзнь, которая и свела его въ могилу; впрочемъ онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщаніе: уже будучи на смертномъ одрѣ, онъ обвѣнчался съ прекрасною Монсъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Вдова его осталась въ Москвѣ, гдѣ скончался ея супругъ. Она проводила свои дни вдали отъ двора, съ достоинствомъ, въ тиши домашней жизни, и погруженная въ воспоминанія о своихъ послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, и умерла тамъ же».

Гельбигъ нѣсколько изукрасилъ свой разсказъ вопреки истинѣ. Анна Монсъ вышла замужъ за Кейзерлинга 18 іюня 1711 года, а Кейзерлингъ скончался 11 декабря въ Стольпе, на дорогѣ въ Берлинъ.

Молодая красавица, теперь уже вдова Кейзерлингъ, осталась въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ и жила въ деревянномъ домикѣ вмѣстѣ съ матерью. Старуха-мать лѣтъ пятнадцать страдала хроническою болѣзнью и почти не вставала съ постели. Больна была и Анна Ивановна: здоровье ея было сильно потрясено превратностями жизни, и молодая женщина тая-

ла какъ свѣчка—харкала кровью и по нѣскольку мѣсяцевъ лежала въ постели.

Какъ на прекрасную черту семейства Монсовъ слѣдуетъ указать на то, что всѣ члены ея были связаны самою тѣсною дружбою.

Едва умеръ мужъ злополучной любимицы Петра, какъ для нея настали новыя непріятности—это житейскія, экономическія дрязги, которыя такъ тяжело отзываются на характерѣ женщины и нерѣдко извращаютъ ея хорошіе инстинкты, дѣлаютъ женщину мелочною и иногда окончательно губятъ въ ней все хорошее.

Такія житейскія дрязги окончательно подкосили и безъ того рухнувшее здоровье исторической «Аннушки»: братъ ея умершаго мужа заявилъ претензію на всѣ движимыя и недвижимыя имѣнія покойника, находившіяся въ Курляндіи и Пруссіи.

До насъ дошли письма Анны Кейзерлингъ отъ этого времени къ брату Вилиму, къ тому Вилиму, котораго прекрасная голова была впослѣдствіи, по приказанію царя, отрублена и сохранялась въ академическомъ музеѣ рядомъ съ такою же прекрасною головою фрейлины Гамильтонъ, тоже отрубленною по приказанію царя. — Но объ этомъ послѣ.

Письма такой личности, какъ первая и едва ли не послѣдняя серьезная любовь Петра Великаго, какъ бы ни было чуждо исторической важности содержаніе этихъ писемъ, не могутъ не имѣть историческаго значенія для Россіи, для той Россіи, которая до сихъ поръ чувствуетъ на себѣ слѣды рабочихъ рукъ и всенивелирующей палицы царя-преобразователя.

«Любезный, отъ всего сердца любимый братецъ! — пишетъ вдова Кейзерлингъ, черезъ два мѣсяца послѣ смерти мужа, брату своему Вилиму, который въ качествѣ «генеральсъ-адъютанта» исполнялъ всевозможныя порученія Петра за границей:— желаю, чтобы мое печальное письмо застало тебя въ добромъ

здоровьѣ; что до меня съ матушкой, то мы то хвораемъ, то здоровы; нѣтъ конца моей печали на этомъ свѣтѣ; не знаю, чѣмъ и утѣшиться».

Она проситъ брата привезти ей вещи и деньги ея мужа, «потому-что—говоритъ она—лучше когда они у меня, чѣмъ у чужихъ людей».

Въ одномъ письмѣ Анна спрашиваетъ брата, что ей дѣлать съ портретомъ царя, который былъ у нея. Она велитъ спросить у своего адвоката, Лаусона: «отдавать ли этотъ портретъ царя деверю, прежде чѣмъ деверь пришлетъ вещи покойника изъ Курляндіи».

Много, безъ сомнѣнія, напоминалъ ей этотъ портретъ царя, осыпанный дорогими каменьями...

Явилось еще горе, правда ничтожное, но для больной женщины тяжелое и притомъ оскорбительное. Камердинеръ ея покойнаго мужа, Штраленбергъ, сталъ распускать за границей обидные для Анны Ивановны слухи, что будто бы оставленная имъ въ Москвѣ жена страдаетъ отъ грубаго обращенія съ ней Анны.

«Прошу тебя, любезный братъ—писала Вилиму по этому обстоятельству Анна—не вѣрь этому лгуну Штраленбергу: онъ безпрестанно дѣлаетъ мнѣ новыя непріятности, такъ что я умираю съ досады... Передай ему, что его жена горько плакала, услыхавъ о томъ, какъ безстыдно лжетъ ея мужъ, будто бы я дурно съ ней обращаюсь. Напротивъ, призываю Бога свидѣтелемъ,—ей хорошо у меня: когда она была больна, я пригласила доктора на свой счетъ, избавляя ее отъ всякихъ расходовъ, подарила ей черное платье».

Черезъ двѣ недѣли она спрашиваетъ брата: «напиши мнѣ пожалуйста—привезутъ ли тѣло моего мужа въ Курляндію?—Вели, чтобъ гробъ обили краснымъ бархатомъ и золотымъ галуномъ».

Затѣмъ снова вспоминаетъ о портретѣ царя:

«Ради Бога—пишетъ она—побереги шкатулку съ бумагами, чтобъ ничего не потерялось, а старшему моему зятю скажи, чтобъ онъ только прислалъ мнѣ портретъ его величества съ драгоцѣнными камнями».

Порицатели этой женщины говорятъ, что она думала о драгоцѣнныхъ камняхъ собственно, а не о портретѣ того, который такъ много ее любилъ.

Лѣтомъ 1712 года Анна съ матерью ѣздили на нѣсколько недѣль за границу, гдѣ они и гостили у старшей сестры Анны, Матрены Ивановны Балкъ, мужъ которой по дѣламъ царя находился тогда въ городѣ Эльбингѣ.

Не долго однако оставалось жить бывшей любимицѣ Петра: чахотка видимо съѣдала ее.

Но и въ эти послѣдніе годы своей жизни (1713—1714) Анна успѣла внушить къ себѣ если не страсть, то желаніе имѣть ее своею женой—плѣнному шведскому капитану Миллеру. Одни говорятъ, что они уже были помолвлены, другіе—что Миллеръ только старался вкрасться въ довѣріе Анны и пользоваться отъ нея какими-либо подарками. Братъ Анны увѣрялъ впослѣдствіи, что Миллеръ «притворствомъ вѣрился въ домъ къ сестрѣ моей и въ болѣзни сестры моей взялъ, стакався съ дѣвкою шведкою, которая ходила въ ключѣ у сестры моей, взялъ многіе пожитки». Поэтому онъ и просилъ правительство отобрать эти вещи у Миллера: а вещи эти были—«камзолъ штофовой, золотомъ и серебромъ шитый, кувшинецъ, да блюдо что бороды брѣютъ, серебряныя», и другіе «пожитки».

Анна—бывшая Монсъ—скончалась 30 сентября 1714 года на рукахъ больной старухи-матери и пастора.

Въ числѣ драгоцѣнныхъ вещей, описанныхъ послѣ покойницы, между прочими показаны: портретъ царя, когда-то ее любившаго—

«образъ съ разными съ драгими каменьями, охваченъ около, въ тысячу рублей», «умершаго господина фонъ Кельзерлинка персона въ алмазахъ—семь сотъ рублей», нитка жемчугу для какой-то «сиротки»—не тайное ли это дитя покойной красавицы?

«Какъ бы то ни было, но проводивъ въ могилу бренные останки той женщины, имя которой, благодаря любви Петра, попало въ исторію, скажемъ о ней окончательное мнѣніе»—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Анны Монсъ, и прямо утверждаетъ, что видитъ въ этой женщинѣ «страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную, съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку расчетливую до скупости, алчную до корысти, при всемъ томъ суевѣрную, лишенную всякаго образованія, даже мало грамотную. Кромѣ плѣнительной красоты въ этой авантюристкѣ не было—говоритъ онъ—никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не съумѣла оцѣнить любовь великаго государя, не съумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу. Страстью къ Аннѣ Монсъ Петръ показалъ, что и великіе люди не изъяты человѣческихъ слабостей, что страсть и имъ слѣпитъ очи, и имъ затемняетъ разсудокъ. Безвѣстная нѣмка, женщина во всѣхъ отношеніяхъ недостойная, Анна Монсъ послужила причиной къ совершенію нѣсколькихъ событій, въ высшей степени важныхъ въ исторіи великаго Петра: царица Авдотья Федоровна ссылается въ заточеніе; наслѣдникъ престола преждевременно лишается материнскаго надзору, и вслѣдствіе этого затаиваетъ въ душѣ своей ненависть къ отцу, гонителю матери; эта ненависть растетъ, заставляетъ Алексѣя окружать себя сторонниками, столько же непріязненными его отцу, начинается борьба малозамѣтная, въ высшей степени страдательная со стороны царевича, не важная по ходу, которая

быть можетъ приняла бы болѣе серьезные размѣры, если бы не кончилась катастрофою 1718 года. Съ другой стороны любовь къ Аннѣ Монсъ заставляетъ Петра обратить вниманіе на ея семейство, и въ немъ между прочимъ и на брата Анны, Виллима. Государь приближаетъ его къ себѣ, возвышаетъ на высокую степень придворныхъ званій и въ немъ находитъ человѣка, который разбиваетъ его семейное счастье, отравляетъ послѣдніе дни его жизни и—это еще догадки—дѣлается одной изъ причинъ преждевременной кончины Петра Великаго».

Отзывъ этотъ—слишкомъ суровъ: несчастная женщина едва ли заслужила такой жосткій приговоръ исторіи.

Исторія быть можетъ сама виновата передъ осуждаемою ею женщиною: не по винѣ ли Анны Монсъ Петръ полюбилъ забавы въ нѣмецкой слободѣ? Не тамъ ли онъ наслушался о чудесахъ цивилизованнаго міра, когда еще не видалъ его изъ своей Москвы? Не Анна ли Монсъ была причиною, что любовь къ болѣе или менѣе европейски-цивилизованной дѣвушкѣ заставила Петра оглянуться и на свой старо-московскій охабень и па старую Русь, а потомъ заглянуть въ Европу, чтобы русскому «мѣдвежонку», какъ называли молодаго Петра стрѣльцы, не стыдно было въ нѣмецкомъ кафтанѣ показаться передъ дѣвушкой, которая, подобно золотымъ яблокамъ Геркулеса, вывезена была изъ Аримидиныхъ садовъ Европы и заставила русскаго Геркулеса похотѣть и самому побывать въ этихъ садахъ, чтобъ вывезти оттуда золотые яблоки цивилизаціи?

Онъ такъ и сдѣлалъ, потому что русскому Геркулесу Анна Монсъ казалась свѣтлымъ лучомъ, пробившимся изъ царства свѣта.

II.

Гетманша Скоропадская.

(Настасья Марковна Скоропадская, урожденная Марковичъ).

Съ наступленіемъ XVIII-го вѣка, вмѣстѣ съ Великою Россіею и Малороссія начинаетъ новый циклъ историческаго существованія, на которомъ рѣзкою тѣнью лежитъ уже окраска новаго времени, новаго направленія.

Но это новое время для Малороссіи должно было выказаться не въ томъ, въ чемъ оно выказалось для Великой Россіи. Великая Россія вмѣстѣ съ Петромъ сдѣлала крутой поворотъ по не протоптанному еще пути, которымъ она силилась выйти на культурную дорогу, проторенную западною цивилизаціею. Малороссія тоже должна была сдѣлать крутой поворотъ, но только въ направленіи, обратно противоположномъ тому, какое избрала Великая Россія: для послѣдней силу нравственнаго тяготѣнія съ новаго времени представлялъ западъ; для Малороссіи же это западное тяготѣніе было не новостью. Малороссія и до соединенія съ Великою Россіею тяготѣла къ западу черезъ Польшу. Это западное тяготѣніе и погубило Малороссію, убило въ ней послѣднюю тѣнь политической и государственной автономіи. Сначала историческія несчастія, постигавшія Польшу, постигали и Малороссію, когда

они составляли до нѣкоторой степени одно политическое тѣло. Потомъ государственная деморализація Польши заразила неизлечимою гангреною и нѣкоторыя части малорусскаго государственнаго тѣла. При Богданѣ Хмѣльницкомъ Малороссія поняла, что тяготѣніе ея къ западу спасительнѣе будетъ не черезъ такой непрочный, подгнившій проводникъ какъ Польша, а черезъ прочно вкопанные въ историческую почву столпы русской народной жизни.

Мазепа хотѣлъ-было вновь наклонить это нравственное и политическое тяготѣніе Малороссіи къ западу, хотѣлъ создать для нея даже собственное, независимое тяготѣніе — и погибъ самъ, сдѣлавъ западное тяготѣніе для Малороссіи повидимому навсегда гибельнымъ и немыслимымъ.

Поддалась-было этому западному тяготѣнію и послѣдняя малорусская женщина, послѣдняя въ смыслѣ старой, исторической, гетманской Малороссіи — и тоже погибла, погубивъ свое семейство, подведя голову отца подъ топоръ мазепинскаго ката. Это была возлюбленная Мазепы — Матрена Кочубей.

Малороссія увидѣла, что для нея невозможно уже было западное тяготѣніе, что тяготѣніе это, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ политическихъ комбинаціяхъ, всегда будетъ гибельно, и первою женщиною-украинкою, сознавшею эту политическую истину, была современница несчастной Матрены Кочубей — гетманша Настасья Скоропадская.

Скоропадская является какъ-бы преемницею Матрены Кочубей, новою украинскою женщиною. Матрена, ослѣпленная страстью къ своему сѣдому возлюбленному гетману, мечтала видѣть въ своихъ рукахъ гетманскую булаву. Мало того, отуманенная обаятельными поэтическими рѣчами влюбленнаго старика, дѣвушка мечтала видѣть «украинскую корону» на сѣдой

головѣ этого стараго поэта, и—конечно—корона эта грезилась дѣвушкѣ и на ея молодой, прекрасной, чернявой головкѣ.

Скоропадская вырвала изъ рукъ Матрены эту гетманскую булаву, потому что поняла, куда должна была тяготѣть съ этою булавою вся Малороссія: булава эта буквально очутилась въ рукахъ Настасьи Скоропадской, потому что мужъ ея, гетманъ Иванъ Скоропадскій, человѣкъ слабый, безвольный, безхарактерный, не умѣлъ держать эту булаву и охотно, фактически, уступилъ ее своей умной, энергической и хорошенькой Настѣ.

Сохранившійся портретъ изображаетъ Настасью Скоропадскую замѣчательно миловидною женщиною. Портретъ, повидимому, рисованъ былъ съ нея еще въ молодости. Прелестное овальное личико, съ тонкими, почти дѣтскими чертами, полно граціи. Что-то деликатное и изящное проглядываетъ въ этихъ чертахъ, въ разрѣзѣ большихъ глазъ, въ очертаніяхъ рта и красивыхъ маленькихъ губокъ.

Гетманша изображена въ высокой мѣховой шапкѣ, вродѣ казацкаго кивера или гайдамацкой красивой киреи, напоминающей московскую старинную шапку-боярку, только болѣе изящной формы, съ выдающимся на бокъ верхомъ, по-казацки. Шубка на Скоропадской мѣховая, съ узкими рукавами, опушенными тоже мѣхомъ, вродѣ украинской «коротушки», которая ловко обрисовываетъ станъ и талью женщины; въ лѣвой, съ тонкими изящными пальцами рукѣ что-то вродѣ тросточки, или повидимому маленькой гетманской булавы; въ правой рукѣ, приложенной повыше пояса или скорѣе къ груди—платочекъ, украинская «хусточка». Шубка распахнута, и изъ подъ нея виднѣется бѣлая, шитая поукраински сорочка съ широкою лентою или украинскою «стричкою» у горла. На шеѣ—украинское «намисто», кораллы,

любимое украшеніе малороссіянокъ до настоящаго времени, украшеніе, которымъ и Мазепа не разъ прельщалъ свою «безумно коханую» Мотроненьку Кочубей.

Скоропадская происходила изъ малорусскаго рода Марковичей. Гдѣ и какое получила она воспитаніе—неизвѣстно; но что родилась она въ семьѣ образованныхъ малороссіянъ, это доказывается тѣмъ, что родной ея племянникъ, «малороссійскій подскарбій генеральный», Яковъ Марковичъ, оставившій любопытныя записки о Малороссіи того времени, былъ человѣкъ совершенно европейскаго образованія, зналъ иностранные языки, ученымъ образомъ знакомъ былъ съ медициною и вообще, повидимому, находился въ уровнѣ не русскаго, не московскаго, а западно-европейскаго образованія. Въ такой образованной средѣ воспитана была и Настасья Марковичъ, впослѣдствіи гетманша Скоропадская.

Въ дневникѣ образованнаго малороссійскаго подскарбія почти на каждой страницѣ попадается имя гетманши Скоропадской — «ясновельможная Анастасія Скоропадская гетманова», «ясновельможная тетка» подскарбія, «ясновельможная пани» и т. д.

Вышедши замужъ за Скоропадскаго, молоденькая Настасья Марковичъ, впослѣдствіи, когда мужъ ея выбранъ былъ въ гетманы, въ позднѣйшіе такъ-сказать преемники погибшаго Мазепы, стала во главѣ управленія всею Малороссіею, потому что мужъ ея, какъ мы сказали, далеко былъ не способенъ заправлять этою, привыкшею къ вольности, страною.

Петръ Великій, очень хорошо понимавшій людей и относительную ихъ пригодность или непригодность къ дѣлу, скоро оцѣнилъ дѣловыя качества молоденькой украинки, заправлявшей

своимъ мужемъ, и черезъ нее сталъ дѣйствовать на направленіе ходомъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ на мѣстѣ.

Когда у Скоропадской выросла дочь Ульяна, Петръ Великій, желая еще болѣе упрочить нравственное тяготѣніе Малороссіи не къ западу, а къ Великой Россіи, задумалъ брачными связями украинокъ съ великороссіянами и великороссіянокъ съ украинцами укрѣпить это тяготѣніе и конечное объединеніе въ будущемъ Великой и Малой Россіи.

Съ этою цѣлью Петръ обратился къ Скоропадской съ предложеніемъ отдать дочь Юліанію за великороссіянина изъ знатнаго рода, за Петра Петровича Толстого, сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстого, который, какъ извѣстно, помогалъ Петру Великому въ доставленіи изъ-за границы царевича Алексѣя Петровича.

Скоропадская тоже поняла необходимость или неизбѣжность этого объединенія, и когда Петръ, вообще любившій устраивать свадьбы по своимъ государственнымъ соображеніямъ, вызвался быть сватомъ у дочери гетмановой, пани гетманова воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы бракъ ея дочери съ великороссіяниномъ принесъ, кромѣ политической пользы ея странѣ, еще и матеріальныя выгоды ея собственному семейству.

Поэтому, какъ ловкая женщина, понявшая силу вліянія, оказываемаго на царя другою женщиною, Екатериною Алексѣевною, Скоропадская избрала эту послѣднюю своею посредницею между сватомъ и своею дочерью.

Вотъ что она, по этому случаю, между прочимъ пишетъ Екатеринѣ: «Понеже его графское сіятельство (графъ Головкинъ) учинилъ отвѣтъ, что царское величество не изъ малороссійскихъ, но изъ великороссійскихъ персонъ дочери нашей единственной мужа благоволитъ избрать, тогда мы тому монаршему благоволе-

нію весьма благодарны. У великороссійскихъ народовъ есть такое обыкновеніе, что за дочерьми даютъ зятьямъ изобильныя деревни и угодья; мы убо не имѣемъ таковыхъ угодій и деревень за нашею дочерью дать, и ради того, припадая у стопъ ногъ вашего величества, всесмиренно молю исходатайствовать нынѣ при животѣ моего мужа собственно для моего во вдовствѣ пропитанія и за дочерью дачи маетностей нѣсколько».

И маетности эти были получены.

Такимъ образомъ, какъ по волѣ Петра состоялось обряженіе великорусскихъ бояръ изъ московскаго въ нѣмецкое платье и знаменитое, историческое обрѣзаніе боярскихъ бородъ, такъ, по волѣ того же царя и при помощи послѣдней исторической украинки, превратившейся въ первую историческую «южнорусскую» женщину, совершилось первое объединеніе малорусской казацкой крови съ московскою боярскою, и съ тѣхъ поръ въ русской исторіи отдѣльныя женскія личности собственно изъ украинокъ исчезаютъ, потому что послѣдующія украинки въ жизни своей и въ дѣятельности совершенно сливаются съ великорусскими женщинами, подобно тому какъ и исторія Малороссіи окончательно сливается съ исторіею Великой Россіи: въ XVIII и XIX вѣкѣ уже нѣтъ отдѣльныхъ малорусскихъ историческихъ женскихъ личностей, а есть общерусскія женщины—Разумовскія, Шаховскія, Яворскія, Безбородки, Сологубы, Лизогубы, Гамалѣи, Кочубеи, Четвертинскія и т. д.

Гетманша Скоропадская, такимъ образомъ, была первою новою украинскою женщиною и послѣднею изъ тѣхъ женщинъ старой Украины, лучшимъ и заключительнымъ типомъ которыхъ была Матрена Кочубей.

Племянникъ гетманши Скоропадской, упомянутый нами выше малороссійскій подскарбій генеральный, Яковъ Марковичъ,

оставившій послѣ себя любопытный дневникъ, подъ 1718 годомъ, между прочимъ, говоритъ, что когда гетманша Скоропадская и мужъ ея съ своею гетманскою свитою ѣздили въ Петербургъ и въ Москву, то «на Москвѣ, въ великій постъ, за волею и сватаньемъ самого государя и царицы, засватали дочерь гетманскую за сына Петра Андреевича Толстого».

А подъ 12-мъ октября того же 1718 года у Марковича записано: «въ недѣлю (въ воскресенье), въ Глуховѣ веселье (свадьба) было. Гетманъ Скоропадскій дочерь свою Уліяну отдалъ за Петра Петровича Толстого, сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича. Съ женихомъ пріѣзжали въ сватахъ: братъ его родный старшій Иванъ Петровичъ и другой въ первыхъ (т. е. двоюродный) Борисъ Ивановичъ и нѣсколько при нихъ особъ великороссійскихъ».

Затѣмъ мужа Ульяны Скоропадской, Петра Толстого, царь назначилъ нѣжинскимъ полковникомъ: это былъ первый въ Малороссіи полковникъ, происходившій не изъ природныхъ украинцевъ

Такъ при помощи Петра и не безъ вліянія Скоропадской совершалось нравственное и политическое объединеніе Великой и Малой Россіи или возсоединеніе частей русскаго народа, давно когда-то разорваннаго на двѣ половины разными историческими невзгодами:—въ этомъ огромная историческая заслуга Скоропадской.

Мало того, Скоропадская и въ своей обыденной жизни поддерживала и укрѣпляла связь великорусской и малорусской половинъ русской земли: обладая свѣтлымъ умомъ и природнымъ тактомъ, Скоропадская умѣла ласково и съ достоинствомъ принимать у себя въ Глуховѣ, въ гетманскомъ помѣщеніи, высокихъ гостей, которые наѣзжали въ Малороссію изъ Москвы и

Петербурга, на славу ихъ угощала и тѣмъ побѣждала московскую гордость и грубость, съ которою когда-то плохо ладила неумѣлая и не менѣе грубая старшина малороссійская.

Съ другой стороны Скоропадская сама платила визиты навѣщавшимъ ее русскимъ вельможамъ, и неоднократно ѣздила въ Москву и Петербургъ, покидая надолго свою гетманскую столицу Глуховъ, чего до того времени не рѣшилась бы сдѣлать ни одна украинская женщина, еслибъ къ тому не принудили ее крайнія обстоятельства.

Такъ, когда въ 1722 году панъ гетманъ Скоропадскій ѣздилъ въ Москву съ своею свитою, съ генеральнымъ писаремъ Савичемъ, бунчуковымъ генеральнымъ Лизогубомъ и нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Толстымъ, къ этой свитѣ «ясновельможная пани гетманова» присоединила свою собственную свиту и дала возможность московскимъ людямъ видѣть и свою украинскую красоту и свое гетманское величіе.

Въ этомъ же году, по возвращеніи изъ Россіи, гетманъ Скоропадскій умеръ и на его мѣсто избранъ былъ другой гетманъ.

Оставшись вдовою, уступивъ гетманскую булаву другому лицу, Скоропадская, не смотря на то, что не имѣла уже никакого оффиціальнаго положенія, до самой однако своей смерти удержала за собою титулъ «ясновельможной паніи гетмановой».

Время шло и Скоропадская видѣла приближеніе старости.

Умеръ Петръ, ея царственный сватъ и покровитель.

Въ 1728 году овдовѣла и дочь Скоропадской, нѣжинская полковница Ульяна Толстая: Толстой умеръ, какъ записано въ дневникѣ племянника паніи Скоропадской, «съ той причины, что питьемъ излишнимъ водки онъ повредилъ легкое и нажилъ эпилепсію».

Въ 1729 году Скоропадская снова ѣдетъ въ Москву со всею малороссійскою старшиною. У нея есть особая цѣль въ этой поѣздкѣ — исходатайствовать себѣ и вдовствующей дочери своей нѣсколько новыхъ маетностей отъ русскаго правительства.

Въ Москвѣ и Петербургѣ, при содѣйствіи графа Головкина, Скоропадская исходатайствовала себѣ новое царское жалованье, и императрица по этому случаю указомъ объявляла: «пожаловали мы гетманшу Скоропадскую, за вѣрную службу мужа ея, гетмана Ивана Скоропадскаго, — повелѣли дать ей для пропитанія отъ трехъ до четырехъ сотъ дворовъ, по ея смерть».

Въ то же время Скоропадская просила, чтобы ей позволено было взять къ себѣ дочь свою, вдову Толстую, которая, по высочайшему указу, находилась въ деревнѣ—и императрица снизошла и на эту просьбу заслуженной украинки.

Скоропадская въ этотъ разъ довольно долго оставалась въ Москвѣ и Петербургѣ:—это былъ ея послѣдній визитъ Великой Россіи, послѣднее путешествіе.

Подъ 15-мъ марта этого года въ дневникѣ Марковича значится: «Пани Скоропадская была у графа Головкина и благодарила его за опредѣленіе маетностей».

Подъ 14-мъ апрѣля читаемъ: «Пани принесена на Кучеровку, Сасиновку и Лиловицу грамота, а принесли подъячіе иностранной коллегіи, которымъ дали первѣйшему 15 рублей, а другому 3 рубли». Это—взятка Малороссіи великорусскому чиновничеству.

28-го апрѣля Скоропадская обратно выѣхала въ Украину, въ бывшую столицу свою Глуховъ.

Подъ 17-мъ іюня у Марковича отмѣчено: «Ясновельможная была у князя Шаховскаго, а потомъ съ нею я ѣздилъ до пана гетмана, гдѣ и обѣдали у паніи гетмановой».

Черезъ день въ дневникѣ отмѣчено: «Князь Шаховской визиту отдавалъ теткѣ моей»—т. е. Скоропадской.

Старая украинка знакома уже была съ европейскими обычаями. За то ей всѣ оказывали почетъ не по одному ея высокому положенію, но и по уму, по такту, съ которымъ она держала себя. Такъ въ дневникѣ Марковича не рѣдко встрѣчаются отмѣтки: «У тетки были послѣ обѣда князь съ княгинею и комендантша» и т. д.

Но не долго привелось прожить этой женщинѣ послѣ возвращенія изъ Великой Россіи.

Въ декабрѣ 1729 года Скоропадская занемогла и уже не вставала больше.

Вотъ какъ Марковичъ описываетъ послѣдніе дни своей ясновельможной тетки:

11-го декабря: «У тетки немоществующій былъ и ввечеру пріѣхалъ къ себѣ пообѣдать, а потомъ снова къ ней поѣхалъ и до поздна пробылъ».

16-го декабря: «Пани больше больна становится; я передъ полночью отъ нея въ домъ повернулся».

17-го: «Тетка немоществующая приняла маслосвятіе и исповѣдь и причастіе святыхъ таинъ».

18-го: «Тетка горше стала болѣть, а въ ночи совсѣмъ изнемогла»...

Наконецъ, 19-го декабря въ дневникѣ записано: «Тетка моя, Анастасія Скоропадская гетманова, сего утра годины съ полночи 7-й минутъ 40, временное сіе окончила житіе, при христіанской доброй рефлекціи; ибо, передъ кончиною, Господа Бога отъ сердца призывала и наконецъ сказала: «О тяжкая временная жизнь! О вѣчная будущей радость!»..

Въ высшей степени любопытно описаніе печальной процессіи, съ которою тѣло гетманши сопровождаемо было по городу, временной столицѣ гетмановъ Украины. И въ этой процессіи принимаетъ участіе уже не одна Малороссія: представители Великой Россіи также идутъ за гробомъ бывшей гетманши.

Вотъ это описаніе, помѣщенное подъ 21-мъ декабря:

«Рано по службѣ божіей, покойной ясновельможной тѣло положили въ труну, чорнымъ аксамитомъ съ золотымъ позаментомъ обитую, и подъ балдахиномъ, съ чернаго сукна сдѣланнымъ, цугомъ лошадей въ капахъ черныхъ повезли публично чрезъ городъ. При сей церемоніи присутствовали гетманъ съ гетмановою, князь Шаховскій съ княгинею и множество изъ великороссійскихъ знатныхъ лицъ, также и народъ.

«Выпроводивши гробъ за городъ, не доходя Четвертинского млина, они воротились, а мы поѣхали за тѣломъ и пріѣхали въ ночномъ времени къ монастырю Гамалѣевскому, гдѣ всѣ старицы съ свѣчами вышли противъ тѣла съ плачемъ и воплемъ безмѣрнымъ.

«Тѣло ввезли въ монастырь и поставили въ трапезѣ, гдѣ усмотрѣли, что на лицѣ покойной, на правой сторонѣ подбородка, очень красно, также и праваго уха нижній конецъ очень красенъ, и уши мягки, а лицо ни въ чемъ не измѣнилось, и какую-то вдячность и осклабленіе якобы показывало.

«Тутъ панихиду великую отправили».

Около мѣсяца тѣло усопшей гетманши оставалось не погребеннымъ.

Но вотъ 13-го января 1730 года совершено и погребеніе Скоропадской.

При погребеніи присутствовали: «съ духовенства архимандритъ новгородскій Нилъ, который службу божію служилъ и въ погре-

бенiи начальствовалъ, префектъ коллегiума кiевскаго Амвросiй Дубневичъ, который предику пространную говорилъ, монастыря петропавловскаго законники, пустынки мутинской начальникъ съ братiею, протопопъ глуховскiй со многими попами, также священники и съ другихъ городовъ, именно Воронежа, Новгородка и Кролевца. Изъ мiрскихъ лицъ знатнѣйшiя: пани гетманова, княгиня Шаховская и Мякинина, пани Петрова Апостолова и пани Михайлова, тетки пани Павлова и пани Миклашевская съ мужемъ, бригадиръ Арсеньевъ, панъ Федоръ Савичъ и другiе».

Тѣло гетманши положено рядомъ съ тѣломъ мужа, гетмана Скоропадскаго.

Нельзя при этомъ обойти молчаніемъ послѣднюю волю этой замѣчательной украинки, выраженную въ ея духовномъ завѣщанiи.

Высокой торжественностью и силой дышетъ языкъ этого завѣщанiя:

«Естества человѣческаго, прародительнымъ паденiемъ разрушеннаго, тотъ единый состоитъ долгъ: человѣкамъ смертнымъ, отъ персти созданнымъ, по смертномъ временного сего теченiя пресѣченiю, знову въ персть вселится...

«Сего ради я, будучи оному первому долгу генеральнымъ создателя своего опредѣленiемъ повинная, а другимъ по человѣколюбнымъ спасителя заповѣдемъ одолженная, завременно той послѣдней воспоминая предѣлъ»... объявляю мою послѣднюю волю и такъ далѣе. Воля эта, главнымъ образомъ, состояла въ томъ завѣтѣ, чтобы послѣ ея смерти между домашними и родными ея не было «мятежей, распрь, истязаній».

Въ предсмертныхъ распоряженiяхъ Скоропадская не забываетъ своихъ крестьянъ и служителей, и такъ торжественно наказываетъ наслѣдникамъ: «оставшихъ домашнихъ моихъ, а

особливо служителей дому моего, истязывать и затруднять никто же да дерзнетъ»...

Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отказѣ имѣнія дочери своей, Юліаніи Толстой, Скоропадская еще опредѣленнѣе выражаетъ свою заботу о служителяхъ дома.

«Служителей моихъ—говоритъ она—а особливо Андрея Кондзеровскаго и Агафію Ивановну, которые даже до кончины моей вѣрно и усердно зъ презрѣніемъ всякой пользы и покоя служили покойному сожителевѣ моему и мнѣ, имѣть оной дочери моей Уліанѣ и наслѣдникамъ въ особливомъ респектѣ и помомогать во всемъ».

Какъ ни была повидимому блестяща жизнь этой женщины, однако много пришлось ей пережить въ эпоху ломки, предпринятой Петромъ Великимъ на всѣхъ концахъ Россіи и не легко отразившейся на Малороссіи при окончательномъ сплоченіи ея съ Великою Россіею въ одно политическое, государственное и экономическое тѣло.

Припомнимъ только одно, что Скоропадская находилась въ родствѣ съ домомъ знаменитаго гетмана Павла Полуботка, отношенія котораго къ суровому преобразователю Россіи пріобрѣли такую печальную историческую извѣстность: — въ послѣднихъ, тщетныхъ порывахъ Малороссіи отклонить отъ себя тяжелую великороссійскую руку, Скоропадская стояла такъ-сказать между Сциллою и Харибдою, и надо было много умѣнья съ ея стороны, чтобы московская неудержимая сила не раздавила окончательно и того, что рѣшилось бы неблагоразумно ей сопротивляться, и того, что уже сознало безполезность этого сопротивленія.

III.

Матрена Балкъ.

(Матрена Ивановна Балкъ, урожденная Монсъ).

Матрена Балкъ, какъ мы видѣли выше, была родною сестрою той самой женщины, на которую пала первая любовь молодого «царя-работника» и которая, кажется, была не послѣднею, хотя, быть можетъ, невольною виновницею того, что Петръ задумалъ во что бы то ни стало прорубить окно въ Европу, откуда на него повѣяло и первою молодою любовью въ лицѣ хорошенькой дочери виноторговца, и охмѣляющимъ запахомъ цивилизаціи въ лицѣ женевца Лефорта.

Хотя Матрена была старшею сестрою Анны Монсъ, однако она много пережила свою знаменитую младшую сестру, и судьба ея имѣла, кажется, роковое вліяніе на Россію въ томъ отношеніи, что тотъ, кто любилъ ея младшую сестру и отчасти ради ея ввелъ свой народъ въ общій строй европейской цивилизаціи,—раньше былъ утраченъ Россіею, чѣмъ этого слѣдовало бы ожидать.

По многимъ причинамъ Матрена Балкъ заслужила историческое, хотя не вполнѣ завидное безсмертіе: она вмѣстѣ съ своей сестрой способствовала тому, что Петръ охотно мѣнялъ

традиціонныя удовольствія двора на новыя для него удовольствія нѣмецкаго общества «Кукуй-городка», потому что молодой царь охотно посѣщалъ домъ Монсовъ, гдѣ встрѣчалъ двухъ красивыхъ и развязныхъ дѣвушекъ-сестеръ; она вмѣстѣ съ сестрой способствовала, конечно рефлективно, тому, что симпатіи молодого царя, черезъ нихъ, стали тяготѣть болѣе къ западу, чѣмъ къ востоку; она же вмѣстѣ съ братомъ своимъ Виллимомъ, о которомъ мы тоже упоминали выше, несчастнымъ образомъ способствовала тому, что Петръ, умирая раньше чѣмъ бы слѣдовало, самою смертью своею какъ бы завѣщалъ своему народу нравственное служеніе той національности, изъ которой вышли сестры-дѣвушки, надолго приковавшія симпатіи царя-преобразователя и къ себѣ и къ создавшей ихъ національности.

Матрена Монсъ не долго однако оставалась въ родительскомъ домѣ, въ которомъ такъ часто видѣла молодого русскаго царя. Когда Петръ сталъ оказывать видимое вниманіе къ ихъ семейству, Матрена была просватана за одного изъ отличенныхъ царемъ слугъ своихъ, за Федора Николаевича Балка, который въ 1699 году былъ уже полковымъ командиромъ, и потомъ все болѣе и болѣе поднимался по служебной лѣстницѣ.

Такимъ образомъ сестры должны были разлучиться, хотя не надолго, и Матрена Монсъ стала называться Матреною Ивановною Балкъ или «Балкшею».

Хотя о послѣдующемъ за этимъ періодѣ жизни Матрены Балкъ и сохранилось не мало извѣстій, но событія жизни ея были не столь рельефны до роковаго 1724 года, чтобъ могли оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи.

Превратная судьба ея младшей сестры—любовь царя, потомъ грозная его «сиверка» вслѣдствіе тайной дружбы дѣвушки съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ, затѣмъ освобожденіе

опальной дѣвушки изъ-подъ трехлѣтняго домашняго ареста — все это непосредственно отражалось и на судьбѣ Матрены Балкъ.

Когда Петръ обнаружилъ, что любимая имъ дѣвушка тайно переписывается съ Кенигсекомъ, онъ велѣлъ арестовать ее, но не одну: съ нею арестована была и сестра Матрена, способствовавшая, какъ полагаютъ, тайнымъ сношеніямъ Анны съ Кенигсекомъ.

Мы видѣли, что три года лежала царская опала на провинившихся сестрахъ: три года они изнывали въ заперти, прибѣгали къ колдовству, ко всѣмъ таинственнымъ силамъ, чтобъ воротить къ себѣ милость обиженнаго царя, и только въ 1706 году были освобождены изъ-подъ ареста.

Мужъ Матрены Балкъ состоялъ въ это время въ должности коменданта вновь завоеваннаго Дерпта, и Матрена Ивановна, по освобожденіи изъ-подъ ареста, отправилась на житье къ мужу. Тамъ она пробыла до 1710 года, а оттуда царь, пожаловавъ Балка бригадиромъ, назначилъ его комендантомъ крѣпости Эльбинга, гдѣ они и находились до 1714 года.

Отъ этого времени сохранились письма Матрены къ брату Виллиму о сестрѣ Аннѣ, когда, покинутая Петромъ и потерявшая мужа, баронесса Кейзерлингъ уже томилась въ чахоткѣ и хлопотала о томъ, чтобъ не расхищено было имѣніе ея покойнаго мужа.

«Прошу тебя — пишетъ Матрена въ одномъ изъ этихъ писемъ брату — дѣлай все въ пользу Анны, не упускай время. Одинъ Богъ знаетъ, какъ больно мнѣ слышать упреки матушки, что мы не соблюдаемъ интересовъ нашей сестры».

Такъ горячо всѣ они любили свою Анну, которая дѣйствительно, должно быть, стоила такого горячаго чувства со стороны

всѣхъ, кто ее зналъ, не исключая и вѣчно-занятого царя-работника.

«Если не лучше будутъ дѣйствовать въ дѣлѣ любезной нашей сестры — пишетъ Матрена въ другомъ письмѣ къ брату — то маршалъ Кейзерлингъ достигнетъ своей цѣли и присвоитъ себѣ вещи покойнаго мужа Анны. Видно, ты не очень-то заботишься о данномъ тебѣ порученіи, за что и будешь отвѣчать передъ нашей сестрой».

Вездѣ эта сестра, эта общая любимица Анна — на первомъ планѣ.

Около этого времени или нѣсколько раньше (осенью 1711 года) счастливая, а скоро роковая судьба свела Матрену Балкъ съ будущей императрицей Екатериной Алексѣевной, которая вытѣсняла уже изъ сердца царя сестру Матрены, «любезную Аннушку».

Когда Матрена находилась съ мужемъ въ Эльбингѣ, туда пріѣхала Екатерина Алексѣевна, и государь писалъ, между прочимъ, мужу Матрены: «отпустилъ я жену свою въ Эльбингъ, къ вамъ — и что ей понадобится денегъ на покупку какой мелочи, дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ».

Расторопная и сметливая Балкъ скоро умѣла снискать расположеніе Екатерины до такой степени, что даже государь, можетъ быть въ угоду своей супругѣ, забылъ свою опалу на нее и на ея недавно овдовѣвшую сестру и показывалъ ей всѣ знаки царскаго вниманія. «Отпиши ко мнѣ — писалъ между прочимъ Петръ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ августѣ 1712 года — къ которому времени родитъ Матрена, чтобъ мнѣ поспѣть».

Черезъ два мѣсяца, Петръ, приказывая очистить Эльбингъ отъ войскъ, велитъ озаботиться, чтобъ Матрена была бережно вывезена изъ крѣпости впередъ съ обозами.—Видно, что Петръ

не забывалъ того времени, когда звалъ Матрену свою дѣвушкой въ «Кукуй-городкѣ» и былъ счастливъ тамъ своею первою привязанностью.

Всѣ эти знаки царскаго вниманія дали Матренѣ Ивановнѣ надежду на лучшія времена, и она стала рваться изъ Эльбинга въ Россію, ко двору, поближе къ тому свѣтлому центру, изъ котораго исторгло ихъ несчастіе сестры Анны.

Около этого времени и братъ ея Виллимъ уже далеко поднялся въ гору. Къ нему-то она теперь шлетъ письмо за письмомъ, чтобъ чрезъ вліятельныхъ особъ онъ вывелъ ее изъ далекаго Эльбинга, чтобъ у царя выхлопоталъ ей съ мужемъ переводъ по крайней мѣрѣ въ Або. «Здѣсь же все очень дорого—говоритъ она—а мужъ полтора года не получаетъ жалованья, и мы проживаемся; къ тому-же мой бѣдный мужъ такъ боленъ, что я опасаюсь за его жизнь».

Мало того, практическая Матрена не забываетъ выдвигать впередъ и своего сына Петра, который уже былъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ.

«Прошу васъ—пишетъ она къ брату—пожалуйста сдѣлайте, чтобъ сынъ мой Петръ у царя доброю оказіею былъ, понеже лучше чтобъ онъ у васъ былъ. Я надѣюсь, что онъ вскорѣ у васъ будетъ, понеже мужъ мой пошлетъ его съ дѣлами въ Санктпетербургъ».

Скоро—какъ намъ уже извѣстно—умерла ихъ общая любимица, сестра Анна.

Но это семейное горе умѣрялось другимъ счастьемъ: братъ Виллимъ шелъ въ гору такъ быстро, что у всякаго на его мѣстѣ должна была закружиться голова—и дѣйствительно, голова закружилась не только у красавца Виллима, но и у его умной сестры Матрены.

Въ 1716 году, Виллимъ Монсъ изъ «генеральсъ адъютантовъ» царя произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры ко двору царицы. Это была особая милость и царя и царицы: Виллимъ становится всесильнымъ временщикомъ даже при такомъ всезнающемъ и всевидящемъ царѣ, каковъ былъ Петръ.

«Я отъ сердца обрадовалась—писала по этому поводу сметливая Матрена къ брату—отъ сердца обрадовалась, что вы, любезный мой братъ, слава-богу въ добромъ здравіи—боже помози вамъ и впредь! А вы ко мнѣ пишите—что то къ счастію или несчастію. Богъ васъ сохранитъ отъ всякаго несчастія».

Да, это было и къ громадному счастью и къ еще болѣе громадному несчастью и Виллима и Матрены.

Матрена Ивановна достигла своихъ стремленій—она опять при дворѣ. Счастье широко имъ улыбнулось, только счастья этого уже не раздѣляла ихъ бѣдная Анна, лежавшая уже въ сырой землѣ и утратившая тотъ прелестный образъ, которымъ такъ многіе когда-то любовались.

Братъ Матрены сталъ общимъ любимцемъ при дворѣ. Въ него влюблялись всѣ фрейлины и другія важныя дѣвицы и дамы, а Матрена охотно становилась посредницей между влюбленными. Черезъ ея руки шли любовныя записки, признанія—и все это послѣ обнаружилось, а обнаруженное—стало потомъ достояніемъ архивовъ и исторіи.

Но этого мало. Братъ Матрены скоро сталъ буквально заправлять русскою землею, а за нимъ поднималась и Матрена, такъ что передъ братомъ и сестрой преклонялось все: князь Андрей Вяземскій, Иванъ Шуваловъ, отецъ будущаго временщика Елизаветы Петровны, князь Александръ Черкасскій, Артемій Волынскій, эта крупная личность того времени, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, Петръ Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Олсуфьевъ,

Іоганъ Эрнестъ Бирономъ, будущій грозный временщикъ другого царствованія, Лестокъ—опять тоже будущій временщикъ, Гагаринъ, Михаилъ Головкинъ, посолъ въ Берлинѣ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, Левъ Измайловъ, посолъ въ Китаѣ, Семенъ Нарышкинъ, князь Одоевскій, князь Никита Трубецкой, Владиміръ Шереметевъ, князь Сергѣй Юсуповъ—вся эта знать въ десяткахъ и сотняхъ то просительныхъ, то поздравительныхъ, то ласкательныхъ и запискивающихъ писемъ спѣшила расточать свою любезность передъ блестящимъ свѣтиломъ двора, повергать къ его ногамъ и къ погамъ его сестры Матрены Ивановны свои просьбы, жалобы, челобитья и т. д. и т. д.—все это патенты на историческое безсмертіе и все это теперь покоится въ архивахъ на полкахъ, ждетъ будущихъ историковъ.

Вся эта масса патентовъ на безсмертіе раскрылась тогда же, когда всесильный братъ и сестра его были арестованы и бумаги ихъ разобраны были самимъ Петромъ въ тайной канцеляріи.

И братъ и сестра обвинены были въ крупномъ, поголовномъ взяточничествѣ. Было за ними и другое, тайное преступленіе, о которомъ исторія можетъ только догадываться, потому что Петръ своею рукою закрылъ это преступленіе отъ взоровъ исторіи...

Не касаясь дѣяній Виллима Монсъ, мы укажемъ только на нѣсколько случаевъ лихоимства Матрены Балкъ, что и послужило открытымъ предлогомъ для суда надъ нею.

Петръ Салтыковъ даритъ ей возокъ, и вотъ Матрена Ивановна, зная, какъ силенъ братъ ея у императрицы, пишетъ ему: «Любезный братецъ! Петръ Салтыковъ посылаетъ къ тебѣ своего слугу и проситъ ради-бога похлопотать объ его имѣніи: его туда не пускаютъ. Сдѣлай пожалуйста все, что только возможно, потому что старая императрица (царица Прасковья) хочетъ взять имѣніе себѣ, и Олсуфьевъ посылалъ уже туда сво-

ихъ приказчиковъ, чтобъ силой завладѣть имѣніемъ Салтыкова».

Князь Алексѣй Долгорукой даетъ ей тоже хорошую взятку—коляску да шестерку лошадей—и Матрена Ивановна снова пишетъ брату: «князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой меня просилъ, чтобъ я къ тебѣ написала о немъ и просила бы тебя не оставить его и помочь ему въ его дѣлахъ... Прошу, любезный братецъ, помоги ему: онъ совершенно на тебя полагается».

Другіе князья Долгорукіе, князь Федоръ, княгиня Анна, а также жена Василія Лукича Долгорукова, княгиня Черкасская, Строгановъ, Шафировъ, княгиня Анна Голицына—все это даритъ Матрену съѣстными припасами, кофеемъ, опахалами, атласомъ китайскимъ, балберекомъ; даже царевны Прасковья Ивановна, Анна Ивановна и сама царица Прасковья дарятъ ей кто пятьдесятъ рублевъ, кто двѣсти червонныхъ.

Прослуживъ полтретья года (1717—1718) гофмейстериною при дворѣ Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, и попавъ потомъ ко двору Екатерины Алексѣевны, Матрена Балкъ жаловалась, что «одолжилась на этой службѣ многими долгами», и потому просила государыню пожаловать ей—въ уѣздѣ кексгольмскомъ «питерскій погостъ», да въ козельскомъ уѣздѣ три села съ приселками и деревнями и со всѣми угодьями, да въ дерптскомъ уѣздѣ одну мызу, да нѣсколько деревень въ Украйнѣ, оставшихся послѣ полковника Перекрестова.

Лѣтъ восемь продолжалось это темное царствованіе надъ русскою землею сестры и брата, которыхъ власть изъ честныхъ простыхъ нѣмцевъ низвела на такую степень гражданской деморализаціи, до которой трудно человѣку принизиться, не ослѣп-

нувъ окончательно отъ блеска опьяняющей и одуряющей славы и власти.

А причина этому, главнымъ образомъ, была въ томъ, что великій Петръ сталъ сильно старѣть и хилѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало притупляться и его недреманное, зоркое око.

Только за два мѣсяца до смерти какая-то невидимая рука приподняла завѣсу съ заслѣпленныхъ глазъ царя: царь получилъ ясныя указанія на то, что Монсъ и его сестра Балкъ обманываютъ его самымъ гнуснымъ образомъ, обманываютъ не только какъ царя, но и какъ супруга, нѣжно, до самой смерти любившаго своего послѣдняго «друга сердешнинькаго Катеринушку», которая замѣнила ему, насколько это было возможно, его первую любовь.

Царю кто-то подалъ «сильненькое» письмо, а о чемъ или о комъ—то зналъ одинъ лишь царь да таинственный доносчикъ.

Это былъ страшный ударъ для государя: даже его желѣзную силу пошатнулъ этотъ ударъ.

Въ ночь съ 8 на 9 ноября 1724 года послѣдовалъ арестъ Виллима Монса.

Узнавъ объ этомъ, Матрена Ивановна слегла въ постель: она поняла, что страшный топоръ занесенъ и надъ ея умной головой.

Рано утромъ, 13 числа, дѣйствительно явился и къ ней страшный Андрей Ивановичъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи. Генеральша должна была встать съ постели и слѣдовать за Ушаковымъ въ его домъ, оцѣпленный стражей.

Страшенъ былъ допросъ Виллима Монса: его допрашивалъ самъ царь, при одномъ видѣ котораго подсудимый упалъ въ обморокъ. Но Матрена Ивановна ничего пока этого не знала: она должна была сама давать показанія на вопросы, которые и ей задавалъ самъ государь. Въ чемъ состояли эти устные

вопросы и отвѣты—осталось никому неизвѣстнымъ кромѣ царя и самой допрашиваемой.

На бумагѣ же со словъ ея было записано слѣдующее:

— Брала я взятки съ служителей Грузинцовыхъ сто рублей.

— Купецкой человѣкъ Красносельцовъ далъ четыреста рублей.

— Купчина Юринской, бывшій съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косяка камки и китайской атласъ.

— Купецъ иноземецъ Мееръ триста червонныхъ.

— Капитанъ Альбрехтъ долгу своего на мнѣ уступилъ сто двадцать рублей.

— Сынъ игумены, князь Василій Ржевской, закладныя мои серьги во ста рубляхъ отдалъ безденежно.

— Посолъ въ Китаѣ Левъ Измайловъ, по пріѣздѣ, подарилъ три косяка камки да десять фунтовъ чаю.

— Петръ Салтыковъ—старый недорогой возокъ.

— Астраханской губернаторъ Волынской—полпуда кофею.

— Великій канцлеръ графъ Головкинъ—двадцать возовъ сѣна.

— Князь Юрій Гагаринъ—четыре серебряныхъ фляши.

— Князь Федоръ Долгоруковъ—полпуда кофею.

— Князь Алексѣй Долгоруковъ далъ старую коляску да шестерикъ не дорогихъ лошадей.

— Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ на имянины подарилъ мнѣ маленькой перстень алмазной, а послѣ пятьдесятъ четвертей муки.

— Его высочество герцогъ голштинской — два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ, и ленту.

— Купчиха Любсъ—парчу на кафтанъ, штофу шелковаго на самаръ.

— Баронесса Строганова—балберекy тридцать аршинъ.

— Баронесса Шафирова, жена бывшаго вице-канцлера—штофъ шелковой.

— Княгиня Черкасская—атласъ китайской.

— Княгиня Долгорукова, жена посла Василія Лукича—опахало.

— Княгиня Анна Долгорукова—запасу разнаго.

— Княгиня Анна Ивановна Голицына—тоже.

— Княгиня Меншикова—на имянины ленту шитую золотомъ.

— Царевна Прасковья Ивановна — четыреста или пятьсотъ рублей, того не помню, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила; отъ нея-жъ кусокъ полотна варандорфскаго и запасы съѣстные—запасы тѣ за то, чтобъ просила я у брата о домовомъ ея раздѣлѣ съ сестрами.

— Царевна Анна Ивановна, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

— Царица Прасковья Федоровна подарила двѣсти червонцевъ.

— Да нынѣ, въ Москвѣ, изъ многихъ господскихъ домовъ присылали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запасу домоваго, а сколько и когда—не помню.

Въ тотъ же день, 13 ноября, послѣ полудня, отрядъ солдатъ съ чиновникомъ и барабанщиками проходилъ по улицамъ и площадямъ Петербурга, и когда сбѣгался народъ на барабанный бой, ему объявляли, чтобъ каждый изъ нихъ, кто давалъ взятки камергеру Монсу и сестрѣ его генеральшѣ Балкъ, или знаетъ что объ этомъ, немедленно доводилъ о томъ до свѣдѣнія начальства, подъ страхомъ тяжкаго паказанія.

14 ноября—тотъ же барабанный бой по городу.

15 ноября состоялось постановленіе «вышняго суда»:—«учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь».

15 же ноября самъ государь на докладѣ дѣла написалъ: «Матрену Балкшу—бить кнутомъ и сослать въ Тобольскъ». Другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу подвергнуть инымъ соотвѣтственнымъ наказаніямъ, и въ томъ числѣ перваго пажа Екатерины, Григорія Солового—высѣчь батогами и написать въ солдаты.

15 же ноября на стѣнахъ домовъ въ Петербургѣ прибита была слѣдующая публикація:

1724 года, ноября въ 15 день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго, объявляется во всенародное вѣдѣніе: завтра, то-есть 16 числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на троицкой площади экзекуція бывшему камергеру Виллиму Монсу, да сестрѣ его Балкшѣ, подъячему Егору Столѣтову, камеръ-лакею Ивану Балакиреву (знаменитому шуту Балакиреву!)—за ихъ плутовство такое: что Монсъ, и сестра его, и Егоръ Столѣтовъ, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали винныхъ плутовъ отъ обличенія винъ ихъ, и брали за то великія взятки, и Балакиревъ въ томъ Монсу и протчимъ служилъ.

16 ноября Монсу отрублена была голова.

Тутъ же, у трупа брата, Матренѣ Балкъ читано было:

«Матрена Балкъ! понеже ты вступила въ дѣла, которыя дѣлала чрезъ брата своего Виллима Монса при дворѣ его императорскаго величества, непристойныя ему, и за то брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество—бить тебя кнутомъ и сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье».

Экзекуція кончилась.

Тутъ же, на особыхъ столбахъ, прибиты были росписи взяткамъ: имена тѣхъ, кто бралъ, и тѣхъ—кто давалъ.

Все это дѣло Монса и его сестры—странное и таинственное дѣло.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Россіи такъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ:

«Въ ноябрѣ 1724 года государь Петръ I испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Довѣреннѣйшими и приближеннѣйшими особами его супруги были: первый ея камергеръ Монсъ и его сестра, вдова генерала Балкъ. Монсъ пріобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Екатерины, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ исходатайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ наконецъ о взяточничествѣ Монса. Монсъ и его фамилія были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ—заключаетъ этотъ историкъ—изъ донесенія австрійскаго посла, графа Рабутина, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Монса и его слишкомъ услужливой сестры: преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе»...

Другіе же, менѣе достовѣрные повѣствователи этого событія разсказываютъ дѣло съ подробностями, не совсѣмъ вѣроятными, хотя и построенными на исторической основѣ, на фактахъ, которыхъ отрицать нельзя.

Говорятъ, что Монса погубила собственная красота его и злоупотребленіе ею, а сестру его—неумѣстная услужливость.

Гельбигъ повѣствуетъ, что когда Монсъ заслужилъ особенное вниманіе Екатерины Алексѣевны и сталъ имъ охотно пользоваться, то «чтобъ удержать взаимную склонность въ границахъ приличія, необходимо было дать этому любимцу какое-нибудь мѣсто при дворѣ, и, такимъ образомъ, вести интригу, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія. Екатерина повела дѣло искусно: Монсъ произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры, а потомъ въ камергеры ея двора. Петръ ничего не подозрѣвалъ; разъ только

царевна Елизавета, тогда еще болтливый и рѣзвый ребенокъ, разсказала, что маменька очень смутилась, когда она приходомъ своимъ прервала бесѣду ея съ Монсомъ. Отецъ не обратилъ вниманія на дѣтскую болтовню, и дѣло на ту пору обошлось безъ послѣдствій. Нѣсколько времени спустя, Петръ получилъ доносъ болѣе опредѣленный; тогда онъ далъ генеральшѣ Балкъ щекотливое порученіе подсматривать за братомъ. 8 ноября 1724 года, государю вздумалось съѣздить въ Шлиссельбургъ. По доносу П. И. Ягужинскаго, ревнивый Петръ, нѣсколько часовъ спустя, вернулся въ городъ и никѣмъ не замѣченный пробрался во дворецъ (нынѣ екатерининскій институтъ), гдѣ и засталъ супругу, бесѣдующую съ Монсомъ; тутъ же была его сестра, Балкъ».

Послѣ ужасной сцены—по словамъ того же Гельбига—Петръ ужиналъ, по обыкновенію, во дворцѣ, а на другой день Монсъ былъ арестованъ; вслѣдъ за Монсомъ посадили въ крѣпость Матрену Балкъ, секретаря императрицы и одного камеръ-лакея. Петръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, самъ снималъ допросы съ виновнаго. Дѣятельнымъ пособникомъ при розыскѣ былъ Ушаковъ. Разсказываютъ, что при этомъ монархъ пришелъ однажды въ такой гнѣвъ, что хотѣлъ собственноручно покарать красавца-камергера, но Никита Ивановичъ Рѣпнинъ, случившійся при этомъ, удержалъ разгнѣваннаго властелина. Слѣдствіе и судъ произведены были съ необыкновенною скоростью. 10-го ноября обвиненнаго привезли въ зимній дворецъ, гдѣ собрался верховный судъ. Разсказываютъ, что здѣсь несчастнаго схватилъ параличъ. 16-го ноября Монсъ былъ выведенъ изъ крѣпости, подъ прикрытіемъ большого конвоя.—Онъ простился съ дворовыми людьми своими, которые проливали слезы, обнимая въ послѣдній разъ своего господина. Близъ сената, на петербургской сторонѣ, на томъ са-

момъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибъ на висѣлицѣ князь Гагаринъ, прочитанъ былъ Монсу смертный приговоръ. Оффиціальнымъ предлогомъ къ его осужденію было обвиненіе въ лихоимствѣ.—Камергеръ выслушалъ приговоръ съ необыкновенною твердостью; снялъ съ себя нагольный тулупъ, шейный платокъ, положилъ голову на плаху, подарилъ сопровождавшему его пастору золотые часы съ портретомъ государыни и просилъ у палача одной милости—отрубить голову скорѣе, съ одного удара. Голова была отдѣлена отъ туловища и взоткнута на шестъ, а тѣло долго еще лежало на мѣстѣ казни. Въ тотъ же день, мимо рокового помоста проѣхалъ государь въ саняхъ съ своею супругою и указалъ трепещущей Екатеринѣ на голову нѣкогда дорогого ей камергера.

Не смѣя заступиться за него во время слѣдствія и суда, Екатерина, говорятъ, молила государя о пощадѣ Матрены Балкъ, сестры несчастнаго Монса. Разгнѣванный Петръ ударомъ кулака разбилъ большое венеціанское зеркало. «Видишь—сказалъ онъ женѣ — одного удара достаточно было, чтобъ разбить эту драгоцѣнность: одного слова будетъ довольно, чтобъ обратить тебя въ прахъ, изъ котораго я тебя возвысилъ. Нѣжная супруга сія—новѣствуетъ Голиковъ — съ умилительнымъ прискорбіемъ взглянувъ на великаго монарха, отвѣчала: «вы разбили прекрасное украшеніе своего дворца—неужели вы думаете, что дворецъ станетъ отъ этого лучше?»

Говорятъ также, что отрубленную голову Монса государь приказалъ положить въ спиртъ и поставилъ сначала ее въ кабинетъ императрицы, а потомъ отдалъ на сохраненіе въ академическій музей вмѣстѣ съ хранившеюся уже тамъ другою прекрасною отрубленною головою дѣвицы Гамильтонъ, о которой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

Разсказываютъ при этомъ, что государь хотѣлъ наказать и Екатерину, но только Толстой и Остерманъ остановили разгнѣваннаго монарха: они представили ему, что если Екатерину постигнетъ безславная смерть, то безславіе это падетъ и на дочерей государя, ни въ чемъ неповинныхъ великихъ княженъ, и бѣдныя дѣвушки не найдутъ жениховъ. Прибавляютъ къ этому, что Петръ хотѣлъ будто бы лишить жизни и своихъ неповинныхъ дочерей, но ходившая за ними француженка-гувернантка спасла своихъ воспитанницъ, спрятавшись съ ними, въ моментъ гнѣва государя, подъ столъ.

Къ числу бездоказательныхъ добавленій къ этимъ событіямъ принадлежитъ и то, будто бы Екатерина за смерть Монса заплатила Петру отравой, въ чемъ ей помогъ Меншиковъ. — Ясно, что это сказки, какъ результатъ тогдашнихъ догадокъ, перешептываній: — всякій не дознанный фактъ родитъ фабулу, мифъ, легенду.

Что касается лично до Матрены Балкъ, то легенда присовокупляетъ, что женщина эта молила царя о пощадѣ, напоминала ему о его первой, молодой любви къ покойной сестрѣ ея— и Петръ, будто бы, обнялъ ее, поцѣловалъ, но не простилъ: «прощеніе не въ моей власти», сказалъ монархъ; однако же смягчилъ жестокость публичной казни, повелѣвъ дать сестрѣ Анны Монсъ вмѣсто десяти ударовъ кнутомъ—пять.

Въ основѣ и эти фабулы имѣютъ долю правды; но подробности—больше чѣмъ сомнительны.

Черезъ два мѣсяца послѣ этой катастрофы государь умираетъ: — болѣе чѣмъ вѣроятно, что глубокое огорченіе, причиненное ему Монсами, свело въ могилу этого великана русской земли раньше срока, положеннаго ему его желѣзною, незнавшею устали натурою.

На престолъ вступаетъ императрица Екатерина Первая.

Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только что возвѣщалось по улицамъ и площадямъ созданной имъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина—говоритъ новѣйшій изслѣдователь этой эпохи на основаніи архивныхъ документовъ—изрекла милостивое прощеніе бывшей своей довѣреннѣйшей подругѣ, Матренѣ Балкъ, и всѣмъ пострадавшимъ по ея дѣлу.

Прощеніе изрекалось въ такой формѣ: «ради поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрену Балкшу не ссылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено по дѣламъ вышняго суда, но вернуть съ дороги и быть ей въ Москвѣ».

Ее воротили съ дороги.

Москва, нѣмецкая слобода, мѣсто родины, мѣсто дѣтскихъ игръ съ покойною сестрою Анною, мѣсто перваго знакомства съ великимъ царемъ, тоже покойникомъ—вотъ что нашла Матрена Балкъ вмѣсто далекаго и холоднаго Тобольска.

Но она была уже стара: не много лѣтъ оставалось ей прожить въ довольствѣ и счастьи, что едва ли совмѣстно съ жгучими воспоминаніями о пережитой жизни, о прекрасной головѣ брата, взоткнутой на шестъ, о чахоточной сестрѣ, съѣденной этою самою жгучею жизнью.

Но у Матрены Балкъ были дѣти. Ея красавицу дочь Наталью ожидала такая же страшная судьба, какъ страшно было все въ то удивительное время. —Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

IV.

Фрейлина Гамильтонъ.

(Фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ).

Между историческими женскими личностями, которыя заслужили безсмертіе или славною дѣятельностію, вписавшею имена ихъ въ списокъ лучшихъ людей человѣчества, или непосредственнымъ отношеніемъ къ лицамъ и событіямъ, достойнымъ вѣчной исторической памяти, или же, наконецъ, превратностями своей судьбы,—къ сожалѣнію есть и такія, на долю которыхъ выпало безсмертіе иного рода, безсмертіе—какъ историческая кара за злыя дѣянія, за роковыя ошибки, за униженіе человѣческаго имени. Исторія не обходитъ ни Леонида, павшаго при Фермопилахъ для спасенія отечества, ни Герострата, безумно сжегшаго храмъ Діаны, это чудо свѣта; она даетъ безсмертіе матери Гракховъ; она же не можетъ отнять безсмертія и у матери Нерона. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что наше, русское, прошедшее даетъ намъ примѣровъ безсмертія перваго рода больше чѣмъ послѣдняго.

Къ несчастнымъ личностямъ послѣдняго рода между историческими русскими женщинами слѣдуетъ отнести дѣвицу Г а-

V.

Кронъ-принцесса Шарлотта.

(Супруга царевича Алексѣя Петровича).

Двѣ женщины имѣли роковое значеніе въ трагической судьбѣ царевича Алексѣя Петровича. Мало того, роковымъ отношеніямъ этихъ женщинъ къ царевичу Россія обязана тѣми долгими смутами, которыя привелось переживать ей въ теченіе всего восемнадцатаго столѣтія именно потому, что Алексѣй въ жизни своей столкнулся съ этими двумя женщинами и что наиболѣе изъ нихъ любимая имъ невольно свела царевича въ могилу, когда, быть можетъ, ему оставалось еще жить очень долго.

Женщины эти были—кронъ-принцесса Шарлотта, которую царевичъ не любилъ, и Афросинья Федорова, крѣпостная дѣвка Вяземскаго, которую несчастный царевичъ любилъ повидимому первою и послѣднею любовью и для которой отказывался отъ отца, отъ короны и скипетра, отъ обладанія всею русскою землею.

Въ годъ полтавской побѣды, въ маѣ 1709 года, Петръ отправилъ царевича заграницу учиться. Пребываніе Алексѣя Петровича заграницею должно было имѣть и другую цѣль: отецъ задумалъ его женить на какой-нибудь иноземной принцессѣ.

«Зоонъ!—писалъ царь къ сыну, называя его «зоономъ», т. е. «сыномъ», понѣмецки или поголландски—Sohn.—«Зоонъ! объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ, и, кому съ вами ѣхать, прикажетъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, такъ геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію скончишь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ».

«Отпиши»—это, значитъ, конецъ ученью и начало женитьбы.

Черезъ полтора года приставленные къ царевичу дядьки—князь Трубецкой и графъ Головкинъ, уже пишутъ царю: «Государь царевичъ обрѣтается въ добромъ здравіи и въ наказанныхъ наукахъ прилежно обращается, сверхъ тѣхъ геометрическихъ частей, о которыхъ 7 сего декабря мы доносили, выучилъ еще профондиметрію и стереометрію, и такъ съ божіею помощью геометрію всю окончилъ».

Пора и женить; но женить на иноземкѣ, чтобъ съ молодою женою сына царя-преобразователя пересадить на русскую почву новую женщину взамѣнъ тѣхъ, которыя тихонько носятъ тѣлогрѣи и «дьявольскія кики» и которыя сердцемъ и умомъ живутъ въ старинѣ.

Сватанье дѣйствительно началось, хотя царевичъ всѣми силами старался оттянуть это роковое для него дѣло, и, если можно, воротиться въ Россію неженатымъ. Есть основанія предполагать, что въ это время онъ уже любилъ ту другую женщину, которая и ускорила его конецъ, хотя этого и не могла желать.

Изъ заграничныхъ невѣстъ выборъ совѣтниковъ Петра и приставниковъ царевича остановился на Софіи-Шарлоттѣ, прин-

цессѣ бланкенбургской, сестра которой Елизавета была замужемъ за австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ, вослѣдствіи императоромъ Карломъ VI—родня, слѣдовательно, приличная, уважаемая въ Европѣ.

«Домъ нашихъ сватовъ — изрядной», писалъ Петръ своему сенату.

Но были и другіе царственные дома, которые желали бы войти въ родство съ могущественнымъ сѣвернымъ царемъ: австрійскій дворъ хотѣлъ женить царевича на своей эрцгерцогинѣ, и вдовствующая императрица сердилась, что царскіе сваты больше клонили на сторону Шарлотты бланкенбургской.

Главнымъ сватомъ былъ посланникъ Урбихъ. На него-то и сердилась вдовствующая императрица австрійская: «и мнѣ отъ ея придворныхъ дамъ выговаривано—писалъ Урбихъ Головкину—потому что онѣ въ то же время очень надѣялись ввести въ Россію отправленіе католической вѣры».

Царевичъ былъ на-сторожѣ. До него не могли не доходить и эти слухи, о томъ, что съ помощью его женитьбы русскій народъ станутъ нудить въ католичество.

Это понимали и заграницей, и вотъ почему дѣдъ принцессы Шарлотты, старый герцогъ Антонъ-Ульрихъ, писалъ Урбиху уже въ августѣ 1710 года:

«Царевичъ очень встревоженъ свиданіемъ, которое вы имѣли въ Эйзенахѣ съ Шлейницемъ, думая, что вы конечно опредѣлили условія супружества, по указу царскаго величества. Причина тревоги та, что народъ русскій никакъ не хочетъ этого супружества, видя, что не будетъ болѣе входить въ кровный союзъ съ своимъ государемъ. Люди, имѣющіе вліяніе у принца, употребляютъ религіозныя внушенія, чтобъ заставить его порвать дѣло, или, по крайней мѣрѣ, не допускать до заключенія брака, про-

тягивая время. Они поддерживаютъ въ принцѣ сильное отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ, и внушаютъ ему ненависть къ иностранцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, хотятъ овладѣть его высочествомъ посредствомъ этого брака. Принцъ начинаетъ ласково обходиться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейссенфельдъ, не съ тѣмъ, чтобы вступить съ ними въ обязательство, но только дѣлая видъ для царя отца своего и употребляя послѣдній способъ къ отсрочкѣ. Онъ проситъ у отца позволенія посмотрѣть еще другихъ принцессъ, въ надеждѣ, что между тѣмъ представится случай уѣхать въ Москву и тогда онъ уговоритъ царя, чтобъ позволилъ ему взять жену изъ своего народа. Сильно ненавидятъ васъ. Думаютъ, что выборъ московской государыни дѣло такой важности, что его нельзя поручить иностранцу... Госпожа Матвѣева, въ проѣздъ свой черезъ Дрезденъ, объявляла въ разныхъ разговорахъ, что царевичъ никогда не возьметъ за себя иностранку, хотя Матвѣевъ удовольствованъ былъ дворомъ вольфенбительскимъ».

И между тѣмъ, понимая все это, сваты настаивали на своемъ, не заботясь о томъ, что дѣвушка, на которой принудятъ царевича жениться, будетъ непремѣнно жертвою.

Впрочемъ, раздумье это брало стараго дѣдушку принцессы Шарлотты.

Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ Урбиху: «О намѣреніи царскомъ не сомнѣваюсь. Но можетъ ли онъ принудить принца къ такому супружеству, и что будетъ съ принцессою, если принцъ женится на ней противъ воли? Какъ бы объ этомъ царю донести и его отъ такихъ людей остеречь?»

Но упрямый царь никого и ничего не слушалъ: онъ видѣлъ впереди одну цѣль—новую Россію и сближеніе ея съ Европою. Онъ даже забылъ горькій опытъ своей молодой жизни, когда его

невѣстою или только не по любви женили на царицѣ Евдокіи Лопухиной.

Мать Шарлотты, какъ и всѣ остальные, была ослѣплена своими честолюбивыми мечтами и блескомъ имени русской царицы, которою будетъ ея дочь.

Вотъ съ какимъ торжествомъ пишетъ эта мать Урбиху о томъ, что царевичъ ласково взглянулъ на ея дочь:

«Страхи, которымъ мы предавались, и быть можетъ не безъ основанія, вдругъ разсѣялись въ такое время, когда всего менѣе можно было этого ожидать, разсѣялись какъ туча, скрывающая солнечные лучи, и наступаетъ хорошая погода, когда ждали ненастья. Царевичъ объяснился съ польскою королевой и потомъ съ моею дочерью самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ. Моя дочь Шарлотта увѣряетъ меня, что принцъ очень перемѣнился къ своей выгодѣ, что онъ очень уменъ, что у него самыя пріятныя манеры, что онъ честенъ, что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честію, какую принцъ и царь оказали ей своимъ выборомъ. Мнѣ не остается желать ничего болѣе, какъ заключенія такого хорошаго начала, и чтобъ дѣло не затянулось. Я увѣрена, что все сказанное мною доставитъ вамъ удовольствіе, потому что вы сильно желали этого союза; а я и супругъ мой—мы гордимся дочерью, удостоившеюся столь великой чести».

Искренно ли говорила дѣвушка то, что передавала ея мать, и говорила ли даже—трудно рѣшить.

Но царевичъ дѣйствительно рѣшился: онъ видѣлъ, что судьбы своей ему не избѣжать, какъ не убѣжать отъ отца. Отцу-то онъ и объявилъ, что исполняетъ его наказъ — готовъ жениться на иноземкѣ.

Въ это время онъ былъ еще въ Саксоніи, гдѣ, при дворѣ польско-саксонскомъ короля Августа, и находилась его невѣста, какъ родственница короля.

Но царевичъ больше вѣрилъ своему духовнику, чѣмъ отцу, и вотъ что онъ писалъ тайно отъ отца своей «святынѣ», своему отцу духовному Якову Игнатьеву:

«Извѣствую вашей святыни, помянутый курьеръ пріѣзжалъ съ тѣмъ: есть здѣсь князь вольфенбительской, живетъ близъ Саксоніи, и у него есть дочь дѣвица, а сродникъ онъ польскому королю, который и Саксоніею владѣетъ, Августъ, и та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожь мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, и я ее видѣлъ, и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ оная мнѣ показалась, и есть ли моя воля съ нею въ супружество. А я уже извѣстенъ, что онъ не хочетъ меня женить на русской, но на здѣшней, на какой я хочу. И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ, и лучше ея мнѣ здѣсь не сыскать. Прошу васъ, пожалуй помолись, буде есть воля божія, чтобъ сіе совершилъ, а буде нѣтъ — чтобъ разрушилъ, понеже мое упованіе въ немъ, все какъ онъ хощетъ, такъ и творитъ, и отпиши, какъ твое сердце чуетъ о семъ дѣлѣ».

Это было начало 1711 года. Все больше и больше старая Русь чуяла, что не воскреснуть ей въ прежнихъ формахъ. А тутъ и царевичъ—единственная надежда старой Руси—женится на иноземкѣ, на иновѣркѣ.

Духовникъ пишетъ къ царевичу, что невѣсту его слѣдуетъ обратить въ православіе. Духовникъ правъ—и царевичъ хорошо

понимаетъ это. Но какъ принудить дѣвушку къ перемѣнѣ вѣры, когда, можетъ быть, и отецъ не позволитъ этого?

«Противъ писанія твоего о моемъ собственномъ дѣлѣ—отвѣчаетъ царевичъ духовнику—понудить ту особу къ воспріятію нашея вѣры вѣсьма невозможно, но развѣ послѣ, когда оная въ наши краи пріѣдетъ, и сама разсмотритъ, можетъ то и сочинити, а прежъ того весьма сему состоятся невозможно».

Нельзя не видѣть, что Петръ сильно торопилъ свадьбой сына.

Не смотря на то, что весной этого года ему приходилось уже, отъ стычекъ съ шведами на сѣверѣ, скакать на югъ для войны съ турками, онъ и въ дорогѣ занимается свадьбой сына.

Въ Галиціи, въ мѣстечкѣ Яворовѣ, Петръ подписываетъ брачный контрактъ сына: кронъ-принцесса остается при своемъ евангелическо-лютеранскомъ исповѣданіи; дѣти ея принимаютъ греческій законъ; кронъ-принцесса получаетъ пятьдесятъ тысячъ рублей ежегоднаго содержанія изъ царской казны и, кромѣ того, половину этой суммы при совершеніи брака.

Контрактъ переданъ царевичу, и онъ долженъ самъ отправляться съ нимъ къ родителямъ невѣсты. Но бережливый Петръ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ и нерѣдко отказывавшій себѣ въ необходимомъ, поручилъ сыну что-либо выторговать изъ условной суммы.

Но расчетливыхъ нѣмцевъ не легко было побѣдить на этомъ пунктѣ, и царевичъ призналъ себя побѣжденнымъ—не выторговалъ ни одного рубля.

«По указу, государь, твоему—пишетъ онъ отцу—о деньгахъ повсегодной дачи невѣстѣ моей зѣло я домогался, чтобъ было сорокъ тысячъ, и они сего не соизволили, и просили больше; только я какъ могъ старался, и не могъ ихъ на то привести, чтобъ взяли меньше пятидесяти тысячъ, и я, по указу твоему, въ томъ

же письмѣ, буде они не похотятъ сорока тысячъ, позволилъ до пятидесяти, на сіе ихъ склонилъ съ великою трудностію, чтобъ взяли пятьдесятъ тысячъ, и о семъ довольны, и сіе число вписалъ я въ порожнее мѣсто въ трактатѣ; а что по смерти моей, будетъ она не похочетъ жить въ государствѣ нашемъ, дать меньше дачю, на сіе они весьма не похотѣли, и просили, чтобъ быть равной дачѣ по смерти моей, какъ на Москвѣ, такъ и въ выѣздѣ изъ нашего государства, о чемъ я много старался, чтобы столько не просили, и однакожь не могъ сдѣлать, и по указу твоему— будетъ они за сіе заупрямятся, написать ровную дачю—и въ трактатѣ написалъ ровную дачю, и сіе учиня, подписалъ я, тожде и они своими руками размѣнялись, и тако сіе съ помощію божіею окончили. Перстня здѣсь не могъ сыскать, и для того послалъ въ Дрезденъ и въ иныя мѣста».

Контрактъ подписанъ—отступленіе для царевича невозможно. Волей-неволей онъ становится уже оглашеннымъ женихомъ кронъ-принцессы.

Все лѣто онъ живетъ у родныхъ невѣсты. Тяжелое это было лѣто и для Петра и для его сына: Петръ пережилъ «прутскій походъ», царевичъ—послѣдніе дни своей нравственной независимости.

Едва Петръ воротился изъ прутскаго похода, какъ послѣдовало и совершеніе брака.

«Господа сенатъ!—писалъ царь въ Петербургъ:—объявляемъ вамъ, что сегодня бракъ сына моего совершился здѣсь въ Торгау, въ домѣ королевы польской, на которомъ бракѣ довольно было знатныхъ персонъ. Домъ князей вольфенбителскихъ, нашихъ сватовъ, изрядной».

Но неугомонный царь не знаетъ устали. Не хочетъ онъ, чтобъ съ нею былъ знакомъ и его сынъ. Хочетъ онъ къ тому же пріі-

учить и его молоденькую жену, какъ пріучилъ «сердешнинькаго друга своего Катеринушку».

Черезъ три дня послѣ свадьбы мужъ кронъ-принцессы уже получаетъ приказъ отъ отца—немедленно ѣхать въ Торнъ и тамъ завѣдывать продовольствіемъ русскихъ войскъ.

Страннымъ и горькимъ должно было показаться новобрачной кронъ-принцессѣ такое неожиданное распоряженіе ея новаго отца:—прямо изъ-подъ вѣнца да на фуражировку.

Но надо было покориться свѣтилу, спутникомъ котораго она сдѣлалась именно вслѣдствіе силы тяготѣнія къ этому большому свѣтилу.

Какъ ни было горько и обидно молодой женщинѣ, но она должна была вынести первую разлуку, о которой уже распускались неблагопріятные толки, дошедшіе и до Вѣны.

«Изъ Саксоніи много нехорошихъ вещей сюда писано—извѣщалъ Урбихъ Головкина—чѣмъ почти весь городъ наполненъ, между прочимъ—что бракъ хотя и совершенъ, однако къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ: кронъ-принцъ кронъ-принцессу оставилъ, и когда та требовала на два дня сроку чтобъ дорожную постель взять, кронъ-принцъ ей жестоко отвѣчалъ и уѣхалъ; всѣ придворные служители отставлены. Но когда я въ Вольфенбителѣ и Дрезденѣ навѣдался, то мнѣ отписали совершенно противное, именно—что обѣ стороны довольны».

За продовольствіемъ арміи царевичу некогда было думать о молодой женѣ. Изъ Торна онъ пишетъ отцу только о дѣлѣ, и если однажды и упоминаетъ о женѣ, то опять-таки съ провіантской точки зрѣнія.

«Жена моя еще сюда не бывала. Ожидаю вскорѣ. И какъ она будетъ, за людьми ея смотрѣть буду, чтобъ они жили смирно и никакой обиды здѣшнимъ людямъ не чинили».

Наконецъ, къ концу года пріѣхала къ нему и молодая жена. Но на первыхъ же порахъ жизнь ея въ новой обстановкѣ не могла показаться ей привлекательною: жена наслѣдника русскаго престола, не испытавшая до того времени подъ крыломъ матери нужды въ деньгахъ, тотчасъ же испытала ее, какъ только вступила въ невѣдомый для нея міръ.

Черезъ три-четыре мѣсяца послѣ свиданія кронъ-принцессы съ мужемъ—новый указъ отъ неугомоннаго свекра и новая разлука съ мужемъ: отецъ назначаетъ царевичу походъ въ Померанію.

Съ царскимъ указомъ пріѣхалъ Меншиковъ, и онъ-то нашелъ кронъ-принцессу и ея мужа въ нуждѣ. Молодая женщина плачетъ—ей приходится просить о деньгахъ; нѣтъ у нея ни лошадей, ни экипажа.

«Не могъ оставить не донести о сынѣ вашемъ — писалъ по этому случаю Меншиковъ царю:—что какъ онъ, такъ и кронъ-принцесса въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду, понеже здѣсь живутъ все на своемъ коштѣ, а порцій и рацій имъ не опредѣлено (у Петра все посолдатски!); а что съ мѣста здѣшняго и было, и то самое нужное, только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него, ни у кронъ-принцессы къ походу ни лошадей, и никакого экипажа нѣтъ и построить не на что. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло просить: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронъ-принцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 рублей. А ежелибъ не такъ, то всеконечно отсюда подняться-бъ ей нечѣмъ».

Мужъ уѣзжаетъ въ Померанію, а кронъ-принцесса въ Эльбингъ.

Скучно молодой женщинѣ и безъ мужа и безъ родныхъ: она

дѣйствительно стала для всѣхъ отрѣзаннымъ ломтемъ. Трудно поэтому и винить ее за то, что будто бы она не сошлась съ мужемъ:—некогда еще имъ было свыкнуться и полюбить другъ друга.

Но въ Россіи ждали молодую супругу царскаго наслѣдника. Ожиданія были и другаго рода, и объ этихъ-то ожиданіяхъ извѣщалъ царевича московскій духовникъ его: духовникъ спрашивалъ «о зачатіи во чревѣ».

«О зачатіи во чревѣ сопряженные мнѣ хочещи вѣдати, радѣтель—отвѣчалъ ему царевичъ:—и возвѣщаю, что весьма до отъѣзду моего подлинно познати было не можно еще, и повелѣлъ я женѣ, аще будетъ возможно сіе познати, чтобъ до меня немедленно писала. И какъ о семъ получу извѣстіе, есть ли что или нѣтъ, о томъ писаніемъ не умедля вашей святыни возвѣщу».

Не даромъ Москва интересовалась «зачатіемъ во чревѣ» кронъ-принцессы: на этомъ ожиданіи строились свои планы—планы о несбыточномъ воскресеніи старой Руси.

Почти годъ прожила кронъ-принцесса одинокою въ Эльбингѣ.

Но вотъ настало время и въ Россію ѣхать. Прибывшій въ Эльбингъ бригадиръ Балкъ, мужъ уже извѣстной намъ Матрены Балкъ, сестры знаменитой Анны Монсъ, объявилъ Шарлоттѣ царскій указъ о выѣздѣ ея изъ Эльбинга.

Но ей опять не съ чѣмъ выѣхать—денегъ нѣтъ; а мужъ занятъ отцовскими дѣлами въ Помераніи.

Надо опять просить денегъ—и Шарлотта проситъ ихъ у свекра.

«Вашего царскаго величества милостивѣйшій указъ, который мнѣ чрезъ бригадера Балка объявить повелѣли, не оставила-бъ, какъ того моя должность и требуетъ, исполнить, и я уже въ готовности была отсюда отъѣхать, но понеже того безъ денегъ

никоими мѣрами учинить не можно было, того ради прошу вашего царскаго величества всеподданнѣйше то замедленіе во гнѣвъ не принять, ибо коль скоро деньги прибудутъ, то и я какъ въ прочемъ и окажу, что вашего царскаго величества указъ отъ меня ненарушимо содержанъ будетъ, я же есмь со всякимъ подданнѣйшимъ респектомъ вашего царскаго величества всеподданнѣйшая и вѣрнопокорнѣйшая невестка Шарлотта».

Но молодой женщинѣ передъ отправленіемъ въ далекую, невѣдомую страну хочется повидаться съ родными, можетъ быть въ послѣдній разъ (какъ это и было на самомъ дѣлѣ), проститься съ ними, взглянуть на родныя мѣста. И вотъ она ѣдетъ въ Брауншвейгъ, тѣмъ болѣе, что денегъ отъ свекра все еще не было.

И суровый свекоръ сердится на молодую женщину за эту простительную вольность, которую она въ правѣ была себѣ позволить.

Петръ, какъ русскій пѣсенный «грозѣнъ батюшка», не смотря на письменное извиненіе невѣстки относительно этой отлучки, пишетъ ей вѣжливое, но колкое замѣчаніе.

«Вашей любви къ намъ отправленное писаніе отъ 17 генваря получили мы здѣсь исправно, и изъ того усмотрѣли, что васъ къ нечаянному отъѣзду въ Брауншвигъ привело. Мы о объявленныхъ вами причинахъ разсуждать не будемъ, токмо признаваемъ, что сія ваша скорая и безъ нашего вѣдома взятая резолюція насъ зѣло удивила, а наипаче понеже мы вашему желанію родителей вашихъ видѣть никогда-бъ не помѣшали, ежелибъ вы только напередъ насъ о томъ увѣдомили. Что же ваша любовь впрочемъ и о недостаткѣ денежномъ объявляете, то не видимъ мы, чтобъ и то васъ къ такой скорой резолюціи привесть могло. Сожительница наша съ кронъ-принцемъ нашимъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ путь свой назадъ въ государство наше и въ Петер-

бургъ предвоспріяла, куды, мы уповаемъ, и ваша любовь за оными слѣдовать будете».

Это первый оффиціальный выговоръ въ жизни молодой женщины. Но у такого свекра какъ Петръ надо ко всему привыкать, надо всего ожидать.

Шарлотта снова пишетъ грозному батюшкѣ, и не однократно пишетъ, приводитъ свои резоны, объясняетъ причины своей «скорой резолюціи»—и грозный батюшка прощаетъ свою «дружебно любезную госпожу невѣстку».

«Дружебно любезная госпожа невѣстка!—пишетъ онъ ей 11 февраля:—Вашей любви различныя къ намъ отправленныя писанія исправно получили, и изъ оныхъ усмотрѣли, что васъ къ скорому отъѣзду изъ Эльбинга въ Брауншвигъ привело. Мы не сомнѣваемся, что вы оныя 5,000 червонныхъ, которые къ вамъ чрезъ сына барона Левольда отправлены, нынѣ ужь исправно получили, и при семъ еще вексель на 25,000 ефимковъ албертусовыхъ на банкира Поппа въ Гамбургъ прилагаемъ и уповаемъ, что ваша любовь нынѣ путь свой какъ наискорѣе въ Ригу и далѣе въ Петербургъ воспріимите, куда и сожительница наша и кронъ-принцъ нашъ предъ нѣкоторымъ временемъ уже поѣхали, яко же и мы для ускоренія вашего пути въ нашихъ земляхъ потребное учрежденіе учинить укажемъ, и впрочемъ о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаемъ, пребывая вашей любви дружебно склонный отецъ».

Но уѣзжая изъ Помераніи въ Россію съ мачихой, царевичъ не заѣхалъ къ женѣ: можетъ быть, отецъ вновь торопилъ его съ какимъ-нибудь спѣшнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но для молодой женщины и это могло быть каплей яду въ ея только что начавшейся семейной жизни.

Не дождавшись визита мужа, она не хочетъ, чтобъ и свекоръ проѣхалъ изъ Европы въ Россію мимо нея, не заѣхавъ къ ней, не повидавшись ни съ ней, ни съ ея родными.

Но она уже боится свекра. Она не рѣшается прямо къ нему писать. Она уже ищетъ окольныхъ путей, посредниковъ—и обращается съ такимъ письмомъ къ Головкину:

«Я сочла лучше всего обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою сдѣлать такъ, чтобъ его царское величество не проѣхалъ мимо насъ: прямая дорога изъ Ганновера въ Берлинъ идетъ чрезъ Брауншвейгъ; и герцогъ, и мой отецъ, и моя мать будутъ въ отчаяніи, узнавши, что его величество былъ такъ близко и они не имѣли чести видѣть его здѣсь, а для меня это будетъ крайнее бѣдствіе, ибо я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услыхать отъ него приказаніе ѣхать къ принцу моему дорогому супругу. Во всякомъ случаѣ, если его величество не захочетъ быть здѣсь, надѣюсь, что мнѣ окажетъ милость, назначитъ мѣсто, гдѣ бы я могла съ нимъ видѣться».

Петръ снизошелъ на просьбу своей «дружебно любезной невѣстки» и назначилъ ей свиданіе въ замкѣ Зальцдаленѣ, недалеко отъ Брауншвейга.

Но вотъ кронъ-принцесса вступила наконецъ и на русскую землю. Она въ Нарвѣ. Изъ Нарвы она пишетъ о своемъ прибытіи любимой сестрѣ царя, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

На это письмо Шарлотта получаетъ наилюбезнѣйшее и наивитіеватѣйшее письмо отъ Натальи Алексѣевны, письмо, написанное такимъ слогомъ, который составляетъ сумму краснорѣчія Симеона Полоцкаго и Феофана Прокоповича, краснорѣчія семнадцатаго вѣка, какъ-бы состязающагося съ краснорѣчіемъ

первой четверти восемнадцатаго: тутъ слышится и запахъ чего-то западнаго и запахъ чего-то очень восточнаго.

Вотъ это драгоцѣнное посланіе Натальи Алексѣевны:

«Пресвѣтлѣйшая принцесса! Съ особеннымъ моимъ увеселеніемъ получила я благопріятнѣйшее и любительнѣйшее писаніе вашего высочества, и о прибытіи вашемъ въ Нарву и о намѣреніи къ скорому предпріятію пути вашего до Санктпетербурга увѣщена есмь, отъ чего мнѣ всеусердная причиняется радость, такъ что я не хотѣла ни мало оставить ваше высочество о томъ чрезъ сіе мое благосклонно поздравить и извѣстить, что имѣемъ въ нашемъ общемъ сожалѣніи о отбытіи царскаго величества и его высочества государя царевича; елико въ силахъ моихъ будетъ, не премину всякихъ изыскивать способовъ къ увеселенію вашему, и уповаю, что возвращеніе его царскаго величества и его высочества вскорѣ намъ общую подастъ радость. Ожидаю съ нетерпѣливостію того моменту, чтобъ мнѣ при дружебномъ объятіи особы вашей засвидѣтельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества Наталія».

Но еще большей велерѣчивостью дышетъ письмо къ кронъ-принцессѣ графа Головкина, который, какъ канцлеръ новой Руси, долженъ былъ считать своею обязанностью не ударить лицомъ въ грязь передъ иноземною принцессою и показать, что и россійскіе дипломаты понимаютъ, что значитъ европейское обхожденіе и какія мудреныя слова уже успѣла усвоить новая Русь: тутъ есть и «нижайшіе респекты», и «профессованіе жаркой ревности», и въ то же время что-то напоминающее языкъ требника XVI вѣка.

«Свѣтлѣйшая и высочайшая принцесса, моя государыня!—пишетъ Головкинъ:—Съ толикою радостію, колико я имѣю респекту и благоговѣнія къ особѣ вашего царскаго высочества, получилъ я увѣдомленіе чрезъ господина Нарышкина о счастливомъ

прибытіи вашего царскаго высочества въ Нарву, и о милостивомъ напоминаніи, которымъ ваше царское высочество изволили меня почтить въ присутствіи сего генеральнаго офицера, и понеже я всегда профессовалъ жаркую ревность къ вашему царскому высочеству, того ради я не могъ, ниже долженъ былъ оставить, чтобъ ваше царское высочество не увѣстить чрезъ сіе о нижайшихъ моихъ респектахъ, и чтобъ не отдать должнѣйшаго моего поздравленія о прибытіи вашего царскаго высочества, и такожде и не возблагодарить покорнѣйше за то, что ваше царское высочество благоволили меня высокодушно въ напамятованіи своемъ сохранить. Если бы я не удержанъ былъ всемѣрно здѣ дѣлами его царскаго величества, отъ сего-жь бы моменту предался бы я въ должной моей покорности до вашего царскаго высочествія, дабы мнѣ все помянутое персонально вашему царскому высочеству подтвердить; но понеже невозможно мнѣ удовольствовать моей ревности, въ томъ принужденъ я еще ближайшаго прибытія сюда вашего царскаго высочества обождать, и тогда не премину предатися ко двору вашего царскаго высочества воспріять честь еже засвидѣтельствовать вашему царскому высочеству, съ коликимъ респектомъ и благоговѣніемъ я есмь» и т. д.

Это такъ «профессуютъ жаркую ревность» къ иноземной кронъ-принцессѣ новые русскіе люди.

А между тѣмъ старая Москва не о томъ думаетъ. Ей хочется иноземку пріобщить къ своей греческой вѣрѣ, одѣть ее въ тѣлогрѣю, сдѣлать русскою царицею, какою была благочестивѣйшая царица Марья-Ильична или райская голубица, сладчайшая Анастасія Романовна.

И вотъ, когда еще кронъ-принцесса не успѣла ступить на русскую землю, Москва уже спрашиваетъ царевича, не сподобилъ

ли его Богъ навести свою молодую супругу на путь православія, коли не любовію, то принужденіемъ.

«Я ее теперь не принуждаю къ нашей православной вѣрѣ— отвѣчаетъ царевичъ:—но когда пріѣдемъ съ нею въ Москву, и она увидитъ нашу святую соборную и апостольскую церковь и церковное святыми иконами украшеніе, архіерейское, архимандричье и іерейское ризное облаченіе и украшеніе и всякое церковное облаченіе, тогда, думаю, и сама безъ принужденія потребуетъ нашей православной вѣры и св. крещенія, а теперь еще она ничего нашего церковнаго благолѣпія не видала и не слыхала, а что у насъ нынѣ священникъ отпускаетъ вечерни, утрени и часы въ одной епитрахили, и того смотрѣть нечего. А у нихъ, по ихъ вѣрѣ, никакого священническаго украшенія нѣтъ, и литургію ихъ пасторъ служитъ въ одной епанчѣ: а когда увидитъ наше церковное благолѣпіе и священно-архіерейское и іерейское одѣяніе, божественное человѣческое безорганное пѣніе. думаю, сама радостію возрадуется и усердно возжелаетъ соединиться съ нашею православною Христовою церковію».

Торжественная встрѣча, которою сопровождался въѣздъ кронъ-принцессы въ Петербургъ, въ этотъ петровскій «парадизъ», еще не отстроенный, не убранный, разбросанный, въ эту «бивакъ-столицу», ласки, оказанныя Шарлоттѣ со стороны всѣхъ лицъ многочисленной царской семьи, «профессованіе жаркихъ респектовъ» со стороны ловкихъ царедворцевъ въ родѣ Головкина— все это должно бы было усладить понятную горечь, разогнать невольную боязнь, съ которыми молодая женщина должна была вступать въ невѣдомую ей страну, въ невѣдомую жизнь, по которой уже успѣли пробѣжать еще такъ недавно легкія тучки.

Но мужа опять нѣтъ. Свекра тоже не видно. Они оба въ финляндскомъ походѣ.

Возвращается мужъ на короткое время. Шарлотта не одна.

Но неугомонный свекоръ опять гонитъ царевича отъ молодой жены: надо ѣхать въ Старую-Русу, въ Ладогу; надо распоряжаться насчетъ постройки судовъ.

Шарлотта опять одна.

А между тѣмъ за границей, на родинѣ Шарлотты и въ Австріи, уже поднимаются «плевелы». Распускаются слухи, что кронъ-принцесса не полюбилась русскому народу, что она унижена въ царской семьѣ, что ей не позволяютъ даже переписываться съ родными.

Но вотъ русскій посолъ Матвѣевъ пишетъ изъ Вѣны Головкину:

«Изъ дому императрицы (австрійской) узналъ я, что государыня принцесса царевича 6 іюня писала къ ней частное письмо изъ Петербурга, отзываясь съ великими похвалами о расположеніи къ ней государыни царицы и государыни церевны и всѣхъ высокихъ особъ русскихъ, и съ какими почестями она, принцесса, была принята при своемъ пріѣздѣ. Очень нужно, чтобъ ваше превосходительство изволилъ ей, государынѣ принцессѣ, вручить интересъ его царскаго величества и меня, дабы ея высочество изволила къ императрицѣ о томъ особое партикулярное письмо написать и чрезъ васъ на меня прислать, что̀ можетъ принести много пользы интересамъ царскаго величества: императрица можетъ сдѣлать все, что захочетъ, а она ея высочество чрезвычайно любитъ. Такимъ образомъ государыня принцесса возбудитъ хорошее мнѣніе о дворѣ царскаго величества, покажетъ, что она у царскаго величества находится въ особой милости и любви, и этимъ уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамѣренными людьми, потому что здѣсь уже много разъ подняты были плевелы, будто ея высочество находится въ самомъ дурномъ состояніи и уничи-

женіи отъ нашего народа, живетъ въ нуждѣ и запрещено ей переписываться съ родственниками».

Дипломатическая выдумка Матвѣева достигла цѣли. Шарлотта была хорошо направлена искусною рукою Головкина, и уже въ декабрѣ того же года Матвѣевъ слышалъ въ Вѣнѣ отъ самой императрицы, что ея сестрѣ, Шарлоттѣ, оказываются въ Россіи и милости и почетъ, и что она, императрица, и мужъ ея, Карлъ VI, чрезвычайно этимъ довольны: такимъ образомъ интересъ царскаго величества былъ «врученъ» по принадлежности.

Но какова въ самомъ дѣлѣ была жизнь Шарлотты въ Россіи?

Едва ли ей жилось хорошо; но едва ли въ этомъ нехорошемъ была виновата Россія. Кронъ-принцесса знала, куда шла и на что шла. Если ей и показалась тяжка жизнь въ Россіи, то отчасти причиною тутъ было ея неумѣнье, ея апатическая, инертная натура и вся сумма неблагопріятныхъ условій, главнымъ образомъ обрушившихся на ея мужа, и рефлективно — и на нее.

Хотя царевичъ и говорилъ своему духовнику, что жена его «человѣкъ добръ», но хмѣльной онъ не то говорилъ: «на меня де жену чертовку навязали».

Тутъ уже нельзя не видѣть, что жена была для него не люба, что люба была для него другая женщина — но объ ней послѣ.

— Царевичъ былъ въ гостяхъ — разсказывалъ его камердинеръ — пріѣхалъ домой хмѣленъ, ходилъ къ кронъ-принцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: «вотъ-де Гаврило Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ чертовку навязали: какъ-де къ ней ни приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить. Развѣ-де я умру, то ему Головкину не заплачу. А сыну его Александру —

головѣ его быть на колѣ, и Трубецкаго: они-де къ батюшку писали, чтобъ на ней жениться».—Я ему молвилъ: «царевичъ-государь, неволишь сердито говорить и кричать; кто услышитъ и пронесутъ имъ—будетъ имъ печально, и къ тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не токмо они». Онъ мнѣ молвилъ: «Я плюну на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь. Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ: тогда они и нехотя меня владѣтелемъ учинятъ».—Я стою молчу. Онъ мнѣ говоритъ: «Что ты молчишь и задумался?»—Я молвилъ: «Что мнѣ, государь, говорить?»—Посмотрѣлъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестову. Я пошелъ къ себѣ. Поутру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивалъ: «Не досадилъ ли я вчерась кому?» Я сказалъ нѣтъ.—«Инъ не говорилъ ли пьяный чего?» Я ему сказалъ, что говорилъ что писано выше. И онъ мнѣ молвилъ: «Кто пьянъ не живетъ? у пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я по истинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а послѣ о нихъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напрасныхъ не сказывать. А буде ты скажешь, видь-де тебѣ не повѣрятъ: я запруся, а тебя станутъ пытать».—Самъ говорилъ, а самъ смѣялся.

По возвращеніи царевича изъ Ладоги отъ стройки судовъ, Шарлотта опять не долго видитъ его около себя—некогда и «посердитовать» на него.

Царевичъ ѣдетъ за границу, въ Карлсбадъ. У него разстроено здоровье.

Кронъ-принцесса была въ это время беременна по восьмому мѣсяцу. Петръ, по обыкновенію, находился гдѣ-то въ отсутствіи. Но трезвая голова его ничего не забывала—успѣвала думать и за себя и за другихъ, какъ рука его въ одно время умѣла дер-

жать и перо и шпагу, что̀ онъ и писалъ разъ своей «Екатеринушкѣ».

Рожденіе перваго ребенка у наслѣдника престола—очень важное дѣло въ государствѣ. Петръ очень хорошо помнилъ, какія басни выдумываются относительно рожденія царскихъ дѣтей и какъ, на основаніи этихъ басенъ, иногда опрокидывается весь государственный строй, законный наслѣдникъ не признается законнымъ, являются самозванцы, мутятся царства. Петръ не забылъ, что и объ его рожденіи выдумана была легенда: говорили, что онъ—не царскій сынъ; что настоящій царскій сынъ подмѣненъ нѣмецкимъ отродьемъ, сыномъ Лефорта; что, поэтому, и онъ, Петръ—не Петръ, а «Питеръ» Лефортовичъ, нѣмецъ, сынъ Лефорта.

Еще въ болѣе сомнительномъ положеніи находилась кронъ-принцесса. Мужа съ ней нѣтъ, свекоръ въ отсутствіи, свекрови тоже нѣтъ. Родильница—нѣмка. Около нея—одни нѣмки и нѣмцы. Долго ли подмѣнить ребенка царскаго простымъ нѣмчонкомъ?

И предусмотрительный Петръ пишетъ невѣсткѣ:

«Я бы не хотѣлъ васъ трудить; но отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вящше года, того ради, когда благоволитъ вамъ Богъ приспѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый аншталтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были».

Петръ хотѣлъ, чтобы при родахъ Шарлотты находились и представительницы русскаго общества, почтенныя придворныя особы, которыя могли бы прекратить своимъ личнымъ свидѣтельствомъ возможность распусканія басней хотя бы со стороны «не-

молчно моловшей своими неистовыми языки» старушки-Москвы, этой «лаятельной вдовицы».

Такими особами назначены были—графиня Головкина, жена канцлера, генеральша Брюсъ и «князь игуменья» Ржевская. Они должны были безотлучно находиться при кронъ-принцессѣ до самаго ея разрѣшенія отъ бремени.

Но кронъ-принцесса, не понявъ цѣли распоряженій царя, сочла эти распоряженія оскорбительными для своей чести. Письмо царя она истолковала совершенно въ превратномъ смыслѣ: ей почему-то представилось, что или Петръ подозрѣваетъ ее въ чемъ-то или что другіе могутъ подозрѣвать ее. Петръ не говоритъ ни о какихъ подозрѣніяхъ; онъ исключительно имѣетъ въ виду обставить рожденіе первенца у наслѣдника престола возможно болѣе торжественнымъ образомъ, какъ этого и требовала государственная важность самаго этого акта, и придать этому дѣлу наиболѣе гласности; а Шарлотта думаетъ, что это лично ей не довѣряютъ или боятся, что на нее будутъ клеветать.

Задавшись такой странной мыслью, кронъ-принцесса написала царю не менѣе странное письмо, въ каждомъ словѣ котораго сквозитъ неумѣренная обидчивость: назначеніе къ ней, на время родовъ, почетныхъ дамъ—это «не заслуженный и необычный поступокъ, который для нея чрезвычайно sensible»; это, по ея мнѣнію, «торжество malice»; что отъ торжества этой «malice» она должна «страдать и наказываться за лжи безбожныхъ людей»; что, напротивъ, ея «conduite и совѣсть будутъ ея свидѣтелями и судьями на страшномъ судѣ»; что она не нуждается въ предосторожностяхъ противъ злыхъ языковъ; что царь неоднократно обѣщалъ ей свою милость, отеческую любовь и заботливость, и что всякій, кто осмѣлится оскорбить ее ложью и клеветою, долженъ быть наказанъ какъ великій преступ-

никъ; что, при всемъ томъ, никакая ложь и клевета не могутъ запятнать ее, кронъ-принцессу; однако-жъ «душа ея скорбитъ, что завистники ея и преслѣдователи имѣютъ такую силу, что могли подвести подъ нее такую интригу»; что, наконецъ, «Богъ, ея единственное утѣшеніе и прибѣжище на чужбинѣ, услышитъ вздохи и сократитъ дни страданія существа всѣми покинутаго».

Ясно, что существо это страдало, но страдало отъ своего собственнаго невѣдѣнія.

Даже въ назначеніи къ ней повивальной бабки она видѣла оскорбленіе—это была, по ея мнѣнію, «великая немилость со стороны царя», «нарушеніе брачнаго договора, въ которомъ ей предоставлено было свободное избраніе служителей», что поэтому, если ей дадутъ чужую повивальную бабку, «то глаза кронъ-принцессы наполнятся слезами и сердце обольется кровью». Понимая все это какъ обиду, какъ оскорбленіе, притѣсненіе, кронъ-принцесса просила, чтобъ назначенію къ ней почетныхъ русскихъ дамъ былъ данъ такой видъ, какъ будто бы она сама требовала этого вслѣдствіе отсутствія царя и мужа.

Не желая огорчать родильницу, все сдѣлали такъ, какъ она желала. Даже болѣе—о письмѣ къ ней царя, казавшемся столь обиднымъ для чувствительной кронъ-принцессы, Головкинъ никому даже и не говорилъ, а увѣдомляя Петра, что кронъ-принцесса разрѣшилась дочерью, которую назвали Натальею, онъ между прочимъ доносилъ: «О письмѣ, государь, вашемъ никто у меня не вѣдаетъ, и разглашено здѣсь, что то (назначеніе трехъ дамъ) учинено по ихъ прошенію».

Въ высшей степени любопытно и оригинально письмо по этому случаю Ржевской, которая такъ сообщала царю о своемъ пребываніи у кронъ-принцессы:

«По указу вашему, у ея высочества кронъ-принцессы я и Брюсова жена живемъ и ни на часъ не отступаемъ, и она къ намъ милостива. И я обѣщаюсь самимъ Богомъ, ни на великіе милліоны не прельщусь и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились».

Видно, что старая Русь не привыкла еще ни къ нѣмецкимъ «куплиментамъ», ни къ «присѣданью хвоста», ни къ «нѣмецкимъ яствамъ»; но скоро, какъ мы увидимъ ниже, ко всему привыкнетъ.

Петръ и Екатерина были въ это время въ Ревелѣ. Когда курьеры привезли къ нимъ донесенія о благополучномъ разрѣшеніи кронъ-принцессы, царь и царица немедленно отозвались привѣтливыми письмами къ родильницѣ.

«Свѣтлѣйшая кронъ-принцесса, дружебнолюбезная государыня невѣстка!—писала Екатерина.—Вашему высочеству и любви я зѣло обязана за дружебное ваше объявленіе о счастливомъ разрѣшеніи вашемъ и рожденіи принцессы дочери. Я ваше высочество и любовь всеусердно о томъ поздравляю, и желаю вамъ скораго возвращенія совершеннаго вашего здравія, и дабы новорожденная принцесса благополучно и счастливо взрость могла. Я ваше высочество и любовь обнадежить могу, что я зѣло радовалась получа вѣдомость о вышепомянутомъ вашемъ счастливомъ разрѣшеніи; но зѣло сожалѣю, что я счастья не имѣла въ томъ времени въ Петербургѣ присутствовать. Однакожь мы здѣсь не оставили публичнаго благодаренія Богу за счастливое ваше разрѣшеніе отдать. Я же не оставлю вашему высочеству и любви всѣ желаемые опыты нашей склонности и къ вашей особѣ имѣющей любви, при всякомъ случаѣ, оказать, въ чемъ ваше высочество и любовь прошу благоволите обнадежены быть, такожде что я всегда

пребуду вашего высочества и любви дружебноохотная мать Екатерина».

Писалъ родильницѣ и Петръ. Безъ сомнѣнія это письмо царя не показалось уже кронъ-принцессѣ обиднымъ, потому что въ отвѣтѣ своемъ она называетъ его «облигантнымъ» и увѣряетъ, что милостивыя заявленія, которыми наполнено письмо царя, укрѣпили ея довѣренность къ нему. Наконецъ, она любезно присовокупляетъ, что такъ какъ на этотъ разъ она «манкировала» родить принца, то въ слѣдующій разъ надѣется быть счастливѣе.

Не довелось, однако, этой женщинѣ пожить на «чужбинѣ»: не успѣла она ни узнать Россіи, ни полюбить ее — такъ она и осталась для нея «чужбиною».

Какъ бы то ни было, она не обманула свекра обѣщаніемъ родить ему внука: въ слѣдующемъ, 1715 году, кронъ-принцесса дѣйствительно родила сына, царевича Петра, будущаго императора Петра II, но родила его какъ-бы затѣмъ только, чтобъ самой умереть, исполнивъ назначеніе матери.

Роды были благополучны. Огорченій, въ родѣ тѣхъ, которыя сопровождали рожденіе дочери, повидимому не было. Родильница, напротивъ, быстро поправлялась, и можетъ быть это-то самое быстрое возстановленіе силъ, придавъ молодой женщинѣ излишнюю самоувѣренность, погубило ее. Послѣ родовъ она слишкомъ рано встала съ постели, не вылежавъ и четырехъ сутокъ, и тотчасъ же стала принимать поздравленія. Но вслѣдъ затѣмъ она почувствовала себя дурно; родильная болѣзнь приняла такой исходъ, что врачи объявили больную безнадежною.

Понявъ свое положеніе, кронъ-принцесса поспѣшила сдѣлать распоряженія на счетъ своей смерти и будущаго своихъ дѣтей.

Во время болѣзни жены царевичъ не отходилъ отъ ея постели. Онъ три раза падалъ въ обморокъ и былъ повидимому безутѣшенъ.

«Въ такія минуты—говоритъ современный русскій историкъ—сознаніе проясняется: кронъ-принцесса была «добрый человѣкъ»; если «сердитовала», отталкивала отъ себя, то не безъ причины: грѣхи были на душѣ у царевича, а онъ былъ также «добрый человѣкъ».

Петръ, не смотря на то, что самъ былъ боленъ, явился къ умирающей невѣсткѣ. Только царица не могла быть при ней въ эти послѣдніе часы: она сама была, какъ говорится, «на ча́сахъ».

Думая о судьбѣ дѣтей, кронъ-принцесса не хотѣла поручить ихъ ни своему мужу, за которымъ она, можетъ быть, знала нѣчто или догадывалась, ни свекру-царю, ни царицѣ: она думала, что своя, родная, нѣмецкая душа будетъ больше любить и беречь ихъ. Поэтому, призвавъ къ себѣ барона Левенвольда, умирающая объявила ему свою волю:—принцесса остъ-фрисландская должна замѣнить сиротамъ мать; если же царь не согласится на это, то Левенвольде самъ долженъ отвезти маленькую ея дочь въ Германію. При этомъ она просила его написать къ ея роднымъ, что она была всегда довольна расположеніемъ къ ней царя и царицы, что все обѣщанное въ контрактѣ было исполнено и, кромѣ того, ей оказано было много благодѣяній; что даже теперь, не смотря на свою собственную болѣзнь, царь прислалъ къ ней князя Меншикова и своихъ врачей. Она же поручала Левенвольду просить ея мать и сестру, австрійскую императрицу, возстановить дружбу между царемъ и цесаремъ, что отъ этого союза будетъ много пользы ея дѣтямъ.

О дѣтяхъ, слѣдовательно, были послѣднія заботы матери. Мужъ оставался въ тѣни.

Затѣмъ кронъ-принцесса скончалась (22-го октября 1715 года), проживъ въ Россіи съ небольшимъ два года и, кажется, не видавъ Москвы, ни «архіерейскаго, архимандричьяго и іерей-

скаго ризнаго облаченія и украшенія». Москва напрасно безпокоилась.

Ранняя смерть кронъ-принцессы вызвала много толковъ, неблагопріятныхъ для Россіи, но едва ли основательныхъ.

Печаль свела кронъ-принцессу въ могилу—вотъ что говорили въ Германіи. Можетъ быть, печаль и тоска по родинѣ, неумѣнье и нежеланье переработать себя для жизни въ новой чуждой для нея атмосферѣ, чувство одиночества и отрѣшенности отъ всего родного, отъ того воздуха, которымъ молодая женщина дышала съ колыбели — можетъ быть, все это и вело ее къ могилѣ, но вело медленно, какъ ведетъ къ могилѣ невеселая и неудавшаяся жизнь всѣхъ живущихъ на землѣ; но свела ее въ могилу просто родильная болѣзнь.

Между тѣмъ австрійскій резидентъ Плейеръ доносилъ своему двору, что жизнь кронъ-принцессы укоротили чисто-внѣшнія причины: деньги, назначенныя ей на содержаніе, выплачивались будто бы неаккуратно, съ большимъ трудомъ, такъ что никогда не выдавалось разомъ болѣе 500 или 600 рублей; что кронъ-принцесса постоянно нуждалась и не могла платить своей прислугѣ; что она сама и ея придворные задолжали у всѣхъ купцовъ; что кронъ-принцесса замѣчала зависть при царскомъ дворѣ по поводу рожденія принца; знала будто бы даже, что царица тайно старалась ее преслѣдовать, и по всѣмъ этимъ причинамъ она была въ постоянной печали.

Ясно, что объясненія эти, особенно же послѣднія—не могутъ выдержать критики, и потому объясненія, приведенныя нами выше, остаются во всей силѣ.

Хотя и изъ всего разсказаннаго нами въ настоящемъ очеркѣ достаточно, кажется, выясняется и личность разсматриваемой нами женщины, и мѣсто, которое ей должна отвести русская

исторія, однако мы не можемъ не привести здѣсь весьма удачной, по нашему мнѣнію, характеристики этой исторической женщины, которая была какъ-бы первымъ опытомъ пересадки западно-европейской женщины на русскую почву, характеристики, принадлежащей перу неутомимѣйшаго изъ современныхъ русскихъ историковъ.

Поведеніе кронъ-принцессы въ Россіи — говоритъ С. М. Соловьевъ — не могло возбудить въ Петрѣ, въ его семействѣ и въ окружавшихъ его никакой привязанности. Какъ видно, Шарлотта, пріѣхавъ въ Россію, осталась кронъ-принцессою, и не употребила никакого старанія сдѣлаться женою русскаго царевича, русскою великою княгинею. Въ оправданіе ея можно сказать, что отъ нея этого не требовалось: ее оставили при прежнемъ лютеранскомъ исповѣданіи, жила она въ новооснованномъ Петербургѣ, гдѣ ей трудно было познакомиться съ Россіею. Но не могла же она не видѣть, какъ было важно для сближенія съ мужемъ принять его исповѣданіе, не могло скрыться передъ нею, что онъ и окружавшіе его сильно этого желаютъ; что же касается до петербургской обстановки, то, вглядѣвшись внимательно, мы видимъ, что дворъ не только царевича, но и самого царя былъ чисто русскій. Кронъ-принцесса не сблизилась съ этими дворами; она замкнула себя въ своемъ дворѣ, который весь, за исключеніемъ одного русскаго имени (Бестужевъ), былъ составленъ изъ иностранцевъ. Мы не станемъ возражать противъ отзыва царевича Алексѣя о кронъ-принцессѣ, что она была «человѣкъ добрый»; но мы видимъ, что она отнеслась къ Россіи и ко всему русскому съ нѣмецкимъ національнымъ узкимъ взглядомъ, не хотѣла быть русскою, не хотѣла сближаться съ русскими, не хотѣла, не могла преодолѣть труда, необходимаго для иностранки при подобномъ сближеніи; гораздо легче, покойнѣе было

оставаться при своемъ, съ своими; но отчужденіе такъ близко граничитъ съ враждою; можно догадываться, что окружавшіе кронъ-принцессу иностранцы не говорили съ уваженіемъ и любовію о Россіи и русскихъ, иначе кронъ-принцессѣ пришла бы охота сблизиться съ страною и народомъ, достойными уваженія и любви. Какъ у мужа не было охоты къ отцовской дѣятельности, такъ у жены не было охоты стать русскою и дѣйствовать въ интересахъ Россіи и царскаго семейства, употребляя свое вліяніе на мужа. Петру не могло нравиться это отчужденіе невѣстки и недостатокъ вліянія ея на мужа, тогда какъ на это вліяніе онъ долженъ былъ сильно разсчитывать. Онъ имѣлъ право надѣяться, что сильная привязанность и сильная воля жены будутъ могущественно содѣйствовать воспитанію еще молодого человѣка, отученію его отъ тѣхъ взглядовъ и привычекъ, которые отталкивали его отъ отцовской дѣятельности; онъ могъ думать, что сынъ женится — перемѣнится, и ошибся въ своихъ разсчетахъ; невѣстка отказалась помогать ему и Россіи; мужъ и жена были похожи другъ на друга—косностію природы; энергія, наступательное движеніе противъ препятствій были чужды обоимъ; природа обоихъ требовала бѣжать, запираться отъ всякаго труда, отъ всякаго усилія, отъ всякой борьбы. Этого бѣгства другъ отъ друга было достаточно для того, чтобъ бракъ былъ нравственно безплоденъ....

Кронъ-принцессѣ тѣмъ легче было удалиться отъ мужа и отъ всѣхъ русскихъ, что съ нею пріѣхала въ Россію ея родственница и другъ, принцесса Юліана-Луиза остъ-фрисландская, которая, какъ говорятъ, вмѣсто того чтобъ стараться о сближеніи между мужемъ и женою, только усиливала разладъ. Подобные друзья бываютъ ревнивы, не любятъ, чтобъ другъ ихъ имѣлъ, кромѣ нихъ, еще другія привязанности; но намъ не нужно пред-

полагать положительныхъ стремленій со стороны принцессы Юліаны; довольно того, что кронъ-принцесса имѣла привязанность, которая замѣняла ей другія, имѣла въ Юліанѣ человѣка, съ которымъ могла отводить душу на чужбинѣ; а принцесса остъ-фрисландская, съ своей стороны, не дѣлала ничего, чтобъ заставить Шарлотту подумать о своемъ положеніи, о своихъ обязанностяхъ къ новому отечеству. Кронъ-принцесса жаловалась, что не хорошо, и Юліана вторила ей, что не хорошо, и тѣмъ услаждали другъ друга, а какъ сдѣлать лучше, — этого придумать не могли.

Какъ бы то ни было, но съ именемъ кронъ-принцессы не можетъ быть не соединено воспоминаніе о томъ, что, бѣгая отъ нея, царевичъ Алексѣй Петровичъ невольно бѣжалъ въ объятія другой женщины, о которой мы сейчасъ скажемъ; а съ именемъ этой послѣдней неразрывно связано начало и отчасти причины той катастрофы, которая кончилась смертью царевича «въ трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ», и другими, очень крупными послѣдствіями для всей Россіи.

VI.

Дѣвка Афросинья.

(Афросинья Федорова).

Въ предыдущемъ очеркѣ мы сказали, что двѣ женщины имѣли роковое значеніе въ трагической судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, изъ которыхъ одна помимо своей воли вела его къ трагической развязкѣ и ускорила эту развязку потому именно, что была имъ нелюбима, а послѣдняя, потому именно что была имъ любима, стала для него тѣмъ Дамоклесовымъ мечомъ, который она сама же, и также помимо своей воли, а можетъ быть и по безволію, и обрушила на его голову.

Хотя имена этихъ двухъ женщинъ и неудобно было бы ставить рядомъ, но рядомъ они поставлены самою исторіею, и отдѣлить эти имена одно отъ другого невозможно.

Эта послѣдняя женщина была—А ф р о с и н ь я Ф е д о р о в а, по однимъ свидѣтельствамъ—крѣпостная дѣвушка учителя царевича, извѣстнаго Никифора Вяземскаго, съ шестилѣтняго возраста и съ азбуки преподававшаго царевичу грамоту, по другимъ—плѣнная финляндка, «низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная», какъ писалъ своему правительству голландскій резидентъ Деби, и потомъ принявшая православіе.

*

Какъ бы то ни было, но когда у царевича шли семейные нелады съ кронъ-принцессою и когда царевичъ жаловался, что жена его «сердитуетъ» и что онъ посадитъ на колъ тѣхъ, которые «навязали ему эту жену чертовку»,—въ это время у царевича уже была другая привязанность, которую онъ сначала скрывалъ, а потомъ не таилъ ее не только отъ отца, отъ Россіи, но и отъ всей Европы.

Что могло привязать царевича къ этой дѣвушкѣ—неизвѣстно; но вѣроятно лучшія стремленія его жизни находили отзвукъ въ сердцѣ дѣвушки, отъ которой царевичъ ничего не таилъ, а напротивъ совѣтывался съ нею въ самыхъ кровныхъ вопросахъ своего будущаго и будущаго всей Россіи, что и погубило его.

Имя Афросиньи становится историческимъ съ того момента, какъ царевичъ, по смерти кронъ-принцессы и по окончательномъ разрывѣ съ отцемъ, задумалъ тайно бѣжать за границу.

Получивъ грозный «тестаментъ» отца, по которому для царевича представлялось два тяжелыхъ и единственныхъ исхода—или сдѣлаться достойнымъ великаго отца, чтобы смѣло потомъ взять въ свои руки русскую землю, или же отказаться отъ престола, быть отрѣзаннымъ отъ царства подобно «уду гангренному» и постричься въ монахи,—Алексѣй, хотя на письмѣ и отказался отъ наслѣдства и изъявилъ покорность идти въ монастырь, однако, совѣтуясь съ своими приближенными и находя, что можно изъ монаховъ разстричься, что «вѣдь клобукъ не прибитъ ко головѣ гвоздемъ», какъ выражался Кикинъ, «можно его и снять»,—принялъ намѣреніе бѣжать изъ Россіи.

Но еще прежде этого, когда царевичъ изъявилъ отцу покорность идти въ монастырь, онъ не могъ забыть, что оставляетъ любимую женщину.

Въ это время, послѣ нравственныхъ встрясокъ, послѣ смерти жены и роковыхъ объясненій съ отцомъ, царевичъ заболѣлъ. Думая умереть, онъ даетъ Афросиньѣ два письма, одно къ своему духовнику, а другое къ Кикину.

— Когда я умру—говорилъ онъ дѣвушкѣ—отдай тѣ письма: они тебѣ денегъ дадутъ.

Въ письмахъ царевичъ говорилъ, что идетъ въ монастырь по принужденію и чтобъ духовникъ и Кикинъ дали вручительницѣ писемъ извѣстную сумму изъ хранившихся у нихъ его собственныхъ денегъ.

Но вотъ царевичъ передумалъ идти въ монастырь: онъ рѣшился укрыться отъ отца въ Европѣ, у кого-либо изъ западныхъ государей.

Однимъ для него страшенъ этотъ побѣгъ—на кого онъ оставитъ любимую имъ женщину?

Приказавъ камердинеру своему Ивану Большому-Афанасьеву готовиться въ дорогу, по примѣру того какъ они и прежде съ нимъ ѣздили въ нѣмецкіе края, царевичъ сталъ плакать.

— «Какъ мнѣ оставить Афросинью и гдѣ ей быть?»—жаловался царевичъ.—А потомъ спросилъ Большого-Афанасьева: «Не скажешь ли кому, что я буду говорить?»

Афанасьевъ обѣщался молчать.

— Я Афросинью съ собою беру до Риги—началъ царевичъ.—Я не къ батюшкѣ поѣду (царь въ это время находился въ Копенгагенѣ и звалъ туда сына). Поѣду я къ цесарю или въ Римъ.

— Воля твоя, государь—отвѣчалъ на это Афанасьевъ:—только я тебѣ не совѣтникъ.

— Для чего?

— Того ради—отвѣчалъ Афанасьевъ—когда это тебѣ удастся, то хорошо; а когда не удастся, тогда ты же на меня будешь гнѣваться.

— Однако ты молчи про это, никому не сказывай!—предупреждалъ царевичъ:—только у меня про это ты знаешь да Кикинъ. Онъ для меня въ Вѣну провѣдывать поѣхалъ, гдѣ мнѣ лучше быть. Жаль мнѣ, что я съ нимъ не увижусь. Авось на дорогѣ увижусь.

Это было въ сентябрѣ 1716 года—меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти кронъ-принцессы Шарлотты.

26-го сентября царевичъ оставилъ Петербургъ и направилъ свой путь на Ригу.

Афросинью онъ не оставилъ въ Россіи: она была съ нимъ. Кромѣ того онъ взялъ съ собою брата Афросиньи, Ивана Федорова, и троихъ слугъ.

Меншиковъ зналъ, что царевичъ беретъ съ собой Афросинью, хотя не зналъ, что онъ ѣдетъ не къ отцу, а бѣжитъ укрываться отъ него.

Впрочемъ, поведеніе Меншикова является тутъ очень подозрительнымъ: не даромъ царевичъ показывалъ, что Меншиковъ съ самаго дѣтства нарочно его развращалъ, спаивалъ его, потакалъ вреднымъ его страстямъ, чтобъ сдѣлать юношу неспособнымъ и на этомъ построить свои планы—передать русское царство въ родъ своей питомицы Екатерины Алексѣевны, а потомъ ввести въ ея родъ и свой родъ.

— Гдѣ ты ее оставляешь? спросилъ Меншиковъ царевича объ Афросиньѣ.

— Возьму до Риги, а потомъ отпущу въ Петербургъ, уклончиво отвѣчалъ царевичъ, не желая открыть Меншикову тайну побѣга.

— Возьми ее лучше съ собою, совѣтывалъ Меншиковъ.

Зачѣмъ? На глаза отцу, если онъ вѣрилъ, что царевичъ къ отцу ѣдетъ?—Вообще, все это очень сомнительное дѣло.

Царевичъ и Афросинья доѣхали до Риги. Послѣдняя не осталась въ этомъ городѣ. Они ѣдутъ дальше, на Либаву.

Но не на Копенгагенъ, не къ отцу поѣхалъ царевичъ:—онъ поворотилъ на Вѣну!

Царевичъ исчезъ. Отецъ въ страшной тревогѣ. Вся Россія въ тревожномъ состояніи.

10-го ноября, поздно вечеромъ, въ Вѣнѣ, царевичъ явился къ австрійскому вице-канцлеру Шёнборну, и сталъ говорить ему съ сильными жестикуляціями, съ ужасомъ озираясь во всѣ стороны и бѣгая изъ угла въ уголъ:

— Я прихожу сюда просить цесаря, своего свояка, о протекціи, чтобъ онъ спасъ мнѣ жизнь: меня хотятъ погубить; хотятъ у меня и у моихъ бѣдныхъ дѣтей отнять корону. Цесарь долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ сукцессію; отецъ хочетъ отнять у меня жизнь и корону, а я ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ не прогнѣвилъ отца, не дѣлалъ ему зла. Если я слабый человѣкъ, то Меншиковъ меня такъ воспиталъ, пьянствомъ разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ управленію, но у меня довольно ума для управленія. Одинъ Богъ владыка и раздаетъ наслѣдства, а меня хотятъ постричь и въ монастырь запрятать, чтобъ лишить жизни и сукцессіи; но я не хочу въ монастырь, цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь.

Тутъ царевичъ въ изнеможеніи бросился на стулъ и закричалъ:

— Ведите меня къ цесарю!

Спросилъ пива. Ему дали мозельвейну. Шёнборнъ старался успокоить его.

— Я ничего не сдѣлалъ отцу—снова говорилъ царевичъ—всегда былъ ему послушенъ, ни во что не вмѣшивался, я ослабѣлъ духомъ отъ преслѣдованія и потому что меня хотѣли запоить до смерти. Отецъ былъ добръ ко мнѣ. Когда у меня пошли дѣти и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица и родила сына. Она съ княземъ Меншиковымъ постоянно раздражала отца противъ меня, оба люди злые, безбожные, безсовѣстные. Я противъ отца ни въ чемъ не виноватъ, люблю и уважаю его по заповѣдямъ, но не хочу постричься и отнять права у бѣдныхъ дѣтей моихъ, а царица и Меншиковъ хотятъ меня уморить или въ монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты къ солдатству; но за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ отецъ поручилъ мнѣ управленіе и все шло хорошо, отецъ былъ доволенъ. Но когда пошли у меня дѣти, жена умерла, а у царицы сынъ родился, то захотѣли меня замучить до смерти или запоить (несчастный повторяется). Я спокойно сидѣлъ дома, но годъ тому назадъ принужденъ былъ отцомъ отказаться отъ наслѣдства и жить приватно, или въ монастырь идти. Напослѣдокъ пріѣхалъ курьеръ съ приказомъ—или къ отцу ѣхать, или немедленно постричься въ монахи: исполнить первое—погубить себя разными мученіями и пьянствомъ, второе—погубить и тѣло и душу. Потомъ мнѣ дали знать, чтобъ я берегся отцовскаго гнѣва, и что приверженцы царицы и Меншикова хотятъ отравить меня изъ страха, потому что отецъ становится слабъ здоровьемъ. Поэтому я притворился, что ѣду къ отцу, и добрые пріятели присовѣтывали мнѣ ѣхать къ цесарю, который мнѣ свояк и великій, великодушный государь, котораго отецъ уважаетъ. Цесарь окажетъ мнѣ покровительство. Къ французамъ и къ шведамъ я не могъ идти, потому что это враги моего отца, котораго я не хотѣлъ гнѣвить. Говорятъ, будто я дурно обходился съ

моею женой, сестрою императрицы; но Богу извѣстно, что не я дурно съ нею обходился, а отецъ да царица, которые хотѣли заставить ее служить себѣ какъ простую горничную, но она по своей едукаціи къ этому не привыкла и сильно печалилась. Къ тому же заставляли меня и ее терпѣть недостатокъ, и особенно стали дурно обходиться, когда у нея пошли дѣти. Хочу къ цесарю, цесарь не оставитъ меня и моихъ дѣтей, не выдастъ меня отцу, потому что отецъ окруженъ злыми людьми, и самъ очень жестокъ, не цѣнитъ человѣческой крови, думаетъ, что какъ Богъ имѣетъ право жизни и смерти. Онъ уже много пролилъ невинной крови, часто самъ налагалъ руку на несчастныхъ обвиненныхъ. Онъ чрезвычайно гнѣвливъ и мстителенъ, не щадитъ никого, и если цесарь выдастъ меня отцу, то это все равно что самъ меня казнитъ. Да если бы и отецъ меня пощадилъ, то мачиха и Меншиковъ не успокоются до тѣхъ поръ, пока не замучатъ до смерти или не отравятъ.

Царевича затѣмъ скрываютъ въ Вейербургѣ, недалеко отъ Вѣны.

Изъ Вейербурга его перевозятъ въ крѣпость Эренбергъ вмѣстѣ съ Афросиньей и укрываютъ тамъ подъ видомъ государственнаго преступника.

Но отецъ ищетъ сына. Онъ догадывается, гдѣ онъ.

Въ мартѣ 1717 года въ Вѣну пріѣзжаетъ капитанъ гвардіи Александръ Румянцевъ съ тремя офицерами, чтобъ схватить царевича.

Аврамъ Веселовскій, тоже посланный Петромъ для розысковъ сына, узналъ, что молодой знатный русскій, подъ именемъ Коханскаго, и съ нимъ женщина — спрятаны въ Тиролѣ, въ крѣпости Эренбергъ.

Тогда вѣнскій дворъ отправляетъ въ Эренбергъ своего секретаря Кейля, который и увозитъ царевича вмѣстѣ съ Афро-

синьею въ Италію, въ Неаполь. Афросинья переодѣта пажомъ.

Въ Неаполѣ царевича и Афросинью укрываютъ въ крѣпости св. Эльмо.

Царь въ послѣдней степени раздраженія. Онъ намѣренъ объявить Австріи войну.

Въ Вѣну съ требованіемъ выдачи царевича является Петръ Толстой, тотъ самый, сынъ котораго женатъ былъ потомъ на дочери гетманши Скоропадской. Начинаются переговоры. Австрія встревожена крайнимъ гнѣвомъ могущественнаго царя.

Изъ Вѣны Толстой и Румянцевъ скачутъ въ Неаполь. Царевича они находятъ въ домѣ вице-короля.

Толстой стращаетъ вице-короля войной. Требуетъ сказать царевичу, что война заставитъ его выдать.

— Такъ сурово говорить ему не могу—уклоняется вице-король.

Толстой настаиваетъ.

— Я намѣренъ его настращать—прибавляетъ вице-король—будто хочу отнять у него женщину, которую онъ при себѣ держитъ.

Это дѣйствительно самая страшная для царевича угроза: онъ на все готовъ, лишь бы не отнимали у него Афросиньи.

Вице-король, впрочемъ, дѣйствовалъ такъ по инструкціямъ изъ Вѣны. Въ Вѣнѣ думали, что царь больше всего негодуетъ на сына за Афросинью. Поэтому удаленіе ея Австрія считала средствомъ примиренія съ суровымъ царемъ.

Этимъ только обманомъ и напугали царевича. Онъ покорился, обѣщалъ дать отвѣтъ на другой день, и просилъ Толстого обождать.

Царевичу конечно нужно было посовѣтываться съ своей возлюбленной: что́ выбирать — покориться отцу и ѣхать въ Россію, или лишиться той, которую онъ любитъ.

Царевичъ выбралъ первое, чтобъ только не разставаться съ Афросиньей.

«И съ этимъ я отъ него поѣхалъ прямо къ вицерою (вицекоролю)—писалъ Толстой—которому объявилъ что было потребно, прося его, чтобъ немедленно послалъ къ нему сказать, чтобъ онъ дѣвку отъ себя отлучилъ, что онъ вицерой и учинилъ: понеже выразумѣлъ я изъ словъ его, царевича, что больше всего боится ѣхать къ отцу, чтобъ не отлучилъ отъ него той дѣвки. И того ради просилъ я вицероя учинить предреченный поступокъ, дабы съ трехъ сторонъ вдругъ пришли къ нему противныя вѣдомости, т. е. что у него отнята надежда на протекцію цесарскую, а я ему объявилъ отцевъ къ нему скорый пріѣздъ и прочая, а вицерой разлученіе съ дѣвкою. И когда присланный отъ вицероя объявилъ ему разлученіе съ дѣвкою, тотчасъ ему сказалъ, чтобъ ему дали сроку до утра: «а завтра-де я присланнымъ отъ отца моего объявлю, что я съ нею къ отцу моему поѣду, предложа имъ только двѣ кондиціи, которыя я уже сего дня министру Толстому объявилъ». А кондиціи тѣ: первая, чтобъ ему отецъ позволилъ жить въ его деревняхъ; а другая, чтобъ у него помянутой дѣвки не отнимать. И хотя эти государственныя кондиціи паче мѣры тягостны, однакожь я и безъ указу осмѣлился на нихъ позволить словесно. А когда мы назавтра къ нему съ капитаномъ Румянцевымъ пріѣхали, онъ намъ тотчасъ объявилъ, что безъ прекословія ѣдетъ купно съ нами и притомъ насъ просилъ, чтобъ мы ему исходатайствовали у отца той милости, дабы повелѣлъ ему на оной дѣвкѣ жениться, не доѣзжая до С.-Петербурга. О семъ я его величеству мое слабое мнѣніе доношу: ежели нѣтъ въ томъ какой противности, чтобъ изволилъ ему на то позволить, для того что онъ тѣмъ себя весьма покажетъ во весь свѣтъ, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той

дѣвки; другое — цесаря весьма огорчитъ, и уже никогда ему ни въ чемъ вѣрить не будетъ; третіе, что уже отъиметъ опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, отъ чего еще и здѣсь не безопасно. Мнѣ мнится, что сіе ни чему предбудущему противно не будетъ, но и въ своемъ государствѣ покажется, какого онъ состоянія».

Царевичъ, наконецъ, ѣдетъ въ Россію. 4-го октября онъ пишетъ отцу и проситъ прощенія.

Но страшно ему ѣхать прямо на глаза отцу. Отъ своихъ приставниковъ онъ требуетъ прежде провести его въ Бари — поклониться мощамъ Николая-чудотворца.

Поклонившись мощамъ, они снова ѣдутъ въ Неаполь, и уже 14-го октября выѣзжаютъ оттуда по дорогѣ въ Римъ.

Афросинья беременна. Она не можетъ поспѣть за царевичемъ—и ѣдетъ съ особымъ поѣздомъ, медленно.

На память объ ней, при разставаньѣ, царевичъ беретъ отъ нея «платочекъ».

Всю дорогу до Рима и до Венеціи онъ неотступно упрашиваетъ Толстого и Румянцева—выпросить ему у отца позволеніе обвѣнчаться съ Афросиньею до пріѣзда въ Петербургъ. Ожидая этого разрѣшенія, онъ затягиваетъ свой путь, выдумываетъ разные предлоги—осмотрѣть Римъ, Венецію и другіе города.

Однимъ словомъ царевичъ ѣхалъ очень медленно: вѣдь онъ ѣхалъ за своей смертью, не зная того, да и никто этого не зналъ.

Но впереди повидимому не смерть ждетъ, а прощенье отца, женитьба на любимой дѣвушкѣ, тихая жизнь въ деревнѣ.

Дѣйствительно, 14-го ноября отецъ ему пишетъ изъ Петербурга:

«Письмо твое я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую: что просишь прощенья, которое уже вамъ предъ симъ чрезъ господъ

Толстова и Румянцова письменно и словесно обѣщено, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ. Также о нѣкоторыхъ твоихъ желаніяхъ писалъ къ намъ господинъ Толстой, которыя также здѣсь вамъ позволятся, о чемъ онъ вамъ объявитъ. Петръ».

Просто «Петръ»—нѣтъ прибавки «отецъ».

Но царевичъ видитъ, что онъ прощенъ, что ему позволятъ жениться на любимой женщинѣ. Съ такими надеждами можно ѣхать и къ суровому отцу.

Отвѣчая сыну прощеніемъ, царь въ тоже время писалъ Толстому и Румянцеву:

«Мои господа! письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже поѣхалъ, что̀ меня зѣло обрадовало. Что же пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ, и въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши краи пріѣдетъ, хотя въ Ригѣ или въ своихъ городахъ, или хотя въ Курляндіи у племянницы въ домѣ (т. е. у Анны Іоанновны); а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ. Буде же сомнѣвается, что ему не позволятъ, и въ томъ можетъ разсудить: когда я ему такъ великую вину отпустилъ, а сего малаго дѣла для чего мнѣ ему не позволить? О чемъ и напредъ сего писалъ, и въ томъ его обнадежилъ, что̀ и нынѣ паки подтверждаю; также и жить гдѣ похочетъ въ своихъ деревняхъ, въ чемъ накрѣпко моимъ словомъ обнадежьте его».

Ясно, что все прощено и все позволено. Правду говорилъ царевичъ вице-канцлеру Шёнборну въ ту ужасную ночь, когда явился къ нему какъ помѣшанный, что «отецъ къ нему добръ». Вѣдь отецъ и самъ былъ, какъ и сынъ, не безъ слабостей: и онъ любилъ когда-то Анну Монцову, иноземку, дочь вино-

торговца, и эта «дѣвка иноземка» была ему дороже всѣхъ царевенъ, королевенъ и принцессъ; вѣдь и теперь отецъ любитъ бывшую плѣнную нѣмку, приведенную въ русскій лагерь въ одной сорочкѣ; а теперь она царица. Отчего жъ и сыну не позволить любить ту, которая для него дороже короны и земли русской?

Беременная Афросинья, какъ мы сказали, далеко отстала дорогой отъ царевича.

Отъ этого времени сохранились три письма царевича и Афросиньи. Писемъ этихъ повидимому не знали прежде наши историки — ни Н. Г. Устряловъ, ни С. М. Соловьевъ, а изданы они академіею по подлинникамъ, хранившимся у покойнаго К. И. Арсеньева.

Какой нѣжной заботливостью дышетъ первое письмо царевича къ своей «Афрасинюшкѣ», писанное съ дороги, съ нѣмецкой границы, отъ 19-го ноября:

«Матушка моя другь мой сердешной Афрасинюшка здравствуй на множество лѣть. Я слава Богу даѣхалъ да немецкой земли в добромъ здравіи непечался маменка для Боґа. а я на твой платочикъ глядя веселюся зделай другь мой себе теплое одеяло подчемъ спать для того что холодно а печей выталиі нетъ а подшубою нетакь хороше спать. Немешкай долго ввенецыи что тебя дале то тежеле а дорогою поѣзжай неспеша береги себе і малинково Селебенова засимъ тебя і с нимь і з братомь предаю в сохранение божие і пребываю вѣрны твой другъ всегда Алексей».

«Селебеновъ», «Селебенъ» — это они такъ называютъ свое дитя...

На это письмо Афросинья отвѣчаетъ царевичу уже изъ Германіи, изъ Аугсбурга, отъ декабря:

«Государъ мой батушка другъ царевичъ Алексѣй Петровичь. Здравствуй на многая лѣта что меня изволишь памятовать: благодатью божіею в добромъ здравіи. Селебинымъ поздравляю тебѣ, государю, праздникомъ рождества христова. Желаю слышать о вашемъ здравіи. Доношу тебѣ, государь, пріѣхали въ Аузшпургъ декабря 24 числа, слава Богу, въ добромъ здравіи и впредь уповаю на его божескую милость, который подъ рукою милости своея сохранитъ насъ отъ всякаго зла. Изъ Аузшпурга наняли фурманщиковъ до Берлина и отправимся завтра поутру. Летигу наняли до Берлина, для того что въ колискѣ не возможно ѣхать: земля мерзлая и очень колотко. Евфросинья».

Скоро царевичъ предсталъ предъ очи грознаго батюшки.

По Москвѣ разносится страшный шопотъ о томъ, что скоро начнется розыскъ. Но розыска еще нѣтъ. Можетъ и пронесется мимо эта горькая чаша. Сторонники царевича бранятъ Толстого, бранятъ и самого Алексѣя.

— Іуда Петръ Толстой обманулъ царевича, выманилъ, и ему не перваго кушать, говоритъ Иванъ Нарышкинъ.

— Слышалъ ты—говоритъ князь Василій Долгорукій Богдану князю Гагарину — что дуракъ царевичъ сюда идетъ, потому что отецъ посулилъ женить его на Афросиньѣ! Жолвъ ему, не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно.

Но вотъ 3-го февраля, въ понедѣльникъ, въ кремлевскій дворецъ, гдѣ собралось все высшее духовенство и сановники, является царь, а за нимъ вводятъ царевича безъ шпаги.

Отецъ сталъ выговаривать сыну. Царевичъ бросается отцу въ ноги, во всемъ винится и со слезами проситъ помилованія. Отецъ прощаетъ на условіяхъ — отказаться отъ наслѣдства и открыть своихъ сообщниковъ.

Царевичъ все исполнилъ. Отъ престола онъ отрекается въ успенскомъ соборѣ передъ евангеліемъ, и подписываетъ отреченіе.

Въ тотъ же день обнародывается манифестъ съ изложеніемъ причинъ лишенія царевича престола, и начинается розыскъ.

Въ тотъ же день, передъ началомъ страшнаго дѣла, царевичъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ съ своей возлюбленной.

Вотъ что онъ пишетъ ей изъ Преображенскаго:

«Другъ мой сердешной Афрасиньюшка. Здравствуй матушка моя на множество лѣтъ. Я пріѣхал сюда сегодни а батюшка был вверху на Москвѣ в столовой полате со всеми і тутъ я пришел і поклонился ему в землю прося прощенія что от него ушел к цесарю, і нодал ему повинное писмо і он меня простил милостиво і сказал что де тебя наследства ілишаю і надлежит де тебѣ і прочим крест целовать брату яко наслѣднику і чтоб какъ мнѣ такъ и прочим по смерти батюшкой не промышлять о моем возведении на престол, і потом велел честь за что он меня лишил наследства і потом пошли в соборную церковь і целовали я і прочіе крестъ а каково обявление і пред крестом присяга то пришлю к тебѣ впредь а нынѣ за скоростью не успел і потом батюшка взял меня к себѣ ѣсть і поступает ко мнѣ милостиво дай боже что і впред также і чтоб мнѣ даждатся тебя въ радости. Слава Богу что нас от наследства отлучили понеже останемся в покое с тобою. Дай боже благополучно пожить с тобою в деревнѣ понеже мы с тобою нічего не желали толко чтоб жить в Рожественѣ сама ты знаешь что мнѣ нічего не хочется толкоб с тобою до смерти в покое дожить а будет что немецких вракъ будет о сем невѣрь пожалуй ей ей болше нічего не было вѣрный другъ твой Алексѣй».

Начались аресты, казни. Жестокая казнь постигла Кикина. Казнили Большого-Афанасьева, дьяка Воронова. Схватили князя

Василія Долгорукаго, Никифора Вяземскаго, перваго учителя царевича, у котораго этотъ послѣдній и спознался съ Афросиньею.

Глѣбовъ, бывшій ростовскій епископъ Досифей, а теперь разстрига Демидъ, Пустынскій, Журавскій, Дорукинъ—все это кончило смертью то на колу, то на колесѣ.

Покончивъ московскія казни, царь, 18-го марта, ѣдетъ въ Петербургъ. Царевичъ съ нимъ. Буря, кажется, прошла совсѣмъ.

Царевичъ весь отдается одной страсти — увидѣть Афросинью. Въ свѣтлый праздникъ пасхи онъ на колѣняхъ умоляетъ мачиху не разлучать ихъ, дозволить имъ бракъ.

Въ половинѣ апрѣля въ Петербургъ пріѣзжаетъ наконецъ и Афросинья.

Нужно и ее допросить.

Никто не думалъ, чтобъ показанія Афросиньи дали такой страшный конецъ дѣлу.

По невѣдѣнію или изъ желанія спасти себя, эта женщина все открыла, чего никто не открылъ, и чего царь даже и не ждалъ.

Афросинья показала, что въ Эренбергѣ, въ крѣпости, царевичъ писалъ письма порусски къ архіереямъ, писалъ къ цесарю съ жалобами на отца.

Афросиньѣ царевичъ говорилъ, что въ русскомъ войскѣ бунтъ, что объ этомъ въ газетахъ пишутъ.

Около Москвы волненіе—объ этомъ въ письмахъ пишутъ.

— «Авось либо Богъ дастъ намъ случай съ радостью возвратиться», радовался царевичъ, слыша о смутѣ въ Россіи.

Изъ Неаполя царевичъ также часто писалъ цесарю жалобы на царя.

— «Вотъ видишь, что Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое!»—говорилъ царевичъ, прочтя въ газетахъ извѣстіе, что младшій царевичъ боленъ.

— «Хотя батюшка и дѣлаетъ, что хочетъ, только какъ еще сенаты похотятъ; чаю, сенаты и не сдѣлаютъ, что хочетъ батюшка»—такъ говорилъ онъ о «сенатахъ».

Къ архіереямъ для того писалъ письма, чтобъ ихъ подметывать.

— «Я старыхъ всѣхъ переведу — говаривалъ царевичъ — и изберу себѣ новыхъ по своей волѣ. Когда буду государемъ, буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ. Корабли держать не буду. Войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу, буду довольствоваться старымъ владѣньемъ. Зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ».

Читая въ газетахъ о какихъ-нибудь видѣніяхъ, или извѣстія, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, говаривалъ, что видѣнія и тишина не даромъ.

— «Можетъ быть отецъ мой умретъ, или бунтъ будетъ. Отецъ мой, не знаю, за что меня не любитъ, и хочетъ наслѣдникомъ сдѣлать брата моего, а онъ еще младенецъ, и надѣется отецъ мой, что жена его, моя мачиха, умна: и когда, сдѣлавши это, умретъ, то будетъ бабье царство! И добра не будетъ, и будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня».

Афросинья не пускала его бѣжать изъ Неаполя къ папѣ римскому просить протекціи.

Когда собирался ѣхать къ отцу, то Афросиньѣ отдалъ «черныя письма, велѣлъ ихъ сжечь, а когда приходилъ секретарь вицероя неаполитанскаго, то царевичъ сказывалъ ему изъ тѣхъ писемъ нѣкоторыя слова понѣмецки, а секретарь записывалъ, и написалъ одинъ листъ, а писемъ всѣхъ было листовъ съ пять».

Вотъ что открывала Афросинья...

Когда, затѣмъ, царь спросилъ сына, присталъ ли бы онъ къ бунтовщикамъ, если бъ за нимъ прислали, даже при живомъ

отцѣ, сынъ отвѣчалъ: «А хотя бъ и при живомъ прислали, когда бъ они сильны были, то бъ могъ и поѣхать»...

Это говорилъ сынъ отцу.

«Все было сказано (позволяемъ себѣ выписать это блестящее мѣсто изъ теоріи Соловьева). Передъ Петромъ не былъ сынъ, неспособный и сознающій свою неспособность, бѣжавшій отъ принужденія къ дѣятельности и возвратившійся съ тѣмъ, чтобъ погребсти себя въ деревнѣ съ женщиною, къ которой пристрастился. Передъ Петромъ былъ наслѣдникъ престола, твердо опиравшійся на свои права и на сочувствіе большинства русскихъ людей, радостно прислушивавшійся къ слухамъ и замысламъ, имѣвшимъ цѣлію гибель отца, готовый воспользоваться возмущеніемъ, если бы даже отецъ и былъ еще живъ, лишь бы возмутившіеся были сильны. Но этого мало: программа дѣятельности по занятіи отцовскаго мѣста уже начертана: близкіе къ отцу люди будутъ замѣнены другими, все пойдетъ наоборотъ, все, что стоило отцу такихъ трудовъ, все, изъ-за чего подвергался онъ такимъ бѣдствіямъ, и наконецъ получилъ силу и славу для себя и для государства, все это будетъ низпровергнуто, причемъ, разумѣется, не будетъ пощады второй женѣ и дѣтямъ отъ нея. Надобно выбирать: или онъ, или они? или преобразованная Россія въ рукахъ человѣка, сочувствующаго преобразованію, готоваго далѣе вести дѣло, или видѣть эту Россію въ рукахъ человѣка, который съ своими Досифеями будетъ съ наслажденіемъ истреблять память великой дѣятельности. Надобно выбирать; средняго быть не можетъ, ибо заявлено, что клобукъ не гвоздемъ будетъ къ головѣ прибитъ. Для блага общаго надобно пожертвовать недостойнымъ сыномъ; надобно однимъ ударомъ уничтожить всѣ преступныя надежды. Но казнить родного сына! Сначала Петръ въ Москвѣ былъ склоненъ снисходительно смотрѣть на сына; въ

*

немъ видно было желаніе оправдать Алексѣя чрезъ обви
другихъ. Царь говорилъ Толстому: «Когда бъ не монахи
монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое н
ханное зло. Ой бородачи! многому злу корень старцы и
отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тыся
Богъ сердцевѣдецъ и судья вѣроломцамъ. Я хотѣлъ ему бла
онъ всегдашній мой противникъ». Толстой отвѣчалъ: «Кающ
и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать пе
поубавить пуха».—«Не будутъ летать, скоро, скоро!» ск
на это Петръ.»

Пытали наконецъ и царевича.

19-го іюня дали царевичу двадцать-пять ударовъ.

24-го іюня—пятнадцать ударовъ.

26-го іюня вновь были въ застѣнкѣ: самъ царь, Менши
князь Долгорукій, Гаврило Головкинъ, Федоръ Апраксинъ, І
Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, Петръ Толстой, Петръ
фировъ, генералъ Бутурлинъ.

Началось съ восьми часовъ утра. Въ одиннадцать р
хались.

«Того жъ числа (значится въ «записной книгѣ с.-петер
ской гварнизонной канцеляріи») пополудни въ 6-мъ часу, б
подъ карауломъ въ трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ, цар
Алексѣй Петровичъ преставился».

Въ тотъ же день перехвачено было донесеніе голланд
резидента Деби, писанное вѣроятно за нѣсколько часовъ до с
царевича:

«Хотя царевичъ Алексѣй Петровичъ чаялъ, что чрезъ
ченное прощеніе и для того публикованный манифестъ о с
животѣ увѣренъ былъ,—понеже его царское величество сам
болѣе за проведеннаго, нежели проводителя и главу того зам

почиталъ,—однако же объ немъ весьма инако оказывается. Метреса царевича случай подала на открытіе наивящихъ тайностей. Она есть низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная и ... принцемъ Алексѣемъ обнаженнымъ ножемъ и угроженіемъ смерти принужденная особа. Многіе чаютъ, что она, по принятіи греческой вѣры и первому рожденію, чрезъ греческаго священника и духовнаго отца того принца, который также посаженъ, въ пути дѣйствительно вѣнчана съ царевичемъ, и видится, что сіе нѣкоторымъ образомъ основательно есть, понеже, когда помянутая метреса отъ царя совершенное прощеніе получила, нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи оной назадъ отданы и ей при томъ сказано было, что когда она замужъ выйдетъ, то предбудущему ея мужу хорошее приданое изъ казны выдано будетъ, она на это отвѣствовала: [illegible], и послѣ того принца никто [illegible] не будетъ». О которыхъ словахъ разныя сумнѣнія учинены были, которыя болѣе къ тому клонятся, что она еще вовсе надежду не потеряла въ которое время нибудь корону на себѣ видѣть. Хотя она чрезъ глубочайшую покорность и объявленіе того, что она вѣдаетъ, себя при сихъ опасныхъ временахъ ищетъ въ полученную милость отъ царя утвердить, однакожь она чрезъ изустное свое объявленіе много тягости, какъ несчастливому принцу, такъ и участникамъ его причинила, также чрезъ письма, которыя они къ нему писали и у нея найдены».

Такова была историческая миссія Афросиньи Федоровой. Какъ видно изъ донесенія резидента Деби, и она мечтала видѣть на своей головѣ корону.

VII.

Александра Салтыкова.

(Александра Григорьевна Салтыкова, урожденная княжна Долгорукая).

Петровскія преобразованія очень глубоко захватывали старую русскую почву. Обновляя государственныя формы, общественную жизнь и внѣшнія проявленія этой жизни, вызывая и развивая образовательныя и производительныя силы страны, Петръ заглядывалъ и въ семейную жизнь русскаго общества, справедливо понимая, что семья — первый общественный питомникъ: — если семья даетъ обществу урода, то и общество не въ силахъ сдѣлать изъ него человѣка.

Петръ зналъ семью по программѣ «Домостроя»; зналъ онъ и русскую женщину, жившую въ семьѣ по этой же программѣ. Онъ самъ былъ отчасти воспитанникъ домостроевскихъ женщинъ: но, по счастью, онъ скоро отбился отъ нихъ, и пошелъ своею дорогою.

Заглядывая и въ семейную обстановку русскаго общества, Петръ и тутъ пытался воевать съ «барбарскими обычаями». Онъ, между прочимъ, высказывалъ, что желаетъ русское общество «изъ

прежнихъ азіятскихъ обычаевъ вывесть и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся».

Для этого царь, между прочимъ, запрещалъ указами, «чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не ходили замужъ».

Это уже прямая забота о женщинѣ. Петръ, противникъ «Домостроя» и всего застарѣлаго, хотѣлъ защитить женщину отъ рекомендуемой Сильвестромъ «плетки» и отъ мужниныхъ кулаковъ.

Насколько воля преобразователя встрѣчала отпоръ въ старой русской семьѣ, доказываетъ вся несчастная жизнь хоть бы такой высоко поставленной женщины, какъ княжна Долгорукая, нашедшая себѣ мужа въ знаменитомъ братѣ царицы Прасковьи Федоровны, Васильѣ Федоровичѣ Салтыковѣ.

Александра Григорьевна Долгорукая была дочь князя Григорія Федоровича Долгорукаго и племянница знаменитаго петровскаго сподвижника, неустрашимаго Якова Долгорукаго.

Какъ почти всѣ женщины первой четверти восемнадцатаго столѣтія, княжна Долгорукая одной ногой такъ-сказать стояла еще позади рубежа, отдѣлявшаго старую Русь отъ новой, такъ что на воспитаніи ея должны были лежать старыя краски, только жизнь и обстановка давали уже имъ новый оттѣнокъ.

Въ 1707 году, молодою дѣвушкою она вышла замужъ за немолодого уже вдовца, Василія Салтыкова—слѣдовательно породнилась съ царскою семьею, хотя Долгорукіе и прежде бывали въ кровномъ родствѣ съ владѣтелями русской земли.

Семейное положеніе, въ которое поставлена была молодая княжна, и составляетъ все содержаніе ея жизни. Положеніе это становится до нѣкоторой степени характеристикой эпохи—и оттого несложная, но и нерадостная жизнь этой женщины пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ интересъ историческій.

Десять лѣтъ прожила бывшая княжна Долгорукая въ замужествѣ съ Салтыковымъ, и жизнь эта не выходила повидимому изъ колеи обыкновенныхъ, рядовыхъ жизней высшаго и средняго общества.

Вслѣдствіе родства съ царскимъ домомъ, Салтыковы обращаются въ придворной сферѣ. Въ 1718—1719 годахъ они живутъ въ Митавѣ, при дворѣ герцогини курляндской Анны Іоанновны, которая, какъ дочь царицы Прасковьи, приходилась племянницей Салтыкову, а по нему—и его женѣ, Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой.

Около этого времени у Салтыковыхъ разыгрывается семейная драма, источникъ которой намъ неизвѣстенъ, но самая тяжелая роль въ этой драмѣ выпадаетъ на долю Салтыковой. Разладъ между ними, можетъ быть, начинался давно, но рѣзкое обнаруженье его относится къ тому времени, когда Салтыковъ началъ открыто преслѣдовать жену и обращаться съ нею самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Салтыкова жаловалась герцогинѣ, обращалась съ просьбою о защитѣ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; но это еще болѣе вызывало ожесточеніе со стороны мужа, и жизнь Салтыковой становилась каторгой: мужъ обращался съ ней грубо, постоянно бранилъ, и, даже вопреки «Домострою», часто пускалъ въ ходъ кулакъ и палку. Мало того, онъ открыто жилъ съ любовницею, съ своею собственною служанкою, и это еще болѣе увеличивало тягость положенія жены, которая, какъ хозяйка въ домѣ, часто была морима голодомъ.

Уѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ, Салтыковъ безчеловѣчно избилъ жену и оставилъ ее на произволъ судьбы. Анна Іоанновна сжалилась надъ больною, и взяла ее къ себѣ, поручивъ придворному доктору лечить нанесенныя ей мужемъ раны.

Но вотъ мужъ требуетъ ее къ себѣ въ Петербургъ. Боясь но-

выхъ истязаній, Салтыкова рѣшается бѣжать къ отцу, у котораго она была единственная дочь.

Отецъ ея въ это время находился въ Варшавѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра.

Убѣгая къ отцу, Салтыкова тайно предувѣдомила его объ этомъ, а другимъ никому не открыла своего намѣренія кромѣ герцогини Анны Іоанновны.

Отецъ выслалъ навстрѣчу дочери князя Шейдякова, который и долженъ былъ проводить ее до Варшавы. Шейдяковъ встрѣтилъ бѣглянку недалеко отъ Митавы, на Двинѣ, въ одной еврейской корчмѣ, и тотчасъ же распорядился, чтобы обозъ съ ея вещами и дворнею ѣхалъ далѣе въ Ригу, а Салтыкову съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, приготовленную имъ заранѣе, и приказалъ держать путь къ Варшавѣ.

Но Салтыкова знала своего мужа и боялась его. Она знала, что онъ и у отца найдетъ ее и вытребуетъ для расправы. Поэтому, чтобы смягчить его гнѣвъ и по возможности обмануть, давъ благовидный предлогъ своему бѣгству, она съ дороги пишетъ ему: «При отъѣздѣ моемъ въ Ригу, получила я отъ отца своего присланныхъ людей; приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслушать; а когда изволите мнѣ приказать быть—я готова. Не надѣюсь я вашего за то гнѣву, понеже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отъѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла».

Съ трудомъ больная доѣхала до Варшавы. Жестоко-огорченный старикъ-отецъ, за оскорбленіе дочери и за безчестье своего знатнаго рода, ищетъ расправы у царя.

Замѣчательный интересъ представляетъ его челобитная царю: въ ней онъ указываетъ Петру, что реформы его не проникли еще въ глубину русской старой семьи, что тамъ еще идетъ прежняя

кулачная расправа, что даже именитые люди знаменуютъ сво отношенія къ женщинѣ «барбарскими поступками», что «азіятск обычаи» изъ русской семьи не выводятся.

«Высокодержавный царь и всемилостивѣйшій государь! — ш шетъ онъ царю: — Ваше величество, милосердуя о народѣ своем государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, что оной изъ прежнихъ азіятскихъ обычаевъ вывесть и обучить ка всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того ради изв лили высокимъ своимъ указомъ всѣмъ милостиво воспретит чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не выходи за-мужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная дочь мо своею волею женился и оную не малое время имѣлъ, какъ прочіе мужья, въ своей любви, и потомъ ни за что, токмо наговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, т кожъ для своего интересу, чтобъ онымъ всѣмъ его владѣть, сс рили. Для чего какою немилостію обратился, и въ такой нем лости и въ руганіи отъ людей своихъ оную содержалъ и безви но билъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное гоненіе и мучен терпѣла, чего и описать невозможно, что не токмо женѣ, послѣдней подданной сиротѣ снесть было не мочно; однако она привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру те пѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила, такъ что, не боя Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить до смерт и такъ мучительски билъ, что замертвую кинулъ, и притом токмо напамятовалъ, для чего о несчастливомъ своемъ жить доносила всемилостивѣйшей государынѣ, царицѣ Екатерин Алексѣевнѣ, и для чего отъ него прочь нейдетъ. А потом что было ея, все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбарским поступками не токмо Курляндію, и Польшу безчестно наслушилъ и въ Петербургъ отъѣхалъ; а какъ потомъ увѣдалъ, что ещ

жена его въ кровавыхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы больную къ себѣ везть, что уже была и повезена. И видя оная послѣднее свое житье, принуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить и свой несчастливый животъ спасать. Того ради, упадая до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василья Салтыкова, не быть въ поруганіи, и чтобъ несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возвратить, но и изъ его недвижимаго оную милостиво повелѣли наградить, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учинилъ, ибо отъ нея не токмо счастіе, радость, здоровье, но и честь на вѣки отнялъ».

Старый придворный не ограничился этой челобитной къ царю. Онъ зналъ, что въ настоящее время, при Петрѣ, женщина стала не то, что была въ старое время, когда все, что касалось государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, считалось не бабьяго ума дѣломъ. Теперь, особенно при дворѣ, женщина становилась всесильною, отчасти потому, что это было въ принципѣ царя — выводить женщину изъ терема и дѣлать ее участницею общественной жизни. Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо было позволить женщинѣ изъ своей свѣтлицы переходить и въ кабинетъ мужа, заглядывать въ лежащія у него на столѣ бумаги, говорить о дѣлахъ, о челобитчикахъ.

Петръ такъ и дѣлалъ—онъ не отгонялъ «Катеринушку» отъ своего рабочаго стола, и она знала челобитчиковъ своего мужа. Еще раньше этого Анна Монсъ уже неоднократно прашивала Петра за челобитчиковъ, даже злоупотребляла ласкою къ ней царя,

широко пользуясь правомъ посредницы. Не одна «Катер
нушка» имѣла силу при дворѣ и прашивала за челобитчиков
а и «Дарья-глупая», «Анисья-старая», Брюсова жена и инь
Впослѣдствіи, когда Виллимъ Монсъ вошелъ въ особенную сн
при особѣ Екатерины Алексѣевны, сестра его, Матре
Балкъ, сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ придворнаго присяжна
повѣреннаго, и такъ широко воспользовалась возможностью п
лучки гонорара со всѣхъ челобитчиковъ и челобитчицъ, что бы
предана позорной гражданской казни и пошла въ ссылку, а г
лова ея брата осталась на колу, а потомъ въ банкѣ со спи
томъ.

Старый придворный, князь Долгорукій, зналъ объ этомъ зн
ченіи женщинъ при дворѣ, и вручилъ свою обиженную дочь п
кровительству Екатерины Алексѣевны. Царица, конеч
съ разрѣшенія царя, позволила ей частно оставаться при отц

Въ благодарность за это Долгорукій писалъ Екатерин
«Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Ал
ксѣевна. Вашего величества ко мнѣ отправленное изъ С.-П
тербурга высокомилостивое писаніе отъ 10 іюля я здѣсь чре
почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою р
достію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ нед
стойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной доче
моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволи
и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую м
лость на вѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ (
повторительно симъ моимъ дерзновенно трудить ваше величест
Токмо обнадеживаетъ и придаетъ мнѣ смѣлость ваша высок
милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостью не ток
во всѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась и отъ немилости
мученія безсовѣстнаго мужа своего защищалась. Къ тому-з

усильно принуждаетъ меня натуральная отеческая нетерпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы, и на тиранскія раны и увѣчье несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣстный мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людямъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ». Въ заключеніе этого прошенія, князь Долгорукій, «упадая подъ ноги» царицы, проситъ не отдавать его дочери «на прежнее мученіе и убивство», проситъ возвратить приданое его дочери и выражаетъ надежду, что его «нижайшая суплика» не будетъ оставлена безъ вниманія.

Но этимъ не ограничились Долгорукіе. Имъ казалось, что при Петрѣ настало царство женщинъ, и потому надо пользоваться женскою силою.

Въ то время когда отецъ писалъ царицѣ, сама обиженная, Салтыкова, обратилась къ придворному присяжному повѣренному, къ Матренѣ Ивановнѣ Балкъ.

Письма Салтыковой къ Балкъ составляютъ драгоцѣнные документы для исторіи русской женщины: изъ нихъ видно, чѣмъ была русская женщина, по отношенію къ ея развитію и образованію, при началѣ преобразованія русской земли, та женщина, которая черезъ тридцать-сорокъ лѣтъ превратилась въ женщину-писателя, которая явилась свѣту въ лицѣ княгини Дашковой и цѣлой плеяды россійскихъ «Сафо», «Коринъ» и проч.

Вотъ какимъ изумительнымъ языкомъ писала, въ 1719 году, супруга брата царицы, женщина изъ блестящаго рода князей Долгорукихъ, единственная дочь образованнаго посланника и русскаго министра:

«Государыня мая матрена ивановна много летно здравъствуй купно са всеми вашіми! писмо миласти вашей получила, въ каторомъ изволите ответъствавать на мое писмо, каторое я къ

вамъ писала из кенезъ Берха, за что я вамъ, матушъка мая, благодаръстъвую и въпреть васъ прашу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою маею радастію ожидать буду... и прашу на меня и неизволте прогневатъца, что мешъкала за нещастіемъ моимъ, на оное ваше писмо ответъствавать; понежа у меня батюшъка канешъно боленъ огреваю четыря недели истенъно въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить маими писмами; ежели дастъ Богъ Батюшъку лехъча, буду писать простъранно на будущей почте Сердешъно сердешно сожелею о вашей балезъне изволька мъне отъ писать если вамъ лехъча до сего времени изволте ка мъне отписать писмо мое отъ егана изволилъ получить какошъ надеюса, что онъ намъ данесетъ обавсемъ прастъранъно, каторая челабитъная послана къ царскому величестъву такошъ и всемиластвой гасударыне царице екатерине алекъсеевне, изволте осведамитъца и камъне отписать, какъ изволятъ припять; а я въ бедахъ сваихъ инова претъстательстъва неимею кромя ея величестъва и ане камне пишутъ, что мушъ мой хочетъ на меня бить чаломъ, что бутъта я ево покърала и ушъла; я етава не баюса извесна всемъ въ митаве и много на то свидетелей сыщу не толка ныне что будетъ я неимела въ чемъ батюшъке доехать принуждена была себе делать до последъней рубашъки еле онъ увесъ ссобою ту бабу, которая завъсемъ хадила; она снимъ уехала ссабою ли ане забрали или у людей оставили пускай его людей стой бабаю пытаютъ мне была ничаво негде брать я уже была давъно савъсемъ обрана и отъ нево разъбита токмо имела при себе несколка из маихъ алмазавъ и то у меня наследния аграбилъ, какъ поехалъ въ петеръбуръхъ сказалъ мне: ежели не дашъ хателъ да смерти убить, я ему свеликаю радастію и то отдала толка обобралъ и самъ билъ на что есть свидетели. Въ протъчемъ астаюсь на миласть

вашу благонадежна что по своему обещанію меня оставить неизволите слуга верьная до смерти.

«Iзваршавы октября 17,1719 г.»

Изъ письма Салтыковой видно, что она зачѣмъ-то ѣздила въ «кенезъ Берхъ», то-есть въ Кенигсбергъ.

Не довольствуясь этимъ письмомъ, Салтыкова черезъ мѣсяцъ отправляетъ къ Матренѣ Балкъ второе посланіе, еще ужаснѣе перваго. Вотъ оно:

«Гасударяня мая матрена ивановъна многолетъно здравствуі купно со въсеми вашеми! о себе моя гасударяня донашу, еще въ бедахъ своихъ зъживыми обретаюса».

При этомъ Салтыкова говоритъ, что письмо Матрены Ивановны съ Белашинцевымъ получила—сожалѣетъ о ея болѣзни. Проситъ посылать письма черезъ Бестужева. Матрена Балкъ просила ее остерегаться Дашкова: «его ныня у насъ нетъ, отпущъченъ къ москве, желею, что я прежде не ведала я бы нарошъно при немъ гаварила, что надлежитъ другимъ ведать.

«Пача въсево васъ прошу, изволте меня садеръжать, по своему обещанию, верьно такошъ где вазъможъна упоминать въ миласти ее величеству, гасударыне циа, въ чемъ на миласть вашу безсумненъною надежъду имею, такошъ прашу матушъка мая изволте камъне писать пространъней, что изволите услышить въ деле моемъ какое будетъ са мной миласердие и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюса что вы извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластивое будетъ решеніе на нашу сулику, то надеюса васъ скоро видеть

Остаюсь вамъ верьпая до смерти александра. Прашу от меня покъланитъца ее миласти анъне ильинишъне».

Изъ этихъ писемъ видно, что дѣйствительно къконцу жизни великаго преобразователя Россіи наставало при дворѣ царство женщинъ.

По отправкѣ послѣдняго письма къ Балкъ, Салтыко
сама ѣдетъ въ Москву для пріисканія свидѣтелей противъ мул
но узнавъ, что «тиранскій мужъ» отпущенъ изъ Петербур
приходитъ въ отчаянье, и шлетъ новую «суплику» къ госу
рынѣ, а Матренѣ Балкъ черезъ секретаря своего пишет

«Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государын
симъ моимъ писаніем трудить и просить, дабы, по своей ко м
склонности, се приложенное мое письмо еѣ величеству всемил
стивѣйшей государыне царице вручить изволили, чрез которое
ее величеству рабски доносила о приезде моемъ к Москвѣ.
семъ і вамъ, моей государыне, объевляю, что я то учинила
ведая об отпуске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петеръбур
ради великой нужды, а именно чтоб мне сыскат верных сви
телей, и очистит себя в сносныхъ животахъ, в чемъ на ме
мужъ напрасно бьетъ челом, о которой моей нужде прошу
несть словесно всемилостивѣйшей государыне царице понеже
об оной вышеупомянутой моей рабской суплике именно еѣ вел
честву необъявила; при семъ васъ, мою государыню, прошу
держать меня в прежней любви вашей, и упоминат в милос
всемилостивѣйшей государыне царице. Такожде и неоставить ме
безвестну въ делѣ моемъ; понеже я нyне кроме васъ приятел
въ санктъ-Петербуръхѣ неимѣю, а наипаче васъ, мою госу
рыню, прошу уведомит меня, какъ еѣ величество всемилос
вѣйшая государыня царица изволить принят от васъ мою
жайшую суплику, за что вамъ, моей государыне, всегда бла
дарить и служить, по своей должности буду; впротчемъ остан
вамъ, моей государыне, служебно должна Александра.

«P. S. Сего моего посланнаго человѣка отдаю в волю ва
прошу неизвольте онаго ко мне отпущать напрасно без всяк
ведомости, приездъ токмо мне принесетъ пущую пѣчаль. Також

васъ, мою государыню, прошу изволте об отпуске онаго человека согласитца съ анной ѳедоровной юшковой, понеже я той стороны имѣю некоторую нужду».

Вездѣ и во всемъ женщины—Екатерина Алексѣевна, Матрена Ивановна Балкъ, тамъ Анна Ильинишна, тутъ Анна Федоровна Юшкова: и дворъ, и сенатъ, и юстицъ-коллегія повидимому наполнены женщинами.

Наконецъ и самъ великій воротило при дворѣ царицы, Виллимъ Монсъ, превращается въ женщину.

Замѣчательно, что какъ во всей этой женской исторіи Виллимъ Монсъ былъ главнымъ двигателемъ и при дворѣ, и въ юстицъ-коллегіи, то чтобъ прикрыть свое участіе благовидною наружностью, онъ переписывается съ Салтыковой не отъ своего, а отъ имени женщины же, только пишетъ свои посланія къ ней особо-сочиненною азбукою, латинскими буквами.

Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ Салтыковой: «Sdrawstwoy matouska aleksandra grigorgefna, bose dai wam dobrago sdorowje; sa fse samejstwa vassei, selaju dabie piessange etage was magu goschudarinu fdobrom strafge sastalla na katorom at fsewo fsewo swogewo sertza selaju» и т. д.

Мы не рѣшаемся на бо́льшую выписку изъ этого тарабарскаго посланія, а перелагаемъ его на удобопонятное правописаніе: «прошу васъ, мою государыню, дабы я не оставлена была писаніемъ вашимъ, которое принимаю себѣ за великое счастье, когда я увижу отъ васъ къ себѣ письмо ваше, то Богъ мой свидѣтель, что я съ великою радостью воспринимаю и трудъ свой столько прилагаю дѣлу вашему, что Богу одному свѣдомо, и стараюся, чтобы вскорѣ окончить въ добромъ состояніи къ вашему желанію, и надѣюся, что вскорѣ послѣ праздника, только васъ прошу не извольте печалиться и себя безвременно сокру-

шать объ оном дѣлѣ, все Богомъ будетъ устроено, поне
величество вельми къ вамъ милостива и ни вѣсть какъ
лѣетъ объ васъ, такожде и объ родителѣ вашемъ, присемъ
юсь вамъ моей государынѣ вѣрная вамъ uslusnisza»
услужница).

«Услужница» эта—самъ Виллимъ Монсъ, камергеръ дв
величества Екатерины Алексѣевны.

Вообще это было замѣчательное время. Женская и
какъ паутина начала опутывать великаго преобразователя Р
который все болѣе и болѣе жаловался на старость и нездо

Такимъ образомъ Виллимъ Монсъ, подъ видомъ женщин
реписывался съ Салтыковой, а посредникомъ ихъ в
корреспонденціи является гофмаршалъ митавскаго двора
гини Анны Іоанновны Петръ Михайловичъ Бестужев
минъ. Предлагая всесильному Монсу свое посредничество
редачѣ писемъ Салтыковой, которой покровительст
Анна Іоанновна, Бестужевъ-Рюминъ писалъ Монсу: «Изв
государь мой, мнѣ повѣрить, что я зѣло обязуюсь вѣрны
услугамъ вашимъ быть при вашей корошпанденціи. Из
оныя письма ко мнѣ при всепріятномъ вашемъ писаніи
лать; я оныя въ надлежащее мѣсто вѣрно и во всякой
ности отправлять буду, понеже мнѣ оное извѣстно, и
секретно содержать буду».

Сторону обиженной, какъ видно изъ предыдущаго, п
вся женская половина двора и аристократіи: на сторонѣ
тыковой стояли сама царица Екатерина Алексѣ
герцогиня курляндская Анна Іоанновна, будущая и
трица, потомъ Матрена Ивановна Балкъ, Анна
ровна Юшкова и другія. Но и противная, обидѣвшая с
была не безсильна: отвѣтчикъ былъ братъ старой

Прасковьи, имѣвшей значеніе у Петра. Узнавъ, что противъ него возсталъ цѣлый сонмъ женщинъ, Салтыковъ подалъ на имя царя объявленіе, что у него жена сбѣжала. Въ объявленіи этомъ онъ говоритъ, что когда онъ ѣхалъ изъ Митавы въ Петербургъ, то приказалъ женѣ выѣзжать вслѣдъ за нимъ, и потому для проводовъ ея оставилъ цѣлый штатъ прислуги. Но къ удивленію его, въ Петербургъ явились только дворовые служители, а жена съ горничною исчезла: «ни жены, ни дѣвки, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всѣ они скрылись, про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить».

Поэтому Салтыковъ требовалъ допросить прислугу—куда дѣвалась жена.

Царь на просьбѣ Салтыкова положилъ резолюцію: «о семъ розыскать и обиженной сторонѣ полную сатисфакцію учинить въ юстицъ-коллегіи. А буде зачѣмъ рѣшать будетъ не можно—учинить намъ доношеніе».

Начался опросъ людей. Къ отвѣту призвали и князя Шейдякова, помогавшаго побѣгу Салтыковой. Шейдяковъ сказалъ, что онъ, провожая къ отцу дочь князя Долгорукаго, исполнялъ порученіе начальства.

— А тебѣ, Шейдякову,—возражалъ на это Салтыковъ,—безъ мужниная позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной коляскѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало.

Салтыковъ, въ оправдательныхъ отвѣтахъ своихъ, между прочимъ, говорилъ: «жену безвинно мучительски не билъ, немило-

стиво съ ней не обращался, голодомъ ея не морилъ, убит
смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ».

Но потомъ далѣе, какъ бы сознавая себя правымъ по «Д
строю», этотъ ученикъ попа Сильвестра и сынъ древней
откровенно сознавался: «за непослушаніе билъ я жену самъ
ручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала,
тивность всякую чинила, къ милости меня не привращала и
тивъ меня невѣжнила многими досадными словами и ничего ч
натуру не терпѣла. Бѣжать же ей въ Варшаву было не изъ
а жалобы князя (отца обиженной) писаны были, безъ сомн
безъ ея согласія».

Салтыковъ, сознавая свою силу, даже отшучивается въ
ихъ отвѣтахъ юстицъ-коллегіи, ловко отпарируя обвиненія Д
рукаго: «что въ челобитьѣ его написано, что иныхъ поступ
моихъ будто и написать невозможно, въ томъ отвѣчать мнѣ
то что въ челобитьѣ не написано, невозможно». Далѣе: «Ис
же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подлинно, какъ жи
съ женой въ Митавѣ: видѣть и слышать ему изъ Варшав
Митаву далеко и невозможно, а не видавъ да не слыхав
челобитной писать не надлежало. Что же до того, чтобъ во
тить женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнія, то ни изъ
кихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенія не видно, чтобъ м
награждали женъ за уходъ».

Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ. Юстицъ-коллегія не рѣша
разводить мужа съ женой. Дѣло перешло въ синодъ. Въ си
опять тянется:—даже женское вліяніе не помогало.

Но вотъ царь и царица собираются въ персидскій пох
Это было уже въ 1722 году.

Боясь, что въ отсутствіе царицы дѣло рѣшатъ въ пс
мужа, отецъ Салтыковой опять пишетъ Екатеринѣ А

ксѣевнѣ, больше надѣясь повидимому на женское заступничество, чѣмъ на мужское:

«Премилосердая императрица и всѣмъ обидимымъ милостивая мать и государыня. Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто трудить его императорское величество, чтобъ извѣстное продолжительное дѣло въ синодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при вашемъ величествѣ. А нынѣ сомнѣваюсь, дабы то дѣло, по отшествіи вашего величества, по волѣ государыни царицы Прасковьи Федоровны, въ пользу Василья Салтыкова не вершили, что́ уже у дочери моей изъ синода на допросъ мужа ея нынѣ здѣсь и улика взята: и ежели ваше величество отымете отъ меня руку своей милости и не изволите архіереямъ милостиво то дѣло безъ себя приказать по правиламъ св. отецъ окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лечилъ, которая взята у онаго подъ присягою, не по моему прошенію токмо, но по именному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣтельства, то оное дѣло и паки безконечно будетъ продолжаться».

И дѣйствительно, дѣло это тянулось еще восемь лѣтъ: умеръ Петръ Великій, умерла Екатерина Алексѣевна, умеръ Петръ II, и только при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1730 году, семейная драма Салтыковыхъ кончилась тѣмъ, что бывшая княжна Долгорукая пострижена была въ монахини въ нижегородскій дѣвичій монастырь.

Ясно, что старая Русь была еще очень сильна и царство женщинъ на Руси было только кажущимся.

VIII.

Императрица Екатерина Алексѣевна I.

Систематическая борьба противъ русской старины, предпр
тая Петромъ въ лицѣ почитательницъ этой старины, родной с
сестры царевны С о ф ь и и первой супруги, царицы Е в д о
личное знакомство царя-плотника, во время путешествій за
ницею, съ европейскою женщиною, сравнительное превосхо
этой послѣдней по отношенію къ тогдашней русской женщ
превосходство, конечно сначала внѣшнее, на первый разъ
болѣе бросающееся въ глаза всякому полудикарю, наконецъ
дечная привязанность къ одной изъ «иноземокъ», привязанн
безъ сомнѣнія вызывавшая осужденіе со стороны старой ру
женщины,—естественно должны были вызвать Петра на бо
и съ этою старою русскою женщиною, которая была едва л
сильнѣе стараго русскаго мужчины, пятившагося, когда ему б
бороду и рядили его въ нѣмецкое платье.

Женщина повидимому не пятилась, но была опаснѣе для П
чѣмъ мужчина, потому что старыя изъ нихъ и наиболѣе вліят
ныя прятали свою старину, свою «душегрѣю», подъ нѣм
платье, а подъ польскую шапку—старинную «невѣдомо к
дьявольскую камилавку».

Съ женщиною можно бороться только ея женскимъ оружіемъ, и Петръ противъ старо-русской женской, невидимой, но опасной рати долженъ былъ выставить нѣмецкую и иную новую женскую рать.

Къ этой рати и принадлежала та именно женщина, о которой мы намѣрены говорить и для которой, рожденной не въ Москвѣ, а гдѣ-то у нѣмцевъ, не существовало ни древней Руси, ни ея обычаевъ, ни ея завѣтныхъ костюмовъ.

24-го августа 1702 года, русскими войсками, во время войны со шведами, былъ взятъ въ плѣнъ маріенбургскій пасторъ Глюкъ, а съ нимъ молодая миловидная дѣвушка, находившаяся у него въ услуженіи.

Дѣвушка эта была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго или Сковаронскаго, по имени Марта.

— Вѣдаемъ мы—говорилъ впослѣдствіи одинъ солдатъ, когда Марта была уже императрицею—вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ, и караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кофтанъ.

Плѣнницу эту, приведенную подъ русское знамя въ одной сорочкѣ, ожидала впослѣдствіи великая доля: сначала она раздѣлила тронъ съ великимъ преобразователемъ Россіи, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, а по смерти его единовластно и самодержавно обладала и русскимъ тономъ и судьбами русскаго народа.

Плѣнная дѣвушка отличалась замѣчательной красотой. Богатая природа ея была одарена и другими достоинствами, которыя выказала она въ различныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ жизни.

Сначала Марта Скавронская отличена была генераломъ Боуромъ, сподвижникомъ Петра, а потомъ на нее обратилъ вниманіе любимецъ государя, Меншиковъ, у котораго царь и увидѣлъ эту дѣвушку.

Марта была взята ко двору—она произвела на царя глубокое впечатлѣніе. Во дворѣ дѣвушка введена была въ кругъ царскихъ знатныхъ боярынь и молодыхъ фрейлинъ или «дѣвокъ», какъ ихъ называли, которыхъ вниманію и заботливости государь и поручилъ молодую, симпатичную плѣнницу. Фрейлины и боярыни, видя расположеніе къ дѣвушкѣ государя, ухаживали за ней, оберегали ее, развлекали, увеселяли.

Скоро дѣвушка была крещена въ православіе и получила имя Екатерины, а по отчеству—Алексѣевны, потому что царевичъ Алексѣй былъ ея воспреемникомъ.

При безпрерывныхъ отлучкахъ своихъ то на войну, то на построеніе крѣпостей и каналовъ, Петръ обыкновенно переписывался съ отсутствующими довѣренными и приближенными къ нему лицами—переписывался онъ и съ «Катеринушкой» или скорѣе съ главной ея приставницей, Анисьей Кириловной Толстой.

То онъ называетъ свою Катеринушку—«маткой», то—поголландски или понѣмецки—«мудеръ»,—и письма царя отличаются, по обыкновенію, крайнимъ лаконизмомъ: «Матка здравствуй!»—или: «Здравствуй, мудеръ!»—вотъ и все-пока.

Съ своей стороны Анисья Кириловна, отъ имени юной «матки» и отъ сонма всѣхъ фрейлинъ и боярынь-приставницъ, отвѣчаетъ царю, большею частью, въ шутливомъ тонѣ. Такъ, въ письмѣ 6-го октября 1705 года весь этотъ сонмъ женщинъ подписался разомъ: «Анна Меншикова. Варвара. Катерина сама третья. Тетка несмышленая. Дарья глупая. Засимъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ».

Анна Меншикова—это сестра Александра Даниловича Меншикова. Варвара—это Варвара Михайловна Арсеньева. «Катерина сама третья»—понятно кто. «Тетка

несмышленая»—это сама Анисья Кириловна Толстая. «Дарья глупая»—это сестра Варвары Михайловны Арсеньевой, впослѣдствіи свѣтлѣйшая княгиня Меншикова.

Всѣ эти женщины группировались около Катеринушки и находились при дворѣ любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны.

28-го декабря 1706 года Катеринушка родила дочь, и ее назвали также Екатериной: ребенокъ умеръ 27-го іюня 1708 года.

Съ каждымъ годомъ росла привязанность царя къ Катеринушкѣ—съ Анною Монсъ глубокая связь была порвана. Привязанность къ Катеринушкѣ такъ и сквозитъ во всѣхъ письмахъ, на которыя царь не скупился во время своихъ мытарствъ по Россіи и по Европѣ. Мало того, едва привязанность царя къ молодой плѣнницѣ закрѣплена была рожденіемъ дочери, какъ Петръ уже начинаетъ думать о болѣе прочномъ будущемъ своей возлюбленной, вслучаѣ если онъ умретъ, не сдѣлавъ о ней никакого распоряженія.

И вотъ, думая начать войну съ турками, царь пишетъ Меншикову:

«Благодарствую вашей милости за поздравленіе о моемъ паролѣ, еже я учинить принужденъ для безвѣснаго сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житіе имѣть, и ежели благой Богъ сіе дѣло окончаетъ, то совершимъ въ Питербурху».

Что̀ это былъ за «пароль»—можно догадаться: это было обѣщаніе объявить Катеринушку своею законною супругой.

5-го генваря 1708 года, Петръ, въ самый разгаръ войны съ Карломъ XII, опасаясь за свою жизнь, пишетъ Меншикову: «Ежели что̀ мнѣ случится волею божіею, тогда три тысячи рублевъ,

которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою». — Катерина Василевская—это она же, Катеринушка. «Дѣвочка»— это дочь, царевна Екатерина, умершая въ этомъ же году.

Съ своей стороны Екатерина Алексѣевна, помня, чѣмъ она обязана Меншикову, который обратилъ на нее вниманіе государя, относится къ нему какъ къ отцу.

«Милостивой нашъ государь батюшка, князь Александръ Даниловичъ, здравствуй и съ княгинею Дарьею Михайловною и съ маленькимъ княземъ на множество лѣтъ. Благодарствую за писаніе твое; пожалуй, прикажи впредь къ намъ писать о своемъ здравіи, чего всечасно слышати желаемъ. По отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева, отъ вашего сіятельства ни единаго письма не получали, о чемъ зѣло намъ прискорбно. Но впредь просимъ, дабы незабвенны чрезъ писаніе вашей милости были. Пожалуй, нашъ батюшка, прикажи описать про здоровье государево».

Такъ пишетъ Екатерина своему прежнему благодѣтелю.

Тонъ этихъ писемъ, однако, постоянно начинаетъ измѣняться.

Такъ, отъ 13-го февраля 1710 года, Екатерина Алексѣевна уже пишетъ Меншикову:

«Доношу милости твоей, что господинъ контръ-адмиралъ (это—Петръ) милостію всевышняго Бога въ добромъ здравіи, тако ж и я съ дѣтками своими при милости его въ добромъ же здравіи только что собинная твоя дочка нынѣ скорбитъ зубками. Так же доношу, что господинъ контръ-адмиралъ не въ малой печал есть, что слышалъ, что милость твоя изволишь печалиться, чт мало къ милости твоей писалъ: и милость твоя впредь не извол сумнѣваться, понеже ему здѣшнее пребываніе, какъ милость тво самъ извѣстенъ, вельми суетно. Иванъ Аверкіевъ доносилъ пр милость твою, что ты изволилъ трудиться и самъ отъ колпинской

деревни на большую дорогу изволилъ дорогу просѣкать: и я хозяину своему о томъ доносила, что зѣло угодно ему стало, что такой вѣрный прикащикъ тамъ остался. Дитя наше зѣло тоскуетъ по бабушкѣ, и ежели милости вашей въ ней нужды нѣтъ, то извольте пожаловать къ намъ прислать немедленно. Екатерина».

Въ томъ же 1710 году она пишетъ въ постъ-скриптумъ своего письма къ Меншикову: «Маленькія наши Аннушка и Елизавета вашей милости кланяются».

Съ своей стороны Меншиковъ пишетъ ей, 12-го марта 1711 года, въ такомъ тонѣ: «Катеринѣ Алексѣевнѣ Михайловой: Катерина Алексѣевна многолѣтно о Господѣ здравствуй!».

Но уже 30 апрѣля такъ: «Всемилостивѣйшая государыня царица!»

А она ему отъ 13 мая того же года: «пребываю и остаюсь ваша невѣска Екатерина». Тутъ же прибавляетъ, что съ «хозяиномъ» отправляется въ турецкій походъ. «Хозяинъ»—это самъ царь.

Послѣ, когда Петръ прогнѣвался на Меншикова за взятки и разореніе Польши, Екатерина писала своему бывшему покровителю: «Доношу вашей свѣтлости, чтобъ вы не изволили печалиться и вѣрить бездѣльнымъ словамъ, ежели со стороны здѣшней будутъ происходить, ибо господинъ Шаутбенахтъ по прежнему въ своей милости и любви васъ содержитъ».—«Шаутбенахтъ»—это царь.

19-го февраля 1712 года царь доказываетъ, что сдержалъ свой «пароль»: онъ формально сочетался бракомъ съ своей Катеринушкой—она теперь царица!

Какъ ни часто Петръ разлучался, по дѣламъ, съ своей «Катеринушкой, другомъ сердешнинкимъ», но онъ постоянно думалъ о ней, гдѣ бы то ни былъ и чѣмъ бы ни былъ занятъ, и напоминалъ о себѣ то грамоткой, то подарочкомъ. То посылалъ онъ своей красавицѣ «матерію—по желтой землѣ да кольцо, а маленькой (дочкѣ) полосатую», и тутъ же выражалъ желаніе—«носить на здоровье». То покупалъ своей «маткѣ»—«въ Дрезденѣ часы новой моды, для пыли внутри стеклы, да печатку, да четверной лапушкѣ втраіомъ» (?), и тутъ же извинялся, что «больше за скоростью достать не могъ, ибо въ Дрезденѣ только одинъ день былъ». То посылаетъ ей «устерсы», и прибавляетъ—«сколько могъ сыскать».

За частыми отлучками мужа Катеринушкѣ иногда всгрустнется, царю напишутъ объ этомъ приставницы-фрейлины—и онъ спѣшитъ ее развлечь, утѣшить, гдѣ бы онъ ни былъ, какъ бы далеко ни приходилось посылать курьеровъ. Откуда-нибудь изъ Полтавы, когда Катеринушкѣ всгрустнется, царь шлетъ къ ней бутылку венгерскаго, и убѣдительно проситъ: «для-бога, не печалься—мнѣ тѣмъ наведешь мнѣнье. Дай богъ на здоровье вамъ пить; а мы про ваше здоровье пили».

Съ своей стороны и приставницы Катеринушки, теперь уже царицы, пишутъ о ней царю, зная, что царь самъ тоскуетъ по ней,—и письма ихъ подлаживаются подъ тонъ переписки царя съ его дорогой супругою.

Такъ, одна изъ приближенныхъ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ особъ, Настасья Петровна Голицына, пишетъ царю:

«Всемилостивѣйшій государь дорогой мой батюшка! желаемъ пришествія твоего къ себѣ вскорѣ, и ежели ваше величество изволишь умедлить, воистину, государь, проживанье мое стало

трудно. Царица государыня всегда не изволитъ опочивать за полночь три часа, а я при ея величествѣ неотступно сижу, и Кириловна, у кровати стоя, дремлетъ. Царица государыня изволитъ говорить: «тетушка, дремлешь?» Она говоритъ: «нѣтъ, не дремлю, я на туфли гляжу». А Марья по палатѣ съ постелею ходитъ, и со всѣми бранится, а Кириловна за стуломъ стоитъ, да на царицу государыню глядитъ. Пришествіемъ твоимъ себѣ отъ спальни получу свободу».

Суровый, холодный и непреклонный, царь въ своихъ отношеніяхъ къ Катеринушкѣ—полонъ нѣжности и заботливой предупредительности. Желѣзная воля его перерождается—Петръ неузнаваемъ.

Катеринушкѣ предстоитъ дорога—и вотъ суровый царь предупреждаетъ свою дорогую «женушку»: «поѣзжай съ тѣми тремя баталіоны, которымъ велѣно идтить въ Аналимъ; только для-бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на сто сажень не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зѣло много въ гафѣ и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя».

Для дороги посылаются маршруты, выставляются лошади, рѣчь идетъ даже о погодѣ, о трудности дороги.

«Дай-боже, чтобъ здрава проѣхали, въ чемъ опасеніе имѣю о вашей непразности».

Катеринушка беременна, и вновь соскучилась о государѣ.

«Для-бога—заботливо пишетъ Петръ—чтобъ я не желалъ вашей ѣзды сюды, чего сама знаешь, что желаю—и лучше ѣхать, нежели печалиться. Только не могъ удержаться, чтобъ не написать, а вѣдаю, что не утерпишь, и которою дорогою поѣдешь—дай знать».

«Дай-боже—вновь пишетъ царь по отправкѣ предыдущаго письма—чтобъ сіе письмо васъ уже разрѣшенныхъ застало, чего въ олтерацыі (въ душевномъ безпокойствѣ) своей и радости дожидаюсь по вся часы».

Тутъ же отправляетъ къ ней «славнѣйшаго лекаря»—и снова выражаются безпокойство, боязнь и радость.

Какъ ни любитъ онъ дѣло, но и за дѣломъ онъ скучаетъ, когда долго не видитъ своего «друга сердешнинкого». Тоску свою онъ конечно выражаетъ шуткой, но въ этой шуткѣ сквозитъ истинная тоска: «горазда безъ васъ скучаю»—пишетъ царь изъ Вильны,—и прибавляетъ съ знаніемъ народнаго юмора: потому-де онъ скучаетъ, что «ошить и обмыть некому...»

«Предаю васъ въ сохраненіе божіе и желаю васъ въ радости видѣть, что́ дай, дай, Боже!»

И пріѣхавъ въ «Питербурхъ», въ свое любимое дѣтище, Петръ скучаетъ: «Для Бога, пріѣзжайте скоряй; а ежели зачѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ».

«Хочется мнѣ съ тобою видѣться—вновь пишетъ онъ—а тебѣ чаю, гораздо больше, для того что я въ двадцать семь лѣт былъ, а ты въ сорокъ два года не была».

Это писалось тогда, когда Катеринушкѣ было двадцать семь лѣтъ, а царю—сорокъ два года: оттого она иногда называетъ его въ шутку своимъ «старичкомъ»,—и «старичокъ» дѣйствительно тосковалъ по своей милой молодкѣ.

«Откуда же проистекала—спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей и знатоковъ этого времени—эта тоска по милой или, лучше сказать, чѣмъ поддерживала Катеринушка такую страсть въ Петрѣ, въ человѣкѣ бывшемъ до этого времени столь непостояннымъ?»

Едва ли Петра можно назвать «непостоянным»: его первая любовь—къ Аннѣ Монсъ, и его послѣдняя привязанность—къ Екатеринѣ, напротивъ, доказываютъ, что этотъ человѣкъ, если любилъ кого истинно—то ужъ любилъ навсегда и постоянно, какъ любилъ онъ свое дѣло и Россію. Вообще очень ошибочно нѣкоторые писатели изображаютъ «чернорабочаго царя» какимъ-то вѣтрянымъ, легковѣрнымъ по отношенію къ женщинамъ: это—не его натура, не его стиль, если можно такъ выразиться.

Что—спрашиваетъ тотъ же писатель—приносила съ собой Екатерина въ семейный бытъ дѣятельнаго государя?

«Съ нею явилось веселье—отвѣчаетъ онъ:—она кстати и ловко умѣла распотѣшить своего супруга—то князь-папой, то всей конклавіей, то бойкой затѣей веселаго пира, въ которомъ не затруднялась принять живѣйшее участіе. Мы тщательно вглядывались въ живописные портреты этой, по судьбѣ своей замѣчательной женщины; портреты эти современны ей и нынѣ украшаютъ романовскую галлерею въ зимнемъ дворцѣ. Черты лица Екатерины неправильны; она вовсе не была красавицей, но въ полныхъ щекахъ, въ вздернутомъ носѣ, въ бархатныхъ, то томныхъ, то горящихъ огнемъ глазахъ, въ ея алыхъ губахъ и кругломъ подбородкѣ, вообще во всей физіономіи столько жгучей страсти; въ ея роскошномъ бюстѣ столько изящества формъ, что не мудрено понять, какъ такой колоссъ какъ Петръ всецѣло отдался этому «сердешнинькому другу».

Далѣе, тотъ же писатель говоритъ о ней: «Женщина, не только лишонная всякаго образованія, но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла являть предъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и вообще интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что «жена его, а моя

мачиха—умна!» и не безъ удовольствія дѣлился съ нею разными политическими новостями, замѣтками о происшествіяхъ настоящихъ, предположеніями насчетъ будущихъ. Таковы письма его къ Катеринушкѣ съ извѣстіями о битвахъ съ шведами, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; такова просьба его—самой ей пріѣхать для поздравленія съ полтавской викторіей; въ томъ же родѣ замѣтки по поводу сдачи Выборга, о сношеніяхъ съ союзниками или извѣстія о дѣлахъ въ Помераніи. Особенно знаменательна слѣдующая жалоба государя, которая невольно выливается у него предъ «другомъ Катеринушкой»: «мы, слава Богу, здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо левъшею не умѣю владѣть, а въ одной нравой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь!»

Всѣ эти вѣсти, замѣтки и разсужденія Петра «сердешнинькой другъ Катеринушка» выслушивала съ большимъ тактомъ: въ отвѣтахъ, писанныхъ съ ея словъ секретаремъ, вы не найдете никакихъ совѣтовъ, либо пригодныхъ къ дѣлу мнѣній; ни то, ни другое не высказывается; но въ то же время здѣсь въ полушутливомъ и полусерьезномъ тонѣ являются выраженія удовольствія даже радости, смотря по роду сообщаемыхъ Петромъ извѣстій. Такъ что государь не ждалъ помощи въ дѣлѣ отъ Катеринушки—нѣтъ, онъ просто хотѣлъ видѣть, и къ полному своему удовольствію видѣлъ съ ея стороны сочувствіе къ его внутреннимъ дѣяніямъ и къ его подвигамъ на ратномъ полѣ. Этого сочувствія было достаточно; Петръ не требовалъ больше, что видно даже изъ его поручепій женѣ; всѣ они ничтожны и состоятъ изъ просьбъ высмотрѣть мѣсто для какого-нибудь завода, прислать кой-какія вещи, съѣстные припасы, а чаще всего пива да вина. Нѣкоторыя просьбы трудно было исполнить, но то были шутки: такъ въ одной изъ цидулокъ государь просилъ между прочимъ,

чтобъ «Катеринушка погодила до середы распростатца» (отъ бремени). За всѣмъ тѣмъ Екатерина была вѣрной исполнительницей желаній мужа и угодницей его страстей и привычекъ; тѣ и другія охватили ея собственнымъ существомъ. Такъ съ большою ревностью шлетъ она безпрестанно любимѣйшіе предметы мужа, то есть пиво, водку и вина. Государю частенько доводилось благодарить за эти, хотя и хмѣльные, но вещественные знаки сердечныхъ отношеній. Количество подобныхъ подарковъ распредѣлялось Екатериной соразмѣрно обстоятельствамъ, такъ что въ бытность государя на минеральныхъ водахъ онъ получалъ презенты въ «одну бутылочку».—«Чаю, что духъ пророческой въ тебѣ есть—благодарилъ Петръ за одинъ изъ подобныхъ презентовъ—что одну бутылку прислала, ибо болѣе одной рюмки его не велятъ въ день пить; и такъ сего магарыча будетъ съ меня».

Но не въ этомъ только проявлялись достоинства Екатерины. Кромѣ ея ласковости, нѣжности и предупредительности къ Петру, она была добра и сердечна по природѣ: всякій обиженный смѣло шелъ къ ней; всякій, подпавшій подъ сиверку «Петрушеньки», прятался за «матушку» Екатерину Алексѣевну — и она сглаживала съ царя эту сиверку, и спасала дѣйствительно невинныхъ, а иногда заслоняла собой и виновныхъ, просто по своей добротѣ.

Она была дѣйствительно также и умна. Съ какимъ тактомъ она умѣетъ вò-время похвалить своего «Петрушеньку» за полтавскую викторію, поговорить о его любимыхъ корабликахъ, обо всемъ, что составляло духовную жизнь ея «старичка».

«Поздравляю васъ, батюшка моего — пишетъ она царю — сынкомъ Ивана Михайловича, который нынѣ отъ болѣзни своей, благодаритъ Бога, совсѣмъ уже выздоровѣлъ, и хотя къ кампаніи, такъ готовъ. — Какимъ образомъ оный сынокъ свобожденъ,

о всемъ о томъ будетъ вамъ извѣстно отъ Брауна; а я вкратцѣ доношу, какъ слышала, что учинена въ немъ самая малая скважинка возлѣ киля, и конечно отъ якоря».

«Сынокъ» — это не что иное, какъ корабль, который былъ пробитъ якоремъ и судьба котораго, конечно, безпокоила Петра: «сынокъ» выздоровѣлъ — пишетъ Катеринушка.

Въ другомъ письмѣ она шутливо возбуждаетъ ревность мужа, говоритъ, что безъ него она обѣдала съ «ковалерами, которые по 290 лѣтъ», и также шутитъ насчетъ князь-кесаря Ромодановскаго, называя его, какъ и самъ Петръ называлъ Ромодановскаго—«государемъ» и «его величествомъ»; самого же царя называетъ «другомъ сердешнымъ контра-адмираломъ» и «господаномъ», а часто также «хозяиномъ».

«Другъ мой сердешной господин господанъ контра адмирал здравствуй на множество лѣтъ, доношу вашей милости, что я пріѣхала сюда по писму вашему. У государя нашева со многимъ прошеніемъ просила, чтоб онъ изволил побыть здѣсь до успеньева дни. Но его величество весьма того и слышать не хотѣлъ, объявляя многия свои нужды на Москвѣ. А намѣренъ паки сюда пріѣхать къ сентябрю мѣсяцу, и отсель изволитъ итить конечно сего маия 25 числа. При семъ прошу вашей милости, дабы изволил увѣдомит меня своим писаніем о состояніі дражайшег своего здравия и счастливомъ вашем прибытіи к Ревелю, чт даждь Боже. Засимъ здравие вашеі милости в сохранение божи предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. Из Санктъпитербух мая 23. 1714 г.».

«P. S. вчерашняго дня была я въ питер гофе, гдѣ обѣдал со мною 4 ковалера, которые по 290 лѣт. А именно тихон Никитичь, король самояцкой, Іванъ Гавриловичь Беклемишев, Іва

Ржевской и для того вашей милости объявляю, чтоб вы не изволили приревновать».

Въ другомъ посланіи извѣщаетъ, что получила письмо отъ маленькихъ своихъ царевенъ, «отъ детей нашихъ, в которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою».

«При отпуске сего доносителя—пишетъ она вновь—ко извѣстію вашей милости иного не имѣю, токма что здѣсь, за помощію вышняго, благополучно состоитъ. А я зѣло сожалѣю, что после первого вашего писания, которое изволил писат от финских берегов, никакой вѣдомости от вашей милости по сие время не имѣю, и того для прошу, дабы изволили мене увѣдомит о состояніи своего дражайшего здравия, чего я от сердца желаю слышать. Посылаю к вашей милости полпива и свѣже просоленныхъ огурцовъ; дай Боже вам оное употреблят на здравие. Засим здравие вашей милости во всегдашнее божие сохранение предавъ, остав жена твоя Екатерина. Отъ 30 Іюля 1714. Ревель.

«P. S. против 27 числа сего мѣсяца довольно слышно здѣсь было пушечной стрѣльбы. А гдѣ оная была у вас ли или где инде о том мы не извѣстны; того для прошу съ симъ посланнымъ куриеромъ Кишкинымъ увѣдомит насъ о семъ, чтоб мы без сомнѣния были».

Это была дѣйствительно морская битва со шведами. Русскіе побѣдили, и Петръ радостно извѣщалъ жену «о николи у насъ бывшей викторіи на морѣ надъ шведскимъ флотомъ».

Екатерина съ своей стороны радуется и поздравляетъ съ побѣдой.

«А что ваша милость изволили упомянуть в своем писмѣ, чтоб мнѣ здѣсь вашу милость ожидать, а ежели мнѣ будет время, то ѣхать въ санктъ питербухъ, и я сердечно желаю счастливаго

вашего сюда прибытия. Но вѣдаю, что ваша милость дѣло св на жену променят не изволите» — замѣчательная фраза въ устахъ.

А далѣе, въ концѣ письма, вновь шутитъ: «Прошу должн мой поклон отдать и поздравит от меня нынешнею виктор господина князь баса (Ивана Головина); також извольте у н спросит: нынешние найденыши (т. е. отбитые имъ у швед корабли) какъ онъ пожалуетъ, детми или пасынками?»

Всякая шутка супруги вызывала ответную остроту отъ ца и иногда шутки эти заходили очень далеко.

Такъ, Екатерина разъ шутливо намекала царю о каки то «забавахъ», конечно не дозволенныхъ съ точки зрѣнія суп жества, и Петръ отшучивался: «и того нѣтъ у насъ, понеже люди старые и не таковскіе»... Дѣйствительно «не таковскіе»

А въ другой разъ самъ колетъ свою Катеринушку:

«Пишешь ты, якобы для лекарства, чтобъ я не скоро къ т пріѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого нибудь вытнѣе (л ше, здоровѣе) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли или тарунъчанъ? я больше чаю—изъ тарунчанъ, что хочешь отомсти что я предъ двема леты занялъ. Такъ-то вы евины дочки ласте надъ стариками!»

Царь часто шутитъ надъ своей «старостью», потому что б на пятнадцать лѣтъ старѣе своей супруги, а равно подтру ваетъ и надъ ея мнимой невѣрностью.

«Хотя ты меня и не любишь — пишетъ онъ изъ-за грани гдѣ лечился, и извѣщая, что ему лучше: — однакожъ чаю, тебѣ сія вѣдомость не противна, и рюмку выпьешь купно своими столпами».

Замѣчательно, что во всѣхъ ста-четырехъ письмахъ къ Е теринѣ Петръ только разъ упоминаетъ о царевичѣ Алекс

и то опять-таки шуточно, по поводу его женитьбы на принцессѣ Шарлоттѣ. Въ этомъ письмѣ царь велитъ Екатеринѣ «объявить всешутѣйшему князь-папѣ и протчимъ, чтобъ пожаловалъ благословеніе подалъ симъ молодымъ, облекшися во вся одежды, купно и со всѣми при васъ будущими».

Чувствуетъ Петръ, что все болѣе и болѣе старѣется и болѣетъ чаще: заѣдаетъ его недужье, безсилье да «чечюй». А Катеринушка отъ недужья и безсилья шлетъ ему, гдѣ бы онъ ни былъ, «крѣпиша» — водки, или «армитажу» — вина.

Но ему все тоскуется безъ жены, а вѣчно съ ней быть невозможно.

Вотъ онъ по дѣлу въ Ревелѣ, и не забываетъ своего «друга сердешнинькаго» — посылаетъ ей изъ ревельскаго дворцоваго саду цвѣты да мяту, что̀ сама Катеринушка садила, и приписываетъ: «Слава Богу, все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно».

Съ своей стороны Екатерина, благодаря мужа за цвѣты и мяту, пишетъ изъ Петербурга:

«И у насъ гулянья есть довольно: огородъ раскинулся изрядно и лучше прошлогодного; дорога, что отъ полатъ, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожалѣю, что не вмѣстѣ съ вами гуляю. Благодарствую, другъ мой, за презентъ. Мнѣ это не дорого, что сама садила: мнѣ то пріятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости здѣшняго огорода фруктовъ... дай Боже во здоровье кушать».

Уѣхалъ Петръ лечиться въ Спа на минеральныя воды, и постоянно пишетъ своему другу о томъ, что скучаетъ, что пьетъ за ея здоровье — «по чаркѣ крѣпиша съ племянникомъ», т. е. водки.

«И мы — отвѣчаетъ ему Екатерина — Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ», т. е. выпьемъ хмѣльнаго за здоровье «старичка».

женщины заслоняетъ передъ нимъ эту картину ужасовъ умилительною картиною семейнаго ихъ счастья съ новыми дѣтьми.

«Прошу, батюшка мой, обороны отъ Піотрушки—пишетъ она царю, занятому страшнымъ процессомъ царевича Алексѣя — понеже не малую имѣетъ онъ со мною за васъ ссору, а именно за то, что когда я про васъ помяну ему, что папа уѣхалъ, то не любитъ той рѣчи, что уѣхали; но болѣе любитъ то и радуется, какъ молвишь, что здѣсь папа».

Съ своей стороны и лейбъ-медикъ Блюментростъ пишетъ царю о маленькомъ царевичѣ: «государь царевичь, слава Богу, въ добромъ обрѣтается здравіи и глазку его высочества есть полегче, тако жъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволитъ нынѣ далѣе пальчиками щупать: знатно, что и коренные хотятъ выходить».

Екатерина не даетъ Петру забыть о младшемъ сынѣ—и царь ждетъ отъ него больше чѣмъ дождался отъ первенца Алексѣя.

«Оный дорогой нашъ шишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и при помощи божіей во свое состояніе происходитъ и непрестанно веселится мунштированьемъ солдатъ и пушечною стрѣльбою»...

А этого-то и не любилъ несчастный старшій братъ его, царевичъ Алексѣй, за что и погибъ.

Сказнивъ всѣхъ сторонниковъ этого царевича, похоронивъ и его самого, царь топитъ свое глубокое горе — не могъ же онъ не любить его! — въ новыхъ походахъ, въ новой кипучей дѣятельности, которая и поддерживала и ломала его желѣзную силу: онъ носится по морю, воюетъ вновь со шведами, и тоскуетъ по семьѣ, а все перемогается.

«Ты меня хотя и жалѣешь—пишетъ онъ Екатеринѣ — однакожъ не такъ, понеже съ 800 верстъ отпустила, какъ жена Тоуба

(начальника шведской эскадры), которая его со всѣмъ флотомъ такъ спрятала, что не только его видимъ, но мало и слышимъ, ибо въ полуторѣ мили только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Ваксгольмомъ и всѣми батареями». А въ реляціи объявляетъ о побѣдахъ адмирала Апраксина — «адмиралъ нашъ едва не всю Швецію растлилъ своимъ великимъ сикориномъ» (копьемъ).

«Всепокорно прошу вашу милость—отвѣчаетъ на это Екатерина — дабы писаніями своими оставлять меня не изволили, понеже въ нынѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ скуки, и только то и радости, что ваши писанія; ибо и въ помянутомъ своемъ письмѣ изволите жаловать, что я жалѣю васъ спустя уже 800 верстъ. Это можетъ быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю отъ нѣкоторыхъ вѣдомости, будто королева швецкая желаетъ съ вами въ любви быть: въ томъ та не безъ сумнѣнія. А ктому жъ заподлинно признаваемъ, какъ и сами изволили написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надъ всею Швеціею учинилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подъ такія уже толь не малыя лѣта да какое счастіе получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ не было! Для-бога прошу вашу милость—одного его сюда не отпускать, а извольте съ собою вмѣстѣ привесть».

Но здоровье державнаго гиганта годъ-отъ-году становится хуже и хуже. Онъ почти постоянно на лекарствахъ.

А между тѣмъ желѣзная воля его требуетъ дѣятельности. Онъ, не удовольствовавшись войною съ шведами, но и не разставаясь надолго съ Катеринушкой, безъ которой постоянно скучалъ, идетъ въ персидскій походъ.

Но и оттуда онъ возвращается больной...

«А подлѣ больного Петра — еще блестящѣе, еще эффектнѣе наружность полной, высокой, далеко еще не недужной Екатерины—говоритъ цитированный нами выше знатокъ петровскаго

времени.—Благодаря современнымъ живописнымъ портретамъ 1716 по 1724 годъ, она какъ живая подымается въ наше воображеніи. Вотъ она—то въ дорогомъ серебряной матеріи плат въ атласномъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпн шемъ костюмѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ встрѣчала о день торжества ништадтскаго мира; роскошная черная коса убра со вкусомъ; на алыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыб чорные глаза блестятъ огнемъ, горятъ страстью; носъ слег приподнятый, выпуклыя тонкорозоваго цвѣта ноздри, высоко п нятыя брови, полныя щеки, горящія румянцемъ, полный под родокъ, нѣжная бѣлизна шеи, плечъ, высоко поднятой груди, все вмѣстѣ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ и бражено на портретахъ, дѣлало изъ Екатерины еще 1720-хъ годахъ женщину блестящей наружности.

«Печалуясь» въ цидулкахъ къ мужу на постоянную почти нимъ разлуку, Екатерина, какъ мы видѣли, выражала эту печа въ формѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурст дѣло въ томъ, что, по характеру своему, она не была способ всецѣло отдаться одному человѣку, тосковать, терзаться, серьез ревновать его; притомъ и набѣгавшая тоска разсѣевалась инт нымъ другомъ Виллимомъ Монсомъ съ его фамиліей.

«Но неужели—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь — не ш шлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепну суровому и ревнивому монарху, что-де одинъ изъ камеръ-юн ровъ его супруги—необыкновенной властью, своимъ вмѣшате ствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ правительственнымъ судебнымъ учрежденіямъ даетъ пищу неблагопріятнымъ толкам бросаетъ тѣнь на его «сердешнинькаго друга?»...

Но оставимъ эти догадки, имѣющіе болѣе анекдотическое, а историческое значеніе — они излишни.

Мы уже знаемъ, что нашелся такой голосъ, который шепнулъ на ухо царю, и — можетъ быть — напрасно!

Мы знаемъ также, что прекрасная, хотя не безукоризненно честная голова камеръ-юнкера очутилась на колу, а потомъ, говорятъ, въ спирту, въ кунсткамерѣ. Тутъ, вѣроятнѣе всего, много сказочной подкраски.

Какъ бы то ни было, ровно за полгода до этой страшной катастрофы (о которой мы по необходимости должны были подробнѣе упомянуть при характеристикѣ Матрены Балкъ), когда чей-то невѣдомый голосъ шепнулъ царю — можетъ быть недостойную клевету на его ненаглядную «Катеньку», — въ Москвѣ совершено было торжество коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны.

Пышность торжества была невиданная, да и самое событіе — рѣдко повторяющееся въ исторіи: нѣкогда плѣнная дѣвушка Марта Скавронская, приведенная въ русскій станъ въ одной сорочкѣ, вѣнчалась императорскою короною и облекалась въ царскую порфиру...

Современники говорятъ, что императрица заплакала при этомъ...

«Ты, о Россія! — превозглашалъ въ этотъ день знаменитый нашъ пастырь и ораторъ Феофанъ Прокоповичъ—не засвидѣтельствуешь ли ты о богомвѣнчанной императрицѣ твоей, что всѣ дары и добродѣтели Семирамиды вавилонской, Тамиры скифской, Пенфесилеи амазонской, Елены, Пульхеріи, Евдокіи императрицы римской и иныхъ именитыхъ женъ Екатерина въ себѣ имѣетъ совокупленные? Не довольно ли видѣши въ ней нелицемѣрное благочестіе къ Богу, неизмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неусыпное призрѣніе къ порфиророднымъ дщерямъ, великому внуку и всей высокой фамиліи, щедроты къ нищетѣ, милосердіе къ бѣднымъ и винова-

тымъ, матернее ко всѣмъ подданнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы помянутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя по мнѣнію аки огнь съ водою совокупитися не могутъ, въ сей великой душѣ во всесладкую армонію согласуются: женская плоть не умаляетъ великодушія, высота чести не отмещетъ умѣренности нравовъ, умѣренность велелѣпію не мѣшаетъ, велелѣпіе икономіи не вредитъ: и всякихъ красотъ, утѣхъ, сладостей изобиліе мужественной на труды готовности и адамантова въ подвигахъ терпѣнія не умягчаетъ. О необычная!... великая героиня... о честный сосудъ... И яко отецъ отечества, благоутробную сію матерь россійскую вѣнчавый, всю нынѣ Россію твою вѣнчалъ еси!.. Твое, о Россія! сіе благолѣпіе, твоя красота, твой верьхъ позлащенъ солнца яснѣе просіялъ».

Послѣ коронаціи, Екатерина Алексѣевна нѣсколько дней оставалась еще въ Москвѣ, а государь раньше ея уѣхалъ въ Петербургъ.

И опять начинаетъ скучать о ней: видно, самому чувствовалось, что не долго оставалось ему жить на свѣтѣ.

«Катеринушка, другъ мой сердешнинькой, здравствуй! — пишетъ онъ ей съ дороги. — Я вчерась прибылъ въ Боровичи слава Богу благополучно, здорово, гдѣ нашолъ нашихъ потрошонковъ («потрошонки» — это царскія дѣти) и съ ними вчерась поплылъ на одномъ суднѣ... зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасаюсь, развѣ съ дождей вода прибудетъ; а ежели не прибудетъ и сносно тебѣ будетъ, лучшебъ до Бронницъ ѣхать сухимъ путемъ; а тамъ ямы частые — не надобно волостныхъ... Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготовили... дай Боже васъ въ радости и скоро видѣть въ Питербурхѣ».

А черезъ нѣсколько дней уже пишетъ изъ Петербурга:

«Нашелъ все, какъ дитя въ красотѣ растущее, и въ огородѣ повеселились («огородъ» — это лѣтній садъ); только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется — все пусто безъ тебя... и ежели бъ не праздники зашли, уѣхалъ бы въ Кронштатъ и Питергофъ... дай Богъ васъ въ радости здѣсь видѣть вскорѣ!»

Пришелъ ноябрь. Царю подали безыменное письмо. Началось страшное дѣло Монса и его сестры Балкъ.

Мы обойдемъ это дѣло: мы уже знаемъ, что чуть ли не оно подкосило послѣднюю силу пятидесяти-шестилѣтняго колосса.

27-го генваря 1725 года, въ четвертомъ часу пополуночи, Екатерина овдовѣла: вмѣсто Петра Великаго, всю жизнь не знавшаго устали, во дворцѣ лежалъ посинѣлый трупъ.

Дворецъ точно замеръ на нѣсколько мгновеній. Но трупъ не вставалъ — не просыпался.

«И тотчасъ вопль, которые ни были, подняли: сама государыня отъ сердца глубоко вздохнула чуть жива, и когда бъ не поддержана была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевный голосъ издали, и весь домъ будто ревѣть казался, и никого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться», говоритъ Феофанъ Прокоповичъ.

Плакалъ, говорятъ, весь Петербургъ. Во всѣхъ полкахъ не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ угаснувшей силѣ — о солдатскомъ отцѣ.

Плакала и императрица, занявшая осиротѣлый тронъ своего великаго покойника.

Осиротѣлые птенцы этого дѣйствительно не бывалаго въ мірѣ «чернорабочаго царя» — князь Меншиковъ, Бутурлинъ, Ягужинскій, Девіеръ, Макаровъ и Нарышкинъ — тѣсно сомкнулись вокругъ державной вдовы.

Въ первые дни императрица совсѣмъ не выходитъ изъ св покоевъ: она появляется только у гроба своего супруга.

Совершила она и похороны Петра: Петербургъ, по сло современниковъ, казался осиротѣлымъ, скорбнымъ.

«Но да отыдетъ скорбь лютая—возглашалъ тотъ же Фео у гроба покойника:—Петръ, въ своемъ въ вѣчная отшествіи оставилъ россіянъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по помощника въ жизни и подоборавнаго владѣтеля по смерти въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня и великая героиня и манархиня и матерь всероссійская? Міръ свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти добной Петру Великому».

Иностранные дворы спѣшили поздравить императрицу съ шествіемъ на престолъ. Особенно поздравленіе персидскаго было оригинально, если вѣрить запискамъ княгини Дашко

«Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра—писалъ ша что Богъ не одарилъ тебя любовію къ крѣпкимъ напиткам который пишу къ тебѣ, имѣю глаза подобные рубинамъ, похожій на карбункулъ и огнемъ пылающія щеки, и всѣмъ я обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь ляюсь на своей бѣдственной постелѣ».

Вступивъ на престолъ, императрица Екатерина I ос лась такою же, какою была и при Петрѣ: русскою землею вилъ Меншиковъ, это «дитя сердца» (Herzenskind) «черно чаго царя», какъ справедливо называли и того и другого.

Мы полагаемъ, что о Екатеринѣ, какъ исторической щинѣ, сказано достаточно.

IX.

Дарья Ивановна Колтовская.

Прошло не болѣе четверти столѣтія съ того времени, какъ русская общественная почва, говоря словами одного стариннаго оратора, была вспахана реформами Петра и засѣяна новыми сѣменами, какъ уже успѣли выказаться и положительныя и отрицательныя стороны введенныхъ въ русскую жизнь новыхъ началъ: нововспаханная почва дала и пшеницу и куколь, и не легко было потомъ русскому обществу очищать свою ниву отъ сорныхъ травъ, извлекать изъ новыхъ началъ то хорошее, которое они въ дѣйствительности имѣли и могли дать.

Оттого противники новыхъ началъ не безъ основанія говорили, что то хорошее, которое навязывается силою, не бываетъ хорошо, что принятое по принужденію — не бываетъ прочно, а навѣянное вѣтромъ—вѣтромъ и разносится.

Противники новыхъ началъ утверждали, что съ бочкою меду въ русскую жизнь влита и ложка дегтю, что отрицаніе старины внесло съ собою до нѣкоторой степени и отрицаніе общественной нравственности, неуваженіе къ обычаю перешагнуло за черту уваженія ко многому, что признавалось дорогимъ и священнымъ,

что насильно обритая старость хотя и вызывала справедливый смѣхъ молодежи, но за смѣхомъ надъ обритою и переряженною въ нѣмецкій кафтанъ старостью стояла уже прямая демонализація этой смѣющейся молодежи, какъ результатъ ея легковѣрія: старые-де столбы подрублены, новые не вогнаты въ почву — и все общественное зданіе разшатано.

Какъ на прямой результатъ насильственныхъ нововведеній указывали на усилившуюся безнравственность общества, которое не знало чему вѣрить — старому или новому, на развратъ, на продажность, взяточничество и, наконецъ, на ослабленіе семейныхъ связей, хотя едва ли можно отрицать, чтобы недостатковъ этихъ не было и въ дореформенной Руси.

Болѣе всего указываютъ на деморализацію женщины. Жить съ постороннимъ мужчиною въ неодобрительной связи, говорятъ, перестало для женщины быть позоромъ.

Все это, конечно, мнѣнія нѣсколько преувеличенныя. Хотя дѣйствительно первая половина XVIII вѣка представляетъ относительно весьма замѣтную вольность нравовъ, но женщина въ общемъ едва ли сдѣлалась деморализованнѣе оттого, что она стала до нѣкоторой степени жить общественною жизнью, стала выѣзжать въ ассамблеи, танцовать съ посторонними мужчинами.

Были случаи, гдѣ женщина дѣйствительно доходила до паденія и до преступленія, какъ фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ; но случаи эти всегда были въ человѣческомъ обществѣ и едва ли не всегда будутъ.

Такою, случайно нарушившею законы общественной нравственности, женщиною представляется намъ и Колтовская, которой имя сохранила исторія потому только, что женщина эта не любила своего мужа и, не уважая его памяти, открыто

соединила свою жизнь съ человѣкомъ, котораго любила, но связь съ которымъ не освящалась закономъ.

Колтовская была первою у насъ женщиною, которая выступаетъ въ той именно обстановкѣ и въ томъ общественномъ положеніи, кои въ настоящее время принято называть «гражданскимъ бракомъ».

Дарья Ивановна Колтовская была женою сѣвскаго воеводы Григорія Алексѣевича Колтовскаго—слѣдовательно женщина болѣе или менѣе высшаго круга.

У Колтовскаго подъ начальствомъ служилъ незначительный чиновникъ — подъячій Максимъ Пархомовъ, на котораго Колтовская и обратила свое вниманіе.

Дружба Колтовской и Пархомова приняла такія формы, что имъ невозможно было оставаться врозь, и они должны были искать совмѣстной жизни.

Но Пархомовъ былъ женатъ. Жена была препятствіемъ для соединенія его съ Колтовскою, и онъ рѣшился отстранить это препятствіе.

Пархомовъ видѣлъ множество примѣровъ постриженія женъ въ монахини отъ живыхъ мужей: Грозный постригъ не одну свою супругу; на глазахъ Пархомова Петръ Великій постригъ въ иноки первую свою супругу Евдокію Федоровну Лопухину и жилъ въ непризнанномъ бракѣ — по крайней мѣрѣ такъ говорили—съ Анною Монсъ, а потомъ съ Мартою Скавронскою, пока эта послѣдняя не стала его законною супругою.

Пархомовъ послѣдовалъ этимъ внушительнымъ примѣрамъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1722 года онъ постригъ свою жену Ирину при помощи игумена Филагрія, настоятеля рыльскаго никольскаго монастыря волынской пустыни, — и взялъ себѣ за жену бывшую воеводшу Колтовскую.

Нѣсколько лѣтъ прожила такимъ образомъ Колтовская съ Пархомовымъ, пока противъ ихъ незаконнаго сожитія не возбуждено было судебное преслѣдованіе.

Дѣло дошло до святѣйшаго синода.

Колтовская и Пархомовъ были арестованы и привезены въ Петербургъ.

Синодъ, разсматривая это дѣло, нашелъ, что Пархомовъ постригъ свою жену «безъ указу», а Колтовская отдалась ему «для беззаконнаго прелюбодѣянія».

Въ то время рѣшенія духовнаго суда основывались на «Кормчей книгѣ», на евангеліи, на правилахъ вселенскихъ соборовъ и на русскомъ спеціальномъ судебникѣ — «Духовномъ Регламентѣ».

Обращаясь къ этимъ церковнымъ узаконеніямъ, синодъ встрѣчалъ слѣдующія, подходящія къ данному случаю, статьи:

«Всякъ отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ» (Матв. V, 31—32).

«Оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину, яко же къ тому нѣста два, но плоть едина: еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ» (XIX, 5—6).

«Иже аще пуститъ жену свою, развѣ словесе прелюбодѣйна и оженится иною, прелюбы творитъ на ню» (Мар. X, 11—12).

«Женяйся пущеницею, прелюбодѣетъ» (Лук. XVI, 18).

Въ первомъ посланіи къ коринфянамъ апостола Павла: «А оженившымся завѣщеваю, не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися; аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ, и мужу жены не отпущати» (VII, 10—11).

Въ правилахъ карфагенскаго собора: «Бракомъ совокупившимся распущающимся, аще не смирится, да пребываетъ тако: ще ли ино, къ покаянію да понуждени будутъ» (прав. 102). ъ толкованіи на это правило: «Угодно бысть собора сего, по вангельскому и апостольскому ученію, никому же своя жены не згнати; просто не разлучится отъ нея. Аще прилучится или ужу восхотѣвшему, или женѣ, разлучитися отъ сожительства, не смиритася и не восхощета паки слитися и купно жити, да ребудутъ паки во единствѣ, и другому браку да не сочетаются».

Къ этимъ всѣмъ яснымъ и опредѣленнымъ для даннаго слуая законамъ приведено прямое подкрѣпленіе изъ «Духовнаго егламента» о монахахъ: «Не принимать мужа, жену живу имѣюаго. Обычай его есть, что мужъ съ женою взаимное согласіе воритъ, что мужъ въ монахи постригся, а жена бы свободна ыла пойти за иного. Сей разводъ простымъ кажется быть правильный, но слову Божію противенъ, ежели для единой сей приины дѣется; а хотя бы и была причина къ разводу довольная, днако жь сего не дѣлати мужу съ женою самовольно, но предтавятъ о томъ разводѣ епископу своему обстоятельно, которому одлинно освидѣтельствовавъ, для разсужденія и опредѣленія писать ъ святѣйшій синодъ, а не получа изъ синода резолюцій, таковыхъ азводовъ не чинить».

Между тѣмъ синодъ находилъ, что Пархомовъ не только режде постриженія жены своей не указалъ на нее, за что бы на могла быть пострижена, или какъ выражено въ рѣшеніи синода, не показалъ на жену «правильной вины письменно», но аже ни отъ кого не требовалъ указнаго опредѣленія, въ слуаѣ если бъ жена его даже добровольно пожелала принять постриженіе; напротивъ, онъ постригъ ее насильно и женился на олтовской «весьма неправильно».

*

Изъ всего изложеннаго синодъ заключалъ, что Пархомовъ поступилъ «выше показаннымъ господнимъ словесамъ и апостольскому и святыхъ отецъ преданію противно».

Только 16-го декабря 1726 года, уже по смерти Петра Великаго, состоялось постановленіе синода по дѣлу Колтовской и Пархомова, и этимъ постановленіемъ опредѣлялось—Колтовскую и Пархомова развести.

Вслѣдствіе этого—говорилось въ объявленіи синода—«оные, Пархомовъ и Дарья Колтовская, разведены, и другъ съ другомъ жить имъ не велѣно, о чемъ и указъ имъ сказанъ, съ крѣпкимъ за преслушаніе подтвержденіемъ, въ чемъ онъ, Пархомовъ, маія 24 дня, 1727 года, и своеручно подписался, что исполнять то святѣйшаго синода опредѣленіе будетъ».

Послѣ объявленія этого рѣшенія подсудимымъ, они были отосланы подъ карауломъ въ юстицъ-коллегію, которая, не освобождая ихъ, должна была дослѣдовать дѣло свѣтскимъ судомъ, а потомъ вновь прислать въ синодъ для наложенія на виновныхъ церковнаго покаянія.

Но судъ свѣтскій оказался милостивѣе духовнаго: Пархомова и Колтовскую не только не осудили, но даже предоставили имъ полную свободу, и они начали вновь жить по старому.

Синодъ узналъ объ этомъ только черезъ полтора года, когда у Колтовской, послѣ опредѣленія синодомъ развода ея съ Пархомовымъ, родился ребенокъ.

Вину въ этомъ дѣлѣ синодъ весьма справедливо взводилъ на свѣтскій судъ, который освободилъ подсудимыхъ, какъ выражается синодъ, «знатно по страсти презирающихъ законныя повелѣнія».

Могло быть и такъ, что свѣтскіе судьи были подкуплены подсудимыми: продажность суда въ то время, какъ видно и изъ манифеста Екатерины II, доходила до вопіющихъ размѣровъ.

«А нынѣ извѣстно — говоритъ синодъ — что онъ, Пархомовъ, на свободѣ ходитъ и живетъ паки съ оною прелюбодѣицею, Дарьею Колтовскою, единокупно, и называетъ ее себѣ женою, и чрезъ приходскихъ священниковъ объявилося, что и дѣтище съ нею, послѣ выше помянутаго разводу, прижилъ, и правильное святѣйшаго синода по законамъ божіимъ запрещеніе ихъ въ томъ богопротивномъ прелюбодѣйствѣ и опредѣленіе уничтожаетъ, за что грядетъ гнѣвъ божій на сыны противленія».

Послѣ этого возникаетъ вторичное дѣло о Колтовской. Ее и Пархомова судятъ уже за сопротивленіе духовному суду.

Вторичное опредѣленіе синода было таково: «Оныхъ противниковъ, Максима Пархомова и прелюбодѣицу его, Колтовскую, донедеже пребываютъ въ упрямствѣ своемъ и не возвратятся съ покаяніемъ, отлучить отъ церкви, и входа церковнаго имъ нигдѣ не давати, и въ домъ ихъ ни съ какими церковными требами не входить».

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ послѣднемъ своемъ рѣшеніи синодъ руководствовался не «Духовнымъ Регламентомъ», а постановленіемъ московскаго собора 1667 — 1668 года — чисто русскимъ историческимъ закономъ, состоявшимся, какъ говорится въ объявленіи синода, «при прадѣдѣ его императорскаго величества, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Россіи самодержцѣ, и при бытіи святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, Паисія александрійскаго, Макарія антіохійскаго, Іоасафа московскаго и всея Россіи, и многихъ греческихъ архіереевъ и всѣхъ россійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего освященнаго собора, за руками ихъ, о не слушающихъ и противящихся».

Извѣстно, что соборное постановленіе это состоялось по поводу суда надъ патріархомъ Никономъ — за его сопротивленіе духовному суду.

Законъ этотъ примѣненъ былъ и въ данномъ случаѣ къ Колтовской и Пархомову.

Синодъ приводитъ этотъ замѣчательный по своей силѣ и по своему историческому значенію законъ:

«Аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточнѣй церкви и всему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ святаго и животворящаго духа, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отца и сына и святаго духа, и проклятію и анафемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесоединенія и стада, и отъ церкви божіей отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. А кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ, пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего, да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ и распеншими Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, и каменіе, и древеса да разрушатся и да растлятся. И той да будетъ не разрѣшенъ и растленъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ. Аминь».

Въ заключеніе этого строгаго постановленія было выражено «Которое соборное изложеніе и святѣйшій правительствующій синодъ утверждаетъ и по содержанію онаго тою властію и силою всесвятаго духа, на вышереченныхъ мерзкихъ прелюбодѣйцовъ, Пархомова и вдову Колтовскую, сіе изреченіе заключаемъ неотмѣнно».

Дальнѣйшая судьба Колтовской намъ неизвѣстна.

ы не считали себя въ правѣ обойти эту женщину въ сво-
черкахъ потому, что она представляетъ собою явленіе, до
орой степени характеризующее то переходное нравственное
ніе, которое въ началѣ прошлаго столѣтія переживала
, явленіе, которое — если бы было въ болѣе древней рус-
жизни, то едва ли выразилось бы въ такихъ формахъ, въ
ъ выразилось оно въ эпоху нравственнаго броженія рус-
общества.

ожно утвердительно сказать, что Колтовская въ XVII-мъ
не поступила бы такъ открыто, какъ поступила она въ
-мъ, и безъ сомнѣнія облекла бы свою привязанность къ
ому человѣку въ иныя формы.

X.

Анна Петровна,

герцогиня голштинская.

Въ то время, когда культурныя начала общественной жизни западной Европы, съ наступленіемъ XVIII столѣтія, какъ-бы силою ворвавшись въ неподвижный дотолѣ строй русской жизни, выводили русскую женщину изъ терема, моленной и кладовой, вырывали ее изъ-за монастырскихъ стѣнъ и темной монастырской кельи, опрокидывали весь застывшій на «Домостроѣ» повседневный обиходъ боярыни, боярышни, княгини, княжны и царевны и намѣчали типъ новой русской женщины,—подъ крыломъ этой послѣдней выростали дочери и внучки, для которыхъ старая жизнь становилась уже преданіемъ и которыя съ своей стороны готовили поколѣнія будущихъ русскихъ женщинъ, съ инымъ характеромъ, инымъ типомъ и иною физіономіею, такихъ женщинъ, въ коихъ бабушки и прабабушки ихъ XVII вѣка не признали бы своихъ внучекъ и правнучекъ. Эти послѣднія начинаютъ уже кой-чему учиться, и учиться не одному «четью-пѣтью церковному», которому обучались ихъ бабушки, и то рѣдкія, а чему-то другому, правда—весьма скудному, но все же вы-

ходящему изъ узкихъ рамокъ «четья-питья церковнаго» и вышиванья воздуховъ и поясовъ для своихъ духовниковъ.

Уже Меншиковъ, въ 1705 году, пишетъ—какъ мы видѣли—своей будущей невѣстѣ, Дарьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, жившей въ то время съ его двумя молоденькими сестрами при дворѣ царевны Натальи Алексѣевны — «для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобъ она училась непрестанно какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобъ даромъ время не проходило».

И дѣвушки второго поколѣнія XVIII вѣка начинаютъ уже учиться не только больше чѣмъ учились ихъ бабушки, но и больше своихъ матерей и предшественницъ, больше чѣмъ учились красавицы Анна Монсъ, Матрена Балкъ, Марта Скавронская, гетманша Скоропадская и другія.

Къ этому-то второму поколѣнію женщинъ XVIII вѣка принадлежитъ и та женская личность, которая въ нашихъ настоящихъ очеркахъ стоитъ теперь на очереди— царевна Анна Петровна.

Царевна Анна была второю дочерью Петра Великаго и Марты Скавронской, которая, въ то время когда родилась эта дѣвочка-царевна, не именовалась еще Екатериной Алексѣевной, а называлась или Мартою Скавронскою, или «госпожею Кохъ», или же «Катериною Василеѳъскою».

Эта дочь Марты и Петра родилась 27 января 1708 года и въ первые годы своей жизни не носила ни титула княжны, ни титула царевны, потому что сама мать ея не носила никакихъ еще титуловъ.

О дѣвочкѣ пишутъ въ одномъ письмѣ отъ 28-го декабря 1708 года просто какъ объ «Аннушкѣ»: «при семъ извѣстую—Аннушка во здравіи».

Хотя въ то время и издавался уже календарь и въ немъ каждый годъ помѣщались члены царской фамиліи, но о дочеряхъ Петра до самаго 1724 года не упоминалось ни разу—какъ будто бы ихъ и не было: не упоминалось и объ «Аннушкѣ» или о царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. Только уже въ календарѣ на 1725 годъ— годъ смерти Петра Великаго—показаны дни тезоименитства великихъ княженъ Анны, Елизаветы и Натальи Петровенъ; но за то ничего не упоминается о дняхъ тезоименитства дѣтей царевича Алексѣя Петровича—Петра и Натальи.

Какъ дочь Петра, жаждавшаго знаній, страстно любившаго всякія научныя свѣдѣнія, гдѣ бы онъ ни сталкивался съ ними въ своей дѣловой, неутомимо-рабочей жизни, маленькая «Аннущка» должна была учиться, и дѣйствительно училась.

Хотя о дѣтскомъ ея періодѣ вообще не имѣется почти никакихъ свѣдѣній, но объ этомъ именно обстоятельствѣ, о направленіи воспитанія дѣвочки новымъ путемъ, отшатнувшимся отъ программы «Домостроя», сохранились нѣкоторыя извѣстія.

Одинъ изъ бытописателей прошлаго вѣка Штелинъ со всею свойственною ему простотою передаетъ, со словъ будто бы императрицы Елизаветы Петровны, такой фактъ, что однажды Петръ, заставъ своихъ маленькихъ дочерей, ее—Елизавет Петровну, и старшую ея сестру «Аннушку», за чтеніем писемъ госпожи Ламбертъ, приказалъ перевести ему оттуд одну страницу. Ему перевели.

— Счастливы вы, дѣти—сказалъ онъ—что васъ воспитывають и въ молодыхъ лѣтахъ пріучаютъ къ чтенію полезныхъ книгъ! Въ своей молодости я былъ лишенъ и дѣльныхъ книгъ и добрыхъ наставниковъ.

Дѣвочка, такимъ образомъ, училась не только русскому, но и нѣмецкому и французскому «ученью», о необходимости кото-

раго для своихъ сестеръ настаивалъ и Меншиковъ, и знала нѣсколько языковъ. Для того времени и это уже былъ великій шагъ женщины къ новой фазѣ ея гражданскаго вочеловѣченія.

Когда дѣвочкѣ было только шесть лѣтъ, она уже умѣла нѣсколько писать, и въ одномъ изъ писемъ ея матери, Екатерины, къ Петру, отъ 1714 года, когда царь былъ въ отсутствіи и воевалъ со шведами на морѣ, видимъ приписку: получила письмо—говоритъ Екатерина царю—«отъ детей нашихъ, в которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою».

Когда дѣвочкѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, то у этой крошки былъ уже свой небольшой придворный штатъ. Одинъ писатель прошлаго вѣка, Веберъ, упоминаетъ между прочимъ, что впослѣдствіи гофмейстериною маленькой царевны сдѣлана была Клементова (Klementoff), и при этомъ получила титулъ баронессы.

Дѣвочка подростала и становилась завидною невѣстою для разныхъ германскихъ и иныхъ владѣтельныхъ князей и принцовъ, которые желали бы охотно заручиться родственнымъ и политическимъ союзомъ съ такимъ сильнымъ тестемъ, какимъ былъ обладатель великаго московскаго царства, повидимому наступившаго уже широкою пятою на горло сѣвернаго льва, безпокойнаго рубаки Карла XII.

Такимъ соискателемъ руки царевны Анны Петровны явился Фридрихъ-Карлъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій, явился такъ поспѣшно, что невѣстѣ только-что исполнилось одиннадцать лѣтъ. Герцогу голштинскому страстно хотѣлось пріобрѣсти право на шведскій престолъ, который былъ сильно пошатнутъ рукою Петра: эта загрубѣлая въ работѣ рука могла помочь молодому герцогу, которому было всего двадцать лѣтъ, сѣсть на тотъ

престолъ, на которомъ не сидѣлось войнолюбивому и «браливому» Карлу XII.

Въ этихъ видахъ юноша отдался подъ покровительство русскаго царя, и, чтобъ пріобрѣсти болѣе реальное право на это покровительство, явился искателемъ руки маленькой царевны Анны.

Бассевичъ утверждаетъ, что дядя молодого герцога умолялъ юношу не рисковать поѣздкой въ Россію, въ эту «страну варваровъ». Онъ напоминалъ ему, что въ этой невѣдомой для Европы странѣ уже постигло большое несчастіе одного изъ голштинскихъ герцоговъ, такого же молодого и неопытнаго юношу:—онъ разумѣлъ, вѣроятно, или Магнуса, или «титулярнаго короля» Ливоніи, женившагося когда-то на княжнѣ Маріѣ Владиміровнѣ старицкой, или молодого принца Іоанна, несчастнаго жениха Ксеніи Годуновой, сложившаго въ Москвѣ свою молодую красивую голову и свои кости въ чужую землю, или же, наконецъ, принца Вольдемара, котораго много лѣтъ не выпускали изъ Москвы, куда онъ пріѣхалъ свататься за дочь царя Михаила Федоровича, царевну Ирину Михайловну.

Но молодой герцогъ не послушался своего дяди и рѣшился попытать счастья, которое, дѣйствительно, не легко далось ему въ руки: подобно отдаленному предшественнику своему, отважному норманну, Гаральду норвежскому, совершившему чудеса храбрости, чтобъ заслужить любовь русской красавицы, княжны Елизаветы, дочери Ярослава, и въ безнадежной страсти изъ кавшемуся по морямъ и пѣвшему свою знаменитую пѣсню о томъ что «дѣва русская Гаральда презираетъ»,—подобно этому «великану сумрака», новѣйшій Гаральдъ, голштинскій принцъ Фридрихъ-Карлъ употреблялъ неимовѣрныя старанія, чтобъ заслужить любовь русской «Аннушки», тосковалъ и кутилъ отчасти въ

Россіи цѣлые годы, и хотя не производилъ чудеса храбрости, но, ища случая увидѣть свою красавицу, давалъ подъ ея окнами серенады, вздыхалъ, страдалъ, — а русская «Аннушка» все оставалась для него недоступнымъ сокровищемъ.

Петръ Великій былъ не-прочь, однако, отдать свою любимицу «Аннушку» за герцога, чтобъ имѣть въ немъ и черезъ него претендентство на шведскій престолъ и его именемъ брать у Швеціи клочки балтійскаго поморья полною горстью; но согласіемъ на бракъ почему-то очень долго медлилъ—и не безъ причины.

Впрочемъ, невѣста была еще такъ молода—это было совсѣмъ дитя, еще не вышедшее изъ отрочества.

Герцогъ прибылъ въ Россію инкогнито, подъ именемъ и званіемъ русскаго «прапорщика», и прежде всего, на пути своемъ въ Петербургъ, явился въ Ригу. Съ герцогомъ пріѣхалъ и камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, находившійся въ свитѣ жениха, и этотъ-то Берхгольцъ оставилъ драгоцѣнныя записки о пребываніи герцога въ Россіи, о сватовствѣ, о неудачахъ этого долгаго сватовства, о всѣхъ, наконецъ, наиболѣе рельефныхъ и мельчайшихъ, но характерныхъ событіяхъ того времени.

Берхгольцъ говоритъ, что онъ увидалъ царевну Анну Петровну лѣтомъ 1721 года, въ Петербургѣ, въ лѣтнемъ саду, который тогда еще назывался царскимъ «огородомъ». По его словамъ, маленькая царевна была прекрасна какъ ангелъ, съ чуднымъ цвѣтомъ лица, съ удивительными руками и станомъ, довольно уже высокаго роста, брюнеточка. Красота ея была дѣйствительно замѣчательна, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ царевну. Это былъ типъ самого Петра—только типъ женскій, смягченный, улучшенный, хотя дѣвушка и походила на отца поразительно.

Берхгольцъ описываетъ даже костюмъ ея съ младшей сестрой Елизаветой Петровной: княжны одѣты великолѣпно, при-

чесаны по послѣдней парижской модѣ—Европа сильно задѣла своимъ культурнымъ крыломъ Россію, когда въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ Петербургъ началъ уже жить парижскими модами, въ началѣ XVIII вѣка, черезъ тридцать лѣтъ послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ!

Но герцогъ рѣдко имѣлъ счастье видѣть ту, для которой пріѣхалъ изъ-за моря. Его держали въ почтительномъ отдаленіи отъ великихъ княженъ. Когда царь и царица уѣзжали куда-либо изъ Петербурга, царевны вовсе не показывались жениху, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто и они выѣхали куда-нибудь.

Исторія Гаральда, такимъ образомъ, повторяется черезъ семьсотъ лѣтъ!

Камеръ-юнкеръ герцога, Берхгольцъ, ведетъ дневникъ. Какъ счастливѣйшіе дни въ жизни своего молодого герцога Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ тѣ немногіе и кратковременные моменты, когда герцогу удавалось видѣть юныхъ княженъ при какихъ-либо торжественныхъ случаяхъ.

Встрѣчаясь съ невѣстой, герцогъ положительно робѣлъ, былъ застѣнчивъ, почти не рѣшался заговорить съ нею. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Только съ 21-го октября онъ почему-то успѣлъ побѣдить свою робость и сталъ выказывать дѣвушкѣ болѣе нѣжнаго вниманія въ разговорахъ—болѣе свободы и смѣлости. Мало того, онъ старался оказывать ей рыцарскіе знаки своей сердечной привязанности: такъ, однажды, замѣтивъ, что игра его волторнистовъ нравится молоденькой княжнѣ, онъ сталъ ѣздить по Фонтанкѣ мимо оконъ дворца, находившагося тогда въ лѣтнемъ саду, и музыканты его играли ноктурно.

На прогулкахъ онъ искалъ случая встрѣтить княжну, заговорить съ нею, полюбоваться ею.

Разъ это счастье улыбнулось ему: Берхгольцъ разсказываетъ, о однажды герцогъ встрѣтился съ княжной въ саду и даже смѣлился поцѣловать у нея ручку. Счастье молодого человѣка, о словамъ Берхгольца, было выше всякой мѣры.

Въ это время заключенъ былъ ништадтскій трактатъ. Изъ ловъ и намековъ Петра, герцогъ долженъ былъ ожидать всего всего благополучія отъ заключенія этого трактата. Но оказалось, что въ статьяхъ ништадтскаго договора о герцогѣ не было помянуто даже ни однимъ словомъ, а напротивъ—Россія обязывалась никоимъ образомъ не вмѣшиваться въ дѣла Швеціи.

Герцогъ и всѣ бывшіе съ нимъ голштинцы упали духомъ.

Чтобы утѣшить ихъ, по Петербургу распустили слухъ, что герцогъ, наконецъ, женится на дочери царя.

Этотъ слухъ польстилъ самолюбію герцога — надежды его вновь воскресали.

Въ день тезоименитства императрицы Екатерины Алексѣевны, въ катерининъ день, 24-го ноября, герцогъ давалъ серенаду подъ окнами дворца.

«Старшая принцесса—говоритъ по этому случаю Берхгольцъ—ясно показала тогда, что она большая любительница музыки, потому что почти постоянно во время серенады держала тактъ рукою и головою. Его высочество часто обращалъ взоры къ ея окну, и, вѣроятно, не безъ тайныхъ вздоховъ: онъ питаетъ къ ней большое уваженіе и неописанную любовь, которую обнаруживаетъ при всѣхъ случаяхъ, какъ въ ея присутствіи, такъ и въ разговорахъ съ нами».

Но не смотря на эти завѣренія Берхгольца о страстной любви герцога къ тринадцатилѣтнему ребенку-невѣстѣ, страсть эта подвержена сильному сомнѣнію: герцогъ видимо искалъ не одного миловиднаго личика хорошенькой и благородной по сердцу да-

ревны, не одной любви ея, а въ придачу къ ней и, главное, въ первой мѣрѣ — шведскаго престола, котораго онъ надѣялся достигнуть только черезъ нее, царевну, а потомъ уже и руки своей невѣсты, еще впрочемъ не нареченной.

Сомнѣніе это становится неопровержимымъ, когда мы скажемъ, что, женившись на той, къ которой онъ показывалъ столько робкой и глубокой страсти, герцогъ слишкомъ жестко отнесся къ своему божеству, не только, тотчасъ послѣ вѣнца, украдкой глотавшему горькія слезы, а вполнѣ изстрадавшемуся потомъ подъ гнетомъ тяжелой жизни съ этимъ, умѣвшимъ хорошо притворяться, молодымъ искателемъ шведской короны и русскихъ депегъ.

Но объ этомъ въ свое время...

Въ началѣ 1722 года царскій дворъ переѣхалъ въ Москву. За дворомъ переѣхалъ туда и герцогъ.

А о свадьбѣ все не было ни рѣчи, ни даже намека.

Время между тѣмъ все идетъ. Голштинцы все ждутъ напрас[illegible]но.

Хотя, затѣмъ, въ февралѣ, на фейерверкѣ, у герцога, [illegible]по приказанію царя, изображенъ былъ видъ голштинской столиц[illegible], города Киля, съ плывущими къ нему, съ одной стороны, ру[illegible]-скимъ кораблемъ съ дѣвою, а съ другой—шведскимъ кораблем[illegible]ъ съ короною, однако же о бракѣ опять-таки не было сказано [illegible]и слова: — всѣ оставались такъ церемонно-любезны и сдержанны[illegible], начиная отъ самого царя и кончая молоденькими царевнами.

Между тѣмъ французскій посланникъ Кампредонъ пишетъ в[illegible]ъ Парижъ о предложеніи царя выдать царевну Анну за принца шартрскаго—и герцогъ голштинскій ничего объ этомъ не знаетъ:— его видимо водятъ — ни отвѣта, ни привѣта.

Наступаетъ пасха. Герцогъ видитъ, что всѣ русскіе христосуются, цѣлуются. Ему понравился этотъ добрый обычай. И вотъ

нъ — просить императрицу позволить и ему, по русскому обы-аю, похристосоваться. Ему позволяютъ—и онъ цѣлуется съ ца-евнами.

«Старшая—замѣчаетъ при этомъ Берхгольцъ—по врожденной астѣнчивости, поколебалась было немного, однако послѣдовала нану императрицы; но младшая, Елизавета Петровна, отчасъ подставила свой розовый ротикъ для поцѣлуя».

И герцогъ снова радъ—его фонды видимо поднимаются: онъ ьетъ за здоровье царской фамиліи — онъ веселъ, онъ даже на-еселѣ, снова выпиваетъ нѣсколько бокаловъ, и, откланиваясь мператрицѣ и царевнамъ, вновь цѣлуется и съ матерью-импе-атрицею и съ дѣвушками—великими княжнами.

Въ свитѣ герцога радость и ликованье. Голштинцы расши-аютъ на радостяхъ нѣсколько кубковъ и ложатся спать отума-енные.

Но вотъ царь собирается ѣхать въ персидскій походъ и пред-агаетъ герцогу оставить безъ него Россію. Надежды жениха кончательно рушатся. Тогда между царемъ и герцогомъ яв-ляется посредникомъ Бассевичъ, голштинецъ же, и ему удается сходатайствовать у Петра позволеніе молодому герцогу остаться ь Москвѣ. Но между тѣмъ Петръ тайно приказываетъ Менши-ову увезти великихъ княженъ въ Петербургъ.

Герцогъ узнаетъ объ этомъ, и за нѣсколько верстъ отъ осквы устраиваетъ въ палаткахъ прощальный пиръ. Онъ ду-аетъ, что, проѣзжая мимо палатокъ, царевны сдѣлаютъ ему ость — остановятся, что онъ задержитъ ихъ въ палаткѣ, сдѣ-аетъ ихъ участницами прощальнаго обѣда; но царевны вышли зъ экипажа только на нѣсколько минутъ, и тотчасъ же уѣхали. ъ горя голштинцы сами сѣли за роскошный столъ, приготовлен-ый для царевенъ, и волей-неволей отшировали на холостую ногу.

А время все идетъ. Наступаетъ ужъ 1723 годъ.

Въ этомъ году герцогу удается вновь увидѣть свою красавицу, въ Петербургѣ. По словамъ Берхгольца — царевна все хорошѣетъ, а дѣла герцога все не двигаются.

Вообще это сватанье напоминаетъ средневѣковые подходы рыцаря къ дамѣ своего сердца: цѣлые годы проходятъ, а рыцарь все ломаетъ на турнирахъ копье въ честь своей возлюбленной, носитъ ея цвѣтъ, вздыхаетъ у подъемнаго моста ея замка, словно голштинскій герцогъ у Фонтанки, и только на какомъ-нибудь годовомъ турнирѣ издали увидитъ свою богиню въ числѣ «ста красавицъ свѣтлоокихъ» и отъ одного вида ея и блеска глазъ разгорается его забрало, какъ говорится въ одной легендѣ, переложенной въ прекрасную балладу.

Но вотъ голштинцы замѣчаютъ, что къ концу 1723 года съ герцогомъ становятся необыкновенно любезны при дворѣ.

Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наступаютъ именины невѣсты, 3 февраля 1724 года. Свита герцога замѣчаетъ, что самъ Петръ очень внимателенъ къ ихъ господину—и свита начинаетъ надѣяться, что конецъ ея ожиданій не далекъ, что ихъ скоро отпустятъ домой, въ дорогой имъ родной Киль, съ молодою герцогиней.

Но и это былъ ложный лучъ надежды.

«Къ сожалѣнію — говоритъ Берхгольцъ — это было напрасно; надо надѣяться, что съ помощію божіею воспослѣдуетъ всему желанный конецъ въ коронацію», которая ожидалась въ маѣ этого года.

Герцогъ, однако, становится все смѣлѣе и настойчивѣе: бывая навеселѣ, онъ уже называетъ Петра «батюшкою»—и свита его радуется такимъ успѣхамъ своего молодого господина.

Наступаетъ четвертый катерининъ день со времени пріѣзда герцога въ Россію—и только въ этотъ день, 24-го ноября 1724

года, при посредствѣ Остермана и голштинцевъ Бассевича и Штамке, написанъ былъ брачный контрактъ голштинскаго герцога Фридриха-Карла и цесаревны Анны Петровны.

Въ 21-й статьѣ контракта опредѣлялось и обезпечивалось будущее хозяйство Анны Петровны и ея будущихъ дѣтей, назначался для нея штатъ, опредѣлялись «маетности» и употребленіе ея приданаго, которое, кромѣ драгоцѣнностей и уборовъ, состояло въ трехъ-стахъ тысячахъ рублей единовременной выдачи. Анна Петровна должна оставаться въ греческой вѣрѣ, а дѣти ея — мальчики — должны быть крещены по лютеранскому обряду, а дѣвочки—воспитываться въ православной вѣрѣ. Анна Петровна и мужъ ея отказываются и за себя и за потомство отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону россійской имперіи.

Три «секретные артикула» контракта гласили: Россія обязывается помогать герцогу голштинскому достигать шведской короны, возвратить Шлезвигъ; а со стороны Петра—право («власть и мочь») призвать, по своему усмотрѣнію, «къ сукцессіи короны имперіи всероссійской одного изъ урожденныхъ отъ сего супружества принцевъ», и въ такомъ случаѣ герцогъ обязывался немедленно исполнить волю императора, «безъ всякихъ конкацій».

Тутъ же Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ съ свойственною ему откровенностью:

«Надобно замѣтить, что несравненная, прекрасная принцесса Анна назначена въ супруги нашему государю, чего и мы всѣ горячо желали. Такимъ образомъ теперь кончилась неизвѣстность—на долю старшей или младшей принцессы выпадетъ этотъ жребій. Хотя ничего нельзя сказать противъ красоты и пріятности послѣдней (Елизаветы Петровны), однако всѣ мы, по

*

многимъ основаніямъ, желали отъ всего сердца, чтобы старшая, то-есть принцесса Анна, досталась нашему государю».

Петръ, между тѣмъ, думалъ иначе: ему все хотѣлось свою «Аннушку» отдать за французскаго короля—это жребій болѣе завидный, чѣмъ быть голштинскою герцогинею. Французская корона и корона Голштиніи—тутъ выборъ ясенъ. Но представитель французскаго королевства Кампредонъ все отвѣчалъ неопредѣленно, уклончиво — вотъ что и понудило Петра рѣшиться наконецъ на этотъ голштинскій компромиссъ: — онъ, что называется, не вытерпѣлъ, а Кампредонъ сказалъ, что французскому королю была бы болѣе выгодною невѣстою великая княжна Елизавета Петровна, которая и моложе Анны лѣтами и живѣе характеромъ.

На другой день по заключеніи контракта Петръ пригласилъ герцога—едва ли не въ первый разъ—обѣдать запросто, по семейному, — и съ тѣхъ поръ герцогъ могъ ужъ видѣть свою невѣсту ежедневно.

Бассевичъ прямо говоритъ, что Петръ желалъ и не скрывалъ этого желанія, чтобъ послѣ его смерти наслѣдовала Анна, его любимая дочь, и Кампредонъ говоритъ тоже, что послѣ смерти своего маленькаго «Піотрушки», великаго князя Петра Петровича, царь все хотѣлъ «Аннушкѣ» передать «сукцессію» на россійское царство.

Но вотъ въ генварѣ 1725 года царь тяжко занемогаетъ.

Больной Петръ, давно уже перемогавшійся, сразу почувствовавъ, что кончина его близка, началъ было писать что-то: «Отдать»... и не могъ дальше продолжать своего послѣдняго завѣщанія; рука его, такъ много работавшая, такъ твердо державшая и скипетръ, и историческую палицу, бившую всякаго лѣнтяя и подлеца, попадавшаго подъ палицу, рука, державшая

ъ умѣло и топоръ, и пилу, и командирскій рупоръ, и рюмку анисовкой, и перо, такъ много писавшее—эта рука отказывась больше писать, и царь послалъ за своей «Аннушкой», бъ ей продиктовать послѣднюю волю; но когда великая княжна ошла къ отцу — онъ ужъ былъ безъ языка.

Послѣ смерти отца Анна Петровна страшно тосковала, отому что—говоритъ Берхгольцъ — императоръ всегда показыъ неописанную нѣжность и любовь къ обѣимъ дочерямъ, и въ бенности къ старшей».

Изъ ничтожества, какимъ герцогъ казался при Петрѣ, со ртію его онъ мгновенно выросъ въ значеніи при дворѣ. Екарина видимо была расположена къ нему, такъ какъ хорошо нала, что многимъ обязана была Бассевичу, голштинцу же, вступленіи на престолъ.

Назначена была наконецъ свадьба.

Въ апрѣлѣ герцогъ нанялъ лучшій тогда въ Петербургѣ домъ ѳа Апраксина, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь зимній рецъ, за три тысячи рублей въ годъ, и переѣхалъ туда пеь самой свадьбой.

Бракосочетаніе совершено было въ троицкой церкви, на петергской сторонѣ, 21-го мая 1725 года. Епископъ Феофанъ Провичъ, одинъ изъ птенцовъ Петра, послѣ свадебнаго обряда ословилъ новобрачныхъославянски, а герцогу переводилъ пастырское благословеніе на латинскій языкъ.

Въ этотъ же день, въ ознаменованіе торжества, императрица атерина Первая учредила орденъ Александра-невскаго.

Въ сентябрѣ молодые ѣздили осматривать ладожскій каналъ, имое дѣтище Петра-строителя. Въ деревнѣ Лавѣ они остановись ночевать. Ночлегъ дала имъ просторная мужицкая изба. избѣ этой оказалось много дѣтей, особливо дѣвочекъ. Гово-

рятъ, что Анна Петровна, всегда ласковая къ дѣтямъ и любившая ихъ общество, созвала всѣхъ этихъ ребятишекъ и съ удовольствіемъ провела съ ними весь вечеръ, не смотря на то, что это были крестьянскіе, не всегда опрятные ребятишки, а пріемная комната—крестьянская изба. Утромъ дѣти опять собрались къ доброй царевнѣ, пѣли ей пѣсни,—и Анна Петровна всѣхъ ихъ одарила деньгами.

Но дочери Петра съ тѣхъ поръ уже не улыбалось счастье.

Время скоро разоблачило характеръ рыцаря, послѣ свадьбы показавшаго свое лицо изъ-за забрала. Замужство видимо не сулило Аннѣ Петровнѣ ничего хорошаго, потому что изъ угодливаго и робкаго Фридрихъ-Карлъ тотчасъ послѣ вѣнца превратился въ надменнаго и безтактнаго гордеца и деспота. Даже на императрицу онъ пересталъ обращать вниманіе.

Аннѣ скоро пришлось плакать тайкомъ, чтобъ никто не видалъ слезъ молодой голштинской герцогини. Екатеринѣ же пришлось раскаяваться, что поспѣшила свадьбой;—но было уже поздно.

Началась тяжелая жизнь для молодой герцогини — семейныя сцены, дрязги, ревность; слезы, говорятъ, часто льются и сквозь золото.

Впечатлительное сердце молодой женщины было привязчиво; она вся отдавалась своимъ добрымъ побужденіямъ, и даже къ несчастному сыну царевича Алексѣя Петровича, къ великому князю Петру Алексѣевичу, всѣми брошенному, она одна показывала постоянную и непритворную привязанность. За то герцогъ не удостоилъ даже посѣщеніемъ этого будущаго русскаго императора, Петра Второго.

Вообще герцогъ былъ далеко не находка: болѣзненный, не красивый собой, дурной нравственности, ревнивый и мотъ—онъ

былъ, говорятъ современники, мученіемъ для своей доброй и нѣжной жены, которую въ одинъ годъ вогналъ въ могилу.

Гоненія на Анну начались скоро, еще въ Россіи.

Въ одно время Анна Петровна обратила благосклонное вниманіе на камергера Тессина, молодого человѣка изъ свиты своего мужа, обратила вниманіе потому, что это былъ умный, образованный мужчина среди кутилъ герцогской свиты — и ревнивый герцогъ тотчасъ же удалилъ Тессина въ Берлинъ на злое женѣ. Анна Петровна была обижена и оскорблена этой грубой выходкой, и не явилась на праздничное торжество, на которомъ должна была присутствовать.

Вообще съ этимъ несчастнымъ бракомъ все повидимому откпатнулось отъ бѣдной женщины. Даже при дворѣ матери-императрицы ей стали оказывать мало уваженія, потому что для русскихъ царедворцевъ она, по русскому обычаю и по народнымъ понятіямъ, стала «отрѣзаннымъ ломтемъ».

«Генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ, сидя однажды во дворцѣ—передаетъ Кампредонъ — нѣчто великому князю Петру Алексѣевичу на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у окна въ той же палатѣ, плакала, и въ такой печальный случай онъ, Девіеръ, не вставъ противъ ея высочества, и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, со злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на кровати: «о чемъ печалишься? выпей рюмку вина!»

Вѣроятно, когда бы былъ живъ Петръ, онъ, генералъ-полицеймейстеръ, не рѣшился бы сказать такихъ словъ любимой дочери царя.

Но вотъ умираетъ и Екатерина—новое горе плачущей молодой герцогинѣ.

Положеніе дѣлъ при дворѣ мгновенно измѣняется. Голштинское вліяніе отступаетъ на задній планъ, и величіе надменнаго герцога сразу рухнуло.

Многіе думали, что, до совершеннолѣтія Петра II, государствомъ будетъ управлять Анна Петровна, какъ всѣмъ извѣстно—любимѣйшая дочь Петра Великаго, о которой и Бутурлинъ говоритъ — «она была умильна собою, и пріемна, и умна, походила на отца»... — всѣ шансы были на ея сторонѣ.

Но ничьи надежды въ этомъ отношеніи не сбылись, не смотря даже на то, что и въ духовномъ завѣщаніи Екатерины I, написанномъ, по взаимному соглашенію, Меншиковымъ и Бассевичемъ, было многое сказано въ пользу Анны Петровны и голштинцевъ; Меншиковъ же всѣхъ ихъ и оттеръ отъ регентства, въ глубинѣ души своей проча императорскую корону одной особѣ, еще почти дѣвочкѣ, о которой никто не могъ и предполагать, какъ о тайной претенденткѣ на русскую корону. — Объ этой дѣвочкѣ будетъ сказано въ свое время.

Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, Бассевичъ подалъ въ верховный совѣтъ меморіалъ, въ которомъ просилъ объ исполненіи тѣхъ статей завѣщанія покойной императрицы, гдѣ дочерямъ Петра и Фридриху-Карлу голштинскому предоставлялись разныя денежныя выдачи, гдѣ упоминалось о покупкѣ дома для голштинскаго посольства и для свиты герцога, а равно предоставлялось имъ нѣсколько комнатъ въ академіи наукъ.

Верховный тайный совѣтъ ничего не отвѣчалъ на этотъ меморіалъ — голштинцамъ оставалось ждать. Ждала своей участи и Анна Петровна.

Но вотъ, вмѣсто отвѣта на меморіалъ, тайный совѣтъ объявляетъ оберъ-гофмейстеру Анны Петровны, Нарышкину, чтобы онъ наблюдалъ, исполняется ли герцогомъ все согласно брач-

наго контракта и выдаются ли Аннѣ герцогомъ проценты съ трехъ-сотъ тысячъ рублей, данныхъ ей въ приданое. Нарышкинъ отвѣчаетъ, что онъ ничего не знаетъ ни о контрактѣ, ни о деньгахъ. Тогда тайный совѣтъ посылаетъ къ Бассевичу приказъ — доставить требуемое свѣдѣніе какъ относительно денегъ, «такъ и обо всемъ, что̀ касается выгодъ цесаревны».

Въ отвѣтъ на это Бассевичъ и Штамке доводятъ до свѣдѣнія тайнаго совѣта, что герцогъ намѣренъ оставить Россію.

Вслѣдствіе этого совѣтъ даетъ ему въ распоряженіе два фрегата и шесть ластовыхъ судовъ. Герцогъ требуетъ, вмѣсто фрегатовъ, кораблей — и ему отказываютъ. Потомъ идетъ рѣчь объ уплатѣ милліона рублей, который слѣдовалъ герцогинѣ Аннѣ по завѣщанію матери. Въ совѣтѣ рѣшаютъ, чтобы герцогъ, получая деньги, обязался употреблять ихъ по волѣ Анны Петровны, чтобъ она была совершенно увѣрена въ сохранности этого капитала.

Наконецъ наступаетъ для герцогини Анны время отъѣзда изъ Россіи, разставанье съ родиной.

Аннѣ Петровнѣ выдаютъ часть завѣщаннаго ей матерью милліона — именно двѣсти тысячъ рублей. Получивъ деньги, она было на квитанціи росписалась: «наслѣдная принцесса россійская»; но совѣтъ возразилъ, что такой титулъ предосудителенъ для россійскаго императора, который одинъ по своей волѣ можетъ располагать наслѣдствомъ, а потому предложилъ ей росписаться такъ: «урожденная принцесса всероссійская»...

Министры герцога представляютъ верховному совѣту, что Аннѣ Петровнѣ прискорбно будетъ, если раздѣлъ ея съ сестрой Елизаветой Петровной состоится не при ней и она ничего не въ состояніи будетъ взять на память о матери. Анна Петровна съ своей стороны проситъ реестръ наслѣдственныхъ

вещей, но при этомъ охотно уступаетъ Петру и его сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ все, что̀ имъ понравится, а упоминаетъ только, что остались еще два сундука, которые не внесены въ раздѣлъ. Верховный тайный совѣтъ отвѣчаетъ, что для раздѣла наслѣдственныхъ вещей назначена будетъ особая коммисія и что всѣ вещи, имѣющія достаться Аннѣ Петровнѣ, будутъ переданы голштинскому министру; что, наконецъ, императору и сестрѣ его изъ тѣхъ вещей ничего не нужно, но что сундуки будутъ разсмотрѣны.

25-го іюля 1727 года Анна Петровна навсегда оставила Россію. Съ ней отправилась въ Голштинію и француженка Латуръ Лануа (La Tour l'Annois), которая находилась при ней во время ея дѣтства, а теперь опять пріѣхала изъ Франціи къ своей любимой царевнѣ.

Анна Петровна горько разставалась съ Россіею, горько плакала. Да и было о чемъ: деспотъ-мужъ уже достаточно успѣлъ выказаться—чего же ждать тамъ, вдали отъ Россіи, отъ родныхъ когда и здѣсь ей приходилось подъ-часъ очень тяжко?

Въ своей столицѣ, веселомъ Килѣ, герцогъ скоро истратилъ всѣ взятыя изъ Россіи деньги — промоталъ приданое жены на роскошь, на кутежи — и уже въ мартѣ 1728 года снова просилъ изъ Россіи помощи — въ размѣрѣ шестидесяти тысячъ рублей.

Анна Петровна была уже беременна.

Вотъ что по этому поводу писала изъ Киля въ Россію, отъ 26-го октября 1727 года, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, одна изъ находившихся при дворѣ Анны Петровны приближенная къ ней особа, именно Мавра Шепелева, въ своемъ очень остроумномъ, но далеко не отличающемся своими грамматическими качествами письмѣ, которое мы передаемъ съ дипломатическою точностію:

«Всемилостивейшая государыня цесаревна Элизабетъ Петровна!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здоровье. Еше шъ уведомились мы, что ваша высочество веселится, и желаимъ мы, чтобъ вашему высочеству боле веселья иметь, а печал николи бы боле не иметь. Еше шъ данашу, что ваша сестрица всо готовитъ, а имено: чепъчики и пелонки, и ужъ по всякой день варошитъца у ней въ брухе вашъ будущей племянникъ, или племянъница, и комнаты ужъ готовы. Инова вашему высочеству писать за скоростію не имѣю, точію остаюсь вашева высочества верьная раба

Мавра Шепелева.

«У нас в Кили очень дажди велики и ветри, а печи всо железьнія, и то маленкия».

Такъ-то писала приближенная къ Аннѣ Петровнѣ особа будущей императрицѣ россійской, молоденькой цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Но бѣдной сестрѣ ея, Аннѣ Петровнѣ, не долго привелось жить вдали отъ родины.

Скоро она разрѣшается отъ бремени сыномъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, или — будущимъ императоромъ Петромъ Третьимъ, тѣмъ именно «племянникомъ» будущей императрицы Елизаветы Петровны, который «по всякой день варошитъца въ брухе» у матери, — и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умираетъ, не достигнувъ двадцати лѣтъ отъ роду!

Екатерина II-я положительно говоритъ, что бѣдная женщина умерла чахоткой отъ непріятностей и семейныхъ огорченій.

Подобно Ксеніи Годуновой, умирая, она проситъ похоронить ее въ Россіи, около гроба славнаго и дорогого ей отца.

За тѣломъ герцогини посланъ былъ корабль «Рафаилъ» и фрегатъ. Контръ-адмиралъ Бредаль былъ начальникомъ эскадры.

Въ печальномъ посольствѣ этомъ находились президентъ ревизіонъ-коммисіи Иванъ Бибиковъ, архимандритъ и два русскихъ священника.

12-го октября 1728 года тѣло Анны Петровны подъѣзжало къ Кронштадту. Минихъ получилъ изъ Москвы высочайшее повелѣніе встрѣтить прахъ съ подобающею честью и похоронить въ петропавловскомъ соборѣ, что̀ и было исполнено 12-го ноября.

Веберъ зналъ эту несчастную, такъ мало жившую любимѣйшую дочь Петра Великаго: у него—говоритъ онъ—нѣтъ достаточно силъ, способностей и искуства, чтобы описать достойно всѣ похвальныя качества ея. Это была прекрасная душа въ прекрасномъ тѣлѣ. Петръ любилъ ее съ видимою нѣжностью: герцогиня и по наружности и по уму чрезвычайно походила на него.

Бассевичъ съ своей стороны говоритъ: Щедрая и очень образованная, герцогиня говорила, какъ на своемъ родномъ языкѣ, пофранцузски, понѣмецки, поитальянски и пошведски. Съ дѣтства показывала она неустрашимость героини, а въ отношеніи присутствія духа она напоминала своего великаго отца. Вотъ примѣръ этому: молодой графъ Апраксинъ признался ей въ любви. На это признаніе Анна Петровна отвѣчала презрѣніемъ. Полный надежды и смѣлости, Апраксинъ засталъ ее однажды одну и кинулся къ ногамъ, предлагая свою шпагу, чтобы она кончила и жизнь и мученія его. Анна Петровна отвѣчала рѣшительно, что она готова исполнить эту просьбу. Это такъ испугало Апраксина, что онъ началъ просить извинить его безумство и дерзость. Великая княжна отмстила только тѣмъ, что разсказъ ея объ Апраксинѣ сдѣлалъ его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ.

Вспомнимъ, что черезъ сорокъ-пять лѣтъ послѣ смерти Анны Петровны, въ 1773 году, за Волгой, между раскольниками, на Иргизѣ и Яикѣ явился невѣдомый человѣкъ, который говорилъ, что онъ—сынъ этой дочери Петра Великаго.

То былъ—Пугачовъ.

XI.

Графиня Головкина.

(Графиня Екатерина Ивановна Головкина, урожденная кеса Ромодановская).

— «На что мнѣ почести и богатства, когда не могу р лять ихъ съ другомъ моимъ? Я любила мужа въ счастіи, л его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ неразлучно».

Такъ отвѣчала Головкина, когда, послѣ осужденія ея вице-канцлера графа Михайла Гавриловича Головкина, на в ссылку въ Сибирь, императрица Елизавета Петровна слала сказать Головкиной, что, непричастная къ гос ственнымъ преступленіямъ мужа, графиня сохраняетъ статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и может бодно пользоваться ими гдѣ и какъ угодно.

Въ словахъ этихъ—цѣлая характеристика человѣка, и щины—въ особенности.

Екатерина Ивановна была послѣднею въ знамен шемъ и древнѣйшемъ родѣ князей Ромодановскихъ, проис шихъ по прямой линіи отъ Рюрика. «Его пресвѣтлѣйшество ралиссимусъ», «князь-кесарь» съ царскимъ титуломъ «в

ства», Ромодановскій, котораго Петръ Великій называлъ дѣдушкой и о которомъ писалъ Апраксину — «съ нашимъ дѣдушкой какъ съ чортомъ вожусь, и не знаю, что съ нимъ дѣлать», такъ какъ этотъ суровый дѣдушка не давалъ забываться даже «царю-шотнику»,—«всероссійскій дѣдушка» этотъ былъ дѣдушкой и Екатерины Ивановны, родившейся отъ сына «князя-кесаря», впослѣдствіи тоже «князя-кесаря» Ивана Федоровича Ромодановскаго.

«Княжна-кесаревна» Екатерина Ромодановская родилась ровно за годъ до основанія Петербурга (1702), и потому всею своею жизнью должна была уже принадлежать новой Россіи, хотя еще въ молодости переживала время петровскихъ реформъ и, можно сказать, лично участвовала въ похоронахъ старой Россіи, какъ участвовала потомъ и въ похоронахъ царя-преобразователя.

Едва ли былъ въ Россіи домъ знатнѣе и богаче того дома, въ которомъ родилась, росла и воспитывалась «княжна-кесаревна», домъ, въ которомъ Петръ Великій «былъ какъ дома», какъ свой человѣкъ, какъ членъ семьи, и въ этомъ домѣ ласкалъ и баловалъ маленькую «княжну-кесаревну», слѣдилъ за ея воспитаніемъ, самъ выдалъ ее замужъ.

Не удивительно, что подъ вліяніемъ Петра «княжна-кесаревна» получила отличное воспитаніе, какъ о томъ говорятъ ея жизнеописатели.

До девятнадцатилѣтняго возраста о маленькой княжнѣ-кесаревнѣ вообще имѣется очень мало извѣстій въ современныхъ памятникахъ. Извѣстно только, что 12-го ноября 1721 года, во время празднованія въ Петербургѣ свадьбы гвардіи майора Матюшкина, въ должности «подругъ» невѣсты первою назначена была княжна-кесаревна, посаженою матерью была императрица,

а дружкою—красавецъ камеръ-юнкеръ Монсъ. Во время свадьбы княжна-кесаревна была очень замѣтна: Петръ лично выражалъ особую пріязнь къ молоденькой «подругѣ» невѣсты, проявляя эту пріязнь и милость, прилично случаю, въ забавныхъ формахъ. Такъ, по правиламъ свадебнаго церемоніала, подруга невѣсты, въ началѣ обѣда, должна была навязывать бантъ дружкѣ невѣсты—Монсу, а дружка, по принятому обычаю, долженъ былъ цѣловать въ губы навязывающую этотъ бантъ. Когда Монсъ, слѣдуя правиламъ свадебнаго церемоніала, поцѣловалъ княжну-кесаревну, Петръ, желая подшутить надъ красавцемъ, прекрасную голову котораго онъ впослѣдствіи, за разныя преступленія, велѣлъ отрубить и положить въ спиртъ,—замѣтилъ, что Монсъ, изъ почтенія къ дочери кесаря, не долженъ былъ цѣловать кесаревну въ губы, а могъ только приложиться къ ея ручкѣ, и потому, за этотъ проступокъ, въ видѣ штрафа приказалъ ему выпить до дна огромный бокалъ венгерскаго. Потомъ, когда во время послѣобѣденныхъ танцевъ, княжна-кесаревна танцовала минуэтъ съ красавцемъ Монсомъ, и когда Петру, бывшему въ сосѣдней комнатѣ, доложили объ этой парѣ, царь прибѣжалъ въ залу и, мигнувъ одному деньщику, велѣлъ вновь принести тотъ страшный бокалъ съ венгерскимъ. Увидѣвъ около себя царя и деньщика съ бокаломъ, Монсъ пришелъ въ ужасъ, не чувствуя за собою никакой вины, и изумленными глазами смотрѣлъ на государя.

— Это за то—сказалъ государь—что ты не отдалъ княжнѣ респекту и послѣ танца не поцѣловалъ ей ручки.

И провинившагося передъ кесаревной танцора заставили опять выпить.

На святки дворъ переѣхалъ въ Москву, а вмѣстѣ съ дворомъ переѣхали въ Москву и князья Ромодановскіе съ кесаревною въ

свой роскошный домъ. Здѣсь молодая дѣвушка, по словамъ ея біографовъ, участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ двора и города. Ѣздила къ вдовѣ царя Іоанна Алексѣевича, Марфѣ Матвѣевнѣ, урожденной Апраксиной, которая приходилась ей теткою и жила въ Измайловѣ; была въ числѣ семи особъ женскаго пола на ассамблеѣ у Александра Григорьевича Строганова, богатѣйшаго боярина тогдашней Москвы, и тамъ танцовала подъ музыку хозяйскаго оркестра и участвовала въ petits-jeux, затѣянныхъ генералъ-прокуроромъ Ягужинскимъ, человѣкомъ вообще очень веселаго нрава; праздновала послѣднюю зимнюю и свою дѣвичью ассамблею въ домѣ родительскомъ, гдѣ былъ и царь Петръ, и герцогъ голштинскій, и весь дворъ; дѣлала визиты, которые въ то время совершались по вечерамъ, такъ какъ тогдашнее общество обѣдало рано, а послѣ обѣда ложилось почивать часа на два, на три, и наконецъ—была просватана, не безъ участія и содѣйствія самого царя, за графа Михайлу Гавриловича Головкина, въ то время еще сержанта гвардіи, хорошо говорившаго понѣмецки.

Самъ государь, принимавшій такое горячее участіе въ судьбѣ княжны-кесаревны, указалъ свадьбѣ быть 8-го апрѣля.

Это была дѣйствительно кесарская свадьба. Царь принялъ на себя званіе «маршала» свадьбы. Онъ же самъ руководилъ и свадебнымъ поѣздомъ въ церковь, при такомъ церемоніалѣ: два трубача, верхомъ, не трубившіе; двѣнадцать шаферовъ верхомъ; царь въ открытомъ кабріолетѣ, шестернею, съ большимъ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ; женихъ въ каретѣ шестернею; затѣмъ весь поѣздъ. Изъ церкви Петръ отправился за невѣстою, и привезъ ее въ такомъ поѣздѣ: два трубача, верхомъ, игравшіе маршъ; двѣнадцать шаферовъ, капитаны гвардіи, на прекрасныхъ лошадяхъ въ богатыхъ чепракахъ и сбруяхъ; самъ Петръ, вер-

хомъ на превосходномъ гнѣдомъ конѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ (чепракъ и сѣдло зеленые, шитые золотомъ); невѣста, въ каретѣ, шестернею, а съ нею подруги: Нарышкина, тогда невѣста несчастнаго впослѣдствіи Артемія Волынскаго, и Головкина, невѣста князя Трубецкого; затѣмъ поѣздъ дамъ. У самой церкви царь-маршалъ соскочилъ съ лошади и самъ отворилъ дверцу кесаревниной кареты. Невѣсту ввели въ церковь подъ руки посаженые отцы—князь Меншиковъ и графъ Апраксинъ. Серебряные вѣнцы были такъ тяжелы отъ множества брильянтовъ и жемчугу, особенно вѣнецъ кесаревны, что его все время держали на рукахъ, не опуская на голову дѣвушкѣ. Въ домѣ молодыхъ Петръ самъ распоряжался всѣмъ—и отводомъ мѣстъ гостямъ, и разсаживаньемъ ихъ по чинамъ. За дамскій столъ государь посадилъ молодую, по правую ея руку—посаженую мать, императрицу; по лѣвую—женихову мать, княгиню Меншикову; подлѣ императрицы—сестру невѣсты, княгиню Черкасскую; подлѣ Меншиковой—сестру жениха, генеральшу Балкъ, у середины стола, противъ невѣсты, дружка ея—Нарышкина; по обѣимъ сторонамъ его—подругъ невѣсты—Нарышкину и Головкину; далѣе, по обѣ стороны, дамъ по чинамъ. За мужскимъ столомъ государь посадилъ: молодого; по правую его руку—посаженаго отца, князя Меншикова; по лѣвую—посаженаго отца невѣсты, графа Апраксина; подлѣ Меншикова—тайнаго совѣтника Толстого; подлѣ Апраксина—Салтыкова; противъ жениха—герцога голштинскаго; по правую руку его—цесарскаго посла, графа Кинскаго; по лѣвую—прусскаго посла, барона Мардефельда; далѣе—прочихъ мужчинъ по чинамъ.

Самъ Петръ все время былъ на ногахъ, всѣмъ распоряжался, и находился въ отличномъ расположеніи духа. Императрица, какъ бы сжалясь надъ нимъ, послала ему съ камеръ-юнкеромъ

жаренаго голубя. Петръ отошелъ къ буфету и тамъ, стоя на ногахъ, ѣлъ голубя изъ рукъ, съ большимъ аппетитомъ. Первая перемѣна кушаньевъ была, по обычаю, холодная; вторая—горячая. Увидя, что вторую перемѣну несутъ на столъ гренадеры, Петръ побѣжалъ къ оберъ-кухмейстеру, ударилъ его маршальскимъ жезломъ, велѣлъ гренадерамъ съ перемѣною возвратиться и передать блюда капитанамъ гвардіи, которые и поставили ихъ на столы. Герцогу и иностраннымъ министрамъ государь подавалъ напитки собственноручно; прочимъ разносили шафера, капитаны гвардіи.

Послѣ стола начались танцы, сначала церемоніальные: дамы по одной сторонѣ, кавалеры — по другой; музыканты заиграли родъ погребальнаго марша; кавалеръ и дама первой пары, сдѣлавъ реверансъ сосѣдамъ и другъ другу, взялись за руки, оттанцовали туръ влѣво и стали опять на свое мѣсто; тоже, поочереди, повторили и всѣ пары, безъ всякаго такта. Затѣмъ слѣдовали польскіе, минуэты и англезы. Молодая часто танцовала съ герцогомъ; но первый минуэтъ торжественно прошла съ мужемъ. Когда стемнѣло, передъ домомъ зажгли фейерверкъ. Въ щитѣ сіяли двѣ соединенныя буквы P и C, изъ бѣлаго и голубого огней, съ надписью бѣлымъ огнемъ — vivat, т. е. vivat princesse Catherine. Фейерверкомъ тоже распоряжался самъ Петръ, все время бывшій на дворѣ. Послѣ фейерверка — опять танецъ — «прощальный». Пары связывались носовыми платками, и каждая, становясь поочереди первою, должна была изобрѣтать фигуры, а прочія — подражать первой. Этотъ танецъ, начинаясь въ залѣ, могъ окончиться и въ другихъ комнатахъ, въ саду, даже на чердакѣ, что̀ зависѣло отъ коновода, т. е. прыгавшаго впереди скрипача. Здѣсь коноводомъ былъ Петръ. Онъ, съ жезломъ въ рукѣ, усердно прыгалъ и завелъ всѣхъ въ спальню.

Тамъ, за столомъ, уставленнымъ одними только сластями, усаживалась исключительно свадебная родня, не вставшая до тѣхъ поръ, пока не доложатъ ей, что молодой совершенно пьянъ. Дѣйствительно, къ одиннадцати часамъ молодой не стоялъ на ногахъ, и гости разъѣхались, выслушавъ отъ шаферовъ приглашеніе пожаловать завтра, въ три часа пополудни, въ домъ князя-кесаря.

На другой день — опять пиръ. Когда, послѣ стола, молодой, по обычаю, «пройдя черезъ столъ», сорвалъ вѣнокъ надъ головою своей жены, и возвращаясь, хотѣлъ сѣсть на приготовленное ему мѣсто, по правую сторону кесаревны, Петръ сказалъ ему поголландски:

— Нѣтъ, постой, дочь кесаря должна сидѣть на первомъ мѣстѣ.

Молодые пересѣли. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ съ обычными церемоніями. Петръ, какъ маршалъ, прислуживалъ. Когда обѣдъ кончился, Екатерина Алексѣевна и дамы пошли въ другія комнаты, чтобъ дать время подмести и убрать все въ залѣ для танцевъ; а Петръ съ шаферами сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ обѣдать. Послѣ «церемоніи танцевъ», т. е. танцевъ оффиціальныхъ, государынѣ вздумалось помучить стариковъ канцлера и Долгорукова: она, танцуя въ первой парѣ съ герцогомъ голштинскимъ, долго не прекращала танца, и старики страшно устали. Но тотчасъ же начавшійся англезъ обязалъ не только ихъ, но и всѣхъ толстяковъ приготовиться къ моціону. Государь и государыня, въ первой парѣ, придумывали разныя премудрости; Апраксинъ, Шафировъ, Толстой и князь-кесарь, люди очень толстые, слѣдуя за ними, едва переводили духъ. Но первая пара была неумолима, и толстяки, обливаясь потомъ, полумертвые отъ утомленія, валялись на стульяхъ. Развеселившійся

государь пустилъ въ ходъ штрафные бокалы. Пляска и попойка длились до одиннадцати часовъ вечера. Танцовали, впрочемъ, только тѣ, которые были въ башмакахъ. Императрица уѣхала первая, за нею вскорѣ государь, а потомъ и всѣ гости.

Камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, Берхгольцъ, въ запискахъ котораго и находится описаніе этихъ торжествъ, видѣлъ и постель молодой кесаревны, «лучшую во всей Россіи, сдѣланную по французской модѣ, обитую краснымъ бархатомъ, съ широкимъ вездѣ золотымъ галуномъ».

Мы съ намѣреніемъ привели это подробное изображеніе свадебныхъ торжествъ княжны-кесаревны: — тѣмъ ужаснѣе будетъ контрастъ ея жизни въ Сибири.

Свадьба наконецъ кончилась. Княжна-кесаревна Ромодановская перестала существовать и была уже не кесаревна, а графиня Головкина.

Мужу ея тогда же представилось повышеніе: его назначили министромъ-посланникомъ въ Пруссію на мѣсто брата Александра, произвели въ камеръ-юнкеры и опредѣлили содержаніе въ три тысячи рублей, т. е. половину того, что̀ получалъ его братъ, который «высокій градусъ имѣлъ, и больше жидивенія надобно было».

Вскорѣ мужъ молодой Головкиной уѣхалъ въ Пруссію. Сопровождала ли она его за границу—неизвѣстно, но есть основаніе полагать, что она съ нимъ не разлучалась, какъ не разлучалась потомъ и двадцать лѣтъ спустя, когда его ссылали навѣчно въ Сибирь.

Прошло два года, и царя-маршала, который такъ усердно танцовалъ на свадьбѣ Екатерины Ивановны, не стало. Мужъ ея вернулся въ Россію.

Похоронили скоро и Екатерину I, тоже веселившуюся на свадьбѣ кесаревны. Начались перевороты, отъ которыхъ Голов-

кина стояла въ сторонѣ, но мужъ ея принималъ въ нихъ непосредственное участіе. Погибли Меншиковы, Долгорукіе, породнившіеся было съ царскимъ домомъ.

На престолѣ императрица Анна Іоанновна. Настаетъ время Бироновъ. Головкина получаетъ званіе статсъ-дамы, Головкинъ — чинъ тайнаго совѣтника.

Но вотъ 16-го марта 1730 года изъ Москвы пишутъ въ тогдашнія «С. Петербургскія Вѣдомости»: «Вчерашняго числа умеръ здѣсь, немоществуя девять дней, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, также же и кавалеръ ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, князь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій, въ котораго оставшемся движимомъ и недвижимомъ имѣніи наслѣдовалъ и сей фамиліи прозваніе принялъ нынѣшній сенаторъ и кавалеръ ордена святаго Александра Невскаго графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, яко супругъ единой оставшейся дочери послѣ сего умершаго князя Ромодановскаго, который послѣднимъ мужескаго пола изъ древней сей фамиліи Ромодановскихъ былъ».

Княжна-кесаревна снова приняла свою дѣвическую фамилію: она стала теперь—графиня Екатерина Ивановна Головкина, княгиня Ромодановская.

Всѣмъ извѣстно, каковы были времена Бирона. Но и Биронъ палъ. Государствомъ правила Анна Леопольдовна, племянница Екатерины Ивановны Головкиной-Ромодановской, а вмѣстѣ съ нею правилъ русскою землею и мужъ этой бывшей княжны-кесаревны, пожалованный вице-канцлеромъ и кабинетъ-министромъ.

Но и это продолжалось не долго. Новый государственный переворотъ былъ роковымъ переворотомъ и всей жизни графини Головкиной.

24-го ноября 1741 года, въ екатерининъ день — день именинъ Головкиной, совершилась страшная перемѣна въ ея жизни. Говорятъ, что Головкинъ уже въ этотъ день предчувствовалъ свою бѣду — «о себѣ угадывалъ, что должно ему несчастливу быть». Онъ былъ боленъ. Подагра и хирагра давно мучили его. Однако толпы «ласкателей», «милости снискателей и поздравителей» съ утра наполняли палаты Головкиныхъ, чтобъ поздравить съ дорогой именинницей.

Не смотря на болѣзнь хозяина, гости оставались обѣдать, а потомъ вечеромъ состоялся, волей-неволей, балъ. «Всѣ комнаты—говоритъ очевидецъ, князь Шаховской—окромѣ только той, гдѣ объятой болѣзнями и сожалѣнія достойной хозяинъ страдалъ, наполнены были столами, за коими какъ въ обѣдѣ, такъ и въ ужинѣ болѣе ста обоего пола персонъ, а по большой части изъ знатнѣйшихъ чиновъ и фамилій торжествовали, употребляя во весь день между обѣда и ужина, также и потомъ въ веселыхъ восхищеніяхъ танцы и русскую пляску съ музыкою и пѣснями, что продолжа съ удовольствіемъ до перваго часу, за полночь по домамъ разъѣхались».

Но тутъ-то за полночь и совершилась катастрофа.

Ни Головкины, ни пирующіе у нихъ гости не знали, что въ эти часы затѣвали противники правительницы Анны Леопольдовны: этой ночью, цесаревна Елизавета Петровна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова, Разумовскаго и Салтыкова, произвела государственный переворотъ съ помощью преображенскихъ гренадеровъ. Ночью же она объявила себя императрицею.

Головкины, проводивъ гостей, оставались въ своей спальнѣ. Графиня сидѣла у постели больного мужа.

Но вотъ — говорятъ біографы Головкиной — «среди безмолвія объятаго сномъ дома, неожиданно раздались въ парадныхъ покояхъ чьи-то шаги и, вмѣстѣ съ стукомъ ружейныхъ прикладовъ, замиравшихъ въ персидскихъ коврахъ, приблизились къ комнатѣ супруговъ». Это были двадцать пять преображенскихъ гренадеровъ, явившіеся арестовать вице-канцлера.

Гренадеры увезли больного вельможу и графиня осталась одна въ объятомъ ужасомъ домѣ.

Черезъ три дня она узнала изъ манифеста, что мужемъ ея было «сочинено нѣкоторое отмѣнное о наслѣдствіи имперіи опредѣленіе» и что онъ «въ перемѣнѣ сукцессіи былъ первымъ зачинщикомъ дѣла».

Домъ Головкиныхъ былъ оцѣпленъ стражею и всѣ богатства ихъ конфискованы: описано было все до самой послѣдней вещицы; у самой графини допытывались чиновники, не спрятано ли еще чего въ домѣ или внѣ дома — «алмазныхъ искръ не въ дѣлѣ» или «жемчуговъ персидскихъ съ бурмицкими» и т. д. несчастная графиня все отдала сыщикамъ.

Судъ надъ Головкинымъ и другими преступниками тянулся около двухъ мѣсяцевъ. Но вотъ 12-го генваря 1742 года послѣдовала и казнь виновныхъ.

Въ головѣ ихъ, у эшафота, на которомъ лежали два топора и двѣ плахи, Остермана, закутаннаго въ халатъ и больного подагрою, держали на носилкахъ: ему объявлена была смертная казнь колесованіемъ; Головкину и другимъ — иныя казни, степенью ниже. Но тутъ же объявили осужденнымъ и милость: вмѣсто колесованія, Остерману назначена казнь отсѣченіемъ головы— и знаменитаго старика встащили на эшафотъ: уложивъ его обнаженную отъ парика голову на плаху, палачъ отстегнулъ у старика воротъ рубахи, загнулъ воротникъ шлафрока, въ которомъ

принесли на плаху осужденнаго вельможу, и обнажилъ ему шею. Пробывъ въ такомъ ужасномъ положеніи съ минуту, Остерманъ узналъ, что ему дарована жизнь въ вѣчной ссылкѣ, кивнулъ головой, тотчасъ же потребовалъ свой колпакъ и парикъ и хладнокровно застегнулся. Головкину и остальнымъ преступникамъ также назначена вѣчная ссылка.

Видѣла ли всю эту ужасную сцену графиня Головкина— современники не говорятъ, хотя послѣдующіе писатели утверждаютъ, что она была на сенатской площади и все видѣла.

Осужденныхъ снова отвезли въ крѣпость. Женамъ вельможъ-преступниковъ объявлено, что «ежели похотятъ», могутъ слѣдовать за мужьями въ ссылку.

Тогда-то именно императрица Елизавета Петровна прислала къ Головкиной сказать, что, непричастная преступленіямъ мужа, она сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ свободно пользоваться ими гдѣ и какъ угодно, и тогда-то энергическая женщина эта отвѣчала: «На что мнѣ почести и богатства, когда не могу раздѣлять ихъ съ другомъ моимъ? Любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно».

Отправленіе арестантовъ изъ Петербурга поручено было князю Шаховскому, бывшему пріятелю Головкиныхъ. На другой день Шаховской прислалъ къ графинѣ дорожныя сани «для забранія опредѣленнаго багажа». Въ ту же ночь (19 на 20-е генваря), за часъ до выѣзда въ далекій путь, князь Шаховской ввелъ графиню, одѣтую совсѣмъ по дорожному, въ крѣпость. Она нашла мужа сидящимъ неподвижно: онъ только стоналъ отъ мучившихъ его подагрическихъ и хираргическихъ болей, не владѣя ужъ совсѣмъ лѣвою рукою; долгіе, запущенные волосы, длинная борода,

обрамливавшая исхудалое лицо, лишенное природнаго румянца, слабый и унылый видъ дѣлали бывшаго вице-канцлера и кабинетъ-министра непохожимъ на прежняго всесильнаго вельможу. Но графиня даже не заплакала, не проронила ни одной слезы, чтобъ не встревожить мужа. За то онъ, рыдая какъ ребенокъ, цѣловалъ ея руки: она вѣдь не побоялась ни вѣчной ссылки, ни далекой дороги, ни всѣхъ ожидавшихъ ихъ лишеній, своею волею покидая богатства, почести и родину. Даже лицо князя Шаховского, стоявшаго тутъ же, какъ онъ самъ же говоритъ о себѣ, при видѣ этой трогательной и потрясающей сцены, «покрылось наибольшими видами печали».

Вошелъ офицеръ и объявилъ, что все готово. Головкина вынесли на рукахъ, бережно уложили съ постелью въ сани, графиня сѣла рядомъ, и грустный поѣздъ, сопровождаемый гвардейскимъ конвоемъ, при офицерѣ, выбрался за крѣпостныя стѣны и исчезъ въ морозномъ мракѣ генварской ночи.

Головкинымъ назначили для вѣчной ссылки какой-то невѣдомый острогъ Германгъ, о мѣстоположеніи котораго даже никто не знаетъ теперь; но полагаютъ, что онъ находился гдѣ-нибудь по сю сторону Оби.

Почти безконечный путь до этого невѣдомаго Германга лежалъ Головкинымъ черезъ родную графинѣ Москву, гдѣ маленькую кесаревну когда-то баловалъ «царь-работникъ», черезъ Владиміръ, Нижній, Козмодемьянскъ, Царевосанчурскъ, Котельничъ, Вятку, тогда еще называвшуюся Хлыновымъ, черезъ Соликамскъ, Верхотурье, Тюмень и Тобольскъ.

Обезсиленные и разломанные долгимъ путемъ — говоритъ новѣйшій біографъ Головкиной — измученные безпрерывными по дорогѣ осмотрами и опросами въ губернскихъ и провинціальныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, Головкины, наконецъ, добрались до

мѣста назначенія. Унылое, безцвѣтное небо висѣло необъятными массами снѣговъ надъ непривѣтною окрестностью, истомленною суровымъ дыханіемъ полярной зимы. Снѣжный просторъ, подавляющій необозримостію, разстилался всюду, синѣя безчисленными зигзагами потоковъ, скованныхъ еще стужею. Сюда привезли Головкиныхъ. Передъ ними, въ-перемежку съ чернѣвшими изъ-подъ снѣга землянками, торчало нѣсколько жалкихъ хижинъ, окружавшихъ кривобокую, рубленную часовенку и обнесенныхъ незатѣйливымъ валомъ, съ жиденькимъ палисадомъ, и т. д.

Тутъ-то поселилась любимица царя Петра, нѣкогда блистательная княжна-кесаревна Ромодановская, на вѣчное житье съ больнымъ мужемъ.

Ей было уже сорокъ лѣтъ — молодость миновала...

Въ тѣсной избѣ, оконныя стекла которой замѣнялись льдинами, бывшая кесаревна день и ночь ухаживала за страдавшимъ подагрикомъ. Это былъ дѣйствительно геройскій подвигъ русской женщины, и если вѣрить сказаніямъ современниковъ, то женщина эта совершила неслыханное чудо: безъ докторовъ, безъ лекарствъ, одними своими заботами и неустаннымъ присмотромъ, она подняла на ноги больного, такъ что графъ, «неисцѣльно страдавшій въ роскошной обстановкѣ петербургскаго богача-вельможи, сталъ здоровъ, какъ не надо лучше, среди однообразныхъ сибирскихъ снѣговъ и многообразныхъ недостатковъ».

Такъ прожили они въ этой живой и никому невѣдомой могилѣ четырнадцать лѣтъ!...

Какъ на замѣчательный подвигъ женщины указываютъ, что во всѣ четырнадцать лѣтъ этого страшнаго томленія она при мужѣ не позволила ни разу себѣ не только заплакать, но даже пожалѣть о прошломъ величіи.

Изрѣдка только къ нимъ доходили изъ Гааги письма графа Александра Гавриловича Головкина, жившаго тамъ въ качествѣ русскаго посланника, да еще рѣже привозились къ нимъ письма сестры Анны Гавриловны, вдовы Ягужинскаго, вышедшей потомъ за Бестужева-Рюмина.

Но Головкины не дождались перемѣны въ своей печальной жизни. Самого Головкина не стало. 10-го ноября 1755 года онъ скончался, не имѣя еще и 55 лѣтъ отъ роду.

Графиня осталась одна въ своей далекой тюрьмѣ. «Только тогда — говоритъ ея жизнеописатель — невинная узница оросила въ первый разъ слезами одръ мужа, предалась горести».

Не желая разстаться съ мужемъ и послѣ смерти, она похоронила его тѣло въ сѣняхъ собственной хижинки своей, въ которой прожила съ покойникомъ четырнадцать лѣтъ, обратила эти сѣни въ молитвенное мѣсто, и тамъ, день и ночь, при свѣтѣ лампады, налитой рыбьимъ жиромъ, постоянно читала псалтирь по покойникѣ. Она одного только желала и высказывала это желаніе своимъ германскимъ приставникамъ, чтобъ ей позволено было лечь рядомъ съ мужемъ, но только у себя на родинѣ, въ далекой Москвѣ.

Сибирскій губернаторъ Мятлевъ довелъ это желаніе графини до свѣдѣнія государыни, и императрица соизволила на перевезеніе тѣла бывшаго графа Головкина изъ Германга въ Москву.

И вотъ для Головкиной опять началась далекая дорога изъ ссылки домой, но только уже везла она съ собою гробъ мужа, давно когда-то ѣхавшаго съ нею въ ссылку по той же дорогѣ.

Наконецъ, она доѣхала до Москвы и похоронила мужа въ георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ похоронены были отецъ и дѣдъ ея, князья-кесари Ромодановскіе, почти заправлявшіе всею русскою землею.

Свято и честно исполнивъ до конца высокую обязанность жены—говоритъ жизнеописатель Головкиной—графиня скромно поселилась на Никитской, въ домѣ, растворявшемся нѣкогда Петру и такъ долго запертомъ въ отсутствіи почтенной, родовой хозяйки своей. Время ея—миновало. Живая свидѣтельница эпохъ минувшихъ, графиня отдѣлялась отъ той среды, которую нашла теперь въ Москвѣ, цѣлымъ пробѣломъ долгой сибирской ссылки, или, другими словами, ровно на цѣлую эпоху отставала отъ новыхъ своихъ современниковъ и не имѣла, пока, общихъ съ ними интересовъ. Толки о Биронѣ, Остерманѣ, «кабинетѣ», цесаревнѣ, графѣ Линарѣ, прусскомъ союзѣ, какъ будто отдававшіеся еще въ ушахъ графини, давнымъ-давно не занимали никого, были забыты и замѣнились другими—о Разумовскихъ, Шуваловѣ, Бестужевѣ, университетѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, театрѣ и тысячѣ предметахъ, совершенно незнакомыхъ графинѣ. Стало быть въ обществѣ, питавшемся, какъ насущнымъ хлѣбомъ, взаимнымъ и непрерывнымъ истолкованіемъ именно этой тысячи предметовъ, графиня естественно чувствовала себя постороннею, ненужною. Не обижаясь ни тѣмъ, ни другимъ, Екатерина Ивановна благодушно признала себя развалиною и, избравъ себѣ благую часть, стала ежедневно ѣздить въ георгіевскій монастырь — молиться на могилѣ того, кого она любила еще молоденькою и счастливою дѣвочкою.

Но Москва не забыла бывшую кесаревну. Все ѣхало и шло къ ней, и она ласково принимала приходившихъ, охотно разсказывала о своемъ времени, о Петрѣ, о его дѣяніяхъ, о дѣлахъ его преемниковъ, о Биронѣ и о далекой Сибири.

Кончилось и царствованіе Елизаветы Петровны. Бывшая кесаревна, сама уже почти шестидесятилѣтняя старушка, оплакала послѣднюю дочь Петра Перваго.

Умеръ и Петръ Третій «отъ геморроидальныхъ колик», какъ говорилось въ манифестѣ. Императрицею стала супруга его, Екатерина Вторая — одна изъ геніальныхъ женщинъ русской земли. А старушка «кесаревна» все жила, пережившъ восемь царствованій, одно регентство и одно правленіе.

Екатерина Вторая, цѣня великій подвигъ бывшей «кесаревны», зная о ея ссыльной жизни въ Сибири, о ея прежнемъ величіи, возвратила ей достоинство статсъ-дамы и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ; но всего того, что у нея отнято было самою жизнью, воротить уже никто не могъ.

Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Головкиной заканчиваетъ ея жизнеописаніе слѣдующими сочувственными словами, которыми и мы позволяемъ себѣ закончить нашъ бѣглый очеркъ этой, одной изъ лучшихъ, историческихъ русскихъ женскихъ личностей:

Посвящая все время молитвѣ, благотвореніямъ и отчизнолюбію, тридцать-пять лѣтъ прожила въ Москвѣ Екатерина Ивановна, со дня возвращенія изъ Сибири, и очень, очень состарѣлась. Изъ близкихъ родныхъ графини не было уже никого на свѣтѣ; всѣ, безъ исключенія, сверстники давно лежали въ могилѣ. Минуло двадцать-пять лѣтъ одному тому, какъ, принося графинѣ чистосердечное раскаяніе, умеръ гонитель мужа ея, князь Трубецкой. Болѣе двадцати-пяти лѣтъ прошло и съ той поры, какъ она, слишкомъ шестидесятилѣтнею старухою, привѣтствовала коронованіе императрицы, отпраздновавшей уже двадцатипятилѣтній юбилей своего царствованія. Много перехоронила графиня и такихъ старцевъ, которые родились послѣ ея замужества. Сама Екатерина Ивановна легла на смертный одръ почти девяноста лѣтъ отъ роду; сокрушалась, передъ кончиною, что не будетъ погребена подлѣ своего супруга (указомъ 1771 года за-

прещено хоронить тѣла въ чертѣ города), и, 20-го мая 1791 года, переселилась въ лучшій міръ, оставивъ по себѣ въ этомъ славную, безукоризненную память... Московскіе бѣдняки потеряли въ графинѣ Головкиной первѣйшую благодѣтельницу и кормилицу, а русская исторія—пріобрѣла еще одну свѣтлую личность.

Такъ говоритъ ея біографъ, тоже недавно умершій отъ бѣдности.

Дальше мы увидимъ, что русская земля не была бѣдна женщинами, имена которыхъ съ уваженіемъ должна произносить каждая современная и будущая русская женщина.

Если Головкина ничего другого не сдѣлала для своей страны—такъ то было другое время.

XII.

Княжна Марья Александровна Меншикова.

(Первая невѣста Петра II-го).

Древняя Русь — Русь варяжская, удѣльная, монгольская и московская оставила намъ свидѣтельства о томъ, какъ правившіе ея судьбами великіе и иные князья рюриковичи, мономаховичи и всѣ представители раздробившихся княжескихъ родовъ, превратившіеся потомъ въ московскихъ и всея Великія и Малыя Россіи царей, сватались и женились: одинъ бралъ себѣ жену изъ своихъ же князей рюриковичей и мономаховичей, другой гречанку, третій чехиню, шведку, варяжку, болгарыню; женились великіе князья на иноземныхъ княжнахъ, королевнахъ и принцессахъ; брали себѣ въ жены и царевенъ татарокъ, княженъ черкешенокъ; дошла затѣмъ очередь и до боярышень, выбиравшихся въ царскія невѣсты изъ сотенъ и тысячъ боярскихъ и купеческихъ дочерей, которымъ дѣлались «смотрины» и изъ которыхъ выбирались самыя красивыя, тѣльныя и дородныя въ царскія невѣсты, брались ко двору, именовались до вѣнца царевнами, а иногда, если оказывались больны, попадали въ Сибирь: такъ явились на страницахъ русской исторіи царскія невѣсты—Сабуровы, Глинскія, Кошкины-Захарьины, Колтовскія, Долгорукія, Васильчиковы, Собакины, Нагія, Годуновы,

алтыковы, Хлоповы, Милославскія, Нарышкины, Грушецкія, Апраксины, Лопухины, Скавронскія—это уже переходъ къ женщинамъ новой Руси.

Новая Русь, повернувшись лицомъ отъ востока къ западу, амъ уже начала высматривать невѣстъ для молодыхъ царей и аревичей; но старая Русь все еще проглядывала подъ полуевроейской физіономіей и подъ взятыми на прокатъ съ запада внѣшними формами Руси новой, и едва происходило какое-либо замѣшательство, какъ старая и новая боярщина, превратившаяся въ князей и графовъ, силилась если не сама сѣсть на царскій тронъ, о посадить рядомъ съ царемъ своихъ дочекъ княженъ, своихъ естеръ, внучекъ и племянницъ.

Но поворотъ къ старому былъ уже невозможенъ—исторія не повторяется: тѣ народы, которые, по мѣткому выраженію русскаго арода, твердятъ зады—исторически безнадежны; а русское племя е принадлежитъ къ безнадежнымъ.

Такая неудачная попытка—посадить на престолъ рядомъ съ царемъ и подъ царскою порфирою княженъ и боярышень—сдѣлана была и во время послѣдовавшихъ за смертью Петра Великаго замѣшательствъ.

Попытка эта принадлежитъ князьямъ Меншиковымъ и Долгоруким.

Меншиковъ надѣялся, что царскій тронъ раздѣлитъ старшая очь его Марья—и этимъ погубилъ и себя и дѣвушку.

Долгорукіе тоже надѣялись посадить рядомъ съ царемъ свою сестру Екатерину—и тоже погубили и себя и свою красавицу сестру.

Вотъ печальная исторія гибели этихъ двухъ несчастныхъ дѣвушекъ—царскихъ невѣстъ.

Марья Меншикова родилась 26-го декабря 1711 года, въ о время, когда отецъ ея, бывшій царскій любимецъ преображен-

скій сержантъ «Алексашка», потомъ «Данилычъ», затѣмъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ въ полной силѣ своего могущества и славы, объ-руку съ царемъ самовластно заправлялъ судьбами преобразовывавшейся Руси, блисталъ славою побѣдителя шведовъ подъ Полтавою и въ иныхъ битвахъ, когда выведенная имъ изъ шведскаго плѣна и пріютившаяся у него красивая дѣвушка Марта Скавронская всецѣло овладѣвала привязанностью царя, когда, наконецъ, вся Россія знала только царя Петра да Меншикова.

Рожденіе Марьи—это было почти тоже, что рожденіе царскаго ребенка: крошечную княжну ждало могущество, слава, блескъ придворной жизни.

Какъ всѣ женщины и дѣвушки реформировавшейся Руси, княжна Марья должна была учиться, и она училась всему, чему только могли тогда учить вельможную дѣвушку, особенно когда образованіемъ ея могъ интересоваться самъ Петръ, стоявшій за обязательное обученіе, когда тутъ-же рядомъ стоялъ и отецъ, давно требовавшій, чтобъ и мать новорожденной княжны, когда еще была дѣвушкой «училась непрестанно русскому и нѣмецкому ученью», когда за этимъ ученьемъ должна была наблюдать и мать княжны, Дарья Михайловна, рожденная Арсеньева, и умная тетка, бойкая, хотя безобразная «бой-дѣвка», какъ ее называлъ Петръ, тетка Варвара Михайловна, тоже Арсеньева.

И дѣйствительно, по свидѣтельству современниковъ, дѣвочка получила рѣдкое—опять-таки прибавимъ—по тому времени образованіе: она знала нѣсколько языковъ, получила хорошее музыкальное образованіе, прекрасно и граціозно танцовала, потому что у нихъ въ домѣ, у вельможнаго отца, былъ свой искусный танцмейстеръ—и вообще вся обстановка этой, справедливо можно сказать, новой русской дѣвушки представляла такой поразительный

онтрастъ съ тою обстановкою, въ которой воспитывались прежія царскія невѣсты, какъ, напримѣръ, Хлопова, потому только отерявшая корону, что, взятая ко двору и совсѣмъ невоспитаая деревенская боярышня, она слишкомъ набросилась во дворцѣ а сладкія кушанья, много кушала тогдашнихъ грубыхъ сластей, азстроила себѣ желудокъ, захворала и, заподозрѣнная въ «порчѣ», юпала въ Сибирь, или дочь Рафа Всеволожскаго, потерявшая корону потому, что, не будучи воспитана, отъ радости, узнавъ что на нее палъ выборъ царя, упала въ обморокъ, тоже заподозрѣна была въ «порчѣ» и тоже сослана была въ Сибирь подобно бѣдненькой Хлоповой, любительницѣ сладкаго.

Оставшіеся отъ того времени портреты изображаютъ княжну Меншикову такою милою, привлекательною дѣвушкою. На лицѣ ея уже лежитъ печать новаго строя жизни, новыхъ потребностей: нѣтъ этой вялости, заспанности въ чертахъ, въ лицевыхъ мускулахъ, въ выраженіи и блескѣ глазъ, какая видится на хорошенькихъ, но слишкомъ неподвижныхъ личикахъ женщинъ старой, совершательно-набожной, теремной Руси. Большіе чорные глаза дѣвушки смотрятъ и привѣтливо, и кротко, и болѣе выразительно, чѣмъ глаза давно когда-то жившихъ бабушекъ и прабабушекъ, Натальи Кириловны, Софьи Алексѣевны, Марьи Ильичны Милославской и иныхъ.

Маленькая дѣвочка питала въ гордомъ отцѣ большія, даже слишкомъ дерзкія надежды.

Сначала, когда ей не было еще десяти лѣтъ, могущественный Меншиковъ искалъ ей жениха между могущественными же, но не коронованными особами—онъ еще не заглядывалъ въ слишкомъ темную даль:—уже послѣ, онъ заглянулъ въ нее и не разсмотрѣлъ тамъ своей и дочериной страшной судьбы.

*

Не мало было и искателей руки вельможной дѣвушки: вся русская знать гордилась бы родствомъ съ «царскимъ двойникомъ», какимъ былъ Меншиковъ; всѣ юные птенцы Петра Великаго сочли бы за особенную честь и счастье повести къ вѣнцу свѣтлѣйшую невѣсту.

Но ненасытный Меншиковъ загадывалъ дальше—онъ искалъ партіи для своей дочери на-сторонѣ, въ родственной, тогда еще самостоятельной, блистательной Польшѣ, гдѣ всякій дворянинъ не терялъ надежды видѣть корону Ягеллоновъ на своей головѣ.

Такого жениха своей княжнѣ нашелъ Меншиковъ въ старинномъ польскомъ родѣ, въ семьѣ графа Сапѣги, того Сапѣги, предка котораго еще царь Иванъ Васильевичъ, «собиратель русской земли», называлъ «Ивашкою Сопѣгою»: сынъ новаго Сапѣги, старосты бобруйскаго, графъ Петръ Сапѣга, сынъ богача, сынъ возможнаго и вѣроятнаго претендента на польскій престолъ и самъ такой же возможный и вѣроятный претендентъ на корону Пяста или Ягелона—получилъ право именоваться женихомъ молоденькой княжны Марьи Меншиковой. Кто знаетъ—польская корона могла попасть и на голову Сапѣги и на его будущую жену—отчего было не думать такъ Меншикову?

Молодой, знатный женихъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ домѣ будущаго своего тестя, въ богатомъ дворцѣ Меншикова. Но невѣста была еще такъ молода—это былъ еще совершенный ребенокъ: оставалось долго ждать до вѣнца, пока дѣвочка разовьется, изъ ребенка превратится въ женщину, возмужаетъ.

Изъ уваженія къ отцу дѣвочки молодой Сапѣга снялъ съ себя красивый польскій костюмъ и облачился въ русскій, алый бархатный кафтанъ на зеленой подкладкѣ; надѣлъ зеленые чулки, какіе въ то время были въ модѣ: зеленый цвѣтъ тогда былъ уважаемъ

ь костюмѣ—Петра почти вездѣ видимъ въ зеленомъ кафтанѣ, и
одъ Полтавой, въ зеленомъ мундирѣ, который мы видѣли на вы-
авкѣ древностей г. Прохорова, и подъ Нарвой, и на Прутѣ.

Въ этомъ зеленомъ костюмѣ жениху княжны Марьи хорошо
ицовалось. Время шло весело: каждый день молодой польскій
ельможа водилъ свою хорошенькую невѣсту подъ звуки полоне-
овъ, англезовъ, экосесовъ, развлекалъ, забавлялъ ее разными
грами, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Берхгольцъ.

Молодые люди сблизились между собой, привыкли другъ къ
угу, наконецъ—полюбились одинъ другому.

Все обѣщало имъ счастливую, веселую, блестящую жизнь, усла-
аемую богатствомъ и могуществомъ:—отецъ назначалъ за княж-
ой въ приданое 700,000 злотыхъ. У самого жениха было много
етностей, хлоповъ, «быдла», замковъ, «злота».

Умеръ Петръ. Меншиковъ сталъ еще самовластнѣе—импера-
рица Екатерина Алексѣевна, бывшая воспитанница Менши-
ова, облагодѣтельствованная имъ, выданная замужъ за царя, воз-
еденная потомъ имъ же на престолъ—фактически уступила всю
вою императорскую власть благодѣтелю своему, свѣтлѣйшему
нязю Меншикову, этому дѣйствительно рѣдкому «баловню счастья».

Когда дѣвочкѣ дочери его исполнилось пятнадцать лѣтъ, моло-
ого графа Сапѣгу, жениха ея, императрица Екатерина Алек-
ѣевна пожаловала званіемъ дѣйствительнаго камергера.

Это было въ 1726 году.

А 12-го марта этого года, знаменитый Феофанъ Прокоповичъ,
рхіепископъ новгородскій, въ присутствіи императрицы, всей цар-
ской фамиліи, иностранныхъ министровъ и всего генералитета
ручилъ вельможныхъ жениха и невѣсту. Они размѣнялись дра-
оцѣнными перстнями—эти перстни подарила имъ сама импера-
рица. Осыпая обрученныхъ милостями, государыня пожаловала не-

Не мало было и искателей руки вельможной дѣвушки: вся русская знать гордилась бы родствомъ съ «царскимъ двойникомъ», какимъ былъ Меншиковъ; всѣ юные птенцы Петра Великаго сочли бы за особенную честь и счастье повести къ вѣнцу свѣтлѣйшую невѣсту.

Но ненасытный Меншиковъ загадывалъ дальше—онъ искалъ партіи для своей дочери на-сторонѣ, въ родственной, тогда еще самостоятельной, блистательной Польшѣ, гдѣ всякій дворянинъ не терялъ надежды видѣть корону Ягеллоновъ на своей головѣ.

Такого жениха своей княжнѣ нашелъ Меншиковъ въ старинномъ польскомъ родѣ, въ семьѣ графа Сапѣги, того Сапѣги, предка котораго еще царь Иванъ Васильевичъ, «собиратель русской земли», называлъ «Ивашкою Сопѣгою»: сынъ новаго Сапѣги, старосты бобруйскаго, графъ Петръ Сапѣга, сынъ богача, сынъ возможнаго и вѣроятнаго претендента на польскій престолъ и самъ такой же возможный и вѣроятный претендентъ на корону Пяста или Ягелона—получилъ право именоваться женихомъ молоденькой княжны Марьи Меншиковой. Кто знаетъ—польская корона могла попасть и на голову Сапѣги и на его будущую жену—отчего было не думать такъ Меншикову?

Молодой, знатный женихъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ домѣ будущаго своего тестя, въ богатомъ дворцѣ Меншикова. Но невѣста была еще такъ молода—это былъ еще совершенный ребенокъ: оставалось долго ждать до вѣнца, пока дѣвочка разовьется, изъ ребенка превратится въ женщину, возмужаетъ.

Изъ уваженія къ отцу дѣвочки молодой Сапѣга снялъ съ себя красивый польскій костюмъ и облачился въ русскій, алый бархатный кафтанъ на зеленой подкладкѣ; надѣлъ зеленые чулки, какіе въ то время были въ модѣ: зеленый цвѣтъ тогда былъ уважаемъ

ь костюмѣ—Петра почти вездѣ видимъ въ зеленомъ кафтанѣ, и
одъ Полтавой, въ зеленомъ мундирѣ, который мы видѣли на вы-
авкѣ древностей г. Прохорова, и подъ Нарвой, и на Прутѣ.

Въ этомъ зеленомъ костюмѣ жениху княжны Марьи хорошо
ицовалось. Время шло весело: каждый день молодой польскій
льможа водилъ свою хорошенькую невѣсту подъ звуки полоне-
въ, англезовъ, экосесовъ, развлекалъ, забавлялъ ее разными
грами, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Берхгольцъ.

Молодые люди сблизились между собой, привыкли другъ къ
угу, наконецъ—полюбились одинъ другому.

Все обѣщало имъ счастливую, веселую, блестящую жизнь, усла-
емую богатствомъ и могуществомъ:—отецъ назначалъ за княж-
й въ приданое 700,000 злотыхъ. У самого жениха было много
етностей, хлоповъ, «быдла», замковъ, «злота».

Умеръ Петръ. Меншиковъ сталъ еще самовластнѣе—импера-
рица Екатерина Алексѣевна, бывшая воспитанница Менши-
ва, облагодѣтельствованная имъ, выданная замужъ за царя, воз-
еденная потомъ имъ же на престолъ—фактически уступила всю
ою императорскую власть благодѣтелю своему, свѣтлѣйшему
язю Меншикову, этому дѣйствительно рѣдкому «баловню счастья».

Когда дѣвочкѣ дочери его исполнилось пятнадцать лѣтъ, моло-
го графа Сапѣгу, жениха ея, императрица Екатерина Алек-
ѣевна пожаловала званіемъ дѣйствительнаго камергера.

Это было въ 1726 году.

А 12-го марта этого года, знаменитый Феофанъ Прокоповичъ,
хіепископъ новгородскій, въ присутствіи императрицы, всей цар-
ой фамиліи, иностранныхъ министровъ и всего генералитета
ручилъ вельможныхъ жениха и невѣсту. Они размѣнялись дра-
цѣнными перстнями—эти перстни подарила имъ сама импера-
рица. Осыпая обрученныхъ милостями, государыня пожаловала не-

Не мало было и искателей руки вельможной дѣвушки: вся русская знать гордилась бы родствомъ съ «царскимъ двойникомъ», какимъ былъ Меншиковъ; всѣ юные птенцы Петра Великаго сочли бы за особенную честь и счастье повести къ вѣнцу свѣтлѣйшую невѣсту.

Но ненасытный Меншиковъ загадывалъ дальше—онъ искалъ партіи для своей дочери на-сторонѣ, въ родственной, тогда еще самостоятельной, блистательной Польшѣ, гдѣ всякій дворянинъ не терялъ надежды видѣть корону Ягеллоновъ на своей головѣ.

Такого жениха своей княжнѣ нашелъ Меншиковъ въ старинномъ польскомъ роцѣ, въ семьѣ графа Сапѣги, того Сапѣги, предка котораго еще царь Иванъ Васильевичъ, «собиратель русской земли», называлъ «Ивашкою Сопѣгою»: сынъ новаго Сапѣги, старосты бобруйскаго, графъ Петръ Сапѣга, сынъ богача, сынъ возможнаго и вѣроятнаго претендента на польскій престолъ и самъ такой же возможный и вѣроятный претендентъ на корону Пяста или Ягелона—получилъ право именоваться женихомъ молоденькой княжны Марьи Меншиковой. Кто знаетъ—польская корона могла попасть и на голову Сапѣги и на его будущую жену—отчего было не думать такъ Меншикову?

Молодой, знатный женихъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ домѣ будущаго своего тестя, въ богатомъ дворцѣ Меншикова. Но невѣста была еще такъ молода—это былъ еще совершенный ребенокъ: оставалось долго ждать до вѣнца, пока дѣвочка разовьется, изъ ребенка превратится въ женщину, возмужаетъ.

Изъ уваженія къ отцу дѣвочки молодой Сапѣга снялъ съ себя красивый польскій костюмъ и облачился въ русскій, алый бархатный кафтанъ на зеленой подкладкѣ; надѣлъ зеленые чулки, какіе въ то время были въ модѣ: зеленый цвѣтъ тогда былъ уважаемъ

въ костюмѣ—Петра почти вездѣ видимъ въ зеленомъ кафтанѣ, и подъ Полтавой, въ зеленомъ мундирѣ, который мы видѣли на выставкѣ древностей г. Прохорова, и подъ Нарвой, и на Прутѣ.

Въ этомъ зеленомъ костюмѣ жениху княжны Марьи хорошо танцовалось. Время шло весело: каждый день молодой польскій вельможа водилъ свою хорошенькую невѣсту подъ звуки полонезовъ, англезовъ, экосесовъ, развлекалъ, забавлялъ ее разными играми, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Берхгольцъ.

Молодые люди сблизились между собой, привыкли другъ къ другу, наконецъ—полюбились одинъ другому.

Все обѣщало имъ счастливую, веселую, блестящую жизнь, услащаемую богатствомъ и могуществомъ:—отецъ назначалъ за княжной въ приданое 700,000 злотыхъ. У самого жениха было много маетностей, хлоповъ, «быдла», замковъ, «злота».

Умеръ Петръ. Меншиковъ сталъ еще самовластнѣе—императрица Екатерина Алексѣевна, бывшая воспитанница Меншикова, облагодѣтельствованная имъ, выданная замужъ за царя, возведенная потомъ имъ же на престолъ—фактически уступила всю свою императорскую власть благодѣтелю своему, свѣтлѣйшему князю Меншикову, этому дѣйствительно рѣдкому «баловню счастья».

Когда дѣвочкѣ дочери его исполнилось пятнадцать лѣтъ, молодого графа Сапѣгу, жениха ея, императрица Екатерина Алексѣевна пожаловала званіемъ дѣйствительнаго камергера.

Это было въ 1726 году.

А 12-го марта этого года, знаменитый Феофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, въ присутствіи императрицы, всей царской фамиліи, иностранныхъ министровъ и всего генералитета обручилъ вельможныхъ жениха и невѣсту. Они размѣнялись драгоцѣнными перстнями—эти перстни подарила имъ сама императрица. Осыпая обрученныхъ милостями, государыня пожаловала не-

вѣстѣ, сверхъ того, сто тысячъ рублей и значительное число маетностей—деревней съ крестьянами и угодьями.

Слѣдовалъ торжественный обѣдъ, балъ, иллюминація. Богатый дворецъ Меншикова украшенъ былъ гербами графовъ Сапѣгъ и князя Меншикова. Ночь блистала огнями роскошной иллюминаціи. Тосты за здравіе императрицы, обрученныхъ, родныхъ ихъ и иныхъ знатныхъ особъ пились поцарски—при залпахъ пушекъ. Пиръ шелъ долго, весело.

Послѣ обрученія, милости императрицы еще болѣе усилились—все лилось на нихъ какимъ-то волшебствомъ.

15-го октября Сапѣга получилъ орденъ Александра Невскаго.

31-го марта 1727 года Сапѣга и обѣ дочери Меншикова, Марья и Александра, пожалованы портретами императрицы, усыпанными брильянтами, для ношенія на андреевскихъ лентахъ.

Но Меншиковъ задумалъ другое, рискованное дѣло: титулъ тестя вельможнаго польскаго пана графа Сапѣги казался для него ничтожнымъ, корона Пястовъ и Кривоустовъ могла попасть на голову его дочери, могла и не попасть. А ему хотѣлось видѣть эту головку въ коронѣ, и онъ измѣнилъ свое рѣшеніе въ отношеніи выдачи дочери за Сапѣгу.

Если его бывшая воспитанница, Марта Скавронская, изъ скромной роли служанки пастора Глюка достигла до величія царской супруги и до императорскаго вѣнца, то отчего бы родной дочери его не сидѣть на столѣ Мономаха, на столѣ Невскаго, Петра Великаго и Екатерины?

Меншиковъ, отуманенный самовластіемъ, задумалъ выдать дочь свою за наслѣдника престола, за сына покойнаго царевича Алексѣя Петровича, которому гибель онъ же самъ отчасти подготовилъ,—за великаго князя Петра Алексѣевича!

Но противники Меншикова, которыхъ было не мало, вели уже ротивъ него тайную войну: они совѣтывали императрицѣ назна-ить наслѣдникомъ престола не Петра II-го, загнаннаго въ то емя ребенка, которому даже герцогъ голштинскій Фридрихъ-Карлъ, ужъ великой княжны Анны Петровны, и даже генералъ-по-ицеймейстеръ Девіеръ не стѣснялись оказывать высокомѣрное и идное невниманіе,—а передать престолъ именно этой Аннѣ етровнѣ голштинской; планъ этотъ не чуждъ былъ повидимому и личнымъ цѣлямъ императрицы, для которой дочь и приомъ любимая дочь не только ея, но и покойнаго великаго царя Петра, была конечно ближе и дороже сына царевича Алексѣя.

Но Екатерина, всѣмъ обязанная Меншикову и какъ дочь асположенная къ нему, молчала—не выдавала своей материнской айны, хотя, между тѣмъ, все дѣлала повидимому къ тому, чтобы очь Меншикова вышла замужъ за внука.

Но императрица скоро занемогла.

Главы правленія—Меншиковъ, графъ Головкинъ, баронъ Остер-анъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ—сочинили для импе-атрицы духовное завѣщаніе.

Замѣчательно, что въ одномъ изъ пунктовъ этого завѣщанія оложительно было выражено: «цесаревнамъ и администраціи вмѣ-ается въ обязанность стараться о сочетаніи бракомъ великаго нязя съ княжною Меншиковою».

Всѣ, кто осмѣлился подать голосъ или высказать явное или айное несогласіе съ этимъ рискованнымъ для Меншикова пунктомъ авѣщанія, санктированнаго волею умирающей императрицы, были ыты кнутомъ и разосланы въ ссылку.

Всесильный Меншиковъ еще выросъ:—это уже былъ гигантъ, испоражавшійся царствомъ, шапкою и бармами Мономаха, не отря на доказанную исторіею тяжесть этой шапки.

Но вотъ императрица умираетъ.

Императоромъ провозглашается маленькій царевичъ Петръ Алексѣевичъ, подъ именемъ Петра II-го,—тотъ самый мальчикъ, къ которому такъ безцеремонно относились не только голштинскій герцогъ, но и петербургскій генералъ-полицеймейстеръ. Императору нѣтъ еще и двѣнадцати лѣтъ.

Когда Меншиковъ объявилъ дочери о томъ, что она должна быть невѣстою не Сапѣги, а молодого императора, дѣвушка, говорятъ, упала въ обморокъ. Она уже привязалась къ Сапѣгѣ, любила его. Тяжелая шапка и бармы Мономаха не прельщали ее—ее манила иная жизнь.

Дѣвушка горько потомъ плакала о такой глубокой перемѣнѣ въ своей участи. Она молила отца пощадить ее, не мѣнять ея вѣрнаго счастья на невѣрное, можетъ быть страшное будущее, словно она предвидѣла, что будущее это дѣйствительно явится страшнымъ и грознымъ.

Съ тоски она захворала. Но все напрасно: Меншиковъ уже обѣими руками держался за тронъ, за корону, за скипетръ.

Обиженный старикъ Сапѣга женилъ сына на графинѣ Софьѣ Карловнѣ Скавронской, и тѣмъ отвелъ сына отъ топора, который уже висѣлъ надъ головами Меншиковыхъ, но еще никому не былъ видимъ.

Мѣсто Сапѣги въ домѣ Меншикова занялъ юный императоръ: Меншиковъ взялъ его въ свой дворецъ, находившійся на Васильевскомъ островѣ, и заботился о воспитаніи царственнаго ребенка сообразно своимъ планамъ, пріучалъ его къ своему семейству, дѣлалъ его какъ-бы членомъ своей семьи, послушнымъ сыномъ.

Сила Меншикова выросла до неумѣренныхъ размѣровъ—и сама рухнула подъ собственною своею тяжестью.

Меншиковъ повторилъ собою народную сказку о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о калѣкахъ перехожихъ: когда калѣки заставили Илью выпить одинъ ковшъ браги, недвижимый Илюша, сидѣвшій сиднемъ сидячимъ ровно тридцать лѣтъ и три года, всталъ на ноги; когда онъ выпилъ другой ковшъ, то почувствовалъ, что землю перевернуть въ силахъ, было бы лишь за что ухватиться и обо что опереться; но когда выпилъ роковой, третій ковшъ—силы его поубавилось какъ-бы на половину.

Меншикову судьба подносила этотъ третій роковой ковшъ, а онъ отъ жадности выпилъ и четвертый.

12-го мая 1727 года Меншиковъ сдѣланъ былъ генералиссимусомъ, а 25-го мая, въ присутствіи всего двора, въ присутствіи всего что трепетало временщика и втайнѣ искало его гибели, совершено обрученіе царственнаго жениха и невѣсты.

У княжны Меншиковой, какъ уже оглашенной невѣсты императора, придворные цѣлуютъ руку послѣ цѣлованія руки у императора.

Говорятъ, маленькій императоръ горько плакалъ, узнавъ, что его хотятъ женить: онъ на колѣняхъ просилъ свою старшую и любимую сестру Наталью Алексѣевну не женить его. Ребенокъ обѣщалъ ей даже подарить самую дорогую для него вещь—карманные часы, лишь бы его спасли отъ женитьбы!

Но поворотъ повидимому былъ невозможенъ—маленькому императору не позволяли имѣть своей воли.

Сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы въ церквахъ всей россійской имперіи, во время церковной службы, на ектеніяхъ молились, вмѣстѣ съ молитвою за здравіе государя императора—за здравіе «благочестивѣйшей государыни великой княжны Маріи Александровны!» Молоденькая невѣста получила титулъ «ея высочества». У нея теперь свой придворный, императорскій штатъ:

гофмаршаломъ назначенъ былъ родной дядя ея Василій Михайловичъ Арсеньевъ. У нея были теперь два камергера, четыре камеръ-юнкера, оберъ-гофмейстерины, гофмейстерины, штатсъ-фрейлины, гофъ-фрейлины, камеръ-пажъ Кошелевъ, пажи, прислуга. На дворъ «ея высочества» ассигнована особая сумма изъ государственной казны въ размѣрѣ тридцати четырехъ тысячъ рублей.

Меншиковъ отъ имени императора сыпалъ на себя милости полною горстью: 27-го іюня, дочери своей, императорской невѣстѣ, ея сестрѣ Александрѣ, теткѣ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой пожаловалъ орденъ св. Екатерины. Своего молоденькаго сына украсилъ андреевской лентой. Но этому новому кавалеру ордена Андрея Первозваннаго не было еще и пятнадцати лѣтъ!

Мало того—все сдѣлано повидимому и для будущаго, которое было, казалось, въ крѣпкой рукѣ Меншикова и не могло изъ нея выскользнуть. На предстоящій 1728 годъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ въ издававшійся тогда календарь внесены были, въ числѣ членовъ императорской фамиліи, имена—его собственное, его жены, обѣихъ дочерей, сына, съ обозначеніемъ лѣтъ, чиселъ и мѣсяцевъ рожденія и тезоименитствъ каждой особы.

Но 1728 годъ еще далеко. Только сентябрь начинается, а въ четыре мѣсяца до новаго года можно доѣхать до Сибири, до Тобольска, даже пожалуй до Камчатки, если скоро ѣхать.

И вотъ, дѣйствительно, судьба, болѣе сильная чѣмъ Меншиковъ, сама распорядилась насчетъ новаго 1728 года и насчетъ будущаго этихъ всесильныхъ людей.

6-го сентября 1727 года все великое зданіе, такъ прочно повидимому сколоченное ученикомъ и товарищемъ «Петра-плотника», любимымъ его подмастерьемъ «Данилычемъ»—разомъ рухнуло.

Меншикова постигла неожидаемая имъ царская опала.

Другая сила—сила князей Долгоруковыхъ—вытѣснила собою ощество Меншикова и сѣла на его насиженномъ мѣстѣ.

Вся семья Меншикова шла въ ссылку.

Относительно несчастной дѣвушки, подневольной невѣсты юнаго ператора, немедленно сдѣлано было распоряженіе, «чтобы впредь ученной невѣсты, при отправленіи службы божія, не упоминать о томъ во все государство отправить указы изъ святѣйшаго равительствующаго синода».

Мѣстомъ ссылки для вельможныхъ опальныхъ назначенъ былъ аленькій городокъ Рязанской губерніи, Раненбургъ.

11-го сентября состоялся выѣздъ изъ Петербурга изгнанниовъ. Выѣздъ былъ повидимому не ссыльной семьи, а самовластно алявшагося отъ престола царя—такъ велико еще было матеальное благосостояніе этого искуснаго подмастерья Великаго Петра.

Ссыльный кортежъ Меншикова вмѣщалъ въ себѣ почти цѣлый арскій дворъ: этотъ подвижной дворъ или хакскій таборъ заклюалъ: пять берлиновъ, шестнадцать колясокъ, четырнадцать фургоовъ и колымажекъ, сто двадцать семь человѣкъ прислуги, одного аршалка, одного берейтора, двухъ мундшенковъ, пятерыхъ подъчихъ, двоихъ пѣвчихъ, восемь пажей, двоихъ карловъ, шестнадать лакеевъ, шестерыхъ гайдуковъ, двоихъ истопниковъ, двѣнадать поваровъ, двадцать пять конюховъ, одного кузнеца, двоихъ орниковъ, пятнадцать драгунъ, одного сапожника, троихъ портыхъ, пятерыхъ приказчиковъ, двадцать гребцовъ...

При княжнѣ М а р ь ѣ оставалась еще частица ея бывшаго двора—офмейстеръ Арсеньевъ, пажъ Арсеньевъ же и четыре конюха.

Но уже въ Клину, не доѣзжая до Москвы, ссыльный кортежъ алъ остановленъ присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ, и у олоденькихъ княженъ, а равно у сына Меншикова отобраны были ожалованные имъ ордена.

Мало того, у царской невѣсты присланнымъ отъ двора Шушеринымъ взятъ былъ обручальный перстень императора, а ей возвращено отъ жениха-государя ея обручальное кольцо, пожалованное покойною императрицею и стоившее двадцать тысячъ рублей.

На царской невѣстѣ не оставалось, такимъ образомъ, и тѣни ея царственнаго званія.

Это было 14-го октября—такъ медленно двигалась громоздкая процессія ссыльныхъ.

Ссыльный таборъ проѣхалъ Москву, гдѣ когда-то, двадцать девять лѣтъ назадъ, преображенскій сержантъ «Алексашка Меншиковъ» въ воскресенскомъ селѣ собственноручно обезглавилъ двадцать стрѣльцовъ-бунтовщиковъ и одного изъ нихъ, по приказанію разгнѣваннаго царя, застрѣлилъ изъ фузеи.

Безъ сомнѣнія, многое вспомнилось Меншикову при проѣздѣ теперь черезъ Москву; но онъ этого не сказалъ своимъ дѣтямъ.

3-го ноября ссыльные добрались наконецъ до своего тихаго пристанища, до жалкаго Раненбурга.

У Меншикова тамъ свой домъ въ крѣпости. Онъ и его семья живутъ свободно. Но только на ночь крѣпость съ ссыльными запирается, а кругомъ укрѣпленія дозоромъ ходитъ особая стража.

За ссыльными наблюдаетъ особый офицеръ, капитанъ преображенскаго полка Пырскій.

Наступилъ и 1728 годъ, насчетъ котораго Меншиковъ сдѣлалъ было еще недавно такія блистательныя распоряженія и увѣренъ былъ, что внесетъ свое семейство въ именной царскій календарь.

Но люди, столкнувшіе его съ высоты, не дремали—Меншиковъ вѣдь и въ своемъ изгнаніи былъ и казался страшною силою.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ на него доносовъ, 5-го генваря дозорная стража была усилена надъ ссыльными; князя и княгиню велѣно отдѣлить въ особую комнату, въ спальную, и тамъ держать

ихъ запертыми какъ въ казематѣ. Княженъ отдѣлить отъ отца и
итери въ другую комнату.

Дѣйствительно, реальная ссылка только что начиналась.

Но давленіе этой гнетущей силы не остановилось на полдорогѣ:
иготѣніе влекло катившійся по наклонной плоскости шаръ все
лѣе, ниже, глубже.

8-го апрѣля послѣдовало распоряженіе о ссылкѣ всего рода
еншикова въ Сибирь, въ Березовъ.—Вотъ это настоящая рус-
ая ссылка.

У Меншикова теперь отобрали всѣ его обширныя имѣнія, не-
етныя богатства: болѣе ста тысячъ душъ крестьянъ, семнадцать
омовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, двѣсти лавокъ въ Москвѣ, девять
иліоновъ рублей банковыхъ билетовъ лондонскаго и амстердам-
аго банковъ и въ другихъ денежныхъ актахъ, четыре милліона
аличными деньгами, множество брильянтовъ и разныхъ драгоцѣн-
остей, больше милліона сорока пяти фунтовъ золота въ слиткахъ
шестьдесятъ фунтовъ въ утвари и посудѣ, множество серебря-
ыхъ вещей—все это отобрано, конфисковано.

И вотъ 16-го апрѣля ссыльныхъ вывезли изъ Раненбурга. Это
ыло во вторникъ страстной недѣли.

Впереди, въ рогожной кибиткѣ, выѣхали князь и княгиня.
зади, въ двухъ телегахъ ѣхали княжны и сынъ.

Страшный контрастъ съ тѣмъ, что было еще такъ недавно...

Но не успѣли опальные проѣхать и восьми верстъ отъ Ра-
енбурга, какъ Мельгуновъ, капитанъ гвардіи, наблюдавшій за
ыльными въ Раненбургѣ и показывавшій уже имъ свою тяже-
ую руку, нагналъ ихъ съ военною командою и всею княжескою
ворнею. Мельгуновъ приказалъ ссыльнымъ выйти изъ повозокъ,
солдатамъ и дворнѣ — выбрасывать на дорогу пожитки не-
ластныхъ.

Этотъ внезапный осмотръ былъ предписанъ Мельгунову верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который приказалъ провѣрить, не увезли ли ссыльные съ собою чего-либо лишняго, не показаннаго въ описи, составленной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Плещеевымъ.

Мельгуновъ, съ свойственною ему грубостью и жестокостью, ревностно исполнилъ порученіе верховнаго тайнаго совѣта. У старика Меншикова оказались лишними противъ описи какіе-то пустяки—теплое, дорожное платье—и это отобрали, не оставили даже одежи на дальнюю дорогу.

Юноша, князь Александръ, набралъ было съ собою много запаснаго платья, колпаковъ, чулокъ и разныхъ мелкихъ вещицъ—мѣдныхъ инженерныхъ инструментовъ для занятій, зеркальце, три гребня, три жестянки съ табакомъ... Это былъ еще ребенокъ. И у ребенка все взяли—даже сбереженный имъ мѣшечекъ съ полушками на два рубли!

А молоденькія княжны, собираясь въ далекій путь, запаслись было бѣдненькія нѣкоторыми домашними принадлежностями для туалета и для работъ—теплыми епанечками, шапочками, юпочками и чулочками; для своихъ женскихъ работъ уложили въ сундучокъ—шелку, лентъ, коробочку съ нитками, лоскутки разныхъ матерій, позументу... все это, и ленточки, и шелкъ, и ниточки, и кофточки, и юпочки, и епанечки, и шапочки—все отнялъ Мельгуновъ.

На царской невѣстѣ, на княжнѣ Марьѣ оставили только: тафтяную зеленую юпку, штофный чорный кафтанъ и бѣлый корсетъ; на головѣ—бѣлый атласный чепчикъ; на зимнее время—зеленую тафтяную шубку—такого цвѣта, какой носилъ ея первый женихъ, графъ Сапѣга.

На княжнѣ Александрѣ оставили: зеленую тафтяную юпку, ый штофный подшлафрокъ и зеленую же тафтяную шубку; на ловѣ—бѣлый атласный чепчикъ.

Изъ домашней посуды (которою въ ссылкѣ завѣдывала бывшая арская невѣста Марья) отпустили ссыльнымъ: двѣ лопатки, отелъ съ крышкою и три кострюли мѣдныхъ, двѣнадцать блюдъ двѣнадцать тарелокъ оловянныхъ и три тренога желѣзныхъ. Ни ожа, ни вилки, ни ложки не дали.

А дорога была еще долгая— могла и зимы захватить.

Мать ихъ, когда-то еще при Петрѣ Великомъ лихая наѣздни-а, красивая амазонка, разъѣзжавшая вмѣстѣ съ войсками царя и ужа въ войнѣ съ шведами, теперь постарѣвшая, не вынесла до-оги и горя. Не доѣзжая до Казани, она умерла въ селѣ Услонѣ, а Волгѣ, въ виду города.

Въ Услонѣ найдена была въ послѣднее время уцѣлѣвшая мо-альная плита, напоминающая эту когда-то почти всесильную жен-щину. На плитѣ сохранилась часть надписи—это надгробная эпи-афія: «здѣсь погребено тѣло рабы божіей Д....»—и только—все стальное стерло время, дожди и солнце... Уцѣлѣла одна началь-ая буква имени—и больше ничего. Теперь, можетъ быть, ужъ и ква *Д* стерлась.

Крапива и полынь проросли вокругъ, на могилѣ, и покрыва-тъ самый камень, подъ которымъ лежатъ кости княгини Мен-иковой. Вокругъ разведенъ огородъ или садикъ, принадлежащій ельскому дьячку.

Когда везли Меншиковыхъ, то по дорогѣ вездѣ народъ схо-лся толпами глядѣть на нихъ—царскую невѣсту везли.

Въ Тобольскѣ, одинъ изъ сосланныхъ туда когда-то княземъ еншиковымъ бросилъ комъ грязи въ княженъ. Старикъ заплакалъ.

— Боже мой! въ меня бросай, а не въ этихъ несчастныхъ дѣтей, которыя ни въ чемъ передъ тобой не виноваты, говорилъ старикъ.

Дологъ былъ ихъ путь до Березова. Наконецъ доѣхали. Тогда это былъ еще болѣе дикій, пустынный, болѣе страшный городъ чѣмъ теперь. Петербургъ оставался за четыре тысячи верстъ назади.

Сначала Меншиковыхъ заключили тамъ въ острогъ, а послѣ они перебрались въ особый домъ, построенный самимъ Меншиковымъ при помощи работниковъ на берегу Сосвы. Домикъ этотъ заключалъ въ себѣ часовню и четыре комнаты: въ одной изъ нихъ помѣстились княжны, въ другой князь съ сыномъ, въ третьей—прислуга; четвертая отведена была подъ кладовую. Бывшая царевна завѣдывала кухней, а младшая сестра ея, княжна Александра—бѣльемъ.

Однообразна, томительна была жизнь этихъ знаменитыхъ арестантовъ, такая жизнь, которой нельзя вообразить—надо ее вынести, чтобъ понять всю ея страшную убійственность.

Въ долгіе зимніе вечера дѣти читали Меншикову священныя книги, а онъ имъ разсказывалъ свое прошлое, которое дѣти и записывали, на память и въ поученіе будущимъ поколѣніямъ. Но къ сожалѣнію, рукопись, содержавшая этотъ разсказъ—пропала.

Не долгожъ, однако, пришлось ссыльнымъ томиться въ изгнаніи.

Старикъ Меншиковъ умеръ 12-го ноября 1729 года—только пятидесяти шести лѣтъ отъ роду.

За нимъ скоро послѣдовала и старшая дочь, бывшая царская невѣста: княжна Марья умерла 26-го декабря 1729 года—съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ отца.

Умерла она ровно въ день своего рожденія—въ этотъ день ей исполнилось только восемнадцать лѣтъ!

Такъ вообще мало живетъ второе поколѣніе женщинъ XVIII вѣка: великая княжна Анна Петровна, герцогиня голштинская,

ончалась двадцати лѣтъ; княжна Меншикова—восемнадцати; ругія женщины—отходили все почти въ такомъ же возрастѣ, ромѣ немногихъ: видно, что трудно было слабой, нѣжной и впе-итлительной женской природѣ переживать то переходное, тяжелое ремя, когда старая Русь такъ сказать не на животъ, а на смерть лась съ Русью новой, не окрѣпшей, не подготовленной къ орьбѣ.

За десять дней до смерти княжны Меншиковой, бывшій я женихъ, юный императоръ Петръ II, менѣе всѣхъ виновный ъ горькой участи Меншиковыхъ, вспомнилъ о своей развѣнчанной евѣстѣ и отдалъ верховному тайному совѣту приказъ—освободить ъ ссылки ее и остальныхъ дѣтей Меншикова, дозволивъ имъ ить въ деревнѣ, для чего и дать княжнамъ на прокормленье сто рестьянскихъ дворовъ въ Нижегородской губерніи, а брата ихъ аписать въ полкъ.

Но милость императора уже не застала въ живыхъ его не-частную невѣсту.

Впослѣдствіи уже сдѣлались извѣстными слѣдующія обстоятель-тва жизни бывшей невѣсты Петра II.

Еще въ 1728 году, вслѣдъ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Бе-озовъ князь Федоръ Долгорукій, сынъ знаменитаго Василія Лукича олгорукаго.

Молодой Долгорукій давно любилъ Марью Меншикову и, знавъ о ея ссылкѣ, взялъ заграничный паспортъ и подъ чужимъ менемъ пробрался въ Сибирь. Тамъ они тайно повѣнчаны были тарымъ березовскимъ священникомъ, которому за это подаренъ ылъ барсовый плащъ, долго хранившійся въ потомствѣ священника.

Разсказываютъ, что лѣтомъ березовскіе жители часто видѣли олодыхъ—князя Федора Долгорукаго и бывшую царскую невѣсту—улявшихъ вмѣстѣ. Она ходила постоянно въ черномъ платьѣ съ

окладкою изъ серебра, или изъ серебряной блонды. Это безъ сомнѣнія подарокъ богатаго жениха.

Но черезъ годъ молодая женщина скончалась отъ родовъ—двойней. Съ этими дѣтьми ее и похоронили въ одномъ гробу.

Обстоятельство это раскрыто было совершенно случайно, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, почти ровно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти царской невѣсты.

Въ 1825 году, 30-го іюля, въ Березовѣ искали могилу знаменитаго временщика и любимца Петра Великаго—и вотъ что нашли, по мѣстнымъ извѣстіямъ:

Сначала докопались до двухъ младенческихъ гробиковъ, обитыхъ алымъ сукномъ. Раскрывъ гробочки, увидѣли кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ и два шелковые головные вѣнчика. Гробочки эти стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды, изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, какъ и гробики младенцевъ, съ крестомъ, изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. Когда сняли крышку, то увидѣли, что въ гробу, съ обоихъ концовъ, не было выдолблено дерева вершка на три. Покойникъ—женщина—лежалъ покрытымъ зеленымъ атласнымъ покрываломъ. Такъ какъ покрывало со всѣхъ сторонъ было подложено подъ мертвеца, то, нетревожа его, разрѣзали атласъ по серединѣ ножницами. Покойникъ открылся почти свѣжій; лицо бѣлое, съ синеватостью; зубы всѣ сохранившіеся; на головѣ шапочка изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанная широкой лентой и фустомъ; на лбу шелковый вѣнчикъ; шлафрокъ изъ шелковой матеріи красноватаго цвѣта; на ногахъ башмаки, безъ клюшъ, съ высокими каблуками, книзу съуживающимися; переда остроконечные изъ шелковой махровой матеріи. Могила оставалась цѣлый день открытою, и лицо покойника совершенно почернѣло.

Это была княжна Марья Александровна Меншикова, послѣдствіи княгиня Долгорукая.

До сихъ поръ въ Березовѣ, въ бывшей спасской церкви, нынѣ оскресенскій соборъ, находятся двѣ парчевыя священническія ризы ь звѣздами св. Андрея Первозваннаго на наплечьяхъ, шитыя дорьми князя Меншикова, и золотой медальонъ изящной работы, нутри котораго находится свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ олосъ: медальонъ поступилъ въ церковь по смерти князя Федора олгорукаго.

Свѣтлорусые волосы, находящіеся въ медальонѣ, принадлежатъ няжнѣ Маріѣ Александровнѣ Меншиковой, первой неѣстѣ императора Петра II-го.

XIII.

Графиня Екатерина Алексѣевна Брюсъ, урожденная княжна Долгорукая.

(Вторая невѣста Петра II-го).

Вторая невѣста императора Петра II-го была такъ же несчастлива, какъ и первая, княжна Марья Александровна Меншикова, съ судьбою которой мы познакомились въ предыдущемъ очеркѣ.

Да Долгорукимъ и вообще не посчастливилось родство съ государями земли русской.

Такъ изъ исторіи женщинъ древней Руси намъ уже извѣстно, что одна изъ Долгорукихъ была пятою — если историки не ошибаются — очень несчастною супругою царя Ивана Васильевича Грознаго.

Грозный женился на Марьѣ Долгорукой 11-го ноября 1573 года, а на второй день послѣ брака, какъ намъ извѣстно, жизнь молодой царицы покончилась: царь, узнавъ, что его невѣста до супружества не сохранила дѣвства, приказалъ «затиснуть» ее въ колымагу, повезти на бѣшеныхъ коняхъ и опрокинуть въ [illegible]

Не менѣе злополучная доля, хотя и не кончившаяся такъ трагически, постигла и вторую невѣсту молодого императора Петра II-го,

жну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, сестру га и любимца императора, юнаго вельможи Ивана Алексѣевича горукаго.

Въ высшей степени любопытно слѣдить за самымъ ходомъ ы, въ которой однимъ изъ первыхъ, хотя противъ воли дѣйовавшихъ лицъ была княжна Долгорукая, погибшая потому нно, что и она, подобно своей прабабушкѣ Марьѣ Долгокой, была какъ-бы насильно введена въ ансамбль лицъ, на ствіи которыхъ построилась вся страшная историческая драма. Мы можемъ слѣдить за невольной игрой въ этой драмѣ княжны лгорукой по разсказамъ особы, у которой на глазахъ и лся первый актъ и кончился послѣдній, когда княжна Долгоая надолго скрылась отъ глазъ зрителей.

Разсказы эти—это извѣстныя уже намъ письма леди Рондо, ы англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе ератрицы Анны Ивановны.

Письма эти пишутся въ Англію, къ другу той, которая пиъ, и такимъ образомъ откровенно передаютъ всѣ ходячія ноти дня:—этимъ-то они драгоцѣнны для насъ.

Такъ, въ третьемъ письмѣ своемъ, отъ 4-го ноября 1730 года, Москвы, куда незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ дворъ, а за ъ всѣ посланники, министры и резиденты иностранныхъ дво-ъ, леди Рондо между прочимъ пишетъ, съ кѣмъ она знакома, ого бываетъ, что̀ видитъ, и присовокупляетъ, что бываетъ и у уги польскаго министра Лефорта, гдѣ каждый вечеръ собится люди высшаго общества, и, къ крайнему ея огорченію, ятся большею частью для игры въ карты, и что въ этой в принимаютъ участіе и дамы.

«Нѣсколько дней тому назадъ — продолжаетъ леди Рондо — стрѣтила молодую даму, которая не играетъ; но происходитъ ли

это отъ той же непонятливости, какъ и моя, или оттого, что ея сердце наполнено нѣжною страстью—я не умѣю опредѣлить. Это—хорошенькая особа восемнадцати лѣтъ, обладающая кротостью, сердечной добротой, благоразуміемъ и привѣтливостію. Она сестра фаворита князя Долгорукаго. Братъ нѣмецкаго посланника—предметъ ея любви. Все уже улажено, и они ожидаютъ только исполненія нѣкоторыхъ формальностей, необходимыхъ въ здѣшней странѣ, для того, чтобы, какъ я надѣюсь, быть счастливыми. Она, кажется, очень рада быть въ замужествѣ внѣ своего отечества, оказываетъ иностранцамъ много любезности, сильно любитъ своего жениха и взаимно имъ любима».

Здѣсь рѣчь идетъ именно о второй невѣстѣ молодого императора, княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой.

Она дѣйствительно, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, была рѣдкая красавица, но, вопреки замѣчанію леди Рондо, «кротостью» не «обладала», а, напротивъ, была «чрезвычайно горда».

Она, какъ мы видимъ, въ карты не играетъ, не смотря на всеобщее увлеченье этой игрой, что, въ свою очередь, если не свидѣтельствуетъ о недюжинности ума дѣвушки, то во всякомъ случаѣ говоритъ въ пользу независимости ея характера.

«Братъ нѣмецкаго посланника, предметъ ея любви» — это шуринъ графа Вратислава, австрійскаго посланника, молодой графъ Милиссимо.

Въ слѣдующемъ письмѣ леди Рондо обстоятельства жизни хорошенькой княжны Долгорукой круто измѣняются.

Вотъ что она пишетъ черезъ сорокъ шесть дней послѣ извѣстнаго уже намъ письма, тоже изъ Москвы, гдѣ продолжалъ оставаться дворъ:

«Перемѣна, происшедшая здѣсь послѣ моего послѣдняго письма, была изумительна — пишетъ леди Рондо 20-го декабря 1730

года: — молодой монархъ, какъ полагаютъ, по внушенію своего фаворита, объявилъ, что онъ рѣшился жениться на хорошенькой княжнѣ Долгорукой, о которой я вамъ говорила въ моемъ послѣднемъ письмѣ.

«Какая жестокая перемѣна для двухъ лицъ, сердца которыхъ всецѣло отдались другъ другу!

«Но въ этой странѣ нельзя отказываться.

«Два дня тому назадъ при дворѣ происходило торжественное объявленіе о предстоящемъ бракѣ, и императоръ съ княжной, какъ здѣсь выражаются, были помолвлены.

«На другой день княжну отвезли въ домъ одного царедворца, находящійся вблизи дворца (это въ головинскій дворецъ), гдѣ она должна оставаться до дня свадьбы.

«Всѣ лица высшаго круга были приглашены, и, собравшись, сѣли на скамейкахъ въ большой залѣ: съ одной стороны государственные сановники и знатные русскіе, съ другой—иностранные министры и знатные иностранцы. Въ глубинѣ залы былъ поставленъ балдахинъ и подъ нимъ два кресла, а передъ креслами аналой, на которомъ лежало евангеліе. Много духовенства стояло съ каждой стороны аналоя.

«Когда всѣ размѣстились, императоръ вошелъ въ залу и говорилъ со многими лицами; княжну съ матерью и сестрой привезли въ императорской каретѣ изъ помѣщенія, которое ей было отведено; впереди невѣсты ѣхалъ въ каретѣ братъ ея, оберъ-камергеръ, а за ней слѣдовало много императорскихъ экипажей. Братъ проводилъ княжну до дверей залы, гдѣ ее встрѣтилъ царственный женихъ и отвелъ къ одному изъ креселъ, а въ другое сѣлъ самъ.

«Прекрасная жертва (ибо я смотрю на нее, какъ на таковую) была одѣта въ платье изъ серебряной ткани, плотно обхватывав-

шее ея станъ; волосы, расчесанные на четыре косы, убранные большимъ количествомъ алмазовъ, падали внизъ; маленькая корона была надѣта на головѣ; длинный шлейфъ ея платья не былъ несенъ. Княжна имѣла видъ скромный, но задумчивый, и лицо блѣдное.

«Посидѣвъ нѣсколько минутъ, они встали и подошли къ аналою; императоръ, объявивъ, что беретъ княжну въ супруги, обмѣнялся съ нею кольцами и надѣлъ на ея правую руку свой портретъ, послѣ чего женихъ и невѣста поцѣловали евангеліе, а архіепископъ новгородскій (Феофанъ Прокоповичъ) прочелъ краткую молитву; затѣмъ императоръ поклонился княжнѣ. Когда они снова сѣли, государь назначилъ кавалеровъ и дамъ ко двору своей невѣсты и изъявилъ желаніе, чтобы они тотчасъ же вступили въ исполненіе своихъ обязанностей.

«Тогда началось цѣлованіе руки княжны; женихъ держалъ ея правую руку въ своей, давая ее цѣловать каждому подходящему, такъ какъ всѣ были обязаны исполнить это.

«Наконецъ, къ великому удивленію всѣхъ, подошелъ несчастный покинутый юноша; до тѣхъ поръ она сидѣла съ глазами устремленными внизъ, но тутъ быстро поднялась, вырвала свою руку изъ рукъ императора и дала ее поцѣловать своему возлюбленному, между тѣмъ какъ тысячи чувствъ изобразились на ея лицѣ.

«Петръ покраснѣлъ, но толпа присутствовавшихъ приблизилась, чтобы исполнить свою обязанность, а друзья молодого человѣка нашли случай удалить его изъ залы, посадить въ сани и увезти поскорѣе изъ города.

«Поступокъ этотъ былъ дерзокъ, въ высшей степени безразсуденъ и неожиданъ для нея.

«Юный государь открылъ съ княжною балъ, который скоро кончился, какъ я полагаю, къ ея великому удовольствію, потому

ito все ея спокойствіе исчезло послѣ легкомысленнаго поступка и ъ глазахъ были замѣтны только боязнь и разсѣянность.

«По окончаніи бала она была снова отвезена въ тотъ же домъ, ю уже въ собственной каретѣ императора, на верху которой на-одилась императорская корона. Княжна сидѣла въ ней совершенно дна, сопровождаемая конвоемъ».

Современники говорятъ, что княжна Долгорукая рѣши-ась отдать свою руку императору Петру II-му только вслѣдствіе настоятельныхъ требованій родни.

Съ своей стороны и молодой императоръ относился къ ней олодно: у него также противъ влеченій сердца вынудили согласіе кениться на княжнѣ Долгорукой ея же всесильные родные.

Разсказываютъ также, что графъ Милиссимо, котораго княжна страстно любила, на другой день послѣ обрученія императора и послѣ того, что обнаружилось при цѣлованьи графомъ Милиссимо уки у царской невѣсты, — былъ отправленъ за границу съ по-ученіемъ отъ своего посла и уже больше не возвращался въ оссію.

Леди Рондо между тѣмъ продолжаетъ:

«Но вы станете порицать меня за то, что я не набросала амъ портрета императора. Онъ высокаго роста и очень полонъ я своего возраста, такъ какъ ему только пятнадцать лѣтъ; онъ ѣлъ, но очень загорѣлъ на охотѣ; черты лица его хороши, но глядъ пасмуренъ, и, хотя онъ молодъ и красивъ, въ немъ нѣтъ чего привлекательнаго или пріятнаго. Платье его было свѣтлаго вѣта, вышитое серебромъ.

«На молодую княжну теперь смотрятъ какъ на императрицу; думаю однако, что еслибъ можно было заглянуть въ ея сердце, оказалось бы, что величіе не можетъ облегчить ея страданій ъ безнадежной любви; въ самомъ дѣлѣ, только крайнее мало-

душіе въ состояніи промѣнять любовь или дружбу на владычество».

Но вотъ сюжетъ драмы развивается далѣе — все ближе къ развязкѣ.

Леди Рондо слѣдитъ за тѣмъ, что у нея совершается передъ глазами, и вновь пишетъ въ февралѣ 1731 года:

«Когда я вамъ писала послѣднее письмо, всѣ (т. е. нашъ кружокъ) готовились къ торжественной свадьбѣ, назначенной на 19-е января.

«6-го числа того же мѣсяца здѣсь бываетъ большой праздникъ и происходитъ церемонія, называемая водосвятіемъ, установленная въ воспоминаніе крещенія, принятаго нашимъ Спасителемъ отъ св. Іоанна.

«Обычай требуетъ, чтобы государь находился во главѣ войскъ, которыя въ этомъ случаѣ выстраиваются на льду. Бѣдная, хорошенькая невѣста должна была показаться народу въ этотъ день. Она ѣхала мимо моего дома, окруженная конвоемъ и такою пышной свитой, какую только можно себѣ представить. Она сидѣла совершенно одна въ открытыхъ саняхъ, одѣтая такъ же, какъ въ день своего обрученія, и императоръ, слѣдуя обычаю страны, стоялъ позади ея саней.

«Никогда въ жизни я не помню дня болѣе холоднаго. Я боялась ѣхать на обѣдъ во дворецъ, куда всѣ были приглашены и собрались, чтобы встрѣтить молодого государя и будущую государыню при ихъ возвращеніи.

«Они оставались четыре часа сряду на льду, посреди войскъ.

«Тотчасъ, какъ они вошли въ залу, императоръ сталъ жаловаться на головную боль. Сначала думали, что это — слѣдствіе холода, но такъ какъ онъ продолжалъ жаловаться, то послали за докторомъ, который посовѣтовалъ ему лечь въ постель, найдя его очень не хорошимъ.

«Это обстоятельство разстроило все собраніе.

«Княжна весь день имѣла задумчивый видъ, который не измѣнился и при этомъ случаѣ; она простилась съ своими знакомыми такъ же, какъ и встрѣтила ихъ, т. е. съ серьезною привѣтливостію, если я могу такъ выразиться.

«На другой день у императора появилась оспа, а 19-го, день, назначенный для свадьбы, онъ умеръ около трехъ часовъ утра.

«Въ эту ночь, какъ я думаю, всѣ находились на ногахъ, по крайней мѣрѣ это было съ нами, потому что, зная вечеромъ всю опасность его положенія, никто не могъ предвидѣть послѣдствій его кончины и споровъ, которые должны были возникнуть въ отношеніи вопроса о престолонаслѣдіи.

«На другой день, около девяти часовъ, вдовствующая герцогиня курляндская была объявлена императрицей».

Затѣмъ леди Рондо прямо переходитъ къ княжнѣ Долгорукой, которая разомъ потеряла и жениха и корону...

«Ваше доброе сердце—говоритъ леди—будетъ скорбѣть о молодой особѣ, которая была разлучена съ тѣмъ, кого она любила, и теперь лишена даже той ничтожной награды, какую ей, казалось, сулило величіе!

«Меня увѣряютъ, что она переноситъ свое несчастіе героически и говоритъ, что оплакиваетъ общую потерю, какъ членъ государства, но, какъ частное лицо, радуется этой смерти, избавившей ее отъ пытки, которую самый жестокій извергъ и самая изобрѣтательная кровожадность не могли бы придумать. Она совершенно равнодушна къ своей будущей судьбѣ, и думаетъ, что если преодолѣла свою привязанность, то можетъ спокойно перенести всѣ тѣлесныя страданія.

«Сановникъ, навѣщавшій ее, разсказалъ мнѣ о своемъ разговорѣ съ нею.

«Онъ нашелъ ее совершенно покинутою всѣми, кромѣ одной только служанки и лакея, который служилъ ей съ дѣтства. Такъ какъ сановникъ былъ возмущенъ увидѣнной имъ обстановкой, то она ему сказала: «наша страна вамъ мало извѣстна...» и къ тому, что я уже вамъ разсказала, она прибавила, что ея молодость и невинность, а также и извѣстная доброта той, которая наслѣдовала престолъ, заставляютъ ее надѣяться, что она не будетъ подвергнута никакому публичному оскорбленію, а что бѣдность въ частной жизни для нея ничего не значитъ, такъ какъ ея сердце занято единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна и уединенная жизнь. Предполагая, что подъ словомъ «единственный предметъ» могутъ подразумѣвать ея перваго жениха, она поспѣшно прибавила, что запретила своему сердцу думать о немъ съ того мгновенья, когда это стало преступнымъ, но что она имѣла въ виду свою семью, образъ дѣйствій которой, какъ она думаетъ, будутъ порицать, и что она не можетъ преодолѣть въ себѣ естественной привязанности, хотя и была принесена въ жертву обстоятельствамъ, которыя теперь дѣлаются причиной гибели ея семьи.

«Вы—заключаетъ леди Рондо—сужденіе которой всегда такъ справедливо, не нуждаетесь въ подобномъ зрѣлищѣ, чтобы заставить васъ размышлять о ничтожествѣ всѣхъ мірскихъ превратностей, напоминающихъ намъ каждый часъ нашей жизни, что радости непрочны и мимолетны, и что среди всѣхъ огорченій насъ должна успокоивать мысль, что все на этомъ свѣтѣ непродолжительно».

Наконецъ, въ слѣдующемъ письмѣ леди Рондо какъ-бы мимоходомъ и неохотно касается заключительнаго акта драмы, болѣе или менѣе извѣстной каждому русскому читателю.

Вотъ ея слова, которыя, не смотря на ихъ краткость, не теряютъ своей драгоцѣнности какъ свидѣтельство современника:

«Говорятъ, что дворъ предполагаетъ отправиться въ Петергургъ. Если эта поѣздка состоится, то мои дѣла принудятъ меня также ѣхать туда.

«Вы очень любопытны, но чтобы удовлетворить васъ, я могу сказать лишь очень немногое, потому что съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь въ моемъ настоящемъ положеніи, я не посѣщаю никакихъ общественныхъ мѣстъ.

«Все семейство Долгорукихъ, въ томъ числѣ и бѣдная царская невѣста, сосланы въ то самое мѣсто, гдѣ находятся дѣти князя Меншикова. Такимъ образомъ обѣ женщины, которыя одна послѣ другой были помолвлены за молодого царя, могутъ встрѣтиться въ изгнаніи.

«Это событіе, мнѣ кажется, можетъ послужить хорошимъ сюжетомъ для трагедіи. Говорятъ, что дѣти Меншикова возвращаются и будутъ доставлены той же стражей, которая препроводитъ въ ссылку Долгорукихъ. Если эта новость справедлива, то поступокъ будетъ великодушенъ, потому что ихъ отецъ былъ неумолимымъ врагомъ настоящей царицы, съ которой онъ обращался, и на словахъ и на дѣлѣ, очень оскорбительно.

«Васъ, можетъ быть, удивляетъ ссылка женщинъ и дѣтей; но здѣсь, когда глава семейства впадаетъ въ немилость, то все его семейство подвергается преслѣдованію, а имѣніе отбирается. Если въ обществѣ не встрѣчаютъ болѣе тѣхъ, кого привыкли тамъ видѣть, то никто о нихъ не освѣдомляется и только иногда говорятъ, что они раззорились. Если же они впали въ немилость, то о нихъ не говорятъ вовсе. Когда же, по счастію, имъ возвращаютъ благосклонность, то ихъ ласкаютъ по прежнему, не поминая о прошломъ».

Но объ этомъ послѣднемъ актѣ драмы намъ извѣстно болѣе, чѣмъ было тогда извѣстно леди Рондо.

Долгорукіе, а въ томъ числѣ и въ первой мѣрѣ фаворитъ покойнаго императора, Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, обвиненные въ небреженіи здоровья молодого государя, какъ наиболѣе приближенныя къ нему лица, были сосланы въ свои отдаленныя касимовскія деревни.

Въ ссылку пошла и вторая царская невѣста Екатерина Алексѣевна Долгорукая, мало того — въ ссылку же шла и шестнадцатилѣтняя жена брата Екатерины Алексѣевны, бывшаго фаворита Ивана Алексѣевича — Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная графиня Шереметева, о благородномъ характерѣ которой и геройской рѣшимости раздѣлять участь свою съ участью опальнаго жениха, а потомъ мужа, будетъ сказано въ особомъ очеркѣ.

Изъ касимовскихъ деревень всѣхъ Долгорукихъ ссылаютъ въ Сибирь, въ Березовъ, за то, что они «презрѣли» указъ, въ которомъ повелѣвалось, что жить имъ безвыѣздно не въ касимовскихъ, а въ пензенскихъ имѣніяхъ.

Долгорукіе оправдывались, что имъ такого указа объявлено не было...

Ѣдутъ они черезъ Тобольскъ и сдаются тамъ подъ надзоръ гарнизонному офицеру, который, являясь часто къ своимъ высокимъ арестантамъ, по привычкѣ, въ туфляхъ на-босу-ногу, говоритъ каждому изъ нихъ «ты», какъ онъ привыкъ говорить каждому каторжнику и варнаку.

Любопытныя подробности этого путешествія опальныхъ вельможъ изъ касимовскихъ деревень до Березова описаны одною изъ ссыльныхъ, изъ ихъ же семьи, княгинею Натальею Борисовною Долгорукою, а потому мы и скажемъ еще объ этомъ предметѣ въ біографіи этой послѣдней женщины.

Не красна была жизнь Долгорукихъ въ Березовѣ; но впереди али ихъ еще болѣе тяжкія испытанія, невольною причиною рыхъ была — если можно такъ выразиться — таже вдовствую- невѣста покойнаго императора Петра II-го, злополучная княжна терина Алексѣевна.

Выше мы сказали, что тотъ, кого она любила, графъ Милис- , былъ высланъ изъ Россіи на другой день послѣ обрученія ъ императоромъ и послѣ церемоніи цѣлованія руки царской сты, когда передъ всѣмъ дворомъ обнаружилась тайна ея прин- ности къ шурину графа Вратислава.

Хотя, по свидѣтельству леди Рондо, княжна Екатерина ксѣевна и проговорилась бывшему у нея сановнику, на- вшему ее послѣ смерти жениха-императора, что «сердце ея то единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна диненная жизнь», то-есть дорогимъ ей графомъ Милиссимо, ко время и суровый Березовъ вытѣснили, кажется, изъ ея ца этотъ «единственный предметъ», а тоска и уединеніе не- заставляли молодое сердце искать привязанности.

Жить хотѣлось и любить хотѣлось; возврата къ прошлому не предвидѣлось; тотъ, кого она любила, былъ, по русскому женію, за тридевять земель, а молодость брала свое.

Но кого любить въ Березовѣ?

Гарнизоннаго офицера, который, можетъ быть, ходитъ въ туф- , на-босу-ногу? Вѣдь больше никого не было въ Березовѣ.

И бывшая царская невѣста, у которой императоръ во время ценскаго парада стоялъ на-запяткахъ, дѣйствительно полюбила изоннаго офицера.

Это былъ офицеръ Овцынъ, который, надо полагать, не былъ жъ на тобольскаго гарнизоннаго офицера, въ самомъ дѣлѣ вшаго въ туфляхъ на-босу-ногу.

Интимная дружба съ Овцынымъ принесла новое горе дѣвушкѣ и кончилась трагической гибелью для мужскихъ членовъ ея семейства.

Поощренный привязанностью княжны къ Овцыну, тобольскій подъячій Тишинъ, часто наѣзжавшій въ Березовъ по дѣламъ службы, рѣшился искать благосклонности бывшей царской невѣсты, но былъ ею отвергнутъ и оскорбленъ Овцынымъ.

Желая отмстить дѣвушкѣ и ея возлюбленному, отвергнутый подъячій сочинилъ гнусный доносъ на Долгорукихъ, которые и были вновь арестованы въ Березовѣ и вывезены въ Россію.

Схвачена была и бывшая царская невѣста княжна Екатерина Алексѣевна.

Надъ обвиняемыми Биронъ нарядилъ слѣдствіе и судъ, который и кончился страшною казнью четырехъ Долгорукихъ въ Новгородѣ, въ 1739 году.

Старшій братъ княжны Екатерины, бывшій любимецъ императора Петра II-го, князь Иванъ Алексѣевичъ, былъ четвертованъ, и подъ топоромъ палача читалъ молитву—«благодарю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси познать тебя, Владыко»—пока языкъ его не замеръ на этомъ славословіи вмѣстѣ съ отрубленной головой.

Сама княжна была сослана на Бѣлоозеро, въ воскресенскій горицкій дѣвичій монастырь, тихвинскаго уѣзда.

Монастырь этотъ стоялъ въ суровой пустынѣ, не краше пустынь, окружавшихъ Березовъ.

Это было давнишнее, историческое мѣсто ссылки царственныхъ женщинъ древней Руси: въ этомъ монастырѣ томилась когда-то Евфросинья, княгиня старицкая, мать послѣдняго удѣльнаго князя Владиміра Андреевича старицкаго, сосланная туда Еленою Глинскою; туда же сослана была и пострижена тамъ жена царевича Ивана, сына Грознаго, Прасковья Михайловна Соловая; тамъ же сидѣла въ ссылкѣ и Ксенія Годунова.

Княжну Екатерину Долгорукую подвергли въ этомъ монастырѣ суровому заключенію.

Въ монастырѣ этомъ, у входа въ такъ-называемый «чорный дворъ», гдѣ были хлѣва, конюшня и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домикъ съ маленькими отверстіями вмѣсто оконъ; наружная дверь, окованная желѣзомъ, день и ночь была заперта внутреннимъ, да еще висячимъ наружнымъ замкомъ.

Эта-то хижинка и должна была сдѣлаться тюрьмой-кельею для бывшей царской невѣсты.

Когда привезли туда Долгорукую, то настоятельница монастыря такъ боялась присутствія въ ея владѣніяхъ этой высокой колодницы, что долго не хотѣла впускать въ монастырь никого изъ сторонніхъ лицъ, и не рѣшалась даже богомольцевъ пускать въ монастырскую церковь, изъ опасенія, что ее могутъ обвинить въ небрежномъ смотрѣніи за арестанткой, и изъ страха, чтобъ кто-либо не увидалъ заключенную княжну.

Но и въ этой убогой и суровой тюрьмѣ-кельѣ за двумя замками княжна Долгорукая не забывала, кто она—не забывала, что была она когда-то и царская невѣста.

Однажды монахиня-приставница, по обычаю монастырскому, зазѣвнулась на нее за что-то огромными своими чотками изъ деревянныхъ бусъ, служившими старымъ монахинямъ вмѣсто плетокъ на поученіе младшимъ сестрамъ и послушницамъ.

— Уважь свѣтъ и во тьмѣ!—гордо сказала Долгорукая:—княжна, а ты холопка!

Старица такъ смутилась одного грознаго вида молодой колодницы, что бѣжала, забывъ даже и тюрьму ея запереть.

Вообще бывшая невѣста Петра II-го не забыла своего царственнаго величія, а только ожесточилась, и къ врожденной княжеской гордости прибавила еще царственную неприступность.

Когда изъ Петербурга пріѣхалъ генералъ отъ тайной канцеляріи и навѣстилъ ссыльную княжну, она не только не смутилась въ присутствіи важнаго гостя, но даже «грубость» ему оказала— не встала, когда тотъ вошелъ въ ея келью, и отвернулась отъ него.

Генералъ, пригрозивъ ей батогами, уѣхалъ изъ монастыря, приказавъ еще строже смотрѣть за важной колодницей.

Напуганная мать-игуменья приказала заколотить остальное окошечко въ тюремной кельѣ княжны, и къ кельѣ этой не велѣла даже никого близко подпускать. Однажды двѣ монастырскія дѣвочки осмѣлились заглянуть въ скважину нутряного замка запретной двери—и за это подвергнуты были наказанью розгами.

Три года провела княжна подъ такимъ суровымъ монастырскимъ началомъ.

Но вотъ на престолъ вступаетъ императрица Елизавета Петровна — и темная келья бывшей царской невѣсты отворилась.

Изъ Петербурга прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ объ освобожденіи заключенной. Княжна пожалована во фрейлины. За нею присланы экипажи, прислуга. Княжна любезно прощается съ монастыремъ, обѣщаетъ не забывать его своими милостями.

И дѣйствительно не забыла. Въ 1744 году она прислала въ монастырь «Прологъ» съ надписью по листамъ:

«Лѣто 1744-е, марта въ 10-й день, сію книгу Прологъ, содержащую житія святыхъ угодникъ, дала въ даръ въ обитель Воскресенія Христова, горицкій дѣвичь монастырь, на Бѣлоозерѣ, въ память своего пребыванія, княжна Екатерина Алексѣева Долгорукая».

Возвратившись изъ ссылки, княжна встрѣтила въ Петербургѣ всѣхъ своихъ родныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ новгородскихъ казней.

Императрица, помня, что княжна лишилась двухъ жениховъ— графа Милиссимо, и императора Петра II-го, употребила все свое стараніе, чтобы выдать ее замужъ за достойнаго человѣка, и въ 1745 году нашла такого въ генералъ-лейтенантѣ графѣ Александрѣ Романовичѣ Брюсѣ, родномъ племянникѣ сподвижника Петра великаго, фельдмаршала, знаменитаго «колдуна на Сухаревой башнѣ», астронома, алхимика, астролога, сочинителя Брюсова планетника «Брюсовъ календарь») и т. д.

Уже помолвленной невѣстой княжна ѣздила въ Новгородъ проститься съ погребенными тамъ тѣлами казненныхъ брата и дядей, скончавшихся въ Рождественскомъ монастырѣ, что на поляхъ, «на богихъ домахъ».

Простившись передъ свадьбой, по русскому обычаю, съ могилами своихъ родныхъ, она заложила тамъ церковь въ память казненныхъ.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы простудная горячка свела ее въ могилу.

Царское величіе и гордость не покидали ее до самой смерти. Умирая, бывшая «государыня-невѣста» при себѣ велѣла сжечь всѣ свои платья, чтобъ и послѣ ея смерти никто не смѣлъ носить той одежды, которую она носила.

XIV.

Наталья Долгорукова.

(Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, урожденная графиня Шереметева).

Женская личность, о которой мы намѣрены говорить въ настоящемъ очеркѣ, принадлежитъ также къ той категоріи русскихъ историческихъ женщинъ прошлаго вѣка, на которыхъ обрушилась вся тяжесть переходнаго времени и задавила ихъ: это безпощадное время бросало попадавшіяся ему жертвы подъ свой, все перемалывающій, жерновъ и раздробляло ихъ на части, подобно джагернатской колесницѣ, раздроблявшей несчастныхъ женщинъ Индіи.

И нельзя при этомъ не замѣтить, что подъ ужасный жерновъ этотъ попали почти всѣ женщины, которыя могли сказать о себѣ, что они еще помнили Петра Великаго, что въ дѣтствѣ своими глазами видѣли, какъ онъ покатилъ по русской землѣ этотъ тяжелый жерновъ, который и раздробилъ много стараго и негоднаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не мало молодого и свѣжаго.

Натальѣ Борисовнѣ Долгоруковой—вѣрнѣе Шереметевой—было одиннадцать лѣтъ, когда хоронили Петра, и слѣдовательно она принадлежитъ къ тому поколѣнію русскихъ женщинъ, которыя — если можно такъ выразиться — у матерей

воихъ и кормилицъ высосали частицу молока, оставшагося еще тъ XVII вѣка, и съ молокомъ этимъ всосали несчастія всей воей жизни.

Несмотря на то, что Наталья Долгорукова принадлежала къ замѣчательнымъ личностямъ по своей нравственной высотѣ, по рѣдкому величію духа—ужасное время не пощадило и ее.

Вообще личность Долгоруковой заслуживаетъ того, чтобы отомство отнеслось къ ней особенно сочувственно и отмѣтило мя ея въ числѣ лучшихъ, самыхъ свѣтлыхъ личностей своего рошлаго.

Въ 1857 году, въ Лондонѣ вышла особая книга, посвященая памяти этой глубоко симпатичной женщины, подъ заглавіемъ The life and times of Nathalia Borissovna, princesse Dolgoookov». Авторъ этой книги—Джемсъ Артуръ Гирдъ (Heard).

У насъ въ Россіи о Долгоруковой писано не много, но се, что о ней написано, выставляетъ ее «личностью такою блародною и возвышенною», которая «дѣлаетъ честь родной сторонѣ».

Долгорукова оставила свои собственныя записки, которыя ѣли два изданія въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Писавшіе о Долгоруковой называютъ всю жизнь ея грудной и скорбной», а ей самой даютъ наименованіе «великой радалицы».

Наталья Борисовна родилась 17-го января 1714 года—ѣдовательно за одиннадцать лѣтъ до смерти Петра Великаго: ого одного достаточно было, чтобъ и ей, подобно всѣмъ женинамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, попасть дъ джагернатскую колесницу смутнаго переходнаго времени.

Она родилась въ одномъ изъ самыхъ знатныхъ домовъ сво-о времени—а эти-то дома преимущественно и задѣла тяжелая

индійская колесница: отецъ ея былъ знаменитый фельдмаршалъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, одинъ изъ соработниковъ Петра Великаго, который называлъ своего дѣлового Бориса «Баярдомъ» за честность и «Тюренемъ» за ратные таланты и ставилъ его такъ высоко въ своемъ мнѣніи, что, изъ уваженія къ его заслугамъ, царь, вообще не любившій притворяться или рисоваться, всегда встрѣчалъ Шереметева у дверей кабинета, когда этотъ «Тюрень» приходилъ къ нему, и провожалъ до дверей— когда тотъ уходилъ.

Мать ея была также изъ знатнаго рода: въ дѣтствѣ она была Салтыкова, Анна Петровна, а по первому браку носила фамилію Нарышкиной, потому что была замужемъ за бояриномъ Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, роднымъ дядею Петра Великаго.

Много счастья должна была сулить жизнь для дѣвочки, родившейся въ такой завидной обстановкѣ: знатность рода, богатство, уваженіе царя—все обѣщало свѣтлую будущность.

А вышло наоборотъ, да такъ, какъ и не ожидалось: именно то, что должно было дать ей счастье—то именно и дало ей глубокое несчастье, которое она сама день за день и описываетъ, уже въ старости оглядываясь на свое прошлое, богатое такими поразительными контрастами.

Намѣреваясь говорить о своемъ прошломъ, она не задается задачею хроникера, не хочетъ захватывать всю ту разнообразную среду, въ которой какъ въ глубокомъ омутѣ погибали люди, а другіе на ихъ гибели строили свое счастье, чтобъ потомъ и самимъ погибнуть.

«Я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать», говоритъ она.

Себя и свою судьбу она такъ очерчиваетъ общими штрихами, говоря, что послѣ всего, что ею пережито, тяжело и доживать концы, тяжело и вспоминать прошлое:

«Отягощена голова моя безпокойными мыслями—говоритъ она—и кажется мнѣ, будто я уже отъ той тягости къ землѣ клонюсь»...

«И я была человѣкъ—замѣчаетъ она далѣе—вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ... Но не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, а о милости божіей похвалюсь: онъ мнѣ далъ столько силъ, что я перенесла».

Семейство, въ которомъ родилась Наталья, было очень большое: кромѣ стариковъ, у Натальи было еще три брата и четыре сестры. Но вся любовь семьи, а въ особенности матери, сосредоточивалась на маленькой Натальѣ.

Сама она говоритъ объ исключительной привязанности къ ней матери: «я ей была очень дорога».

На любимицѣ особенно сосредоточились и заботы матери относительно развитія ея способностей и предоставленія ей всего доступнаго тогда образованія въ полномъ объемѣ.

Мать усердно заботилась, чтобъ «ничего не упустить въ наукахъ, и—по словамъ Натальи Борисовны—все возможное употребляла къ умноженію моихъ достоинствъ».

Сердце матери не даромъ такъ прильнуло къ дочери: изъ нея вышла рѣдкая женщина, хотя мать и обманута была въ своихъ надеждахъ насчетъ ея будущаго.

«Льстилась она—говоритъ о своей матери Наталья Борисовна—льстилась она мною веселиться, представляла себѣ, что, когда приду въ совершенныя лѣта, буду ей добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали, и въ радости, и такъ меня содержала, какъ должно быть благородной дѣвушкѣ».

Дѣвушка росла веселая и счастливая. Она сама признается, что была «склонна къ веселію»; но еще въ ранней молодости веселью этому судьба положила перерывъ: отецъ ея умеръ, когда дѣвочка не успѣла еще войти въ возрастъ.

Но смерть отца была для нея совершенно почти не чувствительна; это было не то, что смерть матери, которая тоже была не за горами: дѣвочка была еще слишкомъ мала, когда умеръ отецъ, чтобъ понимать всю цѣну постигшаго ее несчастья. За то тяжела ей показалась неожиданная смерть матери.

Это несчастье постигло Наталью, когда ей только что минуло четырнадцать лѣтъ и когда она уже научилась больше цѣнить потерю того, что дѣйствительно цѣнно.

«Это первая бѣда меня встрѣтила», выражается она относительно смерти матери.

Дѣйствительно, это была пока первая реальная бѣда; а впереди ихъ копилось очень много и бѣды все тяжелыя, не переживаемыя и не забываемыя.

«Сколько я ни плакала—говоритъ она въ своихъ запискахъ, вспоминая смерть матери—все еще кажется было не довольно въ сравненіи съ ея любовью ко мнѣ, и ни слезами, ни рыданіемъ не воротила ея».

Но молодость брала свое. Какъ ни тяжела казалась потеря матери, какъ ни страшно было оглядываться назадъ, тѣмъ болѣе, что молодость вообще не любитъ оглядываться,—все же въ будущемъ свѣтились радости, да и вообще, что бы тамъ ни свѣтилось, молодость всегда идетъ къ этому будущему безъ оглядки, словно торопится пробѣжать безъ отдыху ту именно лучшую стадію своей жизни, о которой впослѣдствіи будетъ сожалѣть до самой могилы.

«Будетъ и мое время—мечталось ей при тяжеломъ раздумьи о потерѣ матери—повеселюсь на свѣтѣ».

При всемъ томъ, она вела жизнь больше чѣмъ скромную, не смотря на то, что женщины первой половины XVIII вѣка жадно накинулись на свѣтскія удовольствія послѣ долгаго пощенія въ періодъ своего теремного существованія.

Дѣвушка того времени держала себя болѣе сдержанно, болѣе постаринному, чѣмъ какъ стала она держать себя во второй половинѣ XVIII вѣка.

«Въ тогдашнее время—говоритъ Наталья Борисовна—не такое было обхожденіе: очень примѣчали поступки молодыхъ или знатныхъ дѣвушекъ; тогда нельзя было такъ мыкаться какъ въ нынѣшній вѣкъ (это говорится о семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія:—для нея это былъ «нынѣшній вѣкъ»). Я и въ самой молодости весело не живала, и никогда сердце мое большого удовольствія не чувствовало».

Но время идетъ. Дѣвушкѣ пришлось показываться въ свѣтъ, и свѣтъ сразу отличилъ ее—красивую, умную, знатную.

«Я очень счастлива была женихами—признается она послѣ, уже старушкой — очень счастлива... Начало было очень великое»...

Именно объ этомъ-то «великомъ началѣ» и слѣдуетъ сказать особенно: это «великое начало» и погубило ее, приготовивъ ей самый горестный конецъ.

Мы уже знаемъ, что когда палъ Меншиковъ, то самымъ дорогимъ другомъ-любимцемъ императора Петра II и всесильнымъ временщикомъ при немъ сдѣлался девятнадцатилѣтній князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Къ довершенію могущества этого юноши, сестра его Екатерина, какъ извѣстно, помолвлена была за юнаго императора и друга этого мальчика-вельможи.

Этотъ-то князь Долгоруковъ и нашелъ молоденькую Наталью Шереметеву лучшею дѣвушкою въ Петербургѣ и Москвѣ, и на ней-то онъ посватался.

Это самое и было тѣмъ, о чемъ Наталья, уже старушка, вспоминаетъ, говоря: «начало было очень велико»...

Дѣйствительно, выходя замужъ за Долгорукова, дѣвушка становилась въ полномъ смыслѣ слова первою особою въ цѣлой имперіи послѣ императора и его будущей супруги—а эта будущая супруга-императрица была родная сестра князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, который и былъ «великимъ началомъ» для Натальи Шереметевой, который, наконецъ, и былъ оглашенъ ея женихомъ, какъ женихомъ ея сестры оглашенъ былъ молодой императоръ.

Чего же больше? Больше этого «великаго начала» не могло быть ни для одной русской дѣвушки.

Наталья Шереметева вступала, такимъ образомъ, въ родство съ императорскою фамиліею.

«Думала я, что я первая счастливица въ свѣтѣ. Всѣ кричали: «ахъ, какъ она счастлива!»—и моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать, а того не знала, что это счастье мною поиграетъ. Показалось оно мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ живутъ въ счастьи люди, которыхъ Богъ благословитъ... Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатка: милый человѣкъ въ глазахъ, союзъ любви будетъ до смерти неразрывнымъ, притомъ почести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе, всякій ищетъ милости»...

Отъ такого счастья дѣйствительно въ состояніи была закружиться голова.

И тутъ въ дѣвушкѣ говоритъ не тщеславіе, не желаніе быть первою женщиною въ государствѣ, стать въ свойство съ царскимъ домомъ; а она въ самомъ дѣлѣ страстно полюбила сво-

о жениха, потому что видѣла, какъ много и онъ былъ къ ней
ивязанъ.

Такъ она говоритъ о себѣ: «за великое благополучіе почитала
о къ себѣ благосклонность, хотя и никакого знакомства не
ѣла съ нимъ прежде нежели онъ моимъ женихомъ сталъ: но
тинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила».

Впрочемъ, они не забывали и того, что женихъ ея такъ вы-
ко поставленъ.

«Первая персона въ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ
риродныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ
ардіи... Правда, что сперва это очень громко было».

Назначенъ былъ обрядъ обрученія.

«Правду могу сказать — замѣчаетъ она — рѣдко кому случа-
ось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія,
ѣ чужестранные министры, всѣ наши знатные господа, весь
енералитетъ были на нашемъ сговорѣ».

Обрученіе совершали архіерей и два ахимандрита. Обрядъ
отъ совершенъ былъ въ домѣ Шереметева — въ родномъ домѣ
евѣсты. Пышность такъ велика была, что одни кольца, кото-
ыми размѣнялись женихъ и невѣста, стоили восемнадцать ты-
ячъ рублей.

Родня жениха поцарски одарила невѣсту — «богатыми дарами,
рилліантовыми серьгами, часами, табакерками, готовальнями и
якою галантереею». Съ своей стороны братъ невѣсты подарилъ
ениху шесть пудовъ серебра — въ томъ числѣ драгоцѣнные кубки,
яги и проч.

Торжество это совершено было 24-го декабря 1729 года, на-
анунѣ праздника рождества.

Празднество завершилось иллюминаціею, которая въ то время
е похожа была на современныя иллюминаціи: не было ни га-

зовыхъ звѣздъ, ни брильянтовыхъ огненныхъ вензелей, ни разныхъ другихъ искуственныхъ, съ помощью химіи и технологіи производимыхъ эффектовъ. Тогда въ торжественные дни ночь блистала горящими смоляными бочками, иногда громадными кострами, иногда же просто сальными плошками.

И на торжествѣ обрученья Натальи Шереметевой горѣли смоляныя бочки.

Торжество было такъ велико, общественное положеніе обручаемыхъ такъ высоко, что весь городъ принималъ участіе въ этой—какъ тогда могли думать—государственной радости.

Глядя на это блистательное празднество, народъ, говоритъ Наталья Борисовна, радовался, что дочь славнаго Шереметева идетъ замужъ «за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцеву».

Сама невѣста думала, что «все это прочно и на цѣлый вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на-часъ».

Дѣйствительно, въ этотъ самый часъ, когда такъ пышно совершалось торжество обрученья царскаго любимца съ красавицею Шереметевою, бывшая царская невѣста, такая же молоденькая и прекрасная особа какъ и Шереметева, несчастная княжна Меншикова за четыре тысячи верстъ отъ Петербурга томилась въ предсмертной агоніи—и никто не зналъ этого, хоть быть можетъ многіе и вспоминали о ней, видя молодого императора и его вторую невѣсту, сестру обручаемаго князя Долгорукова, княжну Екатерину Долгорукову — присутствующими на этомъ торжествѣ.

Въ самые торжественные часы эти, въ Березовѣ, занесенномъ снѣгомъ, мучилась княгиня Марья Александровна Меншикова, а 26-го декабря умерла.

Скоро и счастливая невѣста Долгорукова испытала, что «въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на-часъ».

Прочность ея счастья не выдержала и мѣсяца: это счастье продолжалось всего только съ 24-го декабря по 19-е генваря—двадцать шесть дней; за то горе преслѣдовало ее сорокъ лѣтъ: «сорокъ лѣтъ по сей день стражду», говоритъ она впослѣдствіи, вспоминая двадцать шесть дней мимолетнаго счастья, которое было дѣйствительно какимъ-то сномъ. За каждый день этого счастья она платила почти двумя годами страданій.

Покончивъ съ описаніемъ торжествъ своего обрученія, она начинаетъ описаніе новой эпохи своей жизни:

«Теперь—говоритъ она—надобно уже иную матерію начать».

Намъ извѣстно, какой переворотъ совершился 19-го генваря 1730 года, и какъ отразился онъ на участи главныхъ дѣйствующихъ лицъ изображаемой нами драматической картины: молодой императоръ, женихъ сестры князя Долгорукова, въ свою очередь счастливаго жениха Натальи Борисовны, простужается на парадѣ, заболѣваетъ оспою, вновь простужается, и умираетъ.

Всѣ Долгоруковы, по обычаю того страннаго времени, должны были погибнуть, какъ лица, ближе всѣхъ стоявшіе къ покойному государю, а скорѣе и ужаснѣе всѣхъ долженъ былъ погибнуть любимецъ императора, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, женихъ Натальи Борисовны Шереметевой.

Это было неизмѣннымъ закономъ того времени, словно это былъ еще остатокъ языческой старины, когда, по смерти хозяина и господина, съ нимъ вмѣстѣ зарывали въ землю его любимаго коня, всѣ воинскіе доспѣхи и всѣхъ наиболѣе близкихъ къ нему слугъ.

Такъ нужно было схоронить съ императоромъ Петромъ II-мъ всѣхъ, кого онъ любилъ и приближалъ къ себѣ, а раньше всѣхъ

ждала эта участь его друга и фаворита Ивана Алексѣевича Долгорукова.

Едва по Москвѣ пронеслась вѣсть о кончинѣ императора Петра II-го, какъ къ Натальѣ Борисовнѣ, ничего еще не слыхавшей о несчастьи, рано утромъ съѣхались всѣ ея родные въ страшной тревогѣ за свою собственную участь и за участь невѣсты царскаго любимца.

Наталья Борисовна еще спала, когда домъ ихъ наполнился перепуганными родными.

Сказали, наконецъ, и ей о постигшемъ всѣхъ несчастьи. Извѣстіе это такъ поразило ее, что она безпрестанно повторяла, словно помѣшенная: «ахъ пропала! пропала!»

«Я довольно знала обыкновеніе, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: — чего было и мнѣ ожидать?»

Но для нея, впрочемъ, еще не все пропало: она еще не была женой фаворита, который неизбѣжно долженъ былъ погибнуть, какъ обреченный на смерть обычаемъ страны и времени; она могла еще отказать ему; могла впослѣдствіи сдѣлать такую же блестящую партію съ другимъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что при ея положеніи, для нея всегда возможенъ былъ выборъ.

Тоже говорили ей и всѣ родные. Они утѣшали ее тѣмъ, что для нея еще нѣтъ ничего безповоротнаго; что имѣются уже на примѣтѣ готовые женихи для нея, а что отъ Долгорукова слѣдуетъ теперь же отказаться, слѣдуетъ непремѣнно разорвать съ нимъ всякую связь, какъ съ зачумленнымъ:—всякое прикосновеніе къ нему должно было быть гибельнымъ, смертельнымъ.

Но не такъ думала дѣвушка. Благородное сердце ея возмутилось этими предложеніями: она любила своего жениха; мало того, она хотѣла показать свѣту, что любила въ немъ не сановника, не любимца царскаго, а человѣка; что, разъ полюбивъ, она любитъ

беззавѣтно; что еслибъ она даже и не любила его, то во всякомъ случаѣ не измѣнила бы своему слову, и особенно теперь она не броситъ его, когда у него все отнимается.

«Это предложеніе—говоритъ она о предложеніи родныхъ относительно отказа опальному жениху—такъ мнѣ тяжело было, что я ничего не могла имъ на то отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла, и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ, а другому нѣтъ уже участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода. А я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищемъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безуміе Богу. Онъ тому свидѣтель — все, любя мужа, сносила, а сколько можно мнѣ было — еще и его подкрѣпляла».

Вечеромъ пріѣхалъ къ ней женихъ. Здѣсь они вновь поклялись никогда не разлучаться, какая бы бѣда ни постигла ихъ въ будущемъ.

Бѣда, дѣйствительно, постигла скоро, и бѣда большая.

«Часъ-отъ-часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья?... Всѣ ближніе далече мене стали — всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали меня бояться... Лучше бъ тому человѣку не родиться на свѣтъ, кому назначено на время быть велику, а послѣ прійти въ несчастье:—всѣ станутъ презирать, никто говорить не захочетъ».

Большая бѣда ждалась съ часу-на-часъ.

Когда дѣвушка проѣзжала, вскорѣ послѣ смерти молодого государя, по городу,—гвардейскіе солдаты кричали:

— Это отца нашего невѣста! матушка наша! лишились мы своего государя!...

За то другіе кричали ей вслѣдъ:

— Прошло ваше время! Теперь не старая пора!

Страшные слухи стали ходить по городу — большая бѣда видимо приближалась.

«Каково мнѣ было тогда, въ шестнадцать лѣтъ!»

Родные опять уговариваютъ ее разстаться съ зачумленнымъ фаворитомъ; опять пугаютъ ее; но она остается непреклонною въ своемъ рѣшеніи.

Молодые люди назначаютъ день своей свадьбы. Но никто изъ родныхъ Натальи Борисовны не хочетъ и не рѣшается везти ее къ вѣнцу — это значило бы съ рукъ на руки передать дѣвушку тюремному сторожу, отправить въ ссылку.

Но дѣвушка непреклонна—и родные окончательно отрекаются отъ безумной упрямицы.

«Самъ Богъ отдавалъ меня замужъ, а больше никто!» восклицаетъ она, вспоминая это время.

Какія-то дальнія родственницы старушки проводили ее въ деревню, гдѣ жила, какъ-бы укрываясь отъ постороннихъ глазъ, вся семья Долгоруковыхъ.

Горько плакала дѣвушка, уѣзжая изъ отцовскаго дома и прощаясь съ родными стѣнами:

«Кажется, и стѣны дома отца моего помогали мнѣ плакать»...

Сирота-сиротой поѣхала она къ жениху, зная, что не на радость ѣдетъ: семья у жениха большая, надо угодить всѣмъ — и свекру, по старинному обычаю русскаго народа, надо быть по-

рливой, держать голову поклончиво, надо угодить и всему об-
ирному роду, потому что она являлась въ родъ Долгоруковыхъ
слѣднимъ и младшимъ членомъ рода.

«И такъ нашъ бракъ былъ больше достоинъ плача, нежели
дости».

Но все-таки черезъ три дня послѣ вѣнца молодые собрались-
ало дѣлать визиты роднымъ и знакомымъ.

Тогда-то и пришла большая бѣда.

Является изъ сената секретарь съ указомъ:—всѣмъ Долгору-
вымъ повелѣвалось ѣхать въ дальнія деревни — старику-отцу
ексѣю Долгорукову, молодому Ивану и прочимъ.

Надо было спѣшно собираться въ путь, чтобъ не стряслось
овой худшей бѣды.

Бѣда-то стряслась, но немного погодя.

Наталья Борисовна, проживя всего на свѣтѣ шестнад-
ать лѣтъ, никогда прежде и никуда не ѣзжала, не знала, что
ужно будетъ въ дорогѣ и въ деревнѣ, а потому все свое иму-
ество отослала къ брату на сохраненіе — драгоцѣнныя вещи,
суду, платье — а взяла только тулупъ для мужа да для себя
убу.

Братъ Натальи, зная дальность предстоящаго ссыльнымъ
ути, прислалъ сестрѣ тысячу рублей, но она, въ дѣтскомъ не-
вѣдѣніи всей трудности предстоящей жизни, взяла съ собой только
тыреста рублей, а остальныя отослала обратно.

Она знаетъ только мужа, только его видитъ, такъ и ходитъ
нимъ какъ тѣнь—«чтобъ изъ глазъ моихъ никуда не ушелъ»...

Наконецъ выѣхали.

Съ Натальей Борисовной поѣхала раздѣлять изгнаніе
олько «иноземка мадамъ», которая при ней еще при маленькой
аходилась и любила ее.

Но и эта скоро покинула ее, когда пришлось ужъ слишкомъ тяжело и дальше слѣдовать за любимицей своей «иноземка» не могла.

Выѣхали Долгоруковы въ самую распутицу, въ апрѣлѣ: — тащилась въ ссылку вся огромная семья долгоруковская.

«Я въ радости ихъ не участница была (прибавляетъ Наталья Борисовна), а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая».

Дорога была долгая и тяжелая: можно себѣ представить, каковы были тогда пути сообщенія, когда и при Екатеринѣ II, до конца прошлаго вѣка, богатые люди не иначе ѣздили по Россіи какъ съ отрядами вооруженной дворни и должны были нерѣдко, съ оружіемъ въ рукахъ, отбиваться отъ разбойниковъ.

Наши путешественники ночевали часто въ полѣ, въ лѣсу, на болотахъ. Было и такъ, что они ночуютъ въ одной деревнѣ, а туда ждутъ нападенія разбойниковъ.

За девяносто верстъ отъ Москвы нагналъ ихъ одинъ капитанъ гвардіи и объявилъ высочайшій указъ отъ 17-го апрѣля 1730 года. Въ указѣ этомъ вычислялись вины Долгоруковыхъ, а главная изъ нихъ — смерть молодого императора, послѣдовавшая отъ несмотрѣнія Долгоруковыхъ, отъ недостатка охраненія со стороны ихъ высочайшаго здравія.

Наконецъ, поѣздъ добрался до касимовскихъ имѣній Долгоруковыхъ.

Въ деревнѣ, молодая чета помѣстилась въ крестьянской избѣ; спальною ихъ сдѣлался сѣнной сарай.

Но и такая жизнь, относительно покойная, продолжалась только три недѣли.

Большая бѣда еще не вся исчерпалась...

12-го іюля 1730 года послѣдовалъ новый указъ.

Въ деревню, въ силу этого указа, пріѣхалъ гвардейскій офицеръ съ двадцатью-четырьмя солдатами конвоя, поставилъ караулъ у всѣхъ дверей, гдѣ помѣщались ссыльные, и объявилъ, что вся семья Долгоруковыхъ ссылается въ Сибирь, въ знакомый уже намъ Березовъ.

«И держать ихъ тамъ безвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ — объявлялось въ указѣ — людей опредѣлить къ нимъ пристойное число безъ излишества, письма домой писать имъ и изъ дома получать только на счетъ присылки запасовъ и другихъ домашнихъ нуждъ; всѣ письма, какъ посылаемыя ими, такъ и приходящія на ихъ имя, читать прежде офицерамъ, которые будутъ къ нимъ приставлены, и офицерамъ этимъ записывать: когда, куда и откуда и о чемъ были письма».

А вины ссыльныхъ прописаны были въ указѣ въ томъ смыслѣ, что опальному Алексѣю Долгорукову съ сыномъ Иваномъ и семьею велѣно-де было жить въ Пензенской губерніи, а «онъ, весьма пренебрегая нашъ указъ, живетъ нынѣ въ касимовскихъ деревняхъ».

Но именно—по словамъ Натальи Борисовны—о пензенскихъ-то деревняхъ и не было сказано въ прежнемъ указѣ.

Какъ бы то ни было, но вина была указана именно эта.

«Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти — говоритъ снова Наталья Борисовна: — лишилась дома своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила; не буду слышать о нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшій мнѣ былъ дорогъ, — очень ужъ онъ любилъ меня; сестры маленькія остались. Боже мой! какая это тоска пришла!...

«Вотъ любовь до чего довела: все оставила, и почести, и богатство, и сродниковъ; стражду съ нимъ и скитаюсь. Этому причина — все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни пе-

редъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ былъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ казалось, что онъ для меня родился, и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. Я по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнію своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и всякія бѣды сносить, могу сказать — безпримѣрныя бѣды».

Везли ихъ въ Сибирь подъ самымъ строгимъ карауломъ, сначала сухимъ путемъ, потомъ водою, потомъ опять сухимъ путемъ.

Дорога долгая, трудная. Несчастная жена бывшаго царскаго любимца и дочь фельдмаршала, дорогою, по нуждѣ, сама платки моетъ, которыми слезы утирать надо.

«Нельзя всего описать, сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла:—пускай бы я одна въ страданіяхъ была; товарища своего не могу видѣть безвинно страждущаго».

Для шестнадцатилѣтняго ребенка, балованной дочери фельдмаршала и богача—это въ самомъ дѣлѣ много.

Въ Тобольскѣ гвардейскій офицеръ передалъ арестантовъ гарнизонному офицеру—какъ говорится—изъ бурбоновъ.

Этотъ новый начальникъ ссыльныхъ сначала не говорилъ даже съ своими «арестантами»—«что ужъ на свѣтѣ этого титула хуже!» прибавляетъ Наталья Борисовна.

Офицеръ этотъ скоро, однако, сталъ постоянно обѣдать съ своими арестантами; но приходилъ въ солдатской шинели, надѣтой прямо на рубаху, и въ туфляхъ на-босу-ногу. И этотъ начальникъ говорилъ всѣмъ Долгоруковымъ, и князьямъ и княжнамъ—«ты».

Натальѣ Борисовнѣ онъ казался смѣшнымъ, а не возмутительнымъ, а какъ молодость смѣшлива во всѣхъ обстоя-

тельствахъ жизни, даже въ очень тяжелыхъ, то молоденькая ссыльная часто смѣялась, глядя на своего коменданта на-босу-ногу.

— Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ! замѣчалъ онъ ей.

Что онъ хотѣлъ этимъ сказать — неизвѣстно: вѣроятно, онъ думалъ побить ее своею книжною ученостью, да на бѣду у ученаго офицера на-босу-ногу книги сгорѣли.

— Теперь-то вы натерпитесь всякаго горя, говорилъ гвардейскій офицеръ, провожавшій ссыльныхъ до Тобольска, прощаясь съ ними, и даже плакалъ, оставляя ихъ въ далекой сторонѣ и возвращаясь въ Россію, въ Москву, въ Петербургъ.

— Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ, отвѣчала на это Наталья Борисовна.

Оттуда ссыльныхъ повезли на суднѣ, но на такомъ старомъ и гниломъ, точно оно сдѣлано было именно для того, чтобы гдѣнибудь утопить арестантовъ.

Надо къ этому прибавить, что Наталья Борисовна дѣлала этотъ далекій и трудный переѣздъ беременною.

Черезъ четыре мѣсяца, въ Березовѣ, она родила сына Михаила, — и вотъ у нея никого нѣтъ — ни бабки, ни кормилицы. Сына своего князя княжъ сына Михайлу Долгорукова вспоила она коровьимъ молокомъ.

Говорятъ, что въ Березовѣ или по пути туда Долгоруковы встрѣтились съ Меншиковыми: одни ѣхали въ Березовъ, другіе изъ Березова. Только обѣ царскія невѣсты не встрѣтились уже тамъ: Марья Меншикова съ генваря этого года лежала уже въ мерзлой сибирской землѣ, съ двумя младенцами, тоже Долгорукими, отъ князя Федора Васильевича Долгорукаго.

Намъ уже извѣстно изъ предыдущихъ очерковъ, что въ Березовѣ находилась вся семья Долгорукихъ: старикъ Алексѣй Гри-

горьевичъ, его сыновья и дочери, въ томъ числѣ бывшая невѣста покойнаго императора Петра II-го, сестра бывшаго его фаворита Ивана Алексѣевича—Катерина. Несчастная связь ея съ тамошнимъ гарнизоннымъ офицеромъ Овцынымъ и отказъ въ благосклонности тобольскому подъячему Тишину были причиною, что, по доносу Тишина, всѣхъ Долгорукихъ, кромѣ женщинъ, забрали изъ Березова въ 1739 году.

Схваченъ былъ и мужъ Натальи Борисовны, которая долго не знала, гдѣ онъ и что съ нимъ сдѣлали,—не знала до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны и до объявленія ей милостиваго позволенія о возвратѣ изъ ссылки.

А между тѣмъ съ мужемъ ея, какъ извѣстно ей стало послѣ, вотъ что было:

По доносу Тишина, Биронъ свезъ всѣхъ Долгорукихъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ ссылки въ Новгородъ и велѣлъ учинить надъ ними слѣдствіе по дѣлу, между прочимъ, о такихъ преступленіяхъ, о которыхъ осужденные и сами не вѣдали.

Оказавшихся наиболѣе виновными въ истинныхъ и мнимыхъ преступленіяхъ казнили.

Казнили жестоко и мужа Натальи Борисовны.

Это была дѣйствительно жестокая, ужасная казнь съ колесованіемъ и рубкою разныхъ членовъ, а потомъ головы.

Насколько молоденькая жена его показала твердость духа, отправившись съ нимъ подъ вѣнецъ, когда голова жениха уже заранѣе обречена была топору, а потомъ не побоялась и ссылки, настолько самъ онъ показалъ геройское терпѣніе, когда умиралъ на плахѣ.

Рубитъ ему палачъ правую руку—

— Благодарю тя, Господи! говоритъ Долгорукій.

Рубитъ палачъ лѣвую ногу—

— ... яко сподобилъ мя еси (продолжаетъ казнимый).

Рубитъ палачъ лѣвую руку—

— ... познать тебя, Владыко! (заканчиваетъ казнимый).

Тогда палачъ отрубаетъ ему и голову — нечѣмъ больше молиться...

Одиннадцать лѣтъ вдова казненнаго пробыла въ Березовѣ.

Возвращенная Елизаветой Петровной изъ ссылки, «великая страдалица», Наталья Долгорукая-Шереметева удалилась въ монастырь, въ Кіевъ. Тамъ она приняла схиму.

Умерла 3-го іюля 1771 года, пятидесяти-шести лѣтъ отъ роду, когда на сцену жизни выступали новыя русскія женщины, которыхъ мы въ свое время скажемъ.

XV.

Императрица Анна Іоанновна.

Семилѣтнимъ ребенкомъ царевна Анна Іоанновна вступила въ восемнадцатое столѣтіе.

Предшествовавшій вѣкъ и его своеобычный строй жизни она могла помнить такъ же смутно, какъ она смутно должна была помнить обстоятельства самаго ранняго дѣтства.

Но дѣтство всегда кладетъ неизгладимую печать на всю послѣдующую жизнь человѣка, на его характеръ и склонности, на симпатіи и антипатіи его духа, при помощи коихъ впослѣдствіи слагаются у человѣка отношенія къ людямъ, къ обстоятельствамъ и всѣмъ явленіямъ жизни.

Семнадцатый вѣкъ не могъ не наложить неизгладимую печать и на всю жизнь лица, о которомъ мы говоримъ, не смотря на то, что лицо это пережило всю эпоху ломки стараго, безпощадной ломки, предпринятой энергическимъ дядею царевны Анны Іоанновны — царемъ Петромъ.

Анна Іоанновна видѣла своими глазами, какъ обрѣзывалась борода у старой Руси, какъ на ея одряхлѣвшее отъ неподвижности, но здоровое тѣло надѣвалось новое платье; она видѣла все это, сама росла повидимому подъ условіями новой жизни; но

дѣтскія ея симпатіи не могли быть вытравлены новыми порядками, и она лишь разсудочно принадлежала новой жизни, подчинялась ея требованіямъ, а во многомъ, по законамъ нравственной инерціи, продолжала жить старою, до-петровскою, домостроевскою жизнью.

Анна Іоанновна была дочь старшаго брата Петра Великаго, «скорбнаго главою» царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой.

Годъ ея рожденія (22-го генваря 1693 года) совпадаетъ съ тѣмъ годомъ, когда ея державный дядя пытался только «прорубать окно въ Европу», которое и прорубилъ десять лѣтъ спустя, въ 1703 году, заложеніемъ Петербурга: въ годъ рожденія царевны Анны юный Петръ только что успѣлъ заложить верфь въ Архангельскѣ и отправить за море, въ Голландію, первый свой «корабликъ».

Такимъ образомъ, хронологически, царевна Анна принадлежала новой Руси; но воспринимала ее отъ купели и пеленала старая Русь, и едва царевна появилась на свѣтъ божій, какъ, по древнему обычаю, во всѣ концы земли русской понеслись гонцы съ государевыми грамотами, такого же содержанія и такой же формы, съ какими носились гонцы по московскому царству съ вѣстями о рожденіи бабушекъ и прабабушекъ царевны.

«Великихъ государей богомъ дарованную радость вѣдать, ратнымъ и всякаго чину людемъ сказать и Господу Богу и пресвятѣй его Богоматери и всѣмъ святымъ о великихъ государей и той новорожденной благовѣрной государыни, царевны и великія княжны Анны Іоанновны многолѣтномъ здравіи молитвы и благодареніе воздавать»—вотъ что оглашалось грамотами по русской землѣ въ день рожденія царевны.

Въ памяти царевны должна была напечатлѣться обстановка ея дѣтства— этотъ старинный дворъ ея матери, царицы Прасковьи, съ тѣми свычаями и обычаями, подъ которыми выростали когда-то и женщины древней Руси.

«Домъ царицы Прасковьи Федоровны—пишетъ ея родственникъ, историкъ Татищевъ—отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатенъ Тимофей Архиповичъ, сумазбродный подъячій, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали, да не столько при немъ, какъ послѣ его предсказанія вымыслили: онъ императрицѣ Аннѣ, какъ была царевною, провѣщалъ быть монахинею и называлъ ее Анфисою; царевнѣ Прасковьѣ—быть за королемъ и дѣтей много имѣть; а послѣ, какъ Анна императрицею учинилась, указывали, яко-бы онъ ей задолго корону провѣщалъ»...

Живя въ такой обстановкѣ, маленькая царевна должна была однако подчиняться требованіямъ новаго времени: а требованія новаго времени тогда выражались единственно въ волѣ Петра. Петръ требовалъ, чтобы всѣ учились — и маленькую царевну должны были отъ часослова и псалтыря «присадить» къ изученію языковъ французскаго и нѣмецкаго.

Для перваго учителемъ взятъ былъ французъ Степанъ Рамбурхъ: этотъ французъ «танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго».

Рамбурху обѣщано было за ученіе царевенъ по триста рублей въ годъ жалованья; но ученье шло такъ плохо, что царевна не научилась ни танцовать, ни писать пофранцузски въ теченіе пяти лѣтъ, и Рамбурхъ, не смотря на «долголѣтнія докуки царицѣ, царевнамъ и государю» о жалованьѣ — ничего не получилъ.

Не легко, какъ видно, привилась новая жизнь въ описанномъ нами выше дворѣ матери царевны Анны Іоанновны.

Нѣмецкимъ учителемъ у царевенъ былъ Остерманъ, старшій братъ прославившагося впослѣдствіи дипломата и кабинетъ-министра Остермана. Но этотъ учитель, по отзыву Дюка-де-Лирія, «былъ величайшій глупецъ», считавшій себя «человѣкомъ съ большими способностями» и говорившій всегда «загадками»: отъ неспособности ли учителя или отъ всей жизненной обстановки — но и нѣмецкое ученье царевенъ шло плохо, такъ что хотя впослѣдствіи Анна Іоанновна долго жила въ Курляндіи, окруженная нѣмцами, однако понѣмецки она не говорила всю жизнь.

Степень ея познаній въ русской грамотѣ мы увидимъ ниже изъ ея любопытныхъ писемъ къ матери.

Ко времени воспитанія царевны Анны относятся интересныя свѣдѣнія, записанныя ея современникомъ, голландскимъ путешественникомъ и живописцемъ Корнеліемъ Ле-Брюномъ.

Петръ желалъ, чтобы Ле-Брюнъ снялъ портреты съ его племянницъ, съ царевенъ, и въ томъ числѣ съ Анны Іоанновны. Когда Ле-Брюнъ былъ представленъ царицѣ Прасковьѣ, то, послѣ перваго привѣтствія, сама царица и царевны подносили ему изъ своихъ рукъ чаши съ водкою, виномъ и пивомъ.

Ле-Брюнъ изображаетъ царевенъ уже въ нѣмецкихъ платьяхъ, которыя онѣ впрочемъ надѣвали только тогда, когда показывались въ публикѣ. Прически царевенъ изображены на портретахъ такія, какія носились въ старой Руси.

По свидѣтельству Ле-Брюна, царевна Анна была блондинка съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Между тѣмъ всѣ позднѣйшіе ея біографы изображаютъ Анну Іоанновну брюнеткою — съ черными глазами, съ смуглымъ цвѣтомъ лица и съ совершенно

черными волосами. Глаза ея и курчавые волосы—говоритъ одинъ нѣмецъ—«чернотою своею могли поспорить съ угленъ».

Ле-Брюнъ говоритъ, что царевна Анна и двѣ другія ея сестры—чрезвычайно мягкаго характера и обворожительно-любезны. Когда онъ рисовалъ портреты царевенъ, онѣ не знали, какъ и чѣмъ его угостить, часто удерживали у себя обѣдать и за столомъ нарочно для него подавали скоромныя кушанья, хотя весь дворъ въ то время, по случаю великаго поста, не употреблялъ скоромной пищи.

Въ 1709 году царевнѣ Аннѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, и Петръ задумалъ немедленно выдать ее замужъ. Брачные союзы Петръ считалъ «сикурсомъ» въ своихъ политическихъ расчетахъ, и въ данномъ случаѣ политическія соображенія руководили имъ въ выборѣ жениха для своей племянницы въ лицѣ шестнадцатилѣтняго курляндскаго герцога, Фридриха Вильгельма.

Въ апрѣлѣ 1710 года намѣченный Петромъ женихъ уже писалъ царю, что желая выразить полную довѣренность къ царскимъ милостямъ и ускорить заключеніе союза между царемъ и разореннымъ до основанія герцогствомъ, которое было театромъ жестокой и опустошительной войны между Россіею и Швеціею,—онъ посылаетъ для заключенія брачнаго контракта довѣренныхъ лицъ. Эти послѣдніе просили, между прочимъ, царя послать къ герцогу портретъ всѣхъ трехъ царевенъ.

Портреты были посланы.

Герцогъ, никогда не видавшій царевенъ, почему-то остановился на портретѣ Анны Іоанновны.

«Мы не имѣемъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей — почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну—позволяемъ себѣ только

догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ».

Царевна Анна была менѣе любима матерью, чѣмъ сестра ея Прасковья: для послѣдней ожидался, вѣроятно, болѣе выгодный женихъ.

Какъ бы то ни было, но женихъ казался доволенъ своею нѣвѣстою.

«Вы не только помогаете мнѣ обезпечить обладаніе моимъ наслѣдственнымъ герцогствомъ, обѣщая силою поддерживать меня противъ внѣшнихъ и внутреннихъ нападеній, но даже пожаловали мнѣ въ супруги ея высочество царевну Анну—дражайшій и любезнѣйшій залогъ благоволенія ко мнѣ вашего величества»— вотъ что писалъ герцогъ царю.

Съ своей стороны царевна, по приказу старшихъ, написала жениху любезное письмо на нѣмецкомъ языкѣ, письмо витіеватое, но слишкомъ казенное.

«Изъ любезнѣйшаго письма вашего высочества — пишетъ невѣста — я съ особеннымъ удовольствіемъ узнала объ имѣющемъ быть, по волѣ Всевышняго и ихъ царскихъ величествъ, моихъ милостивѣйшихъ родственниковъ, бракѣ нашемъ. При семъ не могу не удостовѣрить ваше высочество, что почти не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ услышать ваше объясненіе въ любви ко мнѣ. Съ своей стороны увѣряю ваше высочество совершенно въ тѣхъ же чувствахъ, что̀ при первомъ, сердечно желаемомъ, съ божьею помощью счастливомъ, личномъ свиданіи предоставляю себѣ повторить лично, оставаясь между тѣмъ, свѣтлѣйшій герцогъ, вашего высочества покорнѣйшею услужницею. Анна».

Ясно, что это уже пріемъ новаго времени. Мы видѣли, что не такъ королевичъ Вольдемаръ сватался за бабушку царевны Анны Іоанновны, за царевну Ирину Михайловну: пять лѣтъ

прожилъ женихъ въ Москвѣ, и ему ни разу не показали не только невѣсты, но даже и ея портрета — «парсуны».

Въ августѣ 1710 года женихъ Анны Іоанновны, въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметева, прибылъ въ Петербургъ.

Начались пиры, катанья, фейерверки. Пиры того времени отличались гомерической новоздержностью относительно питья крѣпкихъ напитковъ—и юный женихъ пилъ много, чѣмъ, кажется, и погубилъ себя.

Бракосочетаніе происходило 31-го октября. Описаніе брака разослано было по всѣмъ европейскимъ дворамъ, въ доказательство, что Россія перестала быть варварскою страною и поевропейски справляетъ царскія свадьбы.

Но старая Русь съ ея повѣрьями и предразсудками пряталась за европейскими формами, за нѣмецкимъ платьемъ.

Надъ головою новобрачной висѣла корона изъ лавровыхъ листьевъ; надъ молодымъ герцогомъ — лавровый вѣнокъ. Петръ, во время пира, сорвалъ вѣнокъ герцога, и совѣтовалъ ему, по русскому обычаю, сорвать корону, висѣвшую надъ головой новобрачной герцогини. Юноша не въ силахъ былъ сорвать корону руками, а отрѣзалъ ее ножомъ.

Старая Русь стала шептаться, что это не къ добру.

Но Петру было не до старой Руси: онъ хотѣлъ, чтобы и новая Русь сказалась въ этомъ торжествѣ. Эта послѣдняя сказывалась въ танцахъ и въ безумномъ веселье гостей, наконецъ въ пренебреженіи старыхъ обычаевъ.

Изъ «юрналовъ» (журналы) 1710 года, въ которыхъ описывалась свадьба Анны Іоанновны, мы узнаемъ, что царь за обѣденнымъ столомъ выдумалъ оригинальную забаву. На главномъ столѣ поставлены были два огромнѣйшіе пирога, вышиной болѣе аршина. Пироги изображали десертъ. Когда обѣдъ былъ

онченъ, царь вскрылъ пироги—и вмѣсто начинки изъ пироговъ ыскочили двѣ карлицы. Изумленіе пирующихъ было неописанное. етръ перенесъ карлицъ на другой столъ, и на этомъ столѣ сиѣвшія въ пирогѣ живыя существа исполнили минуэтъ!

Но старая Русь не даромъ шептала, что быть худу.

Худо дѣйствительно скоро совершилось.

Въ генварѣ 1711 года Анна Іоанновна съ мужемъ, поѣ нескончаемыхъ пировъ и забавъ, выѣхали въ свое герцогво, въ Митаву.

Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, въ Дудергофѣ, олодой герцогъ умеръ. Полагаютъ, что юноша не вынесъ наихъ брачныхъ пиршествъ и умеръ просто жертвою непомѣрнаго итья горячихъ напитковъ.

Рано осталась Анна Іоанновна вдовою.

Тѣло герцога въ великолѣпномъ гробѣ отправили въ Митаву, ь герцогскій скленъ, а молодая вдова воротилась въ старый ъмъ матери, въ село Измайловское.

Но Петръ не желалъ оставлять Курляндію безъ герцогини. го желаніе было переселить туда, все семейство царицы Прасовьи, и вотъ онъ, въ апрѣлѣ 1712 года, пишетъ сенату: «Поеже невѣстка наша, царица Прасковья Федоровна съ ѣтьми своими въ скоромъ времени поѣдетъ отселѣ въ Курляндію будетъ тамъ жить; а понеже у нихъ людей мало, для того пустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ халъ съ Москвы прямо въ Ригу, не мѣшкавъ».

Черезъ годъ послѣ этого, мы видимъ уже Анну Іоанновну ольною. Она гоститъ у матери, въ селѣ Измайловскомъ, а между змъ Петръ настаиваетъ, чтобъ она ѣхала съ дочерью въ Курляндію.

Мать Анны боится прогнѣвить царя своею медленностью, боится и ѣхать съ больною дочерью.

«Алексѣй Васильевичъ—пишетъ она кабинетъ-секретарю Макарову — здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй, донеси невѣстушкѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкается до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ царскаго величества,—во истинно за великими моими печалями. А печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла тринадцать недѣль каменною болѣзнію, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнью горячкою. А ежели имъ угодно скоро быть, и я, хотя больную, повезу. И ты пожалуй отпиши ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть — чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвать»...

Скудное было житье Анны Іоанновны въ Курляндіи. Страна разорена войнами. Доходовъ никакихъ.

И вотъ царица Прасковья плачется за свою дочь передъ царемъ:

«Правительствующій сенатъ, не получа указу именнаго изъ походу (т. е. отъ Петра, постоянно отсутствующаго), никакого денежнаго вспоможенія на пути моей царевны учинить не хочетъ, о чемъ прошу указу тому сенату.

«Изъ моей опредѣленной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царевну отпуская, всячески ее снабдѣвала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

«Сопзволили писать ко мнѣ, что въ Курляндіи все ей, царевнѣ моей, опредѣлено; съ чѣмъ ей тамъ жить и по обыкновенію княжескому порядочно себя содержать, о томъ именно не означено. Прошу о подлинномъ того всего себѣ увѣдомленіи: изъ вашей ли казны, или съ подданныхъ того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

«Извольте меня подлинно увѣдомить, чтобъ мнѣ и моей царевнѣ впредь изъ какого недознанія какой неугодности вамъ не учинить: что ей, царевнѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по примѣру ли прежнихъ княженъ вести себя и чиновно дворство содержать, или просто?

«Чтобъ мнѣ дозволено было самой проводить царевну мою до мѣста на время, и потомъ въ нужные случаи ѣздить къ ней и видѣться, чтобъ при такой ея новости тамъ во всемъ отпасть и управить.

«Каретъ и лошадей мы беремъ на долговныхъ людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевнѣ моей, безъ особой дачи исправить нечѣмъ. Прошу на то объ указѣ.

«Повелите ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему старому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шляхетства, по пристойности дѣла.

«Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, перемѣнить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде при царевнѣ моей, который тамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ не опечалить, и быть на его мѣсто впредь иному, кому вы соизволите.

«На сіе всепокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и объ отповѣди себѣ, чего я и моя царевна здѣсь ожидать будемъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до васъ отъ меня посланъ».

Упоминаемый въ челобитной «несносный гофмейстеръ» — это Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ, по повелѣнію царя завѣдывавшій всѣми дѣлами Курляндіи, собиравшій съ этой страны доходы и выдававшій на содержаніе герцогини Анны «столько — какъ приказывалъ ему Петръ — безъ чего нельзя пробыть».

Полагаютъ, что Бестужевъ-Рюминъ возбудилъ неудовольствіе къ себѣ старой царицы по разнымъ интригамъ и сплетнямъ, которыя приняли наконецъ форму прямого обвиненія, весьма можетъ быть неосновательнаго, будто бы Анна Іоанновна оказывала ему непозволительное для молодой вдовы вниманіе. Быть можетъ, что это клевета, не смотря даже на то, что клевету эту подтверждаетъ и князь Щербатовъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи о «поврежденіи нравовъ». Какъ человѣкъ, ратовавшій противъ новизны и спеціально избравшій своимъ предметомъ доказательство поврежденія нравовъ въ новой Руси, Щербатовъ во всемъ могъ видѣть порокъ и развратъ.

Поэтому едва ли можно принимать безъ критики его слова, относящіяся къ Аннѣ Іоанновнѣ: «не можно оправдать Анну Ивановну въ любострастіи, ибо подлинно, что бывшій у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ»...

Какъ бы то ни было, но это обвиненіе лежало на молодой вдовѣ, и сама мать ея, царица Прасковья, давала поводъ къ неблаговиднымъ толкамъ о поведеніи дочери.

Но Петръ не вѣрилъ сплетнямъ. Не вѣрила имъ и Екатерина Алексѣевна.

Такъ отвѣчая на одну изъ слезницъ царицы Прасковьи по этому поводу, Екатерина говоритъ:

«Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла станутъ, и то его величеству зѣло будетъ противно.

И зѣло я тому удивляюсь, что ваше величество такъ долго гнѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приноситъ, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него гнѣвъ имѣете».

Относительно же матеріальнаго обезпеченія Анны Іоанновны, царица Прасковья получила такой отвѣтъ отъ Екатерины:

«Государыня моя, невѣстушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

«Письма вашего величества чрезъ присланнаго вашего Никиту Іевлева исправно дошли, [illegible] которыя доношу: объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу, и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ конечно снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда Богъ дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудетъ, тогда не надобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ содержать, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Виндавѣ и Митавѣ, всякіе денежные поборы для того нарочно велѣно собирать. Что же ваше величество упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житья, что́ я за благо не почитаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить, а къ тому же я нашѣ[illegible]

помощи божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха сыщетъ, и тогда уже меньше вашему величеству будетъ печали».

Мать Анны Іоанновны входила повидимому во всѣ мелочи жизни своей дочери, какъ это и должно было быть, когда старинное воспитаніе положительно не пріучало молодую женщину къ самостоятельности. Оттого и молодыя и старыя женщины того времени считали себя еще болѣе безпомощными, чѣмъ женщины современныя намъ.

Поэтому, царица Прасковья докучаетъ Екатеринѣ то тѣмъ, чтобъ къ Аннѣ курляндской назначить тѣхъ, а не другихъ придворныхъ, то перемѣнить у нея пажей, то дать ей хорошихъ совѣтчиковъ.

«Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу Матвѣеву или Львову—отвѣчаетъ Екатерина на одну изъ такихъ материнскихъ докукъ—и тѣ обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобъ взять изъ школьниковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чемесовъ и прочіе, и тѣ гораздо плохи».

Впрочемъ всѣ, кажется, смотрѣли на Анну Іоанновну, герцогиню курляндскую, какъ на ребенка: — даже поставка ей туалета зависѣла отъ царя и отъ Бестужева-Рюмина. Мало того, Петръ лично распоряжается, какихъ водокъ ставить ко двору герцогини курляндской: «ангеликовой одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина пять ведеръ; изъ гдатскихъ водокъ: цитронной, померанцовой, персиковой, коричневой — по одному ведру».

Молодая герцогиня, повидимому скучавшая въ Курляндіи, продолжала ѣздить къ матери. Курляндцы считали это для себя конфузіей», и Петръ такъ утѣшаетъ ихъ въ этой «конфузіи» резъ Бестужева:

«Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество конфузіи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны, извѣстенъ, указалъ къ вамъ отписать, чтобы вы доброжелательныхъ курляндцевъ обнадежили въ томъ, что ея высочество имѣетъ возратиться паки въ Курляндію и жить тамъ».

Ваше мы сказали, какое воспитаніе давалось тогда царевнамъ.

Русская женщина только начинала учиться, и потому неудивительно, что первые шаги ея на поприщѣ грамотности были не особенно успѣшны.

Трудно даже повѣрить, чтобы царевна, племянница Петра-преобразователя, герцогиня курляндская, писала такія письма, какъ приводимое нами ниже письмо Анны Іоанновны къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Но въ исторической жизни русской женщины важно и то, что она начинаетъ сама писать. Какъ она пишетъ — это другой опросъ.

Вотъ одно изъ драгоцѣнныхъ писемъ Анны Іоанновны, распорѣчивѣе цѣлыхъ трактатовъ говорящее о степени образованія тогдашней женщины и ея жизненной обстановкѣ:

«Государыня моя матушка тетушка царица Екатерина Алексѣевна здравствуй государыня моя на многия лета вкупе съ государемъ нашимъ батюшкомъ, дядюшкой и государынями нашими сестрицами.

«Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала ізволила вспомнить меня. Незнаю матушка мая, какъ мнѣ благодарить за высокую вашу миласть, какъ я обрадовалась Богъ васъ свѣтъ моі самае такъ порадуетъ, еі еі дарагая мая тетушка я на свете ничему такъ не радовалась, какъ нынче радуюсь о миласти вашей всебѣ; прашу, матушка мая, впредь меня содержать всвоеі неотменоі миласти, ей ей у меня краиѣ тебя свѣтъ моі нетъ никакоі надѣжды; і вручаю я себя вмиласть тваю матеренскую; і надѣюсь, радость мая, тетушка што не оставишь меня всвоей миласти і до маей смерти; изволили вы свѣтъ мой ка мнѣ приказовать, штобъ я отписала про Василия Ѳедоровича (Салтыковъ, дядя Анны Іоанновны), и я донашу. Котороі здеся бытностію сваею многіе мнѣ противности дѣлалъ, какъ славами, такъ и публичными поступками, противъ маей чести; между которыми раза стри со слезами отъ него отшла... Онъ же сердился на меня за Бестужева, показовая себя, штобъ онъ былъ, іли кто другой, ево руки, на Бестужева места. И прошу свѣтъ моі до таво не допустить: я отъ Бестужева во всемъ доволна, и въ моихъ здешнихъ делахъ, очинь харашо поступаетъ,— І о всѣхъ Василья Ѳедоровича поступкахъ писать я немогу; і приказала вамъ, матушка моя, славами о всемъ донесть Маврину. І поѣхалъ Василій Ѳедоровичъ отъ меня серцамъ; можно было видѣть, што онъ снадеждоі поѣхалъ, штобъ матушкѣ на меня мутить. Ізвесна свѣтъ мой вамъ, какъ оне намутили на сестрицу (Екатерину Ивановну); і какъ онъ пріѣхалъ вшитербурхъ, і матушка изволить ка мнѣ писать не такъ милостива, какъ прежде исволила писавать; а нынче ісволитъ писать, штобъ я не печалилась: «я де не сердита», а я своей вины еі, еі не знаю; а можна видѣть по письмамъ, што гневна на меня; і мне, свѣтъ мой, печальна, што насъ мутятъ; также какъ праважалъ

сестрицу. Окуневъ до земля, і былъ здесь, і приѣхалъ отселя въ Питербургъ, і онъ не мала напрасно на меня намутилъ матушке; і чаю вы, свѣтъ мой, таго Окунева изволите знать; и ни чимъ не магу радоваца; толка радуюсь матушка мая, тваею миластію ксебѣ. И княжна (Александра Григорьевна Долгорукая, злополучная жена В. Ф. Салтыкова) поехала отъ меня, и мне сказала тихонка, што поедетъ исриги вваршаву кацу.

«При семъ прошу, матушка моя, какъ у самаго Бога, у васъ, дарагая моя тетушка, покажи надо мною материнскую миласть: попраси, свет моі, миласти у дарагова государя нашева, батюшка дядюшка, оба мне, штобъ показалъ миласть: мое супружественнае дела каокончанію привесть, дабы я болше всокрушении і терпени от моіхъ злодеевъ, ссораю кматушке не была; істенна, матушка моя, донашу несносна какъ наши ругаюца; если бы я таперь была при матушке, чаю бы чуть была жива отъ іхъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю сокрушилась; неоставъ моі свѣтъ сіе всвоеі миласте.

«Также исволили вы, свѣтъ моі, приказовать камне: нетли нужды мне вчомъ? здесь вамъ, матушка мая, извесна, што у меня ничево нетъ, краме што своли вашей выписаны штофы; а ежелі кчему случаі позаветъ, і я не имѣю нарочитыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотенъ, ни платья нарочетава; і втомъ ка мне ісвольте учинить, матушка моя, по высокаі своеі миласти, і здешныхъ пошленыхъ денекъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ і столъ свои вгодъ содержать; также определенъ, по вашему указу, Бестужева сынъ ка мне оберъ-камарамъ юнкерамъ; і живетъ другой годъ безжалованья; и проситъ у меня жалованья; і вы, светъ моі, какъ ізволите; і прашу матушка моя не прагневаца на меня, што утрудила своимъ письмомъ, на-

деючи на миласть вашу ксебѣ; еще прашу светъ моі, штобъ матушка не вѣдала ничево; і кладусь волю вашу, какъ матушка моя изволишь самною. При семъ племянница ваша Анна кланеюсь».

Указываютъ и еще на одно письмо отъ этой же эпохи жизни Анны Іоанновны, письмо, въ которомъ будто бы проглядываетъ ея нѣжная заботливость о своемъ пятидесяти-четырехлѣтнемъ гофмейстерѣ, тогда какъ самой герцогинѣ было только двадцать-пять лѣтъ; но и въ этой заботливости мы опять-таки не видимъ ничего подозрительнаго, не смотря на брюзгливый отзывъ объ этомъ предметѣ князя Щербатова. Напротивъ, письмо это вполнѣ драгоцѣнно для насъ въ историческо-бытовомъ отношеніи.

«Государыня моя тетушка і матушка царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй государыня моя на многия лета вкупе згосударемъ нашимъ дядюшкомъ и батюшкомъ ізгосударынеми нашеми сестрицами — пишетъ Анна Іоанновна отъ 1-го ноября 1719 года.

«Прашу, свѣтъ моі тетушка, содержать меня ввашей высокой миласти, вкотораі моі и животъ, и всю маю надежду, і отъ всехъ пративностей защищение имею; еще прашу вашеі высокоі миласти кБестужеваі дочери, княгіне Волконскаі, каторая ныне отселя поехала не оставить еіе ввашеі высокоі миласти.

«При семъ, матушка моя дарагая, посылаю вашему величеству досканъ енътарноі, о каторамъ, светъ моі, прашу миластива принять.

«При семъ племянница ваша Анна кланяеца».

Какъ бы то ни было, но отношенія Анны Іоанновны къ Бестужеву Рюмину, при всей ихъ можетъ быть безупречности, составляютъ печальную страницу въ жизни будущей императрицы.

Отношенія эти поссорили ее съ матерью, крутой нравъ ко-

рой и суровая воля постоянно силились повидимому гнуть волю задцатипятилѣтней дочери: въ царицѣ Прасковьѣ и въ отношеніи ея къ дочери, царевнѣ Аннѣ, таились искры женщины тараго закала, вродѣ Софьи Витовтовны, которая держала ь рукахъ и мужа и сына.

Уже на смертномъ одрѣ, за два дня до своей кончины, суровая царица пишетъ Аннѣ Іоанновнѣ:

«Слышала я отъ моей вселюбезной невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сомнѣніи, яко бы запрещеніемъ или тако рещи—проклятіемъ отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сомнѣвайся: все для вышепомянутой ея величества моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки отпущаю вамъ и прощаю вамъ во всѣмъ, хотя вы въ томъ предъ мною и погрѣшили».

Между тѣмъ время шло, а герцогиня Анна оставалась вдовствующею, не смотря на заботы царственнаго дяди найти ей жениха во множествѣ германскихъ герцоговъ и курфирстовъ.

Вообще все время пребыванія Анны Іоанновны въ Курляндіи представляется самою безцвѣтною страницею въ ея жизни.

Около того времени, когда нападки на отношенія ея къ Бестужеву-Рюмину особенно усилились, появляется новое дѣйствующее лицо — Биронъ. Неотразимое вліяніе этой послѣдней личности проходитъ чрезъ всю жизнь Анны Іоанновны, и какъ герцогини курляндской, и какъ императрицы всероссійской.

Самъ Бестужевъ-Рюминъ ходатайствовалъ сначала о принятіи той никому неизвѣстной и ничѣмъ не выдававшейся личности о двору Анны курляндской. Впослѣдствіи личность эта сѣла на мѣсто своего благодѣтеля. Мало того, личность эта скоро начала путь по своему всю Курляндію, которая не хотѣла удостоить то званіемъ дворянина, а подъ конецъ нашла въ немъ своего

самодержавнаго герцога и чуть не диктатора-регента всей великорусской земли.

Но пока живъ былъ «батюшка-дядюшка» Петръ, голоса Бирона не слышно было въ Курляндіи, а слышенъ былъ только голосъ царя, помимо герцогини Анны отдававшаго приказъ Бестужеву: «Понеже слышу, что при дворѣ моей племянницы люди не всѣ потребные, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только, также порядку нѣтъ при дворѣ, какъ въ лишнемъ жалованьѣ, такъ и въ расправѣ между людьми. На которое симъ накрѣпко вамъ приказываемъ, чтобъ сей дворъ въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ имѣли, жалованье чтобъ не больше по чинамъ довано было, какъ при прежнихъ герцогиняхъ; людей непотребныхъ отпусти и впредь не принимай; винныхъ наказывай, понеже неисправленіе взыщется на васъ».

Съ принятіемъ ко двору Бирона для Анны начинается новая жизнь: ее уже повидимому не тянетъ ни въ Москву, ни въ свое излюбленное отъ дѣтства село Измайловское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются для нея и новыя огорченія, ввидѣ намековъ и нашептываній о Биронѣ, о его камеръ-юнкерствѣ, о его необыкновенномъ фаворѣ.

Чтобы заглушить нашептыванья, чтобы шпіоны и завистники вновь не «намутили» на нее при дворѣ грознаго «батюшки-дядюшки», Анна рѣшается женить своего камеръ-юнкера Бирона на одной изъ своихъ придворныхъ, на испещренной оспою дѣвицѣ Бенигнѣ Трейденъ.

Но вотъ умираетъ и грозный «батюшка-дядюшка».

Въ послѣднее свое пребываніе въ Россіи, еще при Петрѣ, Анна присутствовала при коронаціи Екатерины. Тогда съ нею познакомился и герцогъ голштинскій, впослѣдствіи мужъ царевны Анны Петровны и отецъ императора Петра III.

Извѣстный камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, находившійся при голштинскомъ герцогѣ, такъ говоритъ о встрѣчѣ герцога съ Анной Іоанновной: «15-го марта его королевское высочество дѣлалъ парадный визитъ герцогинѣ курляндской. Она приняла его очень ласково, но не просила садиться и не приказывала разносить вино, какъ обыкновенно здѣсь водится. Герцогиня женщина живая и пріятная, хорошо сложена, не дурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе».

Но чѣмъ дальше, тѣмъ повидимому больше вырабатывается у этой женщины царственная самостоятельность, что впрочемъ не трудно объяснить: — грознаго «дядюшки-батюшки» уже не было на свѣтѣ.

Около Анны, съ помощью Бирона, начинаетъ сплачиваться курляндская партія, которая и начинаетъ парализировать силу Бестужева-Рюмина и всей русской партіи въ Митавѣ.

Въ это время у Анны Іоанновны является новый женихъ, въ лицѣ знаменитаго Морица саксонскаго, непосѣстнаго искателя приключеній изъ типа бродячихъ средне-вѣковыхъ кондотьери.

Морица курляндцы хотятъ сдѣлать мужемъ Анны въ противовѣсъ русскому вліянію.

Является непосѣстный Морицъ въ Митаву — и его избираютъ въ герцоги. Депутація курляндцевъ проситъ Анну одобрить выборъ страны и отдать свою руку Морицу. Послѣдняя проситъ Остермана доложить Екатеринѣ, своей «матушкѣ-тетушкѣ»: «чтобъ ея императорское величество повелѣла сіе мое дѣло съ принцемъ Морицемъ совершить».

Принцъ ей нравится; но онъ не нравится Меншикову, которому самому хочется надѣть на себя корону Курляндіи.

Съ цѣлью получить герцогство, Меншиковъ пріѣзжаетъ въ Митаву. Анна Іоанновна сама является къ нему съ слезною просьбою вдовицы.

«Начала она рѣчь объ извѣстномъ курляндскомъ дѣлѣ съ великою слезною просьбою — доноситъ Меншиковъ императрицѣ — чтобы въ утвержденіи герцогомъ курляндскимъ князя Морица и, по ея желанію, о вступленіи съ нимъ въ супружество, могъ я исходатайствовать у вашего величества милостивѣйшее повелѣніе, представляя резоны: первое, что уже сколько лѣтъ какъ вдовствуетъ; второе, что блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ имѣлъ объ ней попеченіе, и уже о ея супружествѣ съ нѣкоторыми особами и трактовать были намѣрены, но не допустилъ того нѣкоторый случай»...

Самъ претендуя на корону, Меншиковъ хочетъ силою отнять жениха у плачущей Анны. Противъ жениха посылается войско. Но Морицъ, какъ подобаетъ бродячему рыцарю, съ шестью-десятью молодцами своей свиты обороняется отъ войска. Мало того, невѣста въ подмогу рыцарю посылаетъ свою герцогскую гвардію — и руссій отрядъ, посланный Меншиковымъ для отнятія жениха у Анны Іоанновны, отступаетъ.

Герцогиня беретъ Морица въ свой замокъ, отводитъ ему тамъ помѣщеніе, каждое утро посылаетъ къ нему пажа узнавать о здоровьѣ, а другого — принимать отъ него приказанія.

Но странствующій рыцарь оказывается вѣтреннѣе Донъ-Кихота: онъ заводитъ интриги въ замкѣ, волочится за придворными дамами, компрометируетъ свое положеніе и репутацію невѣсты—и невѣста оказываетъ ему явную холодность.

Умираетъ и «тетушка-матушка» Екатерина.

Биронъ и курляндская партія еще выше поднимаютъ голову. Анна Іоанновна уже меньше заискиваетъ въ Петербургѣ,

гдѣ на престолѣ сидитъ ребенокъ-императоръ, племянникъ ея, Петръ II, водимый на помочахъ то одною, то другою сильною рукою царедворцевъ.

Бирономъ, оттѣснившій отъ Анны Іоанновны Бестужева-Рюмина, уже кричитъ на этого послѣдняго какъ на стараго дворецкаго.

«Онъ меня публично бранилъ и кричалъ въ каморѣ при дворѣ — жалуется Бестужевъ въ Петербургъ. — Его бѣдная фамилія въ десяти персонахъ не смѣла къ шляхетскому стану мѣшаться, нынѣ весьма стала горда и богата».

Около Анны Іоанновны все тѣснѣе и тѣснѣе сплачивается кружокъ курляндскихъ нѣмцевъ, и кружокъ этотъ не въ мѣру растетъ: Биронъ — уже камергеръ, гофмаршалъ Сакенъ, оберъ-гофмейстерина фонъ-деръ-Реннъ, шталмейстеръ и футтермейстеръ, три камеръ-юнкера, двѣ камеръ-фрейлины, одна камеръ-фрау, множество гофратовъ, рейтмейстеровъ, секретарей, переводчиковъ, камеръ-лакеевъ — все это нѣмцы, и между ними нѣтъ ни одной русской фамиліи. Въ Москвѣ, отъ имени Анны Іоанновны, живетъ ея резидентъ, тоже нѣмецъ, Корфъ.

Имя русскихъ становится и презрѣнно и ненавистно въ Курляндіи: ясно, что нѣмецкія симпатіи Петра, перешедшія на его потомство и не сдерживаемыя его всерегулирующимъ геніемъ въ предѣлахъ разумности, зашли за предѣлъ упругости. То, что писала Екатерина царицѣ Прасковьѣ, совѣтуя ей взять ко двору Анны Іоанновны пажей изъ курляндцевъ — «ибо которые русскіе — и тѣ гораздо плохи» — это мнѣніе становится какъ-бы господствующимъ: всѣ русскіе почему-то разомъ оказываются «гораздо плохи».

Повидимому мягкая и безвольная Анна Іоанновна начинаетъ показывать царственную волю. Нѣсколько лѣтъ назадъ

она жаловалась на свое вдовство, а теперь ей представляется партія въ лицѣ герцога Фердинанда — и герцогиня оказывается «къ нему не склонна».

Вмѣсто Бестужева-Рюмина изъ Петербурга посылаютъ въ Курляндію Безобразова — и Анна Іоанновна не пускаетъ его въ свои помѣстья, грозитъ, что сама будетъ защищать ихъ.

Курляндія видимо подняла голову—и замѣчательно, съ этою высоко поднятою головою микроскопическое, сравнительно съ цѣлою Россіею, герцогство стояло надъ русской землею до самаго возшествія на престолъ Елизаветы Петровны.

Съ 18-го на 19-е генваря 1730 года умираетъ юный императоръ Петръ II. Мужская линія Петра Великаго на этомъ мѣстѣ обрывается.

Остаются — дочь Петра Великаго Елизавета Петровна и племянницы его, изъ которыхъ Анна Іоанновна топографически всѣхъ ближе къ Петербургу.

Въ ночь смерти императора собираются «верховники» на совѣщаніе объ избраніи новаго государя. Между «верховниками»— графъ Головкинъ, князья Долгорукіе — Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, Ягужинскій.

— Батюшки мои! — возвышаетъ свой голосъ Ягужинскій:— прибавьте намъ какъ можно воли... Теперь время думать, чтобъ самовластью не быть.

Выборъ «верховниковъ» останавливается не на дочери Петра Великаго, а на племянницѣ, на Аннѣ Іоанновнѣ.

Алексѣй Долгорукій—требуетъ короны для своей дочери, красавицы Екатерины, находившейся въ ссылкѣ послѣ помолвки съ покойнымъ императоромъ Петромъ II. Онъ требуетъ для нея короны, «яко для обрученной невѣсты».

Но имя Анны Іоанновны побѣждаетъ.

— С[illegible]о почившаго императора — говоритъ при этомъ [illegible]нъ — прекратилось мужское поколеніе Петра I. [illegible]ного терпѣла отъ деспотическаго его управленія, чему не [illegible]о содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда привлеченные. Надо ограничить произволъ хорошими узаконеніями поднести императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями.

При этомъ, въ совѣщаніи «верховниковъ» заявляется, что Анна Іоанновна, въ случаѣ принятія короны, обязывается не брать съ собою Бирона, о которомъ уже составилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ упрямомъ, заносчивомъ и заклятомъ врагѣ всѣхъ русскихъ.

Тотчасъ же составлены «условія»:

Императрица правитъ государствомъ не иначе, какъ по согласію съ верховнымъ совѣтомъ.

Власти ея не подлежатъ: веденіе войны, заключеніе мира, наложеніе новыхъ податей, назначеніе въ высшія должности, наказаніе дворянина безъ доказательствъ его преступленія, конфискація имуществъ, распоряженіе казенными землями.

На содержаніе двора назначается извѣстная сумма.

Учреждается верховный совѣтъ: онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ и союзы.

Государственный казначей даетъ ему отчетъ въ расходахъ государственной казны.

Учреждается сенатъ: онъ разсматриваетъ дѣла, поступающія въ верховный совѣтъ.

Учреждается собраніе изъ двухъ-сотъ мелкихъ помѣщиковъ: собраніе защищаетъ права этого сословія, въ случаѣ если бы верховный совѣтъ нарушилъ ихъ.

Учреждается собраніе изъ дворянъ и купцовъ; оно обязано наблюдать, чтобы народъ не былъ угнетаемъ.

«Условія» эти оказались мертворожденными.

Въ девять часовъ утра Анна Іоанновна объ[illegible] императрицею.

Вечеромъ въ Митаву отправляется депутація, состоявшая изъ [illegible]ерала Леонтьева, князя Михайла Голицына и князя Василья [illegible]ича Долгорукаго.

Между тѣмъ въ Москвѣ является сильная партія, которая идетъ въ разрѣзъ съ желаніями верховниковъ.

Это — Салтыковъ, Лопухинъ, графъ Апраксинъ, князь Черкасскій и множество другихъ сановниковъ.

Они составляютъ адресъ, въ которомъ доказываютъ необходимость единовластія, «особливо гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія или познанія пользы и вреда законъ хранитъ».

Они требуютъ также болѣе правильнаго распредѣленія доходовъ духовенства, «чтобы деревенскіе священники могли имѣть средства воспитывать своихъ дѣтей».

Они же, наконецъ, требуютъ «отдѣлить природное шляхетство отъ выслужившагося».

25-го генваря депутація «верховниковъ» находится уже въ Митавѣ и представляетъ императрицѣ, вмѣстѣ съ актомъ избранія ея на престолъ, вышепомянутыя «кондиціи».

Анна Іоанновна совѣтуется съ Бирономъ относительно «кондицій», и Бирон рѣшительно настаиваетъ, чтобы императрица немедленно согласилась на принятіе престола, но не какъ избранная государыня, а какъ наслѣдница, имѣющая право на скипетръ и корону отъ одного Бога.

Тогда Анна Іоанновна собственноручно пишетъ на поданныхъ ей «кондиціяхъ»: «по сему обѣщаюсь все безъ всякаго изъятія содержать».

И тутъ же, въ особомъ рескриптѣ верховному совѣту объявляетъ: «Отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили, что, по соизволенію Всемогущаго Бога, который токмо единъ державы и скипетры монарховъ опредѣляетъ, избраны мы на россійскій прародителей нашихъ престолъ»....

Въ рескриптѣ же пояснялось, что помянутыя ограниченія сдѣланы будто бы по волѣ самой императрицы.

3-го февраля, въ собраніи верховнаго совѣта документы эти были прочитаны.

Передъ прочтеніемъ ихъ верховный совѣтъ распорядился разставить повсюду «вооруженное воинство—и (восклицаетъ знаменитый ораторъ и святитель Феофанъ Прокоповичъ) дивное было всѣхъ молчаніе!»

Молчаніе было прервано тѣмъ же княземъ Дмитріемъ Голицынымъ.

— Видите-де (говоритъ онъ), какая милостивая государыня, и каково мы отъ нея надѣялись, и таково она показала отечеству нашему благодѣяніе. Богъ ея подвинулъ къ писанію сему. Отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!

14-го февраля совершается торжественное вшествіе новой императрицы въ Москву.

Верховники предчувствуютъ, что дѣло ихъ не добромъ кончится: — отъ своей родственницы и статсъ-дамы Салтыковой императрица знаетъ все, что̀ безъ нея дѣлалось въ Москвѣ.

25-го февраля во дворецъ собирается до восьми-сотъ вельможъ и офицеровъ; собравшіеся просятъ аудіенціи.

Императрица является къ этой блестящей толпѣ просителей и принимаетъ отъ нихъ коллективную челобитную, въ которой заявлялось, что подписанныя государынею кондиціи—опасны для Россіи и что форма правленія должна быть избрана по большинству голосовъ.

«Учинить по сему» — пишетъ императрица резолюцію на челобитной.

Блестящая толпа просителей, забывъ содержаніе своей челобитной, тутъ же проситъ императрицу принять полное самодержавіе, по примѣру прародителей.

Императрица соизволяетъ на моленія челобитчиковъ — и разрываетъ «кондиціи», подписанныя въ Митавѣ и ставшія уже безполезными.

«Вечеромъ—говоритъ покойный академикъ П. П. Пекарскій—въ Москвѣ раздавались радостныя восклицанія.... но на небѣ разлилось кровавое зарево сѣвернаго сіянія, и народъ, смотря на него, думалъ, что не быть добру».

Никто конечно не зналъ, каково будетъ царствованіе новой государыни; но по тому впечатлѣнію, какое она производила на современниковъ, знавшихъ ее лично, скорѣе можно было ожидать добра, чѣмъ худа.

Леди Рондо, имѣвшая возможность часто видѣть императрицу, такъ отзывается о ея наружности и проявленіяхъ ея личнаго характера: «Она почти моего роста, чрезвычайно полна, но не смотря на это, хорошо сложена и движенія ея свободны и ловки. Она смугла, волосы ея черны, а глаза темно-голубые; во взглядѣ ея есть что-то царственное, поражающее съ перваго разу. Когда же она говоритъ, то на губахъ ея является невыразимо пріятная улыбка. Она много разговариваетъ со всѣми, и въ обращеніи такъ привѣтлива, что кажется, будто говоришь съ

равной себѣ; однако же она ни на минуту не теряетъ достоинства государыни. Она, повидимому, очень кротка, и если бы была частнымъ лицомъ, то, какъ я думаю, считалась бы чрезвычайно пріятной женщиной».

По свидѣтельству другого современника, Дюка-де-Лирія, Анна Іоанновна является съ такими чертами своей внѣшней и внутренней индивидуальности:—Императрица Анна толста, смугловата и лицо у нея болѣе мужское, нежели женское. Въ обхожденіи она пріятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любитъ пышность чрезмѣрно, отъ чего дворъ ея великолѣпіемъ превосходитъ всѣ прочіе европейскіе. Она строго требуетъ повиновенія къ себѣ и желаетъ знать все, что̀ дѣлается въ ея государствѣ; не забываетъ услугъ ей оказанныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо помнитъ и нанесенныя ей оскорбленія. Говорятъ, что у нея нѣжное сердце, и я этому вѣрю, хотя она и скрываетъ тщательно свои поступки. Вообще могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголѣтняго царствованія.

Между тѣмъ сохранилась и совершенно противоположная характеристика Анны Іоанновны; но характеристика эта очевидно пристрастна, написана подъ вліяніемъ злого воспоминанія, такъ какъ писана княгинею Натальею Борисовною Долгорукою, женою фаворита покойнаго Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которые всею семьею были сосланы въ Сибирь и потомъ иные изъ нихъ жестоко казнены.

Поэтому, Долгорукая, какъ бы изъ мщенія, говоритъ объ Аннѣ Іоанновнѣ: «Престрашнаго была взору. Отвратное лицо имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста».

Но личность женщины, какъ частнаго лица, и личность женщины, какъ лица государственнаго, въ фокусѣ котораго отра-

жается слишкомъ много чуждыхъ и часто неизбѣжныхъ вліяній, не всегда могутъ быть сопоставляемы, и біографъ долженъ иногда по необходимости отдѣлять женщину отъ государыни, и наоборотъ.

Анна Іоанновна, слишкомъ долго находившаяся, до восшествія на престолъ, подъ жесткою опекою сначала «батюшки-дядюшки» Петра и его слугъ, а потомъ Меншикова, долго боявшаяся всего, что̀ исходило изъ ея суровой родины, изъ Москвы, отъ строгой царицы-матери и отъ всѣхъ русскихъ, у которыхъ она жила въ Курляндіи какъ-бы на хлѣбахъ, — естественно, ставъ императрицею, не могла вытравить въ себѣ того не мирящагося чувства, той горечи, которая находилась въ ней по отношенію къ ея родичамъ русскимъ.

Вотъ почему она и въ Москвѣ и въ Петербургѣ всю, такъ-сказать, окутала себя Курляндіею. Бироны, Трейдены, Левенвольды, Бисмаркъ, Остерманъ, Минихъ—вотъ что стало вокругъ ея трона и отгородило ее отъ русскихъ верховниковъ и всего русскаго.

Но и верховниковъ, предложившихъ ей обидныя «кондиціи», она не тронула: сосланы были только Долгорукіе за то, что не уберегли здоровье императора Петра II, да Сиверсъ и Фикъ—первый за то, что не хотѣлъ пить за ея здоровье, а послѣдній за то, что давалъ совѣты Димитрію Голицыну объ ограниченіи самодержавія.

Потерявъ вѣру въ приверженность къ себѣ русскихъ, императрица естественно ищетъ для себя охраны по возможности внѣ русской сферы. Вѣрные ея слуги курляндцы, представляя императрицѣ о необходимости созданія новой гвардіи въ противовѣсъ старой, петровской, докладываютъ: «офицеровъ опредѣлить изъ лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ и иныхъ націй, и изъ русскихъ, откуда ваше величество повелите».

Выраженіе недовѣрія къ подданнымъ сказалось и въ возобновленіи новою императрицею страшнаго когда-то преображенскаго приказа, который однако переименованъ былъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Къ удивленію, завѣдываніе этимъ учрежденіемъ поручено было русскому, знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову.

Около двухъ лѣтъ по восшествіи на престолъ Анна Іоанновна жила въ Москвѣ, съ которою у нея соединялись дѣтскія воспоманія болѣе, чѣмъ съ Петербургомъ. Притомъ были и другія причины, по которымъ она не охотно переѣзжала въ сѣверную столицу. Объ этомъ отчасти намекаетъ посланникъ Лефортъ, говоря: «Въ Петербургѣ не осмѣливаются произнести ни одного слова противъ государыни, и вообще съумѣли такъ хорошо удалить всѣхъ недовольныхъ, что едва остается слѣдъ русскихъ, которыхъ можно было бы опасаться».

Тогда же состоялся указъ о переводѣ въ Петербургъ и тайной канцеляріи.

Подъ вліяніемъ личныхъ симпатій, въ царствованіе Анны Іоанновны обращено было особенное вниманіе законодательства на коневодство: въ этомъ явленіи сказывалась инціатива, исключительно исходившая отъ Бирона, который былъ большой любитель и знатокъ лошадей. По свидѣтельству Миниха, «герцогъ курляндскій имѣлъ чрезвычайную охоту къ лошадямъ, и потому почти цѣлое утро проводилъ либо въ своей конюшнѣ, либо въ манежѣ. Когда же императрица никогда съ терпѣніемъ не могла сносить его отсутствіе, то не токмо часто туда къ нему приходила, но также возымѣла желаніе обучаться верховой ѣздѣ, въ чемъ наконецъ и успѣла столько, что могла подамски, съ одной стороны на лошади, сидѣть и лѣтомъ по саду въ Петергофѣ проѣзжаться».

Петербургъ и Москва чувствовали, что нѣмецкое вліяніе въ правительствѣ окончательно осилило, и повидимому покорились необходимости; но въ народѣ бродило смутное сознаніе, что такой порядокъ вещей — не удѣлъ русскаго государства, и это сознаніе выражалось то мѣстными вспышками, то побѣгами въ Польшу, то наконецъ безполезнымъ и безсмысленнымъ желаніемъ— поворотить дѣла какъ-нибудь на старый путь.

Для этого у народа было одно средство, вполнѣ ребяческое и никогда ему ничего кромѣ зла не приносившее, но такое, за которое онъ всегда легко хватался: это—самозванство.

И вотъ на восьмомъ году царствованія Анны Іоанновны является самозванецъ. Какому-то работнику Ивану Миницкому представилось—«аки бы отъ нѣкоторыхъ сонныхъ видѣній, ему бывшихъ, что онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ».

Около этого лунатика собираются довѣрчивые слушатели, и безумецъ, окруженный повѣрившими ему солдатами, напутствуемый толпою «многихъ подлыхъ людей», идетъ къ церкви села Ярославецъ. Священникъ встрѣчаетъ его на церковной паперти съ колокольнымъ звономъ, въ сопровожденіи хоругвей и неся на блюдѣ крестъ. Сумасшедшій беретъ въ руку крестъ, къ которому священникъ прикладывается и цѣлуетъ руку безумца. Съ крестомъ въ рукѣ самозванецъ входитъ въ церковь, проходитъ въ алтарь чрезъ царскія врата, беретъ евангеліе и становится съ нимъ въ царскихъ вратахъ—народъ прикладывается къ евангелію, цѣлуетъ руку самозванца, а священникъ поетъ молебенъ, часы, служитъ акафистъ, на эктеньяхъ возноситъ имя царевича, двадцать лѣтъ уже лежавшаго въ землѣ, наконецъ поетъ многолѣтіе и тропарь пятидесятницы. Солдаты стоятъ около безумца съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, падаютъ передъ нимъ на колѣни, съ плачемъ клянутся стоять за него.

И вотъ всѣхъ этихъ дѣтей Румянцовъ забираетъ: самозванецъ и священникъ сажаются живыми на колъ, а прочіе — четвертуются.

Для характеристики Анны Іоанновны можно привести здѣсь отзывы о ней Миниховъ, отца и сына.

Первый изъ нихъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ, такъ очерчиваетъ эту личность:

«Императрица Анна обладала великими достоинствами. Она имѣла проницательный умъ, знала свойства окружавшихъ ее лицъ, любила порядокъ и великолѣпіе, и никогда дворъ не былъ такъ хорошо устроенъ какъ при ней. Она была великодушна и щедро награждала заслуги. Главный недостатокъ ея заключался въ томъ, что она слишкомъ любила спокойствіе и не занималась дѣлами, предоставляя все произволу своихъ министровъ. Этому обстоятельству должно приписать несчастіе Долгорукихъ и Голицыныхъ, которые сдѣлались жертвами Остермана и Черкасскаго, только потому, что превышали ихъ умомъ и способностями. Бирономъ погубилъ Волынскаго, Еропкина и ихъ друзей за то, что Волынскій подалъ императрицѣ записку, гдѣ проводилась мысль о необходимости удаленія любимца. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ императрица горько плакала, когда Биронъ въ раздраженіи угрожалъ покинуть ее, если она не пожертвуетъ ему Волынскимъ и его друзьями».

Минихъ-сынъ, говоря, что слабыя стороны царствованія Анны должны быть объясняемы «прилѣпленіемъ къ нѣкоторымъ худымъ старинным правиламъ», дѣлаетъ такое общее заключеніе:

«Даже ничто не помрачило бы сіянія сей императрицы, кромѣ — что̀ изъ многихъ надъ знаменитыми и великими особами смертельныхъ приговоровъ оказалось—что она собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости слѣдовала. Въ

приватномъ обхожденіи была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ, но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, нежели отъ нея самой. Верховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ курляндскій даже до кончины ея неослабно, и въ угожденіе ему сильнѣйшая монархиня въ христіанскихъ земляхъ лишала себя вольности своей до того, что не токио всѣ поступки свои по его мыслямъ наиточнѣйше распоряжала, но также ни единаго мгновенія безъ него обойтись не могла и рѣдко другого кого къ себѣ принимала, когда его не было. Никогда въ свѣтѣ, чаю, не бывало дружественнѣйшей четы, пріемлющей взаимно въ увлеченіи или скорби совершенное участіе, какъ императрица съ герцогомъ. Оба почти никогда не могли во внѣшнемъ видѣ своемъ притворствовать. Если герцогъ являлся съ пасмурнымъ лицомъ, то императрица въ то же время встревоженный принимала видъ. Буде тотъ веселъ, то на лицѣ монархини явное напечатлѣвалось удовольствіе. Если кто герцогу не угодилъ, тотъ изъ глазъ и встрѣчи монархини тотчасъ могъ примѣтить чувствительную перемѣну. Всѣхъ милостей надлежало испрашивать отъ герцога и черезъ него одного императрица на оныя рѣшалась.

«Герцогъ всѣми мѣрами отвращалъ и не допускалъ другихъ вольно съ императрицею обходиться, и буде не самъ, то чрезъ жену и дѣтей своихъ всегда окружалъ ее такъ, что она ни слова сказать, ниже шага ступить не могла, чтобы онъ тѣмъ же часомъ не былъ о томъ увѣдомленъ. Сей неограниченный и единообразный родъ жизни естественно долженствовалъ рождать многда сытость и сухость въ обращеніи между обѣихъ сторонъ. Дабы сіе отвратить и не явить недовольнаго лица внѣ комнаты предъ чужими очами, — не вѣдали изобрѣсть лучшаго средства, какъ

содержать множество шутовъ и дураковъ мужеска и женска пола. Должность бо́льшей части сихъ людей состояла болѣе ругаться и драться между собою, нежели какія-либо смѣшныя шутки дѣлать и говорить. Они набраны были изъ разныхъ націй и чиновъ. Россійскіе князья изъ знатнѣйшихъ фамилій (князь Голицынъ и графъ Апраксинъ) должны были въ сей роли записываться.... Ни при единомъ дворѣ, статься можетъ, не находилось больше шпіоновъ и наговорщиковъ, какъ въ то время при россійскомъ. Обо всемъ, что̀ въ знатныхъ бесѣдахъ и домахъ говорили, получалъ онъ обстоятельнѣйшія извѣстія, и поелику ремесло сіе отверзало путь какъ къ милости, такъ и богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокихъ чиновъ особы не стыдились къ тому служить орудіемъ»...

Въ заключеніе Минихъ добавляетъ объ императрицѣ: «Она была богомольна и притомъ нѣсколько суевѣрна, однако духовенству никакихъ вольностей не позволяла, но по сей части держалась точно правилъ Петра Великаго. — Станомъ была она велика и взрачна. Недостатокъ въ красотѣ награждаемъ былъ благороднымъ и величественнымъ лицерасположеніемъ. Она имѣла большіе каріе и острые глаза, носъ немного продолговатый, пріятныя уста и хорошіе зубы. Волосы на головѣ были темные, лицо рябоватое и голосъ сильный и пронзительный. Сложеніемъ тѣла была она крѣпка и могла сносить многія удрученія».

Всѣмъ безъ сомнѣнія извѣстно изъ романа Лажечникова— «Ледяной домъ» — о забавѣ, устроенной Бирономъ въ пользу императрицы во время торжества заключенія мира съ Турціею. Игралась свадьба шута, князя Голицына, съ шутихою. Для брачной ночи молодыхъ устроенъ былъ домъ изъ льда и всѣ приспособленія къ нему, мебель, печи и украшенія—все было ледяное и довольно искусно отдѣланное.

При этомъ императрица милостиво наградила всѣхъ приближенныхъ, и «даже тотъ — прибавляетъ графъ Минихъ съ наивностью добросовѣстнаго бытописателя — даже тотъ самый, который за любимою сучкою императрицы присмотръ имѣлъ и по природѣ былъ князь (Голицынъ), получилъ за ревностную службу 3,000 руб. въ подарокъ».

Анна Іоанновна скончалась 17-го октября 1740-го года— десять лѣтъ не дожила до второй половины восемнадцатаго столѣтія.

На эту вторую половину Россія переступила съ другою царственною женщиною, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Чувствуя приближеніе смерти, Анна Іоанновна назначила себѣ преемникомъ не дочь Петра Великаго цесаревну Елизавету Петровну, а трехмѣсячнаго внука своего, Іоанна III Антоновича.

— Когда я подписывала присягу новому императору, признавалась она потомъ Бирону — у меня дрожала рука, а этого не было со мною при подписаніи войны Турціи!

Когда Остерманъ подалъ умирающей императрицѣ для подписанія манифестъ о назначеніи Бирона регентомъ, государыня спросила:

— Кто его писалъ?

— Вашъ нижайшій рабъ, отвѣчалъ Остерманъ.

— Надобно ли тебѣ это? спросила она, обращаясь къ Бирону.

Въ предсмертной агоніи она изъ окружавшихъ ее царедворцевъ узнала одного только Миниха.

— Прощай, фельдмаршалъ, сказала она.

Смерть побѣждала.

— Прощайте, обратилась умирающая ко всѣмъ окружавшимъ ее.

XVI.

Княжна Юсупова.

(Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, въ монахиняхъ Прокла).

Княжна Юсупова была одною изъ тѣхъ женщинъ новой послѣ-петровской Руси, которыя еще помнили Петра Великаго, но которымъ суждено было пережить послѣ него тяжелое время петербургскихъ дворцовыхъ смутъ, бироновщину и т. д., и изъ которыхъ рѣдкая личность не испытала либо ужасовъ тайной канцеляріи, либо монастырскаго заточенія, либо сибирской далекой ссылки.

— Первый императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, говорила впослѣдствіи княжна Юсупова, въ монастырскомъ заточеніи, вспоминая свое дѣтство.

Судьба Юсуповой представляется тайною, до сихъ поръ неразгаданною: одно ясно, что она была жертвою личнаго на нее неудовольствія императрицы Анны Іоанновны; но какая была вина княжны передъ императрицею—это осталось извѣстно только ей, государынѣ, да знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову, начальнику тайной канцеляріи.

Все, что до сихъ поръ извѣстно о несчастной судьбѣ княжны Юсуповой, которая испытала ужасы тайной канцеляріи, нака-

зываема была «кошками» и «шелепами», подверглась ссылкѣ и заточенію повидимому за то, что она, быть можетъ невольно, подобно римскому поэту Овидію, была сопричастна какой-то тайнѣ двора, ее погубившей, хотя никому ею до могилы не выданной,— мы постараемся передать въ нижеслѣдующемъ, по возможности сжатомъ разсказѣ, съ соблюденіемъ только характеристическихъ подробностей, выражающихъ колоритъ эпохи.

Въ сентябрѣ 1730 года, изъ Москвы, изъ царскаго дворца, привезена была въ Тихвинъ, въ тамошній дѣвичій введенскій монастырь, знатная дѣвушка, которую сопровождалъ сержантъ и солдаты.

Дѣвушка сдана была на руки тихвинскому архимандриту Феодосію, подъ началомъ котораго находился монастырь, а тотъ передалъ ссыльную съ рукъ на руки игуменьѣ Дорофеѣ, съ наказомъ — держать накрѣпко привезенную особу и никого къ ней не допускать.

Сержанту, конвоировавшему ссыльную дѣвушку, архимандритъ выдалъ росписку въ полученіи арестантки и отправилъ его обратно.

Привезенная была дочь одного изъ извѣстныхъ подвижниковъ Петра Перваго, генерала князя Григорія Димитріевича Юсупова, княжна Прасковья.

Отецъ несчастной княжны умеръ всего только нѣсколько недѣль передъ этимъ: за что сослали такъ скоро его дочь — никто не зналъ. Не зналъ даже архимандритъ Феодосій, потому что въ указѣ къ нему о ссылкѣ княжны ничего не было упомянуто о ея винахъ.

Игуменья, принявъ княжну отъ архимандрита, не знала, гдѣ помѣстить ссыльную, и потому оставила ее въ своей тѣсной кельѣ. Дѣвушкѣ она отвела небольшой уголъ за занавѣской, поставила

бѣдненькую кроватку, дала деревянный столъ и стулъ—вотъ все, что осталось у княжны послѣ дворца и послѣ роскошныхъ палатъ отца и матери, которая у нея одна осталась и одна о ней печаловалась.

Съ ссыльной привезена была и служанка—безобразная калмычка, дѣвка Марья: калмычки, татарки, арапы и всякіе уроды въ числѣ прислуги — это въ прошломъ вѣкѣ составляло отличительную черту и шикъ знатнаго барскаго дома.

Горько заплакала княжна, когда ее ввели въ тѣсную келью. Она ни съ кѣмъ не сказала ни слова, не отвѣчала ни на какіе вопросы, а только плотно закуталась въ одѣяло и, лежа на бѣдной кроваткѣ, стонала и плакала.

Въ Москвѣ, когда исчезла молодая Юсупова, говорили, что она сослана за приверженность къ великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ и за интригу, совмѣстно съ отцомъ, въ пользу возведенія цесаревны на престолъ. Носились также слухи, что княжну постигла ссылка за покойнаго отца, который, будто бы, въ числѣ прочихъ придворныхъ, задумывалъ ограниченіе самодержавія Анны Іоанновны. Передавали, наконецъ, что княжна была жертвою семейной интриги, что братъ ея, камергеръ Борисъ Юсуповъ, ненавидѣлъ ее по разнымъ причинамъ и, чтобъ воспользоваться всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ, искусно подготовилъ ссылку сестрѣ.

Прошло нѣсколько дней монастырской жизни молодой Юсуповой: жгучее горе должно было поневолѣ улегаться въ сердцѣ — надо было мириться, если не съ вѣчною ссылкою, то во всякомъ случаѣ съ необходимостью заточенія на долгое, неопредѣленное время; а неопредѣленность такъ тяжела, такъ гнетуща — надо было покориться всему.

Мать любила свою бѣдную дочь, и потому снабдила ее на долгую разлуку деньгами, обѣщала вскорѣ выслать повара, необходимый штатъ прислуги и хорошіе запасы продовольствія.

Княжна купила у игуменьи свободную, принадлежащую монастырю келью, въ которой, до ссылки Юсуповой, жила другая ссыльная придворная особа, какая-то Калушкина, возвращенная императрицею изъ ссылки снова во дворецъ.

Къ княжнѣ игуменья приставила особую наемную женщину, не принадлежавшую къ монастырскому штату. Это была кузнечиха Анна Юленева, имѣвшая впослѣдствіи такое роковое значеніе въ жизни несчастной Юсуповой.

Юленева, повидимому, сразу поняла княжну и овладѣла ея вниманіемъ. Въ княжнѣ она подмѣтила слабыя стороны — это гордость, своенравный характеръ, вспыльчивость, злопамятность и желаніе повеселиться — но гдѣ и съ кѣмъ въ монастырскомъ заточеніи? Это одиночество придворной княжны, привыкшей къ разнообразнымъ удовольствіямъ, было причиною того, что несчастная, чтобъ отогнать глодавшую ее тоску, стала принуждать себя выслушивать болтовню ловкой бабы, монастырскія сплетни и скандалы. Юленева, охотно пользуясь одиночествомъ и тоскою княжны, пересказала ссыльной монастырскія тайны и интрижки, маленькія слабости и матери игуменьи и старицъ.

Послѣ двора, молодой княжнѣ приходилось, такимъ образомъ, коротать жизнь въ самомъ захолустномъ углу, съ какой-нибудь неособенно пріятной кузнечихой, входить въ интересы жизни самаго темнаго заброшеннаго угла и быть довольной даже обществомъ самой недоброкачественной торговки.

— Вотъ какой бываетъ случай, княжна Прасковья Григорьевна — говорила однажды Юленева, сидя у постели ссыльной въ долгій зимній вечеръ, въ тотъ самый моментъ, когда

далеко оттуда, въ Петербургѣ и Москвѣ, подруги княжны проводили эти часы иначе, въ блестящихъ залахъ, при яркомъ освѣщеніи:—вотъ какой бываетъ случай: Федора Калушкина жила здѣсь долго — тоже была ссыльная дворцовая: тебя изъ дворца, а ее опять во дворецъ. Чудно, голубушка, какъ это бываетъ на свѣтѣ—за что это такъ одни ссылаютъ, а потомъ другіе возвращаютъ? Твое дѣло княжеское, жила во дворцѣ, чай знаешь, матушка?

— Ничего не знаю, отвѣчала княжна, боясь проговориться о своей роковой тайнѣ.

— А здѣсь, матушка, и подавно ничего не знаютъ. Болтали въ народѣ о Калушкиной, слыхала я отъ матери, да и забыла.

— И я слышала отъ матери! сказала княжна со слезами на глазахъ:—когда я въ ссылку послана еще не была, то матушка моя сказывала мнѣ, что троицкій архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня по Калушкину послала, чтобъ ей Калушкиной быть во дворцѣ...

— Кто же это заведетъ, матушка? спрашивала Юленева.

Юсупова ничего не отвѣчала — она боялась своего прошлаго.

Мы потому приводимъ здѣсь эти разговоры княжны съ Юленевой, что каждое слово несчастной дѣвушки было потомъ ея допроснымъ пунктомъ и эти разговоры на всю уже жизнь загубили молодую женщину.

Время между тѣмъ шло. Въ келью молодой княжны заходили и мать-игуменья поговорить съ ссыльной, и монахини, и монастырскій стряпчій Шпилкинъ, и архимандритъ Феодосій. Но тоска по погибшему счастью грызла молодую женщину, хоть она и старалась разнообразить свою жизнь нарядами, которыхъ у нея было

довольно — всего ей прислала нѣжно любившая ее мать: у нея было нѣсколько перемѣнъ шлафроковъ и юбокъ—шлафрокъ гродетуровый зеленый, голубой камчатной, опушенъ алою тафтою, красной байбарековой съ голубою опушкою; были у нея и шубки—желтая тафтяная на бѣличьемъ мѣху съ серебряными пуговицами, камчатная вишневая на заячьемъ мѣху; корсеты, фонтажи, чепцы, косыночки, переднички, платки шитые серебромъ и шелковые, и съ кружевами, и рукавички желтыя лайковыя, и шапка соболья — верхъ пунцоваго бархату, и соболи шейные — всего вдоволь. Но для кого было наряжаться?

И поговорить было не съ кѣмъ, особенно же о томъ, что̀ стало гибелью всей ея жизни.

Но иногда она проговаривалась о какой-то тайнѣ своего недавняго, молодого, но какъ-бы отрѣзаннаго прошлаго.

— Воръ, генералъ Ушаковъ трясущей!—говорила она съ негодованіемъ, забывая должную осторожность: — а жена его Кокошкиныхъ б....а. Коли бы дочь ту его воровку на мое мѣсто! Онъ напалъ на меня и взялъ меня допрашивать въ саду — да я не повинилась!

— А для чего ты не повинилась? спрашивала хитрая Юленева.

— Я не повинилась, сожалѣя Дохтуровой да Мельгуновой... онѣ ко мнѣ ворожейку-то подвели, мы сплошь дѣлали...

Видно было, что великодушная дѣвушка прикрыла собою другихъ,—и погибла черезъ это.

— Можно бы милости мнѣ искать у цесаревны Елизаветы Петровны... Да нѣтъ, нечего въ ней милости искать: и Шубинъ, который при ней былъ, и тотъ въ ссылку посланъ.

Всѣ повидимому забыли несчастную.

Горе и тоска одиночества все болѣе и болѣе раздражали но-

лодую ссыльную, и довели ее до потери самообладанія, до вспышекъ, что́ и погубило ее окончательно.

Такъ она выдала себя однажды при стряпчемъ Шпилкинѣ.

— Братъ мой, князь Борисъ—сущій супостатъ, говорила она въ отчаяньи:—отъ его посягательства сюда я и прислана... Я вины за собой никакой не знаю... Государыня цесаревна Елизавета Петровна милостива и премилостива, и благонравна, и матушка государыня императрица Екатерина Алексѣевна была до меня милостива же, а нынѣшняя императрица до меня не милостива... Она вотъ въ какой монастырь меня сослала, а я вины за собой никакой не знаю. А взялъ меня братъ мой Борисъ да Остерманъ, и Остерманъ меня допрашивалъ. А я на допросъ его не могла вскорѣ отвѣтствовать, что была въ безпамятствѣ. А о чемъ меня Остерманъ спрашивалъ, того я не поняла, потому что Остерманъ говорилъ не такъ рѣчисто, какъ русскіе говорятъ... «Сто-де ти, сударина! (княжна передразнивала Остермана) будетъ тебѣ играть нами, то дѣти играй... а сюда-де ти призвана не на игранье, но о цемъ тебя спросимъ, о томъ-де ти и отвѣтствей»... Послѣ того спрашивали меня о письмахъ и о бабѣ, а что я имъ говорила — за безпамятствомъ не помню.

Шпилкинъ спрашивалъ — о какихъ письмахъ и о какой бабѣ она говоритъ; но княжна не отвѣчала, а раздражительно продолжала:

— Можно бы ей, государынѣ, сослать меня въ монастырь такой, который бы былъ отъ Москвы поближе, а не въ такой, въ какомъ я нынѣ обрѣтаюсь—здѣсь не монастырь, а шинокъ... Ежели бы государыня цесаревна Елизавета Петровна была императрицею, и она бы въ дальній монастырь меня не сослала... О, когда бы то видѣть или слышать, что она бы была императрицею!

Шпилкинъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ. Но донести боялся—боялся за свою шкуру, боялся застѣнка, дыбы, кнута.

У княжны началась вражда съ монастырскимъ начальствомъ: назвавъ монастырь «шинкомъ», она вызвала непріязнь къ себѣ игуменьи, которая и стала тѣснить ссыльную.

Начались дрязги, подкапыванья подъ дѣвушку; княжна не выносила вседневной пытки; ея гордость рѣзко обрушивалась на всѣхъ, ставила въ тупикъ простодушныхъ старицъ. Весь монастырь всталъ противъ гордой арестантки.

Княжна не вытерпѣла, и тайно отправила въ Петербургъ Юленеву съ жалобой на монастырь.

Мать-игуменья хитростью вывѣдала о тайномъ отправленіи Юленевой съ жалобой, и предупредила опасность встрѣчной жалобой на княжну и доносомъ на ея поведеніе.

Завязалось новое дѣло—это была уже и послѣдняя развязка всей участи несчастной княжны.

25-го генваря 1735 года — это уже пятый годъ жизни Юсуповой въ монастырскомъ заточеніи! — когда Ушаковъ былъ съ докладомъ у государыни, императрица передала ему двѣ какія-то записки и приказала взять въ тайную канцелярію женщину, содержавшуюся въ архіепископскомъ домѣ знаменитаго сподвижника Петра Перваго, новгородскаго архіепископа Феофана Прокоповича, и, изслѣдовавъ все дѣло, доложить ея величеству о результатахъ изслѣдованія.

Женщина эта была—Юленева, а записки—письмо княжны Юсуповой къ Юленевой и письмо игуменьи Дорофеи къ секретарю Феофана Прокоповича, Козьмѣ Родіоновичу Бухвостову.

Письма были переданы императрицѣ Феофаномъ Прокоповичемъ, который былъ друженъ съ Ушаковымъ и желалъ угодить

государынѣ, выдавъ ей княжну Юсупову, неизвѣстно за что заслужившую крайнюю немилость императрицы.

Въ письмѣ къ Юленевой княжна спрашивала только о положеніи дѣла—и больше ничего: въ немъ не было никакой тайны, которая бы послужила обвиненіемъ для ссыльной. Не было даже ни одного рѣзкаго слова о монастырѣ.

Между тѣмъ все письмо игуменьи къ Бухвостову—это полная обвинительная рѣчь противъ несчастной княжны. И это-то письмо порѣшило участь сосланной дѣвушки.

«Имѣется у насъ у обители княжна Юсупова по указамъ въ подохраненіи — писала между прочимъ мать-игуменья Бухвостову—и велѣно быть при ней одной бабѣ, а другихъ сослужительницъ не держать: того ради оная княжна, рыяся на меня, производитъ всякія непотребности и живетъ непостоянно и неблагочинно: спозналася съ похабною дѣвкою тихвенскаго посада, кузнецкаго вѣдѣнія, зовется Шуня, а прямое имя ей Анна, и приходитъ оная дѣвка къ ней, княжнѣ, тайнымъ образомъ и согласуется, и наноситъ на обитель и на меня всякія непотребности, и совѣтуютъ съ нею не благо, но всякія коварства и ябеды. И въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ оная дѣвка, по согласію съ нею, княжною, отпущена въ Санктпетербургъ невѣдомо съ какими вымышленными ябедами: посылаетъ она, княжна, къ ней, дѣвки, всякія удовольнія припасы и деньги отъ меня недостойной тайно, токмо увѣдомлена я нынѣ отъ постороннихъ добрыхъ людей, что оные припасы и деньги отвозитъ къ ней, дѣвкѣ, тихвинскаго посаду фроловской церкви дьячокъ Андрей Лялинъ, и нынѣ онъ обрѣтается въ Санктпетербургѣ; а иное я увѣдомлена отъ ея руки писаніемъ отъ добра человѣка, съ каковымъ, она, княжна, совѣтное письмо послала къ ней, дѣвкѣ, и съ того письма получила я копію, съ которой копіи при семъ моемъ

слезномъ прошеніи и копія пріобщается ради сущаго извѣстія. Да слышно мнѣ отъ добрыхъ людей, что оная дѣвка чрезъ некакихъ людей получаетъ подать преосвященному несвѣдомыя мною многія доношенія и коварства.

«О семъ прошу и слезно молю ваше высокоблагородіе, Козма Родіоновичъ, дабы я недостойная вашимъ милостивымъ призрѣніемъ не оставлена была о невѣдомыхъ доношеніяхъ и коварствахъ отъ вышепоказанной дѣвки».

Такія-то письма попали въ руки императрицы. Юсупову вспомнили.

Взяли къ допросу въ тайную канцелярію всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу—но ничего не сказали допрашиваемые такого, что могло бы обвинить княжну или пасть на нее подозрѣніемъ о выдачѣ строго хранимой тайны.

Буря повидимому проходила мимо дѣвушки.

Юленеву приводили и въ застѣнокъ, гдѣ она «съ подлинной правды поднята была на дыбу и распрашивана съ пристрастіемъ»; но и тутъ она не выдала княжну ни однимъ словомъ.

Только черезъ мѣсяцъ сидѣнья въ Петропавловской крѣпости Юленева изъ боязни смерти стала говорить о тѣхъ жалобахъ Юсуповой, которыя уже намъ извѣстны.

Этого было достаточно для Ушакова, чтобъ вновь начать розыскъ, ухватившись за намекъ, за слово, звучавшее именемъ княжны Юсуповой.

Имя это опять раздалось въ кабинетѣ государыни... Буря не прошла мимо забытой всѣми дѣвушки.

По приказанію императрицы въ Петербургъ привезены были и Юсупова, и стряпчій Шпилкинъ. Княжну велѣно было привезти «секретно»; посланному за ней приказано было не болтать о томъ, что онъ везетъ ее въ тайную канцелярію; ему же при-

казано было доставить дѣвушку въ эту страшную канцелярію «въ ночныхъ часахъ».

И вотъ княжна Юсупова снова увидѣла, хотя ночью, Петербургъ, въ которомъ ей когда-то жилось такъ счастливо.

Княжну привезъ капралъ преображенскаго полка Ханыковъ, секретно и также ночью арестовавшій ее въ монастырѣ, такъ что объ этомъ арестѣ и о тайномъ исчезновеніи княжны изъ монастыря знала одна только мать-игуменья, да дѣвка калмычка Марья, тоже привезенная въ Петербургъ.

Утромъ, 19-го марта, гордая нѣкогда княжна, а теперь колодница, приведена была въ тайную канцелярію. Тамъ она вновь увидѣла страшнаго Ушакова, который уже разъ допрашивалъ ее въ измайловскомъ саду и противъ котораго она и въ ссылкѣ имѣла такое горькое, грызущее, недоброе чувство.

Начался допросъ—допросы тогда были не то что теперь...

Княжнѣ предъявили, будто бы она говорила неподобныя рѣчи о причинѣ своей ссылки.

Княжна отрицала обвиненіе.

— Вотъ что я говорила — показывала дѣвушка: — батюшка мой служилъ и императору великому вѣрою и правдою, и о самодержавствіи ей, государынѣ, трудился и челобитную подавалъ, и коли бы батюшка мой живъ былъ, онъ бы сталъ просить у ея императорскаго величества, и хотя бы де чести лишился, а я бы де въ ссылкѣ не была.

Ей предъявили ея неподобныя рѣчи въ монастырѣ объ иноземцахъ.

И это она отрицала.

— Я говорила: нынѣ-де при дворѣ ея императорскаго величества имѣются многіе иноземцы и русскіе мужескаго и женскаго пола, и то я говорила, вѣдая о томъ, что при дворѣ ея импе-

раторскаго величества имѣются оберъ-камеръ-геръ господинъ фонъ Бирон, да оберъ-гофмаршалъ господинъ фонъ Левенвольдъ и другіе какъ иностранцы, такъ и русскіе, мужескаго и женскаго пола, а не въ другой какой силѣ.

Предъявили рѣчи ея о Калушкиной.

Дѣвушка упорно отрицаетъ—выгораживаетъ свою жизнь.

— О Калушкиной я говорила: когда я въ ссылку послана еще не была, то де матушка моя сказывала мнѣ, что троицкой архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня соизволила по означенную Калушкину послать, чтобъ той Калушкиной быть во дворѣ, и притомъ въ разговорахъ объ оной упоминала я въ монастырѣ: когда бъ де я могла, чтобъ де хотя у оной Калушкиной попросить, чтобъ она, излуча благополучное время, побила челомъ у государыни, чтобъ меня изъ монастыря освободить.

Предъявили ей слова, говоренныя будто бы ею о томъ, что императрица «больна бокомъ».

Дѣвушка не перестаетъ защищаться.

— Когда я—отвѣчаетъ на этотъ пунктъ княжна — живя въ монастырѣ услышала, что прислано извѣстіе о кончинѣ царевны Екатерины Ивановны, то зная, что и царица Прасковья Федоровна немоществовала ножками, то и говорила, что де всѣ, и ея императорское величество и сестрицы ея величества, государыни царевны нездоровы ножками.

Допрашивающіе не устаютъ: княжнѣ напомнили слова ея о допросѣ въ измайловскомъ саду.

Не устаетъ и дѣвушка защищать свою молодую жизнь.

О допросѣ въ измайловскомъ саду она показываетъ:

— Слова такія, что генералъ Ушаковъ взялъ допрашивать меня въ саду, я архимандриту Феодосію и стряпчему Шпилкину

говорила, когда они спрашивали меня о дѣлѣ—«за что де ты въ монастырь прислана, гдѣ была допрашивана?» И на то я сказала, что де я не въ канцеляріи допрашивана, и притомъ объявила объ означенномъ имѣвшемъ мнѣ въ саду допросѣ... И это я говорила потому, что дѣйствительно, когда я по извѣстному дѣлу, по которому сослана въ монастырь, изъ дому отца своего взята и отвезена была въ измайловскій садъ, и въ томъ саду допрашивана была генераломъ Ушаковымъ да графомъ фонъ Левенвольдомъ, а въ какой матеріи прежнее мое дѣло имѣлось, въ томъ архимандриту Феодосію и стряпчему Шпилкину и означенной дѣвкѣ и никому я не говорила.

Ясно, что княжна никому не выдала тайны, за что она пострадала—даже при допросѣ роковое слово не сорвалось съ языка дѣвушки.

Это должно было успокоить Ушакова—тайна допроса въ измайловскомъ саду навсегда осталась тайною.

Но Ушаковъ не остановился на этомъ.

Княжнѣ предъявили ея рѣчи о сержантѣ Шубинѣ.

Не легко было устоять противъ этого, самаго крупнаго обвиненія.

— Я говорила такія слова — отвѣчала подсудимая: — что де былъ въ гвардіи сержантъ Шубинъ и собою де хорошъ и пригожъ былъ, и потомъ де имѣлся у государыни цесаревны ѣздовымъ, и какъ де еще въ монастырь я прислана не была, то де оный Шубинъ посланъ въ ссылку. И эти слова я говорила такъ, запросто, зная того Шубина, что онъ лицомъ пригожъ былъ, и что былъ онъ ѣздовымъ у государыни цесаревны, и до ссылки своей слышала я, а отъ кого — не упомню, что оный Шубинъ посланъ въ ссылку, а куда и за что—того я не знаю и ни отъ кого о томъ не слыхала.

Не остановились и на этомъ—надо было вести дѣло до конца.

Дана была очная ставка княжнѣ съ доносчицей, бывшей ея довѣренной, Юленевою-Шунею.

Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ встрѣтиться съ этой предательницей своей.

— Въ бытность княжны Прасковьи въ тихвинскомъ монастырѣ — говорила Юленева — въ день тезоименитства ея императорскаго величества, пришли къ кельѣ, въ которой княжна Прасковья жила, означеннаго дѣвичьяго монастыря попы для поздравленія со онымъ торжественнымъ днемъ, и княжна пускать ихъ въ келью къ себѣ мнѣ не велѣла. А какъ я говорила княжнѣ—«можно де ихъ пустить и для здравія государыни поднесть по чаркѣ вина», и княжна Прасковья сказала: «я бы де рожна поднесла»...

Юленева обвиняла ее и въ томъ, будто она говорила ей: «первый де императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, и тогда де государыню и другихъ цесаревенъ царевнами не называли, а называли де только «Ивановными».

— Поповъ не пустила я къ себѣ въ день тезоименитства ея императорскаго величества потому, что они были пьяны — защищалась княжна: — о вниманіи ко мнѣ Петра Перваго говорила; о томъ, что царевенъ называли будто бы «Ивановными» — я не говорила.

Допросъ былъ доведенъ до конца. Больше спрашивать нечего.

Всѣ эти подробности Ушаковъ доложилъ императрицѣ.

Княжна все еще сидѣла въ тюрьмѣ—роковой часъ не приходилъ.

Но вотъ, черезъ нѣсколько дней, входитъ къ ней въ казематъ Ушаковъ и объявляетъ волю государыни:

— Я докладывалъ о тебѣ императрицѣ, княжна Прасковья Григорьевна: она очень гнѣвна, что ты не говоришь подлин-

ной истины, что ты болтала Аннѣ Юленевой и другимъ. Императрица приказала объявить тебѣ, чтобъ ты, Прасковья, сказала истину, и ежели ты обо всемъ самую истину объявишь, то можешь ожидать всемилостивѣйшаго отъ ея императорскаго величества милосердія; буде же и нынѣ, по объявленіи тебѣ, Прасковьѣ, ея императорскаго величества высокаго милосердія о вышесказанномъ истины не покажешь, то впредь отъ ея императорскаго величества милосердія къ тебѣ, Прасковьѣ, показано не будетъ, а поступлено будетъ съ тобою, какъ по такимъ важнымъ дѣламъ съ другими поступается.

Измученная и допросами, и долгимъ сидѣньемъ въ казематѣ, и тоскливою жизнью въ ссылкѣ, наконецъ пораженная послѣднею императорскою угрозою, княжна покорилась своей участи и сказала Ушакову, что она ничего не помнитъ, что говорила въ монастырѣ.

— Развѣ — прибавила она — вышеозначенныя всѣ слова я говорила отъ горести, въ печали, въ безпамятствѣ своемъ, потому что я отъ горести своей не токмо въ безпамятствѣ, но яко изумленная (безумная) была, и говаривала сумазбродственно, чего нынѣ помнить не могу.

Дѣвушка безсильно и напрасно цѣплялась за надежду.

Допрашивали потомъ и архимандрита Феодосія, доставленнаго въ тайную канцелярію Феофаномъ Прокоповичемъ — но и тутъ ничего новаго не узнали.

18-го апрѣля былъ послѣдній докладъ Ушакова у государыни.

Императрица приказала объявить подсудимой свое окончательное рѣшеніе.

«За злодѣйственныя и непристойныя слова, по силѣ государственныхъ правъ, хотя княжна и подлежитъ смертной казни, но ея императорское величество, милосердуя къ Юсуповой за

службы ея отца, соизволила отъ смертной казни ее освободить, и объявить ей, Юсуповой, что то упускается ей не по силѣ государственныхъ правъ — только изъ особливой ея императорскаго величества милости».

Дѣвушкѣ дарили жизнь; но не радостна была эта жизнь.

Вмѣсто смерти, княжнѣ велѣно «учинить наказанье — бить кошками — и постричь ее въ монахини, а по постриженіи изъ тайной канцеляріи послать княжну подъ карауломъ въ дальній, крѣпкій дѣвичій монастырь, который по усмотрѣнію Феофана архіепископа новгородскаго имѣетъ быть изобрѣтенъ, и быть оной, Юсуповой, въ томъ монастырѣ до кончины жизни ея неисходно».

Вотъ что осталось ей вмѣсто жизни.

Оставалось исполнить въ точности приговоръ императрицы— постричь княжну Юсупову въ тайной канцеляріи для избѣжанія разглашеній.

Но какъ это сдѣлать? Это былъ первый случай, что въ тайной канцеляріи должно было совершиться постриженіе; а между тѣмъ, въ Петербургѣ, по неимѣнію ни одного женскаго монастыря, ни въ кладовыхъ тайной канцеляріи, и нигдѣ нельзя было найти монашескаго одѣянія и прочихъ иноческихъ принадлежностей.

Тогда Ушаковъ послалъ нарочнаго въ Новгородъ къ одному довѣренному лицу для секретной покупки всего, что нужно для новопостригаемой.

Скоро привезли и эту послѣднюю одежду для княжны Юсуповой.

Вотъ какова была цѣна послѣднихъ женскихъ нарядовъ блестящей нѣкогда дѣвушки высшаго круга:

Апостольникъ—3 копейки.

Повязка къ апостольнику— 10 копеекъ.

Крестъ—4 копейки.

Парамонъ—2 копейки.

Наметка флеровая—50 копеекъ.

Ряса нижняя съ узкими рукавами—90 копеекъ.

Мантійка маленькая—8 копеекъ.

Мантія большая, верхняя ряса съ широкими рукавами—3 рубля.

Ленты ременныя съ пряжкою—3 копейки.

Четки—1 копейка.

Свитка бѣлаго полотна—10 копеекъ.

Все это княжеское облаченіе стоило 4 рубля 81 копейку.

А давно ли княжна Юсупова надѣвала на себя дорогія бальныя платья, цвѣты, брильянты?—Очень давно, впрочемъ: —пять лѣтъ назадъ, пять долгихъ лѣтъ, состарившихъ дѣвушку.

30-го апрѣля 1735 года княжна была наказана «кошками».

Въ тотъ же день ее постригалъ синодальный членъ чудова монастыря, архимандритъ Ааронъ.

У княжны Юсуповой уже не было княжескаао титула и имени дѣвическаго родового имени:—въ инокиняхъ она наименована Прокломъ.

Передъ отправленіемъ въ вѣчную ссылку новопостриженной объявили, въ тайной канцеляріи, чтобъ обо всемъ происходившемъ она молчала до могилы, подъ опасеніемъ смертной казни.

4-го мая инокиня Прокла вывезена была изъ Петербурга. Путь ея лежалъ въ Сибирь, въ тобольскую епархію, въ введенскій дѣвичій монастырь, состоявшій при успенскомъ Далматовомъ монастырѣ.

Вотъ какой монастырь былъ «изобрѣтенъ» Феофаномъ Прокоповичемъ въ силу повелѣнія императрицы.

Молодая инокиня Прокла выѣхала на пяти подводахъ.—Съ нею была неразлучная спутница, дѣвка калмычка Марья.

И бывшей княжнѣ и калмычкѣ кормовыхъ денегъ въ дорогѣ велѣно было отпускать по 25 копеекъ въ день.

Поѣздъ сопровождали три солдата и сержантъ Алексѣй Гурьевъ.

Дологъ былъ этотъ путь, по которому въ послѣдній разъ пришлось ѣхать княжнѣ Юсуповой.

Только 10-го августа сержантъ Гурьевъ воротился въ Петербургъ и доложилъ тайной канцеляріи:

— Княжну сдалъ благополучно въ тобольскій введенскій монастырь. Но для своея предосторожности, дабы впредь мнѣ нижайшему чего не пришлось, объявляю, что дорогою княжна Прокла неоднократно его превосходительство генерала и кавалера и ея императорскаго величества генералъ-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова и дочь его превосходительства, и секретаря тайной канцеляріи, Николая Хрущова, бранила, и говаривала неоднократно: воздай де Богъ генерала Ушакова дочери также какъ и мнѣ; дай де Богъ здравствовать моей матушкѣ да государынѣ цесаревнѣ.

Это были единственныя дорогія ей имена—мать и цесаревна; о нихъ она и прежде вспоминала съ любовью.

Въ пути княжна часто просила приставниковъ своихъ, чтобъ ей дали жареную курицу. Гурьевъ замѣчалъ ей, что этого нельзя сдѣлать, такъ какъ ей, монахинѣ, мяса ѣсть не слѣдуетъ.

— Я ѣсть не стану—отвѣчала княжна Прокла—но хоть посмотрю на жареную курицу и сыта буду.

Но ей все-таки курицы не дали.

Какова была жизнь Юсуповой въ Сибири — неизвѣстно. Но что долгое заточеніе, тоска и полная безнадежность возврата къ прежней жизни окончательно истомили и ожесточили дѣвушку—въ этомъ и сомнѣнія не можетъ быть. Безконечно долгіе и однообразные дни тянутся въ неволѣ какъ вѣчность; одинъ

день лѣниво смѣняетъ другой, все такой же долгій, тяжелый, безнадежный. Еще безконечнѣе тянутся мѣсяцы, годы—и только скоро эти годы, мѣсяцы и даже дни стàрѣютъ человѣка въ неволѣ.

Вотъ уже и третій годъ, какъ несчастная дѣвушка томится въ Сибири—восьмой годъ, какъ ее лишили свободы, взяли отъ матери.

Такая жизнь не усмиряла ссыльной. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго донесенія тобольскаго введенскаго монастыря отъ 6-го марта 1738 года:

«Монахиня Прокла нынѣ въ житіи своемъ стала являться весьма безчинна, а именно: первое — въ церковь божію ни на какое слово божіе ходить не стала; второе—монашенское одѣяніе съ себя сбросила и не носитъ; третіе—монашинскимъ именемъ, то есть Проклою не называется и звать не велитъ, а называется и велитъ именовать Прасковьею Григорьевою; четвертое — разсвирѣпѣвъ, учинилась монашескому обыкновенію противна и ни въ чемъ по чину монашескому стала быть не послушна и не благодарна, и посылаемую къ ней изъ келарской келіи пищу не пріемлетъ, а временемъ и бросаетъ на полъ, и, ругаясь, говоритъ: «у меня собаки лучше того ѣдали щи», и проситъ себѣ вснѣдь излишнихъ припасовъ, чтобъ всегда было свѣжее и живое».

Не добромъ кончился для ссыльной и этотъ отзывъ.

Изъ Петербурга пришелъ строгій приказъ — княжну держать въ монастырѣ въ ножныхъ желѣзахъ, въ которыхъ водятъ каторжниковъ, и имѣть подъ карауломъ неисходно. Тайная канцелярія, по указу императрицы, предписывала монастырскому начальству:— «Проклу наказать шелепами и объявить, что если не уймется то будетъ жесточайше наказана».

Не знаемъ, долго ли еще тянулась неудавшаяся жизнь этой дѣвушки и чѣмъ она кончилась: — вѣроятно, ни Петръ Великій,

цѣловавшій ребенка въ голову, ни сама дѣвушка не ожидали, что на эту голову, на которой покоилось лобзаніе царя-преобразователя, упадетъ столько тяжелыхъ испытаній.—А за что?—исторія пока не можетъ отвѣчать на это, да, быть можетъ, и никогда не отвѣтитъ.

XVII.

Дочь Бирона.

(Баронесса Екатерина Ивановна Черкасова, урожденная принцесса Биронъ).

Фамилія Бироновъ недолго оставалась на страницахъ русской исторіи: подобно такой же пришлой фамиліи Годуновыхъ, Бироны, съ грознымъ «временщикомъ» во главѣ, слишкомъ временно и слишкомъ мимолетно появляются на горизонтѣ русской государственной жизни и подобно Годуновымъ исчезаютъ безслѣдно, хотя одно лицо изъ этой слишкомъ памятной Россіи фамиліи доживаетъ почти до настоящаго столѣтія, но въ неизвѣстности, нося чужую, вполнѣ уже русскую или обрусѣвшую фамилію.

Лицо это было — дочь Бирона, Гедвига.

Въ то время когда Биронъ, еще не знатный, но уже отличенный передъ всѣми придворными Анны Іоанновны, жилъ въ Митавѣ при дворѣ своей покровительницы, будущей русской государыни, Анна Іоанновна женила его на бѣдной дѣвушкѣ изъ дворянской фамиліи фонъ-Трейденъ, Бенигнѣ-Готлибъ.

Въ этомъ бракѣ Бирономъ прижито было трое дѣтей: въ 1723 году родилась у него дочь, которую назвали Гедвигой,

потомъ, въ 1724 году, родился сынъ Петръ и въ 1727 году сынъ Карлъ.

Маленькая Гедвига оказалась горбуньей: небольшой горбовой наростъ былъ у нея на спинѣ, однако не слишкомъ безобразилъ ростъ и фигуру Гедвиги. Когда дѣвочка начала уже понимать свое положеніе, она увидѣла себя принадлежащею къ такой семьѣ, передъ которой раболѣпно преклонялся весь Петербургъ, и потому дѣвочка иначе не могла представить себѣ жизнь какъ въ тѣхъ образахъ, въ какихъ она предстала передъ нею съ самаго ея младенчества: отецъ ея былъ графъ, оберъ-камергеръ русскаго двора и «временщикъ».

Могущественный отецъ Гедвиги, всецѣло занятый сложными государственными дѣлами столько же, сколько придворными и дипломатическими интригами, не могъ конечно отдавать своего времени наблюденію за воспитаніемъ дѣтей, и потому вполнѣ предоставилъ эту заботу женѣ своей, Бенигнѣ-Готлибъ. Бенигна-Готлибъ, по природѣ женщина не глупая, хотя съ ограниченнымъ образованіемъ, позаботилась дать своимъ дѣтямъ образованіе широкое, сообразное съ высокимъ государственнымъ саномъ ихъ отца: она не жалѣла на дѣтей денегъ, тѣмъ болѣе что государственныя сокровища были едва ли не въ безконтрольномъ распоряженіи ея мужа, всесильнаго временщика, выписала изъ Европы лучшихъ учителей, гувернеровъ и воспитателей, которые ввели въ программу воспитанія дѣтей Бирона всѣ науки, необходимыя для приготовленія къ государственной дѣятельности. Сама императрица принимала въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе: дѣтей Бирона она любила, какъ бы это были ея собственныя дѣти; она съ участіемъ слѣдила за ихъ воспитаніемъ; часто присутствовала во время классныхъ занятій; сама спрашивала уроки. Сыновья Бирона оказывали мало успѣ-

ховъ; учились вяло; были неразвиты, лѣнивы, но за то Гедвига подавала блистательныя надежды; это была умненькая, живая дѣвочка; въ ученіи она дѣлала быстрые успѣхи и въ общемъ развитіи шла впереди своихъ братьевъ. Но, безъ сомнѣнія, физическіе недостатки маленькой горбуньи отвратили отъ нея нѣжность отца, которому конечно желалось, чтобы дочь его блистала красотой, какъ онъ самъ блисталъ могуществомъ; чтобъ съ помощью этой красоты можно было войти въ связи съ могущественными особами, если не здѣсь, въ Россіи, то въ Европѣ. Биронъ часто не скрывалъ своего нерасположенія къ Гедвигѣ, преслѣдовалъ ее насмѣшками, попреками, какъ дурнушку. Самолюбивая и умненькая дѣвочка не могла не видѣть этой слишкомъ крайней холодности отца, и, сознавая свой умъ, свое превосходство передъ прочими, заключалась въ себѣ самой, а черезъ это выростила въ себѣ скрытность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выработала себѣ волю и самостоятельность.

Когда Гедвигѣ было десять лѣтъ, въ 1737 году, отецъ ея былъ пожалованъ герцогскимъ достоинствомъ, и маленькую Гедвигу стали называть «принцессой». Ей дали придворный штатъ, фрейлинъ, камеръ-юнгферъ, пажей.

Когда Гедвигѣ было двѣнадцать лѣтъ, она явилась ко двору. Въ это время совершалась свадьба племянницы государыни, принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны, съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ брауншвейгскимъ. Это было 3-го іюня 1739 года. Гедвига отправилась въ придворную церковь въ великолѣпной золоченой каретѣ, окруженная свитой. При свадебной церемоніи она стояла рядомъ съ государыней. За оффиціальнымъ придворнымъ обѣдомъ она сидѣла рядомъ съ новобрачными, а вечеромъ, во время придворнаго бала, управляла танцами.

Первое появленіе ея въ свѣтъ было вполнѣ удачно, и императрица осталась ею вполнѣ довольна. Молоденькая дѣвушка оказалась умна, ловка, находчива, и привлекла всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что это была дочь Бирона. Послѣ перваго выѣзда она уже являлась ко двору во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, и около нея образовалась толпа поклонниковъ: вся блестящая молодежь того времени, всѣ придворные любезники окружали дочь Бирона; всѣ старались угодить ей, заслужить ея вниманіе, чтобъ, въ свою очередь, заслужить лестное вниманіе ея папаши. Это раболѣпство Гедвига, естественно, принимала какъ дань уваженія ея уму и талантамъ, какъ обаяніе ея красотой, и это тѣмъ болѣе было ей по душѣ и тѣмъ охотнѣе отдалась она наслажденію блистать и побѣждать, что дома она встрѣчала только обидное невниманіе или ужъ не въ мѣру обидную придирчивость отца.

Вмѣстѣ съ отцомъ и Гедвига раздѣляла милости императрицы. Въ то время когда заключенъ былъ бѣлградскій миръ, въ 1740 году, Гедвига пожалована была портретомъ государыни, украшеннымъ брилліантами, для ношенія на груди. Начали уже поговаривать, что государыня готовитъ ей жениха въ числѣ владѣтельныхъ особъ и что ее намѣрены помолвить за сына одной изъ германскихъ коронованныхъ особъ.

Гедвига видѣла впереди новый рядъ побѣдъ, нескончаемую лѣстницу почестей и избытокъ жизненнаго счастья.

Но жизнь не дала того, что ожидалось не одною Гедвигою...

Въ октябрѣ 1740 года императрица Анна Іоанновна скончалась — и вмѣстѣ съ этимъ рухнуло могущество Бирона, рухнуло и счастье Гедвиги, такъ не надолго улыбавшееся ей.

Прошло 22 дни послѣ смерти императрицы, и Биронъ былъ уже обвиненъ въ государственной измѣнѣ, осужденъ и посаженъ

въ крѣпость. Въ крѣпость посажена была и ни въ чемъ неповинная Гедвига, которой было только семнадцать лѣтъ. Вся семья Бирона сидѣла въ крѣпости семь съ половиною мѣсяцевъ, пока не вышло новое опредѣленіе суда—сослать всѣхъ Бироновъ на вѣчное житье въ Сибирь.

Въ Пелыми, въ томъ заброшенномъ сибирскомъ городкѣ, который, полтораста лѣтъ назадъ, заселенъ былъ ссыльными угличанами за то, что въ городѣ ихъ совершилось убійство царевича Димитрія и угличане отмстили его убійцамъ—въ этомъ далекомъ городкѣ для Бироновъ выстроили домъ о четырехъ комнатахъ и окружили его, какъ острогъ, высокимъ палисадомъ.

Вотъ куда поворотила звѣзда Гедвиги, загорѣвшаяся-было на западномъ горизонтѣ...

За высокимъ пелымскимъ палисадомъ, среди снѣговъ, и грѣшный Биронъ и неповинная Гедвига должны были кончать свою жизнь. Въ Сибирь Бирономъ позволено было взять часть своей прислуги, и въ томъ числѣ для Гедвиги съ матерью—«дѣвку арапку Софью и дѣвку турчанку Катерину».

Послѣ долгой и томительной дороги Бироны поселились въ Пелыми. Надорванный послѣдними событіями, Биронъ слегъ—онъ не привыкъ къ такимъ ударамъ: Гедвига и мать день и ночь чередовались около постели опальнаго вельможи, и читали ему, въ утѣшеніе, святую библію.

Можно себѣ представить, что переживала молодая дѣвушка...

А Биронъ, въ ссылкѣ, больной, былъ еще раздражительнѣе: что прежде, въ самовластныхъ порывахъ раздражительности, Биронъ изливалъ на всю Россію и давилъ ее собою, то теперь все почти обрушивалось на слабыя плечи нелюбимой имъ дочери горбуньи.

Но черезъ годъ до Бироновъ дошла вѣсть о новыхъ важныхъ событіяхъ въ далекомъ Петербургѣ: на престолъ вступила цеса-

*

ревна Елизавета Петровна, и въ душѣ Бирона воскресла надежда на избавленіе, на возстаніе изъ его живой могилы. Онъ помнилъ, что дѣлалъ когда-то добро цесаревнѣ—и рѣшился писать ей о смягченіи своей тяжкой участи.

Благодарная императрица сжалилась надъ павшимъ величіемъ, и приказала перевести Бироновъ въ Ярославль. Тамъ, на берегу Волги, отвели имъ большой каменный домъ, который долго потомъ показывали какъ мѣстопребываніе нѣкогда страшнаго временщика.

Ярославль, казалось Гедвигѣ, стоялъ уже довольно близко къ тому мѣсту, гдѣ она была когда-то счастлива: вѣсти отъ Петербурга доходили до Ярославля гораздо скорѣе чѣмъ до Пелыми—и Гедвига дозволила себѣ мечтать о возвращеніи потеряннаго счастья, тѣмъ болѣе, что и въ силѣ и въ паденіи отецъ ея оставался все тѣмъ же — онъ не любилъ свою дочь, а несчастье сдѣлало его характеръ еще болѣе жосткимъ.

Гедвига испробовала всѣ средства, чтобъ напомнить о себѣ въ Петербургѣ, чтобы имя ея произнеслось при императрицѣ, чтобы дворъ опять открылся передъ дочерью опальнаго отца: Гедвига думала найти путь ко двору чрезъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ новаго своего мѣстозаключенія; но вліятельныя лица Ярославля были безсильны открыть молодой и честолюбивой мечтательницѣ путь ко двору. Она рѣшилась писать къ любимцу государыни, графу Шувалову,—но это осталось только безполезной попыткой.

Такъ прошло восемь лѣтъ — восемь лучшихъ лѣтъ жизни.

Гедвига переживала уже двадцать шестой годъ этой странной жизни, исполненной страшныхъ, подавляющихъ контрастовъ— первая молодость ея проходила...

И вотъ дѣвушка рѣшается бѣжать изъ отцовскаго дома, какъ, сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ, бѣжала другая честолюбивая дѣвушка, Матрена Кочубей, но та бѣжала къ любимому человѣку, къ своему счастью, а эта за тѣмъ, чтобы искать этого счастья.

Въ началѣ весны 1749 года Гедвига узнала, что императрица переѣхала въ Москву и въ апрѣлѣ отправляется пѣшкомъ къ Троицѣ на богомолье. Гедвига узнала, что императрица только въ полутораста верстахъ отъ Ярославля—это такъ близко: близкимъ казалось молодой дѣвушкѣ и ея долго искомое счастье.

15-го апрѣля ночью Гедвига бѣжала.

Надѣясь, что женщина скорѣе войдетъ въ ея положеніе, особенно когда узнаетъ мотивы ея бѣгства, смѣлая дѣвушка въ эту же ночь явилась къ женѣ ярославскаго воеводы Пушкина, и, обливаясь слезами, объявила ей, что она рѣшилась на бѣгство отъ жестокости и преслѣдованій отца, что преслѣдованія эти воздвигнуты на нее за то, что она желаетъ принять православіе, и что она рѣшилась идти прямо къ императрицѣ, дойти до лавры и просить защиты доброй государыни. Пушкина рада была ухватиться за этотъ счастливый случай, чтобъ самой отличиться передъ государыней, и тою же ночью, вмѣстѣ съ бѣглянкой отправилась въ лавру.

Въ лаврѣ обѣ женщины нашли то, чего искали. Пушкина представила Гедвигу первой статсъ-дамѣ государыни, Шуваловой, и та приняла участіе въ молодой дѣвушкѣ. Гедвига, обладая искусствомъ заслуживать общее расположеніе и побѣждать обаяніемъ своего ума, нашла въ Шуваловой сильную покровительницу, которая приняла въ ней самое горячее участіе. Дѣвушка представлена была императрицѣ, какъ [redacted] жертва

родительской тиранніи, какъ существо, страдающее за тайную приверженность къ православію: то была «бѣдная овечка», ищущая своего стада, какъ представили это дѣло императрицѣ. Безъ словъ, но съ горькими слезами Гедвига упала передъ императрицей, и глубоко растрогала ее. Государыня обласкала дѣвушку, обѣщала свое покровительство, обѣщала даже быть ея матерью при крещеньи, которое и должно было совершиться въ Москвѣ.

Гедвига опять видѣла впереди свое потерянное счастье.

Дѣйствительно, черезъ три недѣли Гедвига была крещена въ церкви головинскаго дворца, и названа Екатериною.

Весь дворъ заинтересованъ былъ этою необыкновенною дѣвушкою и ея участью. Интересъ возбуждался еще болѣе тѣмъ, что это была уже памятная всѣмъ горбунья, дочь Бирона, принцесса, передъ которой когда-то весь дворъ раболѣпствовалъ и которая видѣла уже и крѣпостные казематы, и далекую Сибирь, и снова повидимому шла вгору. Гедвига скоро вошла въ довѣріе духовника императрицы, сдѣлалась домашнимъ человѣкомъ у Шуваловой и для нея создана была при дворѣ особая должность—второй надзирательницы за фрейлинами. Гедвига скоро вошла въ свою новую роль — объ ней опять заговорили, особенно же когда она оказалась очень ловкою распорядительницею въ устроеніи участи молоденькихъ фрейлинъ, которыхъ она умѣла хорошо пристраивать замужъ.

Но она не ограничилась и этимъ положеніемъ. Она нашла при дворѣ новыхъ доброжелателей, и въ числѣ ихъ былъ гофмаршалъ двора великаго князя Петра Федоровича, Чоглоковъ, обязанный Бирону тѣмъ, что герцогъ когда-то, еще когда былъ въ силѣ, взялъ молодого Чоглокова изъ кадетскаго корпуса въ конную гвардію и приблизилъ къ себѣ. Чоглоковъ ввелъ Гедвигу въ интимный кружокъ великаго [illegible]ая, который тѣмъ бо-

лѣе полюбилъ дочь Бирона, что она была природная нѣмецкая принцесса и говорила съ нимъ понѣмецки. Великій князь любилъ съ ней говорить, повѣрялъ ей свои планы относительно обмундированія голштинскихъ солдатъ, и умная горбунья умѣла хорошо выслушивать будущаго императора, умѣла во время дать совѣтъ, сказать свое мнѣніе. Когда Гедвиги не было у великаго князя, то онъ и тогда не забывалъ ее, посылая ей отъ своего стола кушанья, лакомства, и вообще показывалъ ей свое расположеніе.

Но надо было думать и о замужествѣ Гедвиги. Гофмейстерина и другъ великой княгини Владиславова нашла ей жениха въ камергерѣ Петрѣ Салтыковѣ, котораго мать оказала немаловажную услугу императрицѣ при возшествіи ея на престолъ. Женитьба сына на Гедвигѣ, дочери Бирона, на принцессѣ, льстила самолюбію Салтыковой, и она приказала сыну ухаживать за дѣвушкой. Но Гедвига почему-то не благоволила къ Салтыкову и на отрѣзъ отказала ему. Салтыковъ, наученный матерью, бросился въ ноги императрицѣ, просилъ ея помощи въ его сердечномъ дѣлѣ, и когда императрица спросила Гедвигу, почему она отказываетъ такому прекрасному молодому человѣку— Гедвига отвѣчала, что она повинуется волѣ государыни. Это еще болѣе возвысило въ глазахъ государыни умненькую горбунью. Но ей все-таки не хотѣлось сдѣлаться Салтыковой и она умѣла такъ ловко повести дѣло, что опротивѣла жениху, и онъ поспѣшилъ жениться на княжнѣ Солнцевой. Императрица приняла еще болѣе горячее участіе въ покинутой, огорченной невѣстѣ. Тогда ей нашли другого жениха, князя Григорія Хованскаго; но этотъ уже самъ положительно не выносилъ своей горбатой невѣсты, и подъ разными предлогами уѣхалъ къ арміи.

Императрица нашла Гедвигѣ третьяго жениха — это былъ баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ, человѣкъ умный, образованный, веселый собесѣдникъ въ обществѣ, ловкій придворный, говорившій хорошо на трехъ иностранныхъ языкахъ — на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, человѣкъ съ самымъ ровнымъ характеромъ, у котораго только были двѣ невинныя по тогдашнимъ понятіямъ страсти — вино и хорошенькія женщины. Черкасовъ, желая угодить императрицѣ, сдѣлалъ предложеніе Гедвигѣ и получилъ ея согласіе. Сдѣлавшись женой Черкасова, Гедвига съумѣла заставить полюбить себя, и они дѣйствительно прожили съ мужемъ счастливо болѣе 35 лѣтъ.

Гедвига, нынѣ баронесса Черкасова, оставила дворъ и занялась исключительно воспитаніемъ дѣтей, которыхъ имѣла отъ Черкасова.

Она умерла въ 1796 году.

Подобно Ксеніи Годуновой, эта дочь Бирона, умирая, просила, чтобы ее похоронили вмѣстѣ съ ея знаменитымъ отцомъ и братьями.

Набальзамированный трупъ ея былъ перевезенъ въ Митаву, и тамъ, въ замкѣ, въ родовомъ склепѣ, дочь Бирона легла около тѣхъ, съ которыми она когда-то дѣлила могущество, славу, ссылку, и—много семейнаго горя.

XVIII.

Графиня Мавра Егоровна Шувалова,

урожденная Шепелева.

Между женскими личностями первой половины прошлаго вѣка есть не мало такихъ, о которыхъ повидимому можно было бы совсѣмъ умолчать, какъ и объ остальной массѣ женщинъ, и живших и умиравших безвѣстно и не оставившихъ о своемъ существованіи никакого слѣда въ исторіи, которымъ ни личною дѣятельностью, ни обстоятельствами жизни, ни даже отношеніями къ другимъ историческимъ личностямъ не суждено было выступить изъ неизвѣстности, выпадающей на долю всему, что дюжинно, безцвѣтно, что ни добромъ, ни зломъ не выдѣлилось въ историческую особь, не оставило послѣ себя что-называется ни звука въ воздухѣ, ни слѣда на землѣ, ни строки на исторической страницѣ; но и въ этомъ числѣ есть такія, которыхъ, какъ ни безцвѣтно ихъ существованіе, обойти нельзя, потому что какое-нибудь слово, сказанное ими, какое-либо письмо, ими написанное, или дополняютъ картину своего времени, или составляютъ рѣдкій, характеристическій орнаментъ цѣлой исторической эпохи, или, наконецъ, освѣщаютъ положеніе другихъ историческихъ личностей.

Такою является фрейлина двора герцогини голштинской, несчастной цесаревны Анны Петровны, любимой дочери Петра Великаго, матери императора Петра III — Мавра Егоровна Шепелева.

Съ именемъ дѣвицы Шепелевой невольно связывается одно лишь воспоминаніе, но воспоминаніе очень рельефное:—это ея письма къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, будущей императрицѣ русской.

Простыя, безхитростныя, наивныя, крайне притомъ безграмотныя письма дѣвушки обезсмертили имя Шепелевой, и говорить о Шепелевой—значитъ говорить о ея письмахъ, которыя интереснѣе всей ея жизни и всѣхъ ея личныхъ дѣлъ, мелкихъ и ничтожныхъ въ общей суммѣ нашего историческаго прошлаго.

Мы поэтому и не будемъ почти говорить о Шепелевой, а скажемъ только о ея письмахъ: письма эти—колоритъ цѣлой эпохи и въ то же время живой портретъ и характеристика той, которая ихъ писала.

Мавра Шепелева происходила изъ стариннаго рода дворянъ Шепелевыхъ. Гдѣ она получила воспитаніе—неизвѣстно; но всего скорѣе слѣдуетъ предполагать, что воспитаніе это, какъ живое выраженіе того скуднаго педагогическаго питанія, которымъ довольствовалась тогда вся Россія, не многимъ разнилось отъ воспитанія женщины временъ еще стрѣлецкихъ; разница только въ томъ, что изъ тогдашнихъ женщинъ рѣдкая умѣла читать или начертать свое имя подъ какой-нибудь дарственной записью; Шепелева же сама пишетъ письма: черезъ руки Шепелевой безъ сомнѣнія прошли такія педагогическія руководства, какъ творенія Симеона Полоцкаго, Лазаря Барановича, а можетъ быть что-либо и поновѣе.

Какъ бы то ни было, но Шепелева является однимъ изъ экземпляровъ того такъ-сказать новаго изданія русской женщины, которое явилось въ свѣтъ послѣ Петра, нѣсколько дополненное и исправленное, и къ которому принадлежитъ другой подобный же экземпляръ—княжна Александра Григорьевна Долгорукая, бывшая потомъ замужемъ за Салтыковымъ, родственникомъ царицы Прасковьи, и переписывавшаяся съ извѣстною Матреною Балкъ.

Однимъ словомъ, Шепелева умѣла писать письма въ то время еще, когда не всѣ царицы умѣли это; но какъ она писала—это другой вопросъ.

Когда, послѣ Петра Великаго, цесаревна Анна Петровна вышла замужъ за герцога голштинскаго и съ своимъ супругомъ отправилась въ столицу Голштиніи—Киль, Мавра Шепелева находилась при особѣ молодой герцогини голштинской.

Уѣзжая въ Киль, Шепелева оставляла въ Россіи высокаго друга своего въ лицѣ младшей сестры герцогини Анны Петровны, цесаревны Елизаветы Петровны. Дружба эта выражалась не только въ милостивыхъ отношеніяхъ цесаревны къ придворной дѣвушкѣ, но и въ интимной перепискѣ, поддерживавшейся между Шепелевою и цесаревной. Послѣдняя называла «Маврутку» Шепелеву даже своею дочкою.

Первое извѣстное намъ письмо Шепелевой къ цесаревнѣ относится къ 22-му октября 1727 года, слѣдовательно къ самымъ первымъ мѣсяцамъ пребыванія герцогини Анны Петровны, а вмѣстѣ съ нею и Шепелевой въ Килѣ.

Передаемъ это письмо съ дипломатическою и филологическою пунктуальностью—въ ней-то вся и сила.

«Всемилостивѣйшая государыня цесаревна Елисаветъ Петровна!

«Доношу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава

Богу в добромъ здравье обретаются; при семъ же благодарствую за вашу высокую милость, что изъволили ко мнѣ писать, и въпреть прашу я вашева высочества, дабы незабъвесъна была писмами. Еше шъ благодарствую за вашу высокую милость, что изволили ко мне, недастойной, прислать цытеръ католъ бриліантовой, и я не знаю, за что ваша высочество такъ меня, недостойною, жалуите. Данашу я вашему высочеству, что я кланилас Бышову, и он столько обрадовалъся, что пуще быть нельзя, и приказал вамъ свой поклонъ отдать, а принцъ Авъгустъ поехалъ по мать, и как он будетъ, то я ему отдамъ от вас поклон, и черезъ два дни будит к нам, и обы принцессы, и я вашему высочеству обстоятельно отпишу про всо. Еше шъ данашу, что пожалованъ Бышовъ въ гарънадеръску роту въ капитани поручики. А что вы изволили ко мне писать, чтобы я донесла цесаревни о перъсонахъ, и я ей донасила, и она приказала сказать: сколь скоро будитъ живописицъ изъ Франъцы, точас к вамъ пошлетъ перъсону Бышова и принцовъ обехъ, а въ Кили живописцы очень худи. Инова данашенія писать не имею, точію остаюс вашева высочества веръная раба Мавра Шепелева».

Таковъ былъ языкъ и такова грамматическая и литературная сила въ писаніяхъ придворной особы первой половины прошлаго вѣка: особенно характерны такія выраженія какъ «еше шъ данашу» (т. е. «еще жъ доношу») и подобныя.

Съ слѣдующимъ письмомъ Шепелевой, отъ 26-го октября, мы уже познакомились въ предыдущемъ очеркѣ, относящемся къ герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ: это то письмо, въ которомъ Шепелева извѣщаетъ цесаревну Елизавету Петровну, что сестрица ея готовится къ предстоящимъ родамъ и запасаетъ «чепъчики и пелонки», что «по всякой день варошитъца у ней въ брухе будущей племянникъ или племянъница» цесаревны (т. е.,

какъ оказалось впослѣдствіи, будущій императоръ Петръ III), что «в Кили очен дажди велики и ветри», а «печи всо железьнія, и то маленкие».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 20 ноября, Шепелева извѣщаетъ цесаревну, что къ нимъ въ Киль долженъ скоро быть почетный гость—«пренцесъ Элизабет мужъ», и проситъ своего высокаго друга называть ее, Маврутку, своею «дочерью», какъ и прежде называла ее Елизавета Петровна.

«Матушка моя государыня цесаревна, Элизабетъ Петровъна!—пишетъ Шепелева.—Данашу я вашему высочеству, что ваша сестрица и зять вашъ, слава Богу, в добромъ здравье. Прашу я васъ, матушка цесаревна, даби я, бедная, незабвенъна была вашей высокой милости. Данашу вашему высочеству, что на етой недели будитъ к нам пренцесъ Элизабет мужъ будит. Инова вашему высочеству данасит не имею, точію остаюс верьная ваша раба, такъ же, ежели не перемените свою милос ка мне, что вы меня называли, то верьная ваша дочь Маврa Шепелева».

Черезъ два мѣсяца Шепелева опять пишетъ въ Россію къ своему высокому другу и покровительницѣ, извѣщаетъ о здоровьѣ сестры ея, герцогини, о томъ, что у нихъ въ Килѣ долженъ быть 12-го генваря «банкетъ» въ честь дня рожденія королевскаго высочества «по новому стилю»—Европа, какъ видно, и ее, Маврутку, научила различать «стили»; при этомъ Шепелева называетъ себя и «вѣрною рабою» цесаревны, и «дочерью», и «холопкою и кузыною».

«Всемилостивейша государыня цесаревна и мать моя!

«Во перъвыхъ данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, въ добромъ здравье. Прашу я ваша высочество, дабы я, ваша раба и дочь, не оставлена была вашей высокой милости. Данашу я вашему высочеству, что у нас севодьни

банкетъ, рожденіе ево каралевского высочества по новому стилю, и будитъ много дамъ и кавалеровъ. Инова вашему высочеству данасить ничаго не имею, точію остаюсь вѣрьная ваша раба и дочь, и холопка и кузына Мавра Шепелева».

Время, однако, близится къ развязкѣ; а какова должна была быть эта развязка—никто не зналъ.

18-го генваря Шепелева извѣщаетъ цесаревну, что сестрица ея «дожидаитца на етихъ дняхъ» и поэтому приказала придворнымъ дамамъ и фрейлинамъ «готовить робы къ крестинамъ», что, наконецъ, вслѣдствіе ожиданія родовъ, безъ приказу никто изъ придворныхъ дамъ не смѣетъ ходить къ беременной герцогинѣ.

«Всемилостивѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ сдоровьи, и сестрица ваша дожидаитца на етихъ дняхъ, и приказала намъ готовить робы крестинамъ, и дамы все делаютъ робы, и мы безъ приказу не ходимъ цесаревни. Инова я вашему высочеству къ данашенію писать не имѣю, точію остаюсь ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Въ письмѣ отъ 1-го февраля Шепелева пишетъ цесаревнѣ о смерти ихъ придворнаго пѣвчаго, по фамиліи Чайка: это, вѣроятно, бѣдный малороссъ, за свой хорошій голосъ (голосами, какъ видно, и тогда славилась Малороссія) взятый ко двору, подобно Разумовскому, и умершій вдали отъ своей родной Украины.

«Всемилостивѣйшая государыня цесаревъна и матушка моя!—пишетъ Шепелева въ этомъ письмѣ.—Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здаровьи. Прашу я ваша высочество, чтобъ я не оставлена была вашей высокой милости. Еще шъ данашу, что у нас умеръ певъчей Чайка желчью. Еще шъ данашу, что у нас зыма стоитъ две недели. Инова я вашему высочеству къ данашенію писать не имею,

точію остаюсь верная ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Въ это время герцогиня Анна Петровна разрѣшается отъ бремени сыномъ, будущимъ всероссійскимъ императоромъ Петромъ III, и Шепелева сообщаетъ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, отъ 15-го февраля, о здоровьѣ ея маленькаго племянника и о томъ, что въ кормилицы ему взята была «отъ обаръ камаръгера», а потомъ за болѣзнью этой кормилицы взята другая.

«Всемилостивѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!

«Данашу я вашему высочеству, что ваша сестрица в добромъ здаровьи, и ево каралевское высочество и племянникъ вашъ в добром здаровьи, каръмилица была у вашева племянника взета отъ обаръ камаръгера, и нине занемогшей и взяли другую кармилицу. Инова не имѣю, точію остаюс верѣная ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева».

Послѣ этого письма слѣдуетъ перерывъ въ корреспонденціи до 25-го іюля 1728 года.

Въ теченіе этого промежутка, какъ извѣстно, умерла несчастная дочь Петра Великаго, которой жизнь вдали отъ родины далеко была не красива.

О смерти ея Шепелева ничего не пишетъ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ письма ея объ этомъ собственно обстоятельствѣ. Пишетъ она только 25-го іюля, что въ Киль ожидаются корабли, тѣ конечно, которые должны были перевезти тѣло умершей герцогини въ Россію, на родину, что навстрѣчу этимъ кораблямъ посылается изъ Киля большая яхта, что всѣмъ чинамъ и придворнымъ особамъ приказано съѣзжаться «на виносъ» тѣла умершей, и Шепелева обѣщаетъ даже описать для Елизаветы Петровны церемонію выноса тѣла усопшей сестры ея.

Вотъ это любопытное письмо:

«Всемилостивѣйшая государыня цесаревъна!

«Во перъвыхъ данашу вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добром здаровьи. Еше шъ данашу я вашему высочеству, что приставили принцу камаръ фроу Румерову жену, каторой камаръ фурьеръ у ево высочества. Дажидаимъ караблей суда завътря, или канешно посли завътрява, и послали яхътъ балшую на въстречу, и приказалъ ево высочество съежатъца всем на винос, а понесутъ чрезъ вѣсь горотъ, и ежели я успею написать церемонію, то пошлю к вашему высочеству; надеюс, что церемонія велика будит; надеюс, что карабли пробудутъ у нас неделю, потому что не въвсо готова. Боля вашему высочеству данасыть ничего не имею, точію остаюсь веръная вашева высочества раба Мавра Шепелева».

Наконецъ, сохранилось еще одно письмо Шепелевой изъ Киля. Письмо это — образцовое произведеніе пера молоденькой русской фрейлины первой половины прошлаго вѣка, дѣвушки, повидимому большой охотницы до описанія наружности красивыхъ кавалеровъ—и вообще это такое интересное посланіе, которое для насъ было бы дороже всякихъ другихъ историческихъ извѣстій о жизни Шепелевой, если бъ эти извѣстія и сохранились въ достаточной полнотѣ. Въ письмѣ этомъ, кромѣ наивнаго восхищенія красотою разныхъ принцевъ, кромѣ подробнѣйшаго описанія ихъ наружности, походки, голоса, фрейлина жалуется на обиліе въ Голштиніи пчелъ, которыя кусаются, и пренаивно хвалится своему другу, что купила она любопытную табакерку, а въ ней нарисована «персона», и что всего удивительнѣе для русской барышни—«персона» эта похожа на Елизавету Петровну, когда она нагая.

Приведемъ цѣликомъ это неподражаемое посланіе:

«Всемилостивѣйшая государыня цесаревна Элизабетъ Петровъна!

«Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добром здравье. Поздравляю васъ тезаименитъствомъ вашимь; дай, Боже, вамъ долъгія лета жить, и чтобъ ваша намереніе оканчалось, которо у нас в Кили, и въвсяко ваша намереніе оканчалась. Данашу я вашему цесарьскому высочеству, что пріехалъ к намъ принцъ Орьдовъ и принцъ Авъгустъ. Матушка цесаревна, какъ принцъ Орьдовъ хорошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ харошъ былъ, какъ мы видимъ; ростомъ такъ великъ, какъ Бутуръпинъ, и такъ тонокъ, глаза такія, какъ у вас цветомъ и такъ велики, ресницы черъныя, брови томнарусія, валоси такія, какъ у Семона Кириловича, белъ, не много почерънея покойника Бышова и руминицъ алой всегда въ щекахъ, зуби беліи и хараши, губи всегда алъ и хороши, речь и смехъ такъ какъ у покойника Бышова, асанъка походитъ на асудареву асанку, ноги тонъки, потому что молатъ, 19 летъ, воласи свои носитъ, и воласи по паесъ, руки паходятъ очинь на Бутуръпина, и в Олександровъ день полажила на нево кавалерию цесаревна. Данашу вамъ по принъца Авъгуста: такъ великъ, какъ меньшой Жерепцовъ, и такъ толстъ, лицомъ оченъ похожъ на Бишова, и асанка и пахотка такая, какъ у Бишова была, и парики носитъ белія, в кашелке толъка, толстъ голос, и выежалъ герцохъ ихъ встречать отъ Киля за милю в залатомъ берлини, а кавалери все веръхами, и геръцохъ и все кавалеры въ кавътанахъ цветънихъ, в камзоли черънія байковыя. Еше шъ данашу: пріехал за ними гофмейстеръ да оберъ егаръмейстеръ, и оберъ егаръмейстеръ очень похожъ на Алексѣя Яковлевыча Волъгова, лицомъ и осанкою, и нагами и руками. Еше шъ данашу, что у пас въ Кили такія дни харошія, какъ бы

летомъ, и места мухъ впчели; какъ въ Питеръбурхи мухъ многа, такъ у насъ впчолъ, и укусила меня за руку пчела, и я думала, что безъ руки буду, потаму что распухла и ломъ великой былъ три дени. Еше шъ данашу: купила я табакерку, и перъсона в ней пахожа на вашо высочество, какъ вы нагія. Еше шъ прашу я вашева цесаръскова высочества объ дядушке моемъ, прикажите ка мне отписать; слишили ми, буто онъ и Кашеловъ и Машковъ потъ карауломъ в гораде, и я прашу вашева высочества матерьской вашей ко мне милости, ежели ета нешастіе, прикожите меня увѣдомить. Инова вашему высочеству данасить не имею, точію рекамандую себя вамъ и остаюсь верѣная ваша раба Маврутка Шепелева».

Не навсегда, однако, суждено было Шепелевой оставаться въ Голштиніи: неизвѣстно, возвратилась ли она въ Россію вмѣстѣ съ бренными останками своей герцогини или въ послѣдующіе годы, только мы опять видимъ ее замужемъ уже за графомъ Шуваловымъ.

Какъ была Маврутка Шепелева любимицей цесаревны Елизаветы Петровны, такъ и осталась ея любимицей, когда была уже графиней Шуваловой, а Елизавета Петровна вступила на престолъ своего отца.

У новой императрицы Шуваловы становятся первыми сановниками и довѣренными лицами: Елизавета Петровна возводитъ свою любимицу Маврутку на самую высокую степень придворной іерархіи — графиня Шувалова дѣлается первою статсъ-дамою государыни, и вліяніе ея при дворѣ становится такъ велико, что они съ мужемъ какъ бы повторяютъ собою роль еще такъ недавно погибшихъ всесильныхъ временщиковъ — Меншикова, Лестока, Бирона, съ тою только разницею, что благо-

родно пользуются своимъ высокимъ положеніемъ и не обращаютъ его на злое дѣло, подобно хотя бы Бирону.

Мало того, графиня Шувалова является въ роли покровительницы одного изъ членовъ опальной семьи Бирона: когда дочь этого послѣдняго, Гедвига, по возвращеніи Бироновъ изъ Сибири въ Ярославль, бѣжала отъ суроваго отца, чтобъ искать милости у императрицы Елизаветы Петровны, Гедвига прежде всего нашла доступъ къ графинѣ Шуваловой, понравилась ей, разжалобила эту неизмѣнную любимицу государыни и при ея покровительствѣ вошла въ милость императрицы, при ея руководствѣ приняла православіе, снова взята была во дворъ и сдѣлала приличную партію, вышедши замужъ за барона Черкасова.

Вообще, какъ ни блестяща была жизнь графини Шуваловой въ періодъ ея могущества, какъ ни симпатична ея дѣятельность при дворѣ Елизаветы Петровны, но, въ качествѣ молоденькой фрейлины, пишущей такія наивныя и прелестныя по своей простотѣ письма, Маврутка Шепелева представляется намъ еще болѣе симпатичною.

XIX.

Правительница Анна Леопольдовна.

Нѣтъ ничего пристрастнѣе и одностороннѣе отзывовъ современниковъ объ историческихъ личностяхъ, на какой бы высотѣ онѣ ни стояли, и чѣмъ выше положеніе, занимаемое этими личностями, тѣмъ отзывы о нихъ пристрастнѣе: одинъ возводитъ такую личность на недосягаемую высоту, другой низводитъ ее ниже дѣйствительнаго уровня; оба силятся рельефнѣе отразить ее въ своемъ описательномъ рефракторѣ — и оба говорятъ, каждый съ своей точки зрѣнія, и правду и неправду, и тамъ, гдѣ одинъ рисуетъ повидимому схожій портретъ личности, другой его искажаетъ.

Для біографа послѣдующихъ временъ современники описываемой личности являются Сциллою и Харибдою, и біографъ съ помощью самой осмотрительной критики долженъ отдѣлять истину отъ лжи, ощупывая главнымъ образомъ больныя мѣста въ сказаніяхъ современниковъ.

Таковы отзывы этихъ послѣднихъ о женской личности, по однимъ—свѣтлымъ метеоромъ пролетѣвшей послѣ тяжелой бироновщины, по другимъ — безцвѣтно отсидѣвшей у трона и колыбельки своего сына малютки-императора и затѣмъ такъ же безцвѣтно дожившей свои молодые годы въ Холмогорахъ.

«Дочь герцогини мекленбургской — говоритъ о ней леди Рондо—взята императрицей вмѣсто родной дочери; ее зовутъ теперь принцессой Анной; она дѣвушка посредственной наружности, очень робка отъ природы, и нельзя еще сказать, что изъ нея будетъ».

Въ другомъ мѣстѣ эта же современница говоритъ: «Принцесса Анна, на которую смотрятъ какъ на наслѣдную принцессу, теперь уже находится въ такомъ возрастѣ, что могла бы заявить себя чѣмъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что ее воспитываютъ съ такою заботою; но въ ней нѣтъ ни красоты, ни граціи, и умъ ея не выказалъ еще ни одного блестящаго качества. Она держитъ себя очень степенно, говоритъ мало и никогда не смѣется, что мнѣ кажется неестественнымъ въ такой молодой особѣ и происходитъ, по моему мнѣнію, скорѣе отъ тупости, нежели отъ разсудительности. Все сказанное мною должно остаться между нами; вы, конечно, не знаете, что за готовность мою удовлетворить вашему любопытству меня могутъ повѣсить».

Но, дѣлая этотъ нелестный для молодой дѣвушки отзывъ, хитрая англичанка и придворная очень хорошо знала, что ее не повѣсятъ, а напротивъ будутъ довольны ею, если письмо ея будетъ «перлюстровано» Бирономъ.

Напротивъ, графъ Минихъ-сынъ, облагодѣтельствованный впослѣдствіи этою самою дѣвушкою, совершенно иныя краски кладетъ на ея портретъ.

«Принцесса Анна — говоритъ онъ — сопрягала съ многимъ остроуміемъ благородное и добродѣтельное сердце. Поступки ея были откровенны и чистосердечны и ничто не было для нея несноснѣе, какъ столь необходимое при дворѣ притворство и принужденіе, почему и произошло, что люди, пріобыкшіе въ прошлое правленіе къ грубѣйшимъ ласкательствамъ, несправедливо почитали ее надменною и якобы всѣхъ презирающею. Подъ видомъ

внѣшней холодности, была она внутренно снисходительна. Принужденная жизнь, которую она вела отъ двѣнадцати лѣтъ своего возраста даже до кончины императрицы Анны Ивановны — почему тогда кромѣ торжественныхъ дней никто посторонній къ ней входить не смѣлъ и за всѣми поступками ея строго присматривали — вселила въ ней такой вкусъ къ уединенію, что она всегда съ неудовольствіемъ наряжалась, когда во время ея регентства надлежало ей принимать и являться въ публикѣ. Пріятнѣйшіе часы для нея были тѣ, когда она въ уединеніи и въ избраннѣйшей малочисленной бесѣдѣ проводила, и тутъ бывала она свободна и весела въ обхожденіи. Дѣла слушать и рѣшать не скучала она ни въ какое время и дабы бѣдные люди способнѣе могли о нуждахъ своихъ ей представлять, назначенъ былъ одинъ день въ недѣлю, въ который дозволялось каждому прошеніе свое подавать во дворцѣ кабинетному секретарю. Она знала цѣнить истинныя достоинства и за оказанныя заслуги награждала богато и доброхотно. Великодушіе ея и скромность произвели, что она вовсе не была недовѣрчива, и многихъ основательныхъ требовалось доводовъ, пока она повѣритъ какому либо впрочемъ и несомнѣнному обвиненію. Для снисканія ея благоволенія нужна была болѣе откровенность, нежели другія совершенства. Въ законѣ своемъ была она усердна, но отъ всякаго суевѣрія изъята. Хотя она привезена въ Россію на второмъ году возраста своего, однако, пособіемъ окружавшихъ ее иностранцевъ, знала нѣмецкій языкъ совершенно. По французски разумѣла она лучше, нежели говорила. До чтенія книгъ была великая охотница; много читала на обоихъ помянутыхъ языкахъ и отмѣнный вкусъ имѣла къ драматическому стихотворенію. Она почитала много людей съ такъ называемымъ счастливымъ лицерасположеніемъ и судила большею частію по лицу о душевныхъ качествахъ человѣка. Къ домаш-

нимъ служителямъ своимъ была она снисходительна и благотворна. Что касается внѣшняго вида ея, то была она роста средняго, собою статна и полна, волосы имѣла темноцвѣтные, а лиценачертаніе хотя и не регулярно пригожее, однако пріятное и благородное; въ одеждѣ была она великолѣпна и съ хорошимъ вкусомъ. Въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, по собственному изобрѣтенію, отчего большею частью убиралась не къ лицу».

Подобно этимъ двумъ современникамъ, видимо другъ друга отрицающимъ въ отзывахъ своихъ объ Аннѣ Леопольдовнѣ, такіе же другъ друга отрицающіе отзывы о ней даютъ намъ и прочіе современники этой женщины: — то она совершенство, то она ничтожество, и изъ-за этихъ отзывовъ обликъ разсматриваемой нами женщины вырисовывается какимъ-то блѣднымъ, вялымъ, безжизненнымъ.

Но личность эта получаетъ свою явственную физіономію, когда передъ нами проходитъ вся картина ея жизни—проходятъ и эти напудренные, принаряженные, но въ душѣ грубые льстецы, копающіе одинъ другому яму, и эти бироновскіе шпіоны, слѣдящіе за каждымъ шагомъ и движеніемъ молодой дѣвушки, и эти шуты и шутихи, жадные, завистливые, злые.

Двухлѣтнимъ ребенкомъ Анна Леопольдовна привезена была въ Россію. Она была дочь царевны Екатерины Іоанновны, внучка «скорбнаго главою» царя Іоанна Алексѣевича и суровой царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой. Объ отцѣ ея, герцогѣ мекленбургъ-шверинскомъ Карлѣ-Леопольдѣ, иначе не говорили, какъ о «человѣкѣ крайне взбалмошномъ, грубомъ, сварливомъ и безпокойномъ, бывшемъ въ тягость и женѣ своей, и подданнымъ». О матери ея отзывались тоже не совсѣмъ лестно — что «въ ней очень мало скромности»; что «она ничѣмъ

не затрудняется и болтаетъ все, что ей приходитъ въ голову»; что «она чрезвычайно толста и любитъ мужчинъ» (Дюкъ-де-Лирія).

Въ такой-то средѣ должна была выростать будущая правительница Россіи.

Мать Анны Леопольдовны, не будучи въ силахъ выносить деспотизмъ и грубость мужа, оставила его, и въ 1722 году уѣхала въ Россію, домой, подъ защиту своего могущественнаго «дядюшки-батюшки» Петра Великаго, захвативъ съ собою и маленькую свою дочку, принцессу Анну.

Когда умеръ Петръ, а за нимъ скоро отошла и императрица Екатерина Алексѣевна, а потомъ и молодой императоръ Петръ II, и когда изъ Митавы явилась Анна Іоанновна, тетка маленькой принцессы, явилась какъ самодержавная императрица, маленькая принцесса была взята ею за родную дочь, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени принцесса осталась сироткою — Екатерина Іоанновна умерла.

Положеніе маленькой принцессы быстро измѣнилось: она стала на виду, и притомъ въ самомъ двусмысленномъ, тяжеломъ положеніи.

Съ одной стороны, нѣмецкая партія, съ Остерманомъ и графомъ Левенвольде во главѣ, тайно расчитывала видѣть въ ней преемницу Анны Іоанновны или, по крайней мѣрѣ, мать преемника; въ ней хотѣли видѣть соперницу цесаревны Елизаветы Петровны, которая для нѣмецкой партіи была не мила, не подходяща, потому что имѣла слишкомъ русскій нравственный обликъ и была несомнѣнно любима русскими. Съ другой стороны — Биронъ и боялся молоденькой принцессы, потому что она могла впослѣдствіи занять тронъ Анны Іоанновны, и мечталъ на ней построить свое безсмертіе, женивъ на ней своего сына, и приблизивъ его къ императорскому трону.

Вотъ почему съ самаго дѣтства Анна Леопольдовна стала предметомъ всѣхъ придворныхъ интригъ, нашептываній, подглядываній, заискиваній, наговариваній и такихъ отзывовъ, какъ отзывъ леди Рондо, и такихъ—какъ графа Миниха. Это было яблоко раздора, которое соперники хотѣли, если не отнять другъ у друга цѣликомъ, то разломить на двое, а въ крайнемъ случаѣ — совсѣмъ растоптать.

Но вотъ нѣмецкая партія беретъ верхъ — и графъ Левенвольдъ ѣдетъ за границу искать для Анны Леопольдовны жениха.

Феофанъ Прокоповичъ, этотъ ловкій типъ обмоскалившагося малоросса, беретъ молодую принцессу подъ свое нравственное руководство. Съ другой стороны, въ руководительницы ей дается г-жа Адеркасъ, о которой леди Рондо говоритъ, что гувернантка эта, вдова французскаго генерала, «очень хороша собой, хотя и не молода», что она «обогатила свой природный умъ чтеніемъ»; что «такъ какъ она долго жила при разныхъ дворахъ, то ея знакомства искали лица всевозможныхъ званій, что́ и развило въ ней умственныя способности и сужденія»; что «разговоръ ея можетъ нравиться и принцессѣ, и женѣ торговца, и каждая изъ нихъ будетъ удовлетворена ея бесѣдою»; что «въ частномъ разговорѣ она никогда не забываетъ придворной вѣжливости, а при дворѣ—свободы частнаго разговора»; что «въ бесѣдѣ она, какъ кажется, всегда ищетъ случая научиться чему-нибудь отъ тѣхъ, съ кѣмъ разговариваетъ»; что, по ея мнѣнію, «найдется очень мало лицъ, которыя сами не научились бы отъ нея чему-либо» и т. д.,—а что говоритъ леди Рондо, то рѣдко бываетъ не пристрастно, какъ мы не разъ это и видѣли.

Ясно, что молодая принцесса, попавъ въ руки Феофана Прокоповича и г-жи Адеркасъ, этой пройдохи, которую потомъ и выслали изъ Россіи—попала въ такую школу, изъ которой юному

существу трудно выйти не изломаннымъ нравственно, особенно подъ перекрестнымъ огнемъ наблюденій со стороны Бирона, разныхъ шутовъ и шутихъ, нѣмецкой и русской партій.

Но вотъ и женихъ найденъ для принцессы:—это былъ Антонъ-Ульрихъ, принцъ брауншвейгъ-бевернъ-люнебургскій.

Никому онъ не понравился въ Россіи—ни невѣстѣ, ни императрицѣ.

— Принцъ нравится мнѣ такъ же мало, какъ и принцессѣ — говорила Анна Іоанновна Бирону:—но высокія особы не всегда соединяются по наклонности. Будь, что̀ будетъ, только онъ никогда не долженъ имѣть участія въ правленіи; довольно и того, если дѣти его будутъ наслѣдниками. Впрочемъ, принцъ кажется мнѣ очень миролюбивымъ и уступчивымъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ, я не удалю его отъ двора, чтобъ не обидѣть австрійскаго императора.

Невѣста прямо показывала ему презрѣніе: это былъ бѣлокурый, робкій, тщедушный юноша, и притомъ заика.

Его послали съ Минихомъ въ двѣ кампаніи. Онъ оттуда воротился загорѣлымъ офицеромъ, болѣе возмужалымъ. Но и возмужалаго Анна Леопольдовна не полюбила его: она любила уже красиваго саксонскаго посланника, графа Линара, и эту страсть поддерживала въ ней ея же гувернантка Адеркасъ.

— Вы, министры проклятые—говорила она однажды Волынскому—на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала; а все вы для своихъ интересовъ привели.

Волынскій оправдывался, что это не его дѣло, что все это устроилъ Остерманъ.

— Чѣмъ же вы, ваше величество, недовольны? спрашивалъ Волынскій.

— Тѣмъ—отвѣчала Анна Леопольдовна—что принцъ весьма тихъ и въ поступкахъ не смѣлъ.

Ловкій придворный на это отвѣчалъ:

— Хотя въ его свѣтлости и есть какіе недостатки, то, напротивъ, въ вашемъ высочествѣ есть довольныя богодарованія, и для того можете ваше высочество тѣ недостатки снабдѣвать или награждать своимъ благоразуміемъ.

Но это не утѣшало молодую дѣвушку. Волынскій просилъ ее, по крайней мѣрѣ, не обнаруживать своего презрѣнія къ жениху при постороннихъ: «ибо въ томъ разумъ и честь вашего высочества состоитъ».

— Если же—заключилъ онъ свои утѣшенія — принцъ брауншвейгскій тихъ, то тѣмъ лучше для вашего высочества, потому что онъ будетъ вамъ въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ, и что ежели бы вашему высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ Бирон, это бы хуже для васъ.

Юнаго Бирона она, дѣйствительно, еще меньше могла выносить, чѣмъ тихаго Антона-Ульриха.

Какъ бы то ни было, но время свадьбы приближалось.

2-го іюля 1739 года совершено обрученіе жениха и невѣсты.

Очевидецъ этого грустнаго торжества говоритъ, что когда всѣ присутствовавшіе при церемоніи размѣстились по своимъ мѣстамъ, «вошелъ принцъ, чтобы поблагодарить ея величество за согласіе на бракъ его съ принцессою: на женихѣ была бѣлая шелковая одежда, вышитая золотомъ; его очень длинные бѣлокурые волосы были завиты и распущены по плечамъ; мое воображеніе представляло его очень похожимъ на жертву. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, императрица приказала ему встать около себя подъ балдахиномъ. Затѣмъ великій канцлеръ и князь Черкасскій ввели принцессу, и когда она остановилась прямо противъ императрицы, то

послѣдняя сказала ей, что изъявила согласіе на бракъ ея съ принцемъ брауншвейгскимъ. При этихъ словахъ принцесса обвила руками шею тетки и залилась слезами; ея величество сохраняла нѣсколько времени важный видъ, но наконецъ сама заплакала. Послѣ рѣчи великаго маршала къ невѣстѣ, императрица, оправившись отъ волненія, взяла кольца принца и принцессы и обмѣняла ихъ, отдавъ принцу перстень принцессы, а ей — перстень принца. Потомъ она повѣсила портретъ принца на руку принцессы, обняла ихъ обоихъ и пожелала имъ счастія. Тогда подошла принцесса Елизавета Петровна и, заливаясь слезами, обняла и поздравила обрученную; но императрица отстранила ее, и принцесса, продолжая плакать, удалилась, предоставивъ другимъ продолжать поздравленія и цѣловать руку у новообрученной. Принцъ, поддерживая невѣсту, старался утѣшать ее и представлялъ очень глупую фигуру среди всѣхъ этихъ слезъ».

Мы уже видѣли свадебные обряды древней и новой Руси: видѣли, какъ въ XIII вѣкѣ, еще до татарскаго владычества, восьмилѣтняго ребенка, княжну Верхуславу отдавали замужъ за Ростислава Рюриковича; какъ, въ началѣ XVI вѣка, Елена Глинская выходила замужъ за великаго князя Василія Іоанновича; какъ, въ XVII вѣкѣ, Марья Ильинична Милославская вѣнчалась съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ — все это была древне-русская, завѣтная обрядность, и съ поѣзжанами, и съ тысячскими, и съ дружками; видѣли, какъ Петръ Великій отдавалъ княжну-кесаревну Ромодановскую замужъ за Головкина и, по старому русскому обычаю, самъ былъ дружкою и сватомъ, а по новому — уже плясались на свадьбѣ экосесы и полонезы: — тутъ старина съ новизной еще боролись.

Но вотъ передъ нами уже совершенно европейская свадьба царственныхъ особъ.

Антонъ-Ульрихъ въ церкви ожидаетъ невѣсту. А по Петербургу тянется ослѣпительно богатый кортежъ невѣсты, невеселой Анны Леопольдовны.

Прежде всего ѣдутъ кареты особъ, занимающихъ государственныя должности, и кареты высшаго дворянства. Экипажи — европейскіе, великолѣпные. Около каждаго по десяти лакеевъ, которые идутъ впереди каретъ, по два скорохода и по нѣсколько ряженыхъ челядинцевъ: тутъ есть и ряженые арапы, въ черномъ бархатномъ платьѣ, которое такъ плотно обхватываетъ тѣло, что скороходы кажутся нагими; головы ихъ украшены перьями, какъ у индейцевъ.

За этой массой каретъ и людей ѣдетъ принцъ Карлъ, младшій сынъ Бирона, въ каретѣ, предшествуемой двѣнадцатью слугами, четырьмя скороходами, двумя гайдуками и двумя дворянами, которые ѣдутъ верхомъ.

За нимъ слѣдуетъ его старшій братъ, принцъ Петръ—въ той же пышной обстановкѣ.

Затѣмъ—самъ Бирон, въ великолѣпнѣйшей каретѣ, предшествуемой двадцатью четырьмя слугами, восемью скороходами, четырьмя гайдуками, четырьмя пажами, шталмейстеромъ верхомъ на конѣ, маршаломъ и двумя камергерами; около каждаго—свои ливрейные слуги.

За Биромъ—императрица съ невѣстой. Это—цѣлый особый поѣздъ: сорокъ восемь слугъ, двѣнадцать скороходовъ, двадцать четыре пажа съ ихъ наставникомъ, на конѣ; камергеры верхами; каждаго изъ нихъ сопровождаетъ скороходъ, держащій въ поводу лошадь, и два конныхъ лакея, въ собственной ливреѣ, съ подручными лошадьми; дворяне верхами; около каждаго два скорохода, ведущіе лошадь, и пóчетверо ливрейныхъ слугъ съ тремя подручными лошадьми; ливреи и сбруя—все это чрезвычайно бо-

гато; оберъ-шталмейстеръ, сопровождаемый всею конюшенною прислугою, конюхами и пикерами императрицы; оберъ-егермейстеръ, сопутствуемый всею охотничьею прислугою въ особыхъ одеждахъ; унтеръ-маршалъ двора съ жезломъ; оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ—и около каждаго своя ливрейная прислуга.

А уже тутъ—раскинутая на двѣ половины карета, необыкновенно великолѣпная, запряженная восемью лошадьми. Въ каретѣ—Анна Іоанновна и Анна Леопольдовна, одна противъ другой, и первая на почетномъ мѣстѣ. На невѣстѣ платье съ корсажемъ изъ серебряной ткани; корсажъ спереди весь покрытъ брильянтами; завитые волосы раздѣлены на четыре косы, перевитыя брильянтами, а на головѣ — маленькая брильянтовая корона; множество брильянтовъ блеститъ еще въ черныхъ волосахъ.

За поѣздомъ императрицы и невѣсты слѣдуетъ поѣздъ цесаревны Елизаветы Петровны: у нея — своя свита, свои семь каретъ съ придворнымъ штатомъ, расположеннымъ по чинамъ, какъ и у императрицы, съ тою только разницею, что у цесаревны штатъ менѣе штата императрицы.

За поѣздомъ Елизаветы Петровны — поѣздъ супруги Бирона и его дочери Гедвиги: и здѣсь такая же обширная свита, какъ и у цесаревны.

Кортежъ замыкается многочисленнымъ рядомъ каретъ, въ которыхъ ѣдутъ супруги сановниковъ и высшихъ дворянъ, окруженныя толпами ливрейныхъ лакеевъ, скороходовъ и араповъ. Роскошь и великолѣпіе каретъ и ливрей, по отзыву очевидца, «невыразимы».

Такъ празднуется царственная свадьба въ повой Руси. Но какъ и въ старой, въ Руси временъ Верхуславы, Сбыславы, Соломоніи Сабуровой, Ксеніи Годуновой, этимъ бле-

скомъ и этою европейскою обстановкою не покупалось еще счастье русской женщины.

Не купила себѣ счастье и Анна Леопольдовна тѣмъ, что свадьба не сыграна была съ такою поразительною пышностью.

Она, говорятъ, горько плакала, а всю первую ночь своего супружества провела въ дворцовомъ саду, одиноко бродя по аллеямъ.

Черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ этого горькаго брака у молодыхъ супруговъ родился сынъ Іоаннъ Антоновичъ, который на третьемъ мѣсяцѣ своей жизни объявленъ былъ императоромъ подъ именемъ Іоанна III, но горька была участь этого императора-младенца, родившагося отъ такого горькаго брака.

Анна Леопольдова почти не видѣла своего сына: предназначивъ ему высокую долю, императрица взяла его отъ матери и помѣстила младенца около своей опочивальни.

— Я хочу исполнить все, что̀ зависитъ отъ меня—говорила она Бирону:—а что̀ будетъ потомъ, зависитъ уже отъ воли Божіей. Вижу сама, что оставляю этого ребенка въ самомъ жалкомъ положеніи послѣ моей смерти; но я не въ силахъ ничѣмъ помочь ему, а отецъ и мать его тоже безсильны, особенно же отецъ, которому природа отказала даже въ самомъ необходимомъ для покровительства сына. Мать довольно умна, но у нея есть отецъ, извѣстный тиранъ и деспотъ: онъ, вѣрно, не замедлитъ сюда явиться, будетъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Мекленбургѣ, вовлечетъ Россію въ бѣдственныя войны и доведетъ ее до разоренія. Я боюсь, что по смерти моей будутъ поносить мою память.

Рѣшившись привести это намѣреніе въ исполненіе, императрица призываетъ къ себѣ Анну Леопольдовну, и объявляетъ ей свою волю. Говорятъ, послѣдняя была изумлена и сму-

щена этимъ извѣстіемъ, потому что все еще питала въ себѣ надежду быть императрицей; однако изъявила полную покорность.

1-го октября 1740 года Іоаннъ III былъ объявленъ императоромъ и принималъ присягу своихъ подданныхъ: — императору не было еще и двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія.

Чрезъ семнадцать дней послѣ этого скончалась и Анна Іоанновна. Умирая, она подписала манифестъ о назначеніи Бирона регентомъ имперіи, потому что ее просили объ этомъ высшіе сановники государства изъ боязни герцога курляндскаго.

— Господа! вы поступили какъ римляне! сказалъ Биронъ членамъ верховнаго совѣта, объявляя имъ манифестъ о назначеніи его регентомъ.

Анна Леопольдовна осталась въ сторонѣ: она была только мать императора.

Мало того, въ день смерти императрицы, вмѣстѣ съ прочими царедворцами, она и мужъ ея, мать и отецъ присягали въ вѣрности своему сыну и Бирону...

Аннѣ Леопольдовнѣ, матери императора, назначили двѣсти-тысячъ рублей въ годъ на расходы и позволили жить вмѣстѣ съ императоромъ-сыномъ въ зимнемъ дворцѣ.

Началось правленіе Бирона. Это было только продолженіе того тяжелаго времени, которое уже пережила Россія за послѣдніе годы.

Переживала это время и Анна Леопольдовна.

Но жить становилось часъ отъ часу невыносимѣе. Тѣ, которыхъ Биронъ назвалъ «римлянами», не видѣли въ немъ ни ума Цезаря, ни хитрости Августа; а для отрицательныхъ достоинствъ Нерона и Каракаллы онъ былъ слишкомъ ничтоженъ.

И вотъ около Анны Леопольдовны, какъ около ядра кристалла, начинаетъ формироваться нѣчто цѣльное, отдѣльное

отъ Бирона и враждебное ему: это — Минихъ, Остерманъ, Манштейнъ, Ушаковъ и другіе.

А Биронъ, между тѣмъ, какъ конь, закусившій удила, самъ несся къ пропасти. Задумавъ женить сына на цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобъ и самому рядомъ съ сыномъ присѣсть на ступеньки трона, къ которому онъ теперь подходилъ только какъ регентъ императора Іоанна III, и лелѣя въ душѣ сбыть этого послѣдняго, онъ выразился однажды передъ Анной Леопольдовной, въ минуту раздраженья, что можетъ ее тотчасъ же вмѣстѣ съ мужемъ отослать обратно въ Германію и что есть на свѣтѣ одинъ принцъ, въ Голштиніи, которому будетъ очень пріятно явиться въ Россію на ихъ мѣсто.

— И я это сдѣлаю — сказалъ онъ въ запальчивости — если только меня къ этому принудятъ.

Это было 7 ноября.

На другой день Миниху случилось остаться съ Анной Леопольдовной наединѣ. Молодая женщина, подъ вліяніемъ сдѣланнаго ей наканунѣ оскорбленія, все разсказала Миниху, припомнила и прежнія обиды, грубыя выходки, шпіонство, дерзости со стороны временщика и все, что дѣлало ея жизнь невыносимою. Она говорила, что не можетъ дольше оставаться въ Россіи и просила стараго фельдмаршала употребить съ своей стороны вліяніе, чтобъ Биронъ позволилъ ей взять съ собою сына.

Для Миниха, тайнаго врага Бирона, этого было достаточно. Онъ старался успокоить плачущую женщину. Онъ спрашивалъ, не повѣряла ли она еще кому-нибудь своихъ огорченій, и получивъ въ отвѣтъ, что только ему одному рѣшилась она высказаться, потому что оскорбленія стали уже невыносимы, старый фельдмаршалъ прямо сказалъ ей, что если она прикажетъ — Биронъ въ эту же ночь будетъ привезенъ къ ней арестантомъ.

Анна Леопольдовна рѣшилась. Минихъ просилъ ее только не открывать этой тайны никому, даже своему мужу.

Въ эту же ночь, Минихъ, взявъ съ собой адъютанта, подполковника Манштейна, отправился съ нимъ въ зимній дворецъ. На караулѣ стоялъ преображенскій полкъ, командиромъ котораго былъ Минихъ.

Пройдя задними воротами въ покои Анны Леопольдовны, Минихъ тотчасъ же приказалъ дѣвицѣ Юліанѣ Менгденъ, фавориткѣ принцессы, разбудить ее.

Въ это время проснулся Антонъ-Ульрихъ и спросилъ жену въ просонкахъ, зачѣмъ она встаетъ такъ рано. Анна Леопольдовна отвѣчала, что ей сдѣлалось дурно, и принцъ снова уснулъ.

Она вышла къ Миниху. Фельдмаршалъ просилъ ее вмѣстѣ съ нимъ отправиться арестовать регента, но когда она рѣшительно отказалась лично участвовать въ самомъ актѣ арестованія, Минихъ просилъ ее по крайней мѣрѣ призвать къ себѣ караульныхъ офицеровъ и поговорить съ ними о предстоящей имъ экспедиціи для арестованія регента.

Преображенцы были позваны. Вся трепещущая и взволнованная, Анна Леопольдовна разсказала имъ о своемъ безпомощномъ положеніи и дрожащимъ голосомъ отдала приказъ арестовать регента.

— Надѣюсь — говорила она — что вы сдѣлаете это для вашего императора и его родителей, а преданность ваша не останется безъ награды.

Преображенцы въ одинъ голосъ отвѣчали, что пойдутъ за фельдмаршаломъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ.

Анна Леопольдовна плакала, обнимая Миниха, а офицерамъ дала поцѣловать свою руку.

Преображенцы удалились. Пройдя въ комнату, смежную съ дѣтской, гдѣ спалъ младенецъ-императоръ, Анна Леопольдовна въ безсиліи опустилась на кровать къ дежурному камергеру, сыну фельдмаршала Миниха.

Пробужденный этой неожиданностью Минихъ вскочилъ съ испугомъ, не понимая, что вокругъ него происходитъ.

— Мой любезный Минихъ—говорила принцесса:—знаешь ли, что предпринялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать регента.

— Дай Богъ, чтобъ это благополучно удалось! прибавила она помолчавъ.

Затѣмъ Анна Леопольдовна, въ сопровожденіи Юліаны Менгденъ, отправилась въ дѣтскую, куда пришелъ и Антонъ-Ульрихъ.

Ребенокъ-императоръ спалъ.

Скоро явился и старикъ Минихъ съ извѣстіемъ, что Манштейнъ съ помощью двадцати преображенскихъ гренадеровъ благополучно совершилъ государственный переворотъ:—Бирона былъ арестованъ.

Изъ дворца тотчасъ же отправлены были гонцы ко всѣмъ министрамъ и сановникамъ съ приглашеніемъ прибыть въ дворцовую церковь для принесенія присяги матери императора. Собраны были ко дворцу и всѣ находившіеся въ Петербургѣ полки.

Страшнаго Бирона не существовало. Переворотъ совершенъ былъ такъ быстро и такъ неожиданно, что никто не хотѣлъ этому вѣрить.

«А нельзя было не повѣрить — говоритъ одинъ изъ біографовъ Анны Леопольдовны—что насталъ-таки этотъ желанный конецъ господству Бирона. Густыя толпы народа окружали зимній дворецъ, къ которому безпрестанно подъѣзжали экипажи, высаживавшіе разряженныхъ и раззолоченныхъ господъ. На пло-

щади выстроены были гвардейскіе полки съ распущенными знаменами. Всѣ лица выражали радость и признательность; всѣ голоса звучали весело и бодро. Анна Леопольдовна провозглашена была великой княгиней всероссійской и правительницей государства на все время несовершеннолѣтія императора. Какъ двадцать два дня тому назадъ, вельможи присягали ей въ дворцовой церкви, гвардія на площади, народъ — по разнымъ церквамъ. Не было только теперь, какъ двадцать два дня тому назадъ, ни патрулей, ни пушекъ на перекресткахъ, ни мрачныхъ и унылыхъ лицъ. Послѣ присяги, императоръ показанъ былъ полкамъ въ окошко и привѣтствуемъ громкимъ «ура»! Потомъ отслужили благодарственный молебенъ и пропѣли «Тебе Бога хвалимъ». Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, народъ плясалъ на площадяхъ; незнакомые люди, встрѣчаясь на улицахъ, обнимались, какъ друзья, и плакали, какъ женщины — отъ полноты свѣтлыхъ ощущеній».

«Еще не было примѣра — писалъ въ тотъ же день французскій посланникъ въ Петербургѣ, маркизъ де-ла-Шатарди, къ французскому посланнику въ Берлинѣ — чтобъ въ здѣшнемъ дворцѣ собиралось столько народа, и весь этотъ народъ обнаруживалъ такую неподдѣльную радость, какъ сегодня».

Большія награды получили тѣ, которые такъ или иначе способствовали этому перевороту.

Щедро былъ награжденъ и Минихъ, главный руководитель всего этого дѣла и исполнитель переворота; но старикъ все-таки считалъ себя обойденнымъ въ милостяхъ: старый фельдмаршалъ надѣялся получить званіе генералиссимуса; но званіемъ этимъ Анна Леопольдовна наградила своего супруга.

Старый фельдмаршалъ не могъ скрыть своего неудовольствія, а Остерманъ, завидывавшій ему, не скупился на нашептыванья

Аннѣ Леопольдовнѣ разныхъ неблагопріятныхъ для Миниха намековъ. Правительница стала его бояться.

— Фельдмаршалъ сдѣлалъ бы очень хорошо, если бы умеръ теперь, сказала она по этому случаю.

Минихъ понялъ, что имъ не дорожатъ, и просилъ отставки. Анна Леопольдовна не удерживала его.

— Я могла воспользоваться плодами измѣны—говорила она, намекая на произведенный Минихомъ переворотъ — но не могу уважать измѣнника. Да и нельзя было выносить долѣе нестерпимаго высокомѣрія фельдмаршала. Онъ не обращалъ никакого вниманія на мои формальныя и неоднократныя приказанія, а мужу моему противорѣчилъ на каждомъ шагу. Ему никакъ нельзя довѣриться: онъ слишкомъ честолюбивъ и характера самаго безпокойнаго. Всего бы лучше ему теперь отправиться на покой въ свое украинское помѣстье. Я, право, не понимаю, отчего онъ туда не уѣдетъ?

Минихъ былъ уволенъ Анною Леопольдовною 7 марта 1741 года — ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ совершеннаго имъ переворота.

Удаленіе Миниха ускорено было именно тѣмъ лицомъ, которое имъ же было погублено четыре мѣсяца назадъ — Бирономъ: этотъ страшный арестантъ говорилъ своимъ судьямъ въ шлиссельбургской крѣпости, что онъ не принялъ бы регентства, если бъ его не умолялъ о томъ Минихъ, хотѣвшій даже стать передъ нимъ на колѣни, лишь бы Биронъ согласился.

— Я совѣтую великой княгинѣ остерегаться Миниха, какъ человѣка самаго опаснаго въ цѣлой имперіи — говорилъ онъ — и помнить всегда, что если ея высочество хоть разъ откажетъ ему въ какой нибудь его просьбѣ, она уже не можетъ почитать себя безопасною на престолѣ.

Но Анна Леопольдовна не предчувствовала, что и безъ Миниха ей не долго оставалось сидѣть на тронѣ своего сына-малютки, для котораго тронъ Петра Великаго оказался слишкомъ высокъ...

У Петра оставалась еще дочь, о которой повидимому забыли въ моментъ переворота. Ее вспомнили послѣ—только тогда, когда она сама о себѣ напомнила.

Эта именно забывчивость, это невниманіе къ своему высокому посту и погубило Анну Леопольдовну, которую воспитаніе и привычки не научили помнить, что она—мать императора и занимаетъ его тронъ до тѣхъ поръ, пока императору ничего кромѣ колыбельки не нужно было, и что положеніе это налагаетъ на человѣка тяжелыя обязанности.

А читая отзывы о ней современниковъ, нельзя не прійти къ заключенію, что она именно это и забыла.

Хотя мы вообще недовѣрчиво относимся къ свидѣтельствамъ современниковъ, какъ и высказали это выше, но если изъ сопоставленія этихъ отзывовъ выходитъ нѣчто цѣльное, опредѣленное, то слова современниковъ въ извѣстныхъ случаяхъ и не могутъ не получать относительной степени достовѣрности.

Такъ англійскій посланникъ Финчъ рисуетъ Анну Леопольдовну слѣдующими чертами:

«Правительница, кажется, одарена умомъ, проницательностію, хорошими природными качествами и человѣколюбіемъ; но она имѣетъ скрытный характеръ и слишкомъ любитъ уединяться. Она видимо страдаетъ, являясь въ публику, и предпочитаетъ проводить время въ обществѣ своей фаворитки и ея родныхъ. Всѣ дѣла пошли бы лучше, еслибъ правительница чаще показывалась публикѣ и обладала бы той привѣтливостью, къ которой пріучены здѣшніе придворные прежними государями и которая произвела бы теперь самыя лучшія послѣдствія».

Но любовь къ уединенію—это еще не такое качество, которое могло привести правленіе Анны Леопольдовны къ трагической развязкѣ; только въ соединеніи съ другими, болѣе положительными недостатками характера и невыдержанностью, качество это привело къ катастрофѣ.

Манштейнъ, напротивъ, рисуетъ черты Анны Леопольдовны болѣе яркими, но далеко не выгодными красками. Онъ говоритъ, что «принцесса была чрезвычайно капризна, вспыльчива, безпечна и нерѣшительна, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ. Въ продолженіе своего годичнаго регентства, она управляла кротко, любила дѣлать добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣла дѣлать его кстати. Въ образѣ жизни она подчинялась совершенно своей фавориткѣ, не обращала вниманія на совѣты министровъ и людей опытныхъ и не обладала ни однимъ качествомъ, необходимымъ для правителя. Ея постоянно печальный и скучный видъ происходилъ, можетъ быть, отъ непріятностей, испытанныхъ ею отъ герцога курляндскаго, въ царствованіе императрицы Анны».

Еще менѣе привлекательныя тѣни набрысываетъ на личность Анны Іоанновны фельдмаршалъ графъ Минихъ, ея личный врагъ послѣ своего паденія.

«Она — говоритъ Минихъ — съ самаго малолѣтства имѣла дурныя привычки, и родительница ея, царевна Екатерина Ивановна, мало обращала на нихъ вниманія. Опредѣленная къ ней воспитательницею госпожа Адеркасъ очень худо выполняла свои обязанности, за что и была выслана изъ Россіи съ повелѣніемъ никогда въ нее не возвращаться. Характеръ принцессы обнаруживался вполнѣ въ то время какъ она сдѣлалась правительницею. Главнымъ природнымъ ея недостаткомъ было нерадѣніе къ дѣламъ. Она никогда не показывалась въ кабинетѣ.

Не разъ, когда мнѣ случалось приходить къ ней съ отчетомъ по дѣламъ кабинета или испрашивать ея разрѣшеній, она, сознавая свою неспособность, говорила мнѣ: «Какъ бы я желала, чтобы сынъ мой выросъ поскорѣе и началъ самъ управлять дѣлами!» Она была очень невнимательна даже къ своему наряду: голову повязывала бѣлымъ платкомъ и часто въ спальномъ платьѣ ходила къ обѣднѣ, иногда оставалась даже въ такомъ костюмѣ въ обществѣ, за обѣдомъ и по вечерамъ, проводя ихъ въ карточной игрѣ съ избранными ею особами.

Въ то время когда катастрофа еще не совершилась, друзья Анны Леопольдовны предупреждали ее, что опасность не далеко, что надо принять мѣры для своего спасенія. Ей указывали на возраставшую популярность Елизаветы Петровны, на то, что преображенцы, которые арестовали Бирона, стали теперь не ея друзьями, а друзьями именно Елизаветы Петровны—правительница ничего не хотѣла слушать.

— Ваше высочество! — говорилъ ей австрійскій посланникъ маркизъ де-Ботта — вы на краю пропасти. Ради Бога, спасите себя, спасите императора, спасите вашего супруга!

И все это было напрасно: маркиза де-Ботту приглашали играть въ карты, и все забывалось.

Антона-Ульриха предупредили, что Лестокъ готовитъ переворотъ въ пользу Елизаветы Петровны, и когда онъ, сказавъ объ этомъ женѣ, присовокупилъ, что хочетъ арестовать Лестока, Анна Леопольдовна запретила ему это: она прямо сказала, что отвѣчаетъ за невинность Елизаветы Петровны.

А между тѣмъ тамъ дѣйствительно все уже было готово.

24-го ноября, ночью, Елизавета Петровна, въ сопровожденіи своихъ друзей, явилась къ гвардіи, къ тѣмъ самымъ преображенцамъ, которые еще такъ недавно арестовали Бирона,

и объявила имъ свое намѣреніе. Преображенцы отвѣчали, что готовы перебить всѣхъ враговъ цесаревны; но это имъ было запрещено—и они повиновались.

Анна Леопольдовна въ это время спокойно спала въ своемъ дворцѣ. Спалъ и малютка-императоръ въ своей колыбели.

Съ шумомъ ввалилось тридцать преображенцевъ въ спальню правительницы. Она проснулась. Именемъ «императрицы Елизаветы» преображенцы приказали ей слѣдовать за собою.

Анна Леопольдовна просила преображенцевъ дозволить ей повидаться съ новой императрицей — ей не позволили, и только торопили поскорѣе одѣваться.

Проснувшійся отъ этой суматохи Антонъ-Ульрихъ, обезумѣвъ отъ страха, неподвижно сидѣлъ на постели: второй разъ онъ не понималъ, что вокругъ него дѣлается; но тогда, въ первый разъ, онъ не понималъ, что жена его идетъ арестовать Бирона, а теперь не понималъ, что пришли арестовать его жену—правительницу.

Наконецъ и онъ понялъ въ чемъ дѣло...

Съ отчаянья онъ сталъ упрекать жену въ томъ, что, не слушая ничьихъ предостереженій, она сама приготовила себѣ гибель.

— Слава Богу еще, что дѣло кончилось такъ мирно и спокойно, и что Елизавета достигла своей цѣли безъ кровопролитія (отвѣчала она мужу). И за эту милость надо благодарить Бога.

И въ эту минуту она оставалась вѣрна себѣ...

Антона-Ульриха, все еще сидѣвшаго на постели, солдаты завернули въ одѣяло—и вынесли на дворъ.

Тамъ ждали сани. Въ эти сани уложили царственныхъ супруговъ, закутали шубами, такъ какъ на дворѣ было холодно — и повезли въ дворецъ Елизаветы Петровны.

Изъ спальной комнаты правительницы преображенцы перешли въ дѣтскую.

Солдатамъ строго было запрещено будить младенца-императора.

«Окруживъ кроватку Іоанна Антоновича, почивавшаго безмятежнымъ сномъ своего счастливаго возраста, преображенцы терпѣливо дожидались его пробужденія (такъ описываютъ арестъ императора Іоанна III). Когда же онъ проснулся, солдаты, взапуски одинъ передъ другимъ, старались завладѣть его особою. Ребенокъ кричалъ при видѣ незнакомыхъ людей съ грубыми движеніями и лицами, съ гремѣвшими ружьями, и тянулся къ своей кормилицѣ, прибѣжавшей на его крикъ изъ сосѣдней комнаты. Кормилица взяла его на руки, покачала, успокоила и, не смѣя ослушаться объявленнаго ей приказанія, передала своего питомца на руки одному изъ солдатъ. Плакавшій императоръ съ торжествомъ отнесенъ былъ въ дворцовую караульню, гдѣ дожидалась его сама цесаревна».

И вотъ начинается для Анны Леопольдовны новая жизнь—медленное приготовленіе къ преждевременной смерти.

Какъ ни безрадостна была вся первая половина жизни этой бѣдной женщины, однако вторая половина ея была уже до такой степени тяжка, что, какъ бы ни были велики передъ судомъ исторіи вины, можетъ быть невольныя, этой несчастной женщины, вины эти едва ли заслуживали такого непомѣрно тяжкаго искупленія.

Вся жизнь ея — рядъ непрерываемыхъ давленій со стороны людей и обстоятельствъ.

Дѣтскіе годы проводятся на глазахъ у отца тирана, который мучитъ мать своего ребенка, мучитъ своихъ подданныхъ.

Мать Анны Леопольдовны не выноситъ такой жизни и бѣжитъ съ ребенкомъ въ Россію на родину.

Ребенокъ повидимому готовится къ самой счастливой жизни: переди у нея корона на ея собственной головѣ или на головѣ я сына.

Но это-то самое высокое назначеніе и дѣлаетъ для молодой ринцессы жизнь пыткою: за ней шпіонитъ Бирономъ, за ней шпіоятъ всѣ придворные, каждое ея слово переносится изъ кабинета ь кабинетъ; этотъ усиленный надзоръ пріучаетъ дѣвушку къ крытности, скрытность и уединеніе дѣлаютъ то, что люди ей гановятся противны; но она остается также добра къ нимъ и ягка по природѣ.

Ее отдаютъ насильно замужъ, когда она любитъ другого. Но на и съ этимъ мирится.

Родился у нея сынъ — сына отнимаютъ у матери: — поневолѣ ристрастишься къ картамъ.

Она мать русскаго императора — а ей грозятъ, что ее выгоятъ изъ Россіи.

Она проситъ, чтобы, изгоняя ее изъ Россіи, ей по крайней ѣрѣ позволили взять съ собой сына—ее дѣлаютъ неограниченой правительницей Россіи.

Она думаетъ хоть тутъ успокоиться, отдохнуть, избрать таой образъ жизни, какой ей нравится—ей говорятъ, что она не ѣетъ жить такъ, какъ ей нравится. Ей ставятъ въ вину то, о она позволяетъ себѣ одно развлеченье — карты. Ей ставятъ ь вину то, что она скучна, что лицо ея не весело, что она одитъ въ капотѣ, что она не чешется.

Но вотъ у нея и у ея сына берутъ престолъ и отдаютъ боѣе достойной личности—она покоряется.

Для нея остается одно—уѣхать на свою родину, съ мужемъ, ъ лишеннымъ короны младенцемъ-императоромъ, и доживать амъ свой вѣкъ. Ее дѣйствительно и отправляютъ на родину;

Изъ спальной комнаты правительницы преображенцы перешли въ дѣтскую.

Солдатамъ строго было запрещено будить младенца-императора.

«Окруживъ кроватку Іоанна Антоновича, почивавшаго безмятежнымъ сномъ своего счастливаго возраста, преображенцы терпѣливо дожидались его пробужденія (такъ описываютъ арестъ императора Іоанна III). Когда же онъ проснулся, солдаты, взапуски одинъ передъ другимъ, старались завладѣть его особою. Ребенокъ кричалъ при видѣ незнакомыхъ людей съ грубыми движеніями и лицами, съ гремѣвшими ружьями, и тянулся къ своей кормилицѣ, прибѣжавшей на его крикъ изъ сосѣдней комнаты. Кормилица взяла его на руки, покачала, успокоила и, не смѣя ослушаться объявленнаго ей приказанія, передала своего питомца на руки одному изъ солдатъ. Плакавшій императоръ съ торжествомъ отнесенъ былъ въ дворцовую караульню, гдѣ дожидалась его сама цесаревна».

И вотъ начинается для Анны Леопольдовны новая жизнь—медленное приготовленіе къ преждевременной смерти.

Какъ ни безрадостна была вся первая половина жизни этой бѣдной женщины, однако вторая половина ея была уже до такой степени тяжка, что, какъ бы ни были велики передъ судомъ исторіи вины, можетъ быть невольныя, этой несчастной женщины, вины эти едва ли заслуживали такого непомѣрно тяжкаго искупленія.

Вся жизнь ея — рядъ непрерываемыхъ давленій со стороны людей и обстоятельствъ.

Дѣтскіе годы проводятся на глазахъ у отца тирана, который мучитъ мать своего ребенка, мучитъ своихъ подданныхъ.

Мать Анны Леопольдовны не выноситъ такой жизни и *бѣжитъ* съ ребенкомъ въ Россію на родину.

Ребенокъ повидимому готовится къ самой счастливой жизни: впереди у нея корона на ея собственной головѣ или на головѣ ея сына.

Но это-то самое высокое назначеніе и дѣлаетъ для молодой принцессы жизнь пыткою: за ней шпіонитъ Бирономъ, за ней шпіонятъ всѣ придворные, каждое ея слово переносится изъ кабинета въ кабинетъ; этотъ усиленный надзоръ пріучаетъ дѣвушку къ скрытности, скрытность и уединеніе дѣлаютъ то, что люди ей становятся противны; но она остается также добра къ нимъ и мягка по природѣ.

Ее отдаютъ насильно замужъ, когда она любитъ другого. Но она и съ этимъ мирится.

Родился у нея сынъ — сына отнимаютъ у матери: — поневолѣ пристрастишься къ картамъ.

Она мать русскаго императора — а ей грозятъ, что ее выгонятъ изъ Россіи.

Она проситъ, чтобы, изгоняя ее изъ Россіи, ей по крайней мѣрѣ позволили взять съ собой сына—ее дѣлаютъ неограниченной правительницей Россіи.

Она думаетъ хоть тутъ успокоиться, отдохнуть, избрать такой образъ жизни, какой ей нравится—ей говорятъ, что она не смѣетъ жить такъ, какъ ей нравится. Ей ставятъ въ вину то, что она позволяетъ себѣ одно развлеченье — карты. Ей ставятъ въ вину то, что она скучна, что лицо ея не весело, что она ходитъ въ капотѣ, что она не чешется.

Но вотъ у нея и у ея сына берутъ престолъ и отдаютъ болѣе достойной личности—она покоряется.

Для нея остается одно—уѣхать на свою родину, съ мужемъ, съ лишеннымъ короны младенцемъ-императоромъ, и доживать тамъ свой вѣкъ. Ее дѣйствительно и отправляютъ на

Изъ спальной комнаты правительницы преображенцы перешли въ дѣтскую.

Солдатамъ строго было запрещено будить младенца-императора.

«Окруживъ кроватку Іоанна Антоновича, почивавшаго безмятежнымъ сномъ своего счастливаго возраста, преображенцы терпѣливо дожидались его пробужденія (такъ описываютъ арестъ императора Іоанна III). Когда же онъ проснулся, солдаты, взапуски одинъ передъ другимъ, старались завладѣть его особою. Ребенокъ кричалъ при видѣ незнакомыхъ людей съ грубыми движеніями и лицами, съ гремѣвшими ружьями, и тянулся къ своей кормилицѣ, прибѣжавшей на его крикъ изъ сосѣдней комнаты. Кормилица взяла его на руки, покачала, успокоила и, не смѣя ослушаться объявленнаго ей приказанія, передала своего питомца на руки одному изъ солдатъ. Плакавшій императоръ съ торжествомъ отнесенъ былъ въ дворцовую караульню, гдѣ дожидалась его сама цесаревна».

И вотъ начинается для Анны Леопольдовны новая жизнь—медленное приготовленіе къ преждевременной смерти.

Какъ ни безрадостна была вся первая половина жизни этой бѣдной женщины, однако вторая половина ея была уже до такой степени тяжка, что, какъ бы ни были велики передъ судомъ исторіи вины, можетъ быть невольныя, этой несчастной женщины, вины эти едва ли заслуживали такого непомѣрно тяжкаго искупленія.

Вся жизнь ея — рядъ непрерываемыхъ давленій со стороны людей и обстоятельствъ.

Дѣтскіе годы проводятся на глазахъ у отца тирана, который мучитъ мать своего ребенка, мучитъ своихъ подданныхъ.

Мать Анны Леопольдовны не выноситъ такой жизни и *бѣжитъ* съ ребенкомъ въ Россію на родину.

Ребенокъ повидимому готовится къ самой счастливой жизни: переди у нея корона на ея собственной головѣ или на головѣ и сына.

Но это-то самое высокое назначеніе и дѣлаетъ для молодой ринцессы жизнь пыткою: за ней шпіонитъ Биронъ, за ней шпіонятъ всѣ придворные, каждое ея слово переносится изъ кабинета ь кабинетъ; этотъ усиленный надзоръ пріучаетъ дѣвушку къ крытности, скрытность и уединеніе дѣлаютъ то, что люди ей гановятся противны; но она остается также добра къ нимъ и ягка по природѣ.

Ее отдаютъ насильно замужъ, когда она любитъ другого. Но на и съ этимъ мирится.

Родился у нея сынъ — сына отнимаютъ у [illegible] ристрастишься къ картамъ.

Она мать русскаго императора — а ей [illegible] ятъ изъ Россіи.

Она проситъ, чтобы, изгоняя ее изъ [illegible] ѣрѣ позволили взять съ собой [illegible] ой правительницей Россіи.

Она думаетъ хоть тутъ [illegible] ой образъ жизни, какой ей [illegible] мѣетъ жить такъ, какъ ей [illegible] то она позволяетъ [illegible] въ вину [illegible] ходитъ въ [illegible]

Но вотъ у [illegible] ѣе [illegible]

Для [illegible] ъ лишеннымъ [illegible] имъ свой [illegible] Ее [illegible]

но съ дороги возвращаютъ: ее настигаютъ въ Ригѣ и сажаютъ въ тамошнюю крѣпость.

Цѣлый годъ живетъ она съ своей семьей въ этомъ заточеніи; но это еще не все.

Черезъ годъ ее перевозятъ въ динаминдскую крѣпость, и опять держатъ годъ.

Въ крѣпости она родитъ двухъ дочерей, Екатерину и Елизавету: эти несчастныя дѣвочки появляются на свѣтъ божій прямо арестантками.

Черезъ годъ ихъ всѣхъ отвозятъ въ Раненбургъ, рязанской губерніи.

Но бывшаго малютку-императора съ матерью, отцемъ и грудными сестрами опасно оставлять и въ Раненбургѣ—и вотъ ихъ разлучаютъ: младенца-императора отвозятъ въ шлиссельбургскую крѣпость, чтобъ враги царствующей особы не сдѣлали его орудіемъ своихъ замысловъ, а мать, отца и дѣвочекъ–сестеръ везутъ въ Холмогоры, на родину Ломоносова.

Съ тѣхъ поръ мать не видѣла уже больше своего сына.

Такимъ образомъ Анна Леопольдовна, Антонъ-Ульрихъ и двѣ ихъ дочери-малютки Екатерина и Елизавета находятъ послѣдній пріютъ — на пустынномъ островкѣ Двины, вдали отъ Петербурга, вдали отъ родины, вдали даже отъ Архангельска, потому что съ двинскаго островка арестантамъ никуда не позволено отлучаться.

Какова же была эта послѣдняя жизнь Анны Леопольдовны и близкихъ ей существъ—мужа и двухъ дѣвочекъ?

Живутъ они подъ строгимъ надзоромъ. Къ нимъ приставлены особыя команды. Помѣщеніе ихъ — старый архіерейскій домъ, тотъ домъ, въ которомъ жилъ еще когда-то Афанасій, холмогорскій епископъ, присутствовавшій въ Москвѣ во время стрѣлецкаго

бунта, когда, въ грановитой палатѣ, при чтеніи челобитной раскольниковъ, Никита Пустосвятъ, не убоявшись царевны Софьи Алексѣевны, ударилъ этого самаго епископа Афанасія. Домъ этотъ стоялъ вдали отъ другихъ домовъ и огороженъ былъ высокимъ палисадомъ.

Если узникамъ и позволялось выходить изъ этого дома, то они могли прогуливаться только по заглохшему саду, примыкавшему къ дому. Иногда имъ позволялось кататься, но не далѣе двухъ-сотъ саженъ отъ дома.

И во время гулянья по саду, и во время катанья по двухсотсаженной площади за ссыльными наблюдали двѣ воинскія команды.

Время шло. Въ Холмогорахъ Анна Леопольдовна еще родила сына — Петра.

А между тѣмъ впереди еще такъ много жизни—молодой женщинѣ всего только двадцать шесть лѣтъ.

Проходитъ еще годъ. У Анны Леопольдовны уже и третій сынъ — Алексѣй. Но родовъ этого послѣдняго сына она не переноситъ.

Изъ Холмогоръ тѣло бывшей правительницы везутъ въ Петербургъ и погребаютъ въ александро-невской лаврѣ, а мужъ и дѣти остаются въ Холмогорахъ, старшій сынъ, бывшій императоръ — въ шлиссельбургской крѣпости.

«Бывшая правительница россійской имперіи — говоритъ біографъ Анны Леопольдовны — до конца жизни сохранила свой неизмѣнный скучающій и разсѣянный видъ, къ которому только въ послѣдніе годы въ Холмогорахъ присоединилось выраженіе глубокаго, тяжкаго страданія и одной неотвязчивой и скорбной думы. Это была дума матери о сынѣ — о томъ бѣдномъ ребенкѣ, который нѣкогда такъ громогласно привѣтствуемъ былъ

передъ зимнимъ дворцомъ гвардейскими полками, а теперь одиноко страдалъ и томился».

По словамъ покойнаго академика Пекарскаго, въ дворцахъ сохранилось нѣсколько оригинальныхъ портретовъ Анны Леопольдовны, особенно же замѣчательный портретъ работы Каравака. На портретѣ гатчинскаго дворца правительница изображена, по свидѣтельству того же академика, въ желтомъ капотѣ, съ подобраннымъ подъ бѣлый платокъ, въ родѣ шапочки, непричесанными волосами. Черты лица не крупные, съ выраженіемъ апатіи.

Оба Миниха были правы, говоря — первый, что женщина эта «въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, по собственному изобрѣтенію, отъ чего большею частью убиралась не къ лицу», второй—что она голову повязывала бѣлымъ платкомъ и т. д.

Несчастія Анны Леопольдовны какъ бы по наслѣдству перешли ко всей ея семьѣ.

Антонъ-Ульрихъ прожилъ въ Холмогорахъ тридцать-два года: будучи привезенъ туда съ своею злополучною женою еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати-семи, двадцати-восьми, онъ дожилъ тамъ до старости, убивая безконечные дни ссылки прогулками съ дѣтьми по заброшенному и высоко огороженному архіерейскому саду и катаясь, подъ надзоромъ солдатъ, непремѣнно не далѣе двухъ-сотъ саженъ отъ своего острога.

Когда на престолъ взошла императрица Екатерина II, она предлагала ему свободу — выѣхать изъ Россіи, но только безъ дѣтей: Антонъ-Ульрихъ отказался отъ такой свободы, потому что въ ссылкѣ онъ ослѣпъ, а безъ дѣтей слѣпому старику и свобода не казалась свободою.

Такъ въ Холмогорахъ онъ и умеръ, переживъ не только жену, но и своего первенца сына-императора: Іоаннъ Антоновичъ, все время остававшійся въ крѣпости, былъ убитъ во время

заговора Мировича, и только одинъ Мировичъ отдалъ царскія почести трупу убитаго императора, упавъ передъ нимъ на колѣни вмѣстѣ съ своею караульною командою.

Остальныя дѣти Анны Леопольдовны около сорока лѣтъ оставались въ Холмогорахъ: привезенные туда младенцами, они въ ссылкѣ выросли и возмужали, и другой жизни, кромѣ жизни арестантовъ, не понимали.

Въ 1780 году родная сестра Антона-Ульриха, вдовствовавшая королева датская Юліана-Марія исходатайствовала, наконецъ, дѣтямъ Анны Леопольдовны свободу, которая была для нихъ и страшна и уже несвоевременна. Эти совершенно невинные узники, говорятъ, такъ привыкли къ мѣсту своего заточенія, въ которомъ выросли и возмужали, что сначала извѣстіе о свободѣ просто испугало ихъ, и они хотѣли лучше остаться въ Холмогорахъ, лишь бы только имъ позволили отъѣзжать далѣе двухъ-сотъ саженъ отъ тюрьмы.

Послѣ Холмогоръ ихъ поселили въ Ютландіи, въ городѣ Горзенсѣ: безъ сомнѣнія, они тамъ уже скучали о Холмогорахъ, гдѣ прожили около сорока лѣтъ и гдѣ протекло ихъ — все же какъ бы оно ни было тяжело — золотое дѣтство.

Такимъ образомъ, права была Анна Леопольдовна, когда еще молоденькой дѣвушкой говорила Волынскому о своемъ нежеланіи выходить замужъ:

— Вы, министры проклятые, на это привели... а все вы это для своихъ интересовъ привели...

Sharlovskiĭ, IŬliĭ Vladislavovich.
(Regulirovochnye ustroĭstva priborov i ikh ėlementy)
Регулировочные устройства приборов и их элементы / Ю. В. Шарловский. — Москва : Машиностроение, 1976.

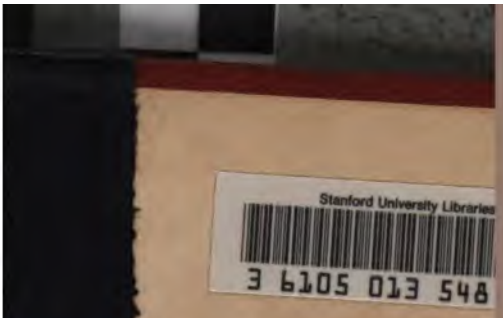
310 p. : ill. ; 22 cm. USSR***

Bibliography : p. 308–[309]
1.15rub

1. Engineering instruments. 2. Instrument manufacture.
I. Title.

TA165.S46 77–513458

Library of Congress 77



CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

APR 28 2002

JUN 28 2002